

Сергей Жуков
и
Максим Петренчук

Звездопад

ПОХОРОНЫ ШОУ-БИЗНЕСА



Ненормативная лексика.
Продажа лицам до 18 лет запрещена!

Annotation

Это писательский дебют одного из одиознейших представителей русскоязычной поп-музыки – Сергея Жукова – на рубеже веков его творчество поражало титаническим размахом: согласно опросам, в каждой второй российской семье хранился хотя бы один альбом группы «РУКИ ВВЕРХ». И Максима Петренчука – публициста, журналиста, писателя, чья деятельность ярко отражена на сайте vkontakte.ru.

Это СКАНДАЛЬНЫЙ РОМАН, РАСКРЫВАЮЩИЙ ВСЮ ПОРОЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО ШОУ-БИЗНЕСА.

- [Сергей Жуков](#)
 - [8 февраля 2007 года](#)
 - [Часть первая:](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [Часть вторая:](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [Часть третья:](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [32](#)
- [33](#)

○ [Часть четвертая:](#)

- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)

- [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

**Сергей Жуков
Максим Петренчук
ЗВЕЗДОПАД
Похороны шоу-бизнеса**

*Над головой звездопад,
Поторопись, загадай скорей,
А звезды летят и летят,
Коснутся тебя - и в рай быстреей*

А. Розенбаум, «Звездопад»

8 февраля 2007 года ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЭСТРАДЫ

ИТАР-ТАСС

...Как заявил Юрий Мартов, глава спешно собранной президентом комиссии по расследованию трагедии, следствие будет вестись совместно российскими и киргизскими спецслужбами. В своем интервью прессе Мартов не исключил вариант теракта, однако подчеркнул, что «еще рано подводить итоги и делать выводы».

***Газета «Вся правда», интервью с Натальей
Леоновой***

...Он не должен был лететь, – всхлипывала Наталья, сидя за столом перед нашим журналистом. – Это все бабка ему еще в прошлом году предсказала, уж я-то помню. Когда мы были с ним на концерте в Киеве, я помню, как вышла на Крещатик и вдруг слышу голос за спиной: «Твоему мужу нельзя отрываться от земли, иначе он умрет». Голос такой страшный, пронизывающий насквозь. Голос больной и старой женщины. Но только я повернулась, чтобы посмотреть, кто это, как бабки, которая эта сказала, и след простыл. В панике я побежала рассказывать все это мужу. Но он лишь посмеялся надо мной и даже ухом не повел. Он ведь никогда не верил гадалкам всяким, экстрасенсам,

мистике и говорил, что только работа – работа прежде всего...

Аналитический журнал «Коммерсант»

Правительства уже нескольких западных стран выразили свое желание помочь России в организации траурных церемоний. В Москву спешно вылетели заграничные родственники погибших. Никаких комментариев от руководства «Киргизских авиалиний» пока не поступало. Оно и понятно – в условиях столь напряженной обстановки любое неверно сказанное слово может спровоцировать крупный скандал и огромные иски...

***Сайт партии «Гражданская сила», www.gsila.ru,
колумнист Петр Лужнин***

В Москве уже прошла первая официальная манифестация в память о погибших. На митинге, который проводили московские власти, собралось более сорока тысяч человек. Была страшная давка. Люди несли цветы, поминальные венки, плакаты... Мэр Москвы выразил глубочайшие соболезнования семьям погибших. Да, это страшная трагедия, трагедия для всех нас. Но почему молчат власти?! Почему они не идут дальше траурных речей и церемоний, почему правоохранительные органы молчат и не сообщают общественности никаких подробностей?!

ГАЗЕТА «НАИЗНАНКУ»

Мы думали, что такое невозможно.... Мы не верили первым новостям, поступившим к нам в редакцию... Мы первыми попали к месту трагедии... И сегодня, с полной уверенностью мы можем сказать – это событие сделало нашу страну нищей! 8 февраля, в 17.00 в ужасающей трагедии погиб весь цвет российского шоу-бизнеса. Более двухсот музыкантов, продюсеров, певцов и артистов погибли страшной, поистине невероятной смертью.

Следствие сразу же стало в тупик, ибо работа оперативной группы осложняется десятками тысяч писем людей, жалобами родственников, представителей различных комитетов, которые требуют незамедлительно разобраться в произошедшем. 9 февраля уже объявлено днем траура: повсюду в стране приспущены государственные флаги. Потрясенная страна проливает слезы по любимым артистам. Как нам стало известно, буквально несколько часов назад при правительстве РФ был сформирован специальный штаб, в задачи которого входит оперативное расследование случившегося.

Масштабы трагедии поражают не только миллионы обычных людей. До сих пор, кажется, многие не осознали, что в течение одного трагического дня Россия потеряла практически всех своих самых именитых артистов. Страшный сон стал явью...

РИА «НОВОСТИ»

Сегодня в страшной авиакатастрофе разбился самолет киргизских авиалиний, совершавший заказной чартерный рейс с российскими звездами, летевшими на день рождения киргизского мультимиллионера Мурата Хаязова. Поступает противоречивая информация о количестве погибших артистов, продюсеров,

музыкантов и других летевших с ними людей. По последним данным в самолете находилось не менее двух сотен пассажиров. Как полагает следствие, выжить никому не удалось... Поиски уцелевших продолжаются...

**Часть первая:
Москва-Киргизия-Москва**

Давление ударило в уши. Так часто бывает, когда самолет начинает снижаться. Шум мотора, до этого момента убаюкивающий и плавный, стал настойчивым, резким и неприятным. Послышались голоса просыпающихся пассажиров, возвращались в исходное положение кресла. Гул голосов набирал силу.

- Дамы и господа! - раздался из динамиков хриплый голос. - Мы счастливы, блядь... - Голос закашлялся. - Счастливы, что все-таки долетели жи-и-ивыми до этого, как там его... Валер, а куда летим-то?

В салоне первого класса заржали, а модный немолодой чувак с рыжей бородкой во весь голос крикнул: «Бишкеееек!!!!!!».

- А да, Бишкек! - возбужденно продолжил голос. - А сейчас я, ваша офигенно сексуальная стюардесса, - новая волна смеха в салоне, - дам вам всем... - Среди пассажиров началась истерика. - Дам вам всем выпить!!!!

Летающие дружно заулюлюкали. Кто-то крикнул: «Лабухи, подъем!».

- А теперь ваша офигенно сексуальная стюардесса заканчивает свою трансляцию! Готовьте стаканы, так как жидкости у нас хватит на всех! - И уже срываясь на крик, динамики завизжали: - Алкогольные спонсоры нашей поездки - группа МОООТЫЛЬКИИИ!!!!!!

Из-за разделительной ширмы вывалился едва стоящий на ногах Митя Алферов, солист группы «Мотыльки». Джинсы на нем висели практически на бедрах, открывая красную резинку трусов от Hugo. По заплывшим глазам и опухшим векам было видно, что в полете он совсем не спал, отдав предпочтение распитию горячительных напитков. Пройдясь нетвердой

походкой по рядам и наполнив всем желающим стаканы, он плюхнулся прямо на эффектную брюнетку в пятом ряду и стал нашептывать что-то горячо ей на ухо. Красотка по-пороссячи взвизгивала и томно говорила – «Дурак», откидывая назад голову и смеясь низким контральто...

Я проснулся. Уже окончательно. Сначала еще дремал, потом снова провалился в сон, а сейчас уже точно – проснулся. Снял с глаз самолетную повязку для сна, поднял шторку на иллюминаторе. Солнце ударило мне прямо в глаза, на секунду ослепив лучами. Я невольно зажмурился.

– «Пидорасы», – подумал я. – «Ну на хрена они так орут? Голова раскаляется».

Нет, ну все-таки, зачем я согласился лететь на концерт со всей этой гребаной толпой... Они же ногтя моего не стоят. Деньги-деньги-деньги, все дело было только в них. Ладно, чего говорить, отработаю, получу эту сраную «котлету» и по возвращении в Москву куплю Машке «AUDI TT». Хотя нет, «AUDI» слишком жирно для этой потаскухи будет. Хотя в постели она, конечно, супер. Ммм, я даже представил на своем теле ее мягкие ладошки... Но без кокса совсем ничего не хочет, избаловал ее, сучку. Деньги – кокс, кокс – секс, деньги – секс, секс – любовь, круг начал замыкаться. Тьфу, ну что за дурацкие мысли в голове...

Откинувшись в кресле, я начал листать свежий выпуск «Светского вестника», читая самые громкие заголовки. Известный московский ресторатор Шевцов открыл новое лаунж-кафе на Тверской, бомонд бухает; опять салоны, магазины, сиськи, письки, бутики, презентации. С главным редактором «Вестника» не раз встречался на многочисленных презентациях в Москве. Тот еще тип, мерзкий, дико манерный и пафосный. Лебезил перед всеми, что-то пытался из себя строить,

объедался на халяву устрицами, воровато прятал в сумку дорогое шампанское со стола...

Боже, как хочется спать... Уснуть бы еще хотя бы на часок. Уснуть и еще бы часик ничего не видеть и не слышать...

Наконец мне принесли обед – роскошные блюда, сервированные в лучших традициях средиземноморской и японской кухни. Я уплетал их и радовался, глядя на то, как эти жалкие твари вокруг заискивающе смотрят в мою тарелку! Глядите на меня и давитесь слюной, жрите свою несъедобную пищу из пластиковых коробочек! Только я догадался заказать себе индивидуальное питание на борт! Да, я достоин ваших взглядов, ведь я – Феликс Абрамович Серебрянников, самый популярный артист России! Даже не хочу перечислять все свои регалии – «Народный Артист», «Заслуженный Артист Республики», трижды лауреат «ПАМК», обладатель девяти «Платиновых пластинок» и бог его знает, каких наград еще. Как говорится и мэтрами обласкан, ведь ПАМК – Премия Ассоциации Музыкальных Критиков, и публика простая, которая в «Платиновой пластинке» звонит и эсэмски шлет, любит меня. И все это я, Феликс Абрамович Серебрянников, слишком сильно для одного человека, даже для меня!

Господи, ну как же орут эти придурки вокруг!!! Я просто не могу больше терпеть!!!!

– ТАК!!! – Вскочил я с кресла и заорал на молодежь сидящую слева от меня. – ЗАТКНЕТЕСЬ ВЫ ИЛИ НЕТ?!!!

– Простите, Феликс Абрамович, мы больше не будем...

Щас, не будут они, как же. Уроды! Расставили ноги, дали Бессонову и думают, что теперь офигенные пивцы. Именно что пивцы – пробились из своего села на «Кузню талантов», а теперь лишь бы вискарь халявный в самолете жрать. О! Надо, кстати, на обратном пути не забыть купить кумыса – не той дешевки завезенной, что

в «Панораме вкуса» под видом деликатеса продают, а настоящего, киргизского, прямо из деревни, кувшинчик. Ванечка мой кумыс любит, да я и сам люблю – алкоголь хорошо запивать...

Уши после сна воспринимали все звуки как мерный гул. Катя со скуки играла с Алисой в нарды, хриплоголосая Волоскова поучала молодежь – можно подумать, что она сама хоть раз в жизни без фанеры спела. Музыканты из группы «Азарт» глушили коньяк. Вглядываясь в молодое, но уже покрытое морщинами лицо солиста «Азарта», Николая Австревича, я вспоминал недавнюю историю, как он почти не пил, ибо полгода лежал в очень модной французской клинике, борясь с алкогольной зависимостью. Однако, похоже, даже дорогие капельницы, стоимостью тысяча евро за штуку, не помогли ему – в последние недели Австревич стремительно возвращался в объятия зеленого змия.

Мой старый приятель Робик Киносян, народный артист Армении, сосисочными пальцами гладил бедра какой-то омерзительной деревенской девки. Латышская звезда Инга Симоянова манерно рассказывала про будущую презентацию и новый клип. Периодически доносились ее восторженные возгласы вроде «Нью-Йорк! Бронкс! Настоящий детектив в стиле Агаты Кристи!». Сидящий рядом с ней престарелый мэтр Луговой, дебютировавший еще в 1970 году во Дворце Музыкантов имени Ленина, благостно кивал и слушал, покручивая на запястье платиновую головку часов «Роллекс».

Остальные пили... О эта божественная амброзия, попадающая в их уста. Пили все – молодые и старые. Старички сцены, сидящие впереди, отечески поглядывали на молодежь. Заслуженный артист «всего, что только можно» Вайтман рассказывал «королю

романсов» Малинову про новые зубы, потом про швейцарский SPA – какой-то невероятно популярный в Европе омолаживающий курорт. Оба они смеялись, вспоминая свои старые награды и премии – какие-то там, ленинские, сталинские, времен царя Николая Второго и т. д... «Вот помню я при Андропове...» – или когда он там на сцену взошел. О боже, смешные нелепые динозавры, давно отжившие свой век.

Молодежь же гуляла с полным отрывом. И эти сволочи как раз бесили меня больше всего. Откуда у них столько прыти, столько энергии, чтобы творить весь этот беспредел? Своими воплями они буквально заполнили весь самолет. Когда какой-то нетрезвый юнец в спортивном костюме PUMA VIP случайно задел мое кресло, промчавшись мимо, я чуть не съездил ему в порыве гнева в ухо, однако когда он улыбнулся и извинился, мне даже стало не по себе. Я даже испытал толику стыда. «Да ладно, все нормально», – сказал я. Настроение стремительно портилось, я чувствовал себя тряпкой, пустым местом, а молодежь орала все громче, громче. Больше всего веселились «Мотыльки». Этот популярный мальчиковый квартет появился в 1992 году. Три мультиплатиновых альбома «Полет», «В поисках любви» и «Звуки» принесли им всенародную славу. Эта слава-то, чуть и не погубила их, когда группа систематически начала выходить на сцену в жопу пьяными или обдолбанными, а концертов становилось все меньше и меньше. После того, как на место их бывшего продюсера Игоря Ложкина, покончившего жизнь самоубийством, встал Семен Леонов, группа образумилась, перестала так страшно бухать и вновь вернулась на большую сцену, вернув себе славу хитами «Бабочка» и тупейшей, по моему мнению – «Ту-ру-ру-ру». И вот сейчас они видимо снова были в развязке...

Нет. Надо что-то делать, принял я решение – пора успокоиться и куда-то отсюда выйти...

Звездам всегда разрешено больше, чем простым людям. Я знал, что во время заказных «звездных» чартерных рейсов многие из артистов выходили в кабину к пилотам и просили «порулить». Артисты получали прилив адреналина, таким образом возвышаясь в глазах своих коллег. Они любили рассказывать: «Летел я тут с Доброхваловым, теща моя обожает его, особенно эту его песню медленную «Невообразимая женщина», так вот, дали ему порулить – полный мудак, даже диск не подарил со своими последними хитами». Или: «Летели тут с Юлей из «Серебряной сказки», так она и на плакате автограф поставила и диск для жены подарила. Классная телка, и грудь у нее не хуже, чем по ящику – BOOOOOOO!!!!!»

Вот и я решил дать возможность пилотам похвастаться знакомством со мной. Я встал с кресла и направился к кабине. По пути мне улыбались все эти животные в первом классе, я презрительно смотрел на них. Я быстро дошел до двери, вошел внутрь и обратился к летчикам:

– Ребят, а можно мне за штурвалом посидеть?

– Конечно, Феликс Абрамович. – Заулыбался молодой летчик. – Как же мы отказать вам можем?

– «Еще бы». – Подумал я. – «Попробовал бы ты мне отказать!».

Через мгновение я уже был за штурвалом. Господи, какое же прекрасное это ощущение! Я управлял самолетом, а передо мной на многие километры простиралось лишь бескрайнее синее небо, лишь изредка нарушаемое мутью облаков. Все было передо мной как на ладони. И где-то тут, в этой синеве, парил наш самолет – звездный лайнер несущий к слушателям весь спектр звезд от небольших до самых великих. Зажмурившись, я представлял себя кем-то вроде Демиурга. Все собравшиеся в салоне – мои рабы. Могу повернуть налево – они полетят налево, сверну направо

- направо полетят. А еще я мог одним неловким движением свалить самолет в штопор и угробить их всех. Последняя идея чертовски мне понравилась, но жаль, что в самолете был и я, а умирать заурядной смертью вместе со всеми этими ничтожествами мне вовсе не хотелось.

Тогда я придумал другой трюк...

Я слышал от знакомых летчиков такую штуку, что, если разогнать воздушный лайнер до скорости 1050-1100 километров в час, самолет проходит звуковой барьер, после чего все сидящие в салоне получают мощный хлопок по ушам. Не опасный для жизни, но на самом деле, очень сильный. Говорят, что у людей со слабыми кровеносными сосудами может даже пойти кровь из носа или ушей...

Этот эксперимент показался мне очень интересным.

- Как тут набрать скорость? - спросил я у пилота. - Хочу, кхе-кхе, - закашлялся я, - посудину эту немного разогнать.

Молодой парень смутился.

- Вообще-то, вы знаете, Феликс Абрамович, это не очень хорошо. Нормы безопасности не рекомендуют!

- Правда?! - Для виду расстроился я. - Какая жалость! С детства мечтал летать. Дайте хоть сейчас исполню свою мечту!

Пилот покачал головой, но показал на рычаги скорости, предварительно пригласив своего напарника сесть рядом.

О, боже, получилось!

Штурвал самолета держался в моих руках уверенно. Датчик скорости показывал 950 км. Выдвигая ручку от себя, я вспоминал старые фильмы про летчиков и уверенно разгонялся. Быстрее-быстрее, еще быстрее - черт!!! Я даже не заметил, как пересек этот рубеж! В ушах неожиданно треснуло, в глазах потемнело - полный пиздец, толчок!

Ох, по-моему у меня даже закружилась голова. Какой кайф. В чемоданчике, по-моему, был корвалол.

Пилоты, естественно, перепугались. Я сделал совершенно невинное лицо:

– Ой, а что случилось?

– Вы превысили звуковой барьер, Феликс Абрамович, этого нельзя было делать...

– Надеюсь, ничего страшного нет?

– Все поправимо, тьфу-тьфу. Только Феликс Абрамович, пожалуйста, не надо этого больше делать, пассажирам явно не понравилось. Давайте осторожнее, выходите из-за штурвала, а я все исправлю...

Тем не менее, я был очень собой доволен. Красивый ход! Удар получили все! Такое ощущение, будто я пробежался по салону и дал в ухо каждому пассажиру, при этом оставшись невидимкой!

Когда я вышел из кабины пилотов и направился к креслу, все звезды молчали и смотрели только на меня. Все были в шоке. Никто не мог вымолвить ни слова. С довольной улыбкой я посмотрел на Народную Артистку Алину Лоторееву, которая платком зажимала нос.

Я чувствовал в глазах собравшихся страх, а в себе – мощный прилив эмоций, настоящее превосходство. Наконец решился открыть рот Леонов, продюсер «Мотыльков», ну типа, как один из самых влиятельных.

– Феликс! Что это было?

Я улыбнулся.

– Зачем задавать нелепые вопросы, Сеня, тем более, если ответов на них ты не поймешь. Налей мне лучше...

Он несколько секунд туповато, как зомби, смотрел на меня, а после потянулся за бутылкой.

Горная дорога, тянувшаяся на пятьдесят километров от Иссык-Куля, была еще пуста, лишь редкие авто медленно проезжали по ней, наученные горьким опытом лихачей, сорвавшихся с обрыва. На секунду показалось, будто пробежала тень, звук утренней тишины смешался с гулом, а еще через секунду из-за перевала показался первый автомобиль.

Это была машина милиции. Сигнальные маяки на крыше и характерный звук сирены не оставляли сомнений. Вслед за ней выплыла еще одна, потом еще... А, через несколько мгновений, из-за перевала стали выезжать одинаковые, черные, как смоль, «Мерседесы» S-класса с правительственными номерами по порядку – х111хх, х112хх, х113хх, х114хх и так далее. За ними ехало еще десять микроавтобусов «Мерседес», а замыкали колонну два «Икаруса» с черными занавешенными окнами и еще одна милицейская машина сопровождения.

Немногочисленные встречные автомобили уступали кортежу дорогу, пугливо вжимаясь в обочину, редкие зеваки открывали рты и показывали на машины пальцем, пока те окончательно не скрывались из вида.

Примерно через полчаса колонна бодро въехала в город и встроилась в уличное движение. Довольно быстро машины достигли аэропорта, где были припаркованы водителями на специальной закрытой VIP-стоянке. Колонну уже давно ждали артисты. Высыпавшие из самолета, они буквально изнывали от желания, наконец, усестыся в комфортабельные авто и отправиться отдыхать в роскошную гостиницу на озере Иссык-Куль. Во время гастролей звездам давали личный транспорт, который распределялся по списку заранее.

За каждым артистом закреплялся автомобиль с водителем, который во время пребывания в городе можно было использовать по своему усмотрению.

В стороне от толпы стоял и я, покуривая мой любимый «Парламент» и морщась от ломоты в суставах. После утомительной поездки болела голова, а от резкой смены климата чесалось все тело. Как и всем, мне хотелось быстрее покончить с этим чертовым ожиданием и отправиться в комфортабельную гостиницу.

Тем временем, наш концертный администратор Андрюха начал последовательно называть фамилии артистов и номера машин. Звезды с облегчением рассаживались. Наконец, очередь дошла и до меня. Признаться, я ожидал услышать свою фамилию гораздо раньше, и когда меня поставили почти в самый конец, я сильно удивился. Так или иначе, виду я не подал и довольно хмыкнул, когда Андрюха произнес мое имя.

– Феликс, твой – х113хх. – Сказал администратор и при этом почему-то зловеще улыбнулся.

Мне не понравилась эта улыбка. Она была одновременно мерзкой и загадочной. Я глянул на мой «Мерседес». Что-то в нем было явно не то. Он мне не нравился. Я осторожно подошел к авто, будто боясь, что оно заминировано, посмотрел на капот, затем погладил его ладонью. На ощупь ничего не чувствовалось, но визуально отчетливо просматривался явный дефект. Как будто бы вмятина, возникшая от аварии, а может – небрежная полировка. Вывод, в любом случае, был один – мне хотели подсунуть плохой автомобиль!

Пока остальные болтали, я повернулся к администратору и тихо, приглушенным голосом, сказал:

– Андрюха, я не поеду на этой машине.

– В смысле? – Тот оторвался от списка и вытаращил на меня глаза.

– В прямом. Не поеду.

- Почему?!!

- Она мне не нравится.

- Но почему? - Андрюха буквально побледнел, вызвав тем самым еще бо́льшие подозрения.

- Не знаю... Она какая-то...

И тут я запнулся. Действительно, я не знал, как объяснить мои страхи. Сказать все, как есть?!! Да на меня посмотрят как на сумасшедшего и засмеют! У меня не было ни фактов, ни доказательств. Поэтому я, пытаясь ответить хоть что-то адекватное, сказал:

- Она... старая...

Андрюха вытаращил глаза еще сильнее, став походить то ли на филина, то ли на барана. Мы подошли с ним к «Мерседесу»: я начал показывать несуществующие вмятины, пинал «типа спущенные колеса», обращал внимание на «царапанные фары» и т. д. Я никак не мог объяснить Андрюхе свое чувство страха, мне просто не хватало слов. К нам подошли и другие артисты, уставшие стоять и недоумевавшие, почему мы не можем, наконец, поехать в гостиницу. Завязался спор. Все старались меня убедить, будто они все входили в этот заговор.

- Фэликс, ну ти чего? - Недоумевал Киносян. - Какая это вмятина? Господи, ну ти заважничал, брось ти, полная глупость...

- Н-да уж, - смеялся известный татарский певец Саиров, переводя взгляд на свое авто. - Вон, посмотри, мне дали даже еще хуже, а я не жалуюсь.

- Нет! - Кипятился я еще больше. - На старой машине я не поеду!!! М-меня... не обманешь... - Правда прорывалась у меня из уст, - м-меня не проведешь!!!..

- Феликс?!! Ты что?!! - Перепугался Андрюха. - Какое «обманывать»?! Они все новенькие, из личного президентского парка, я лично каждую отбирал!

Разговор накалялся, я все больше краснел. Мне казалось, что собравшиеся надо мной просто смеются и

пытаются провести. Бесплодная дискуссия могла бы продолжаться до бесконечности, и я бы, наверное, точно не выдержал и сорвался, если бы не Лёня Кутин. Вот уж воистину не только певец, но еще и интеллектуал с головой. Подойдя к моему «Мерседесу», поправив копну своих кудрявых волос, почти так же манерно как в своем клипе «Уроки любви», он посмотрел вниз, на бампер, и вдруг со всей мочи захохотал:

- Ха-ха, Феликс, ну ты, бля, даешь! Что ж ты сразу не сказал, что такой суеверный?! Ну, конечно, ребята, номера-то х113! А мы-то думаем, чего тебе нормальная машина кажется старой... Оказывается, просто несчастливое число не понравилось, да, старик?

Конфуз от нелепой ситуации мигом ушел, собравшиеся начали громко смеяться. Даже я улыбнулся, ловко оценив ход, который преподнесла мне фортуна. Конечно я, как человек взрослый и умный, никогда не относился серьезно ни к какой мистической чепухе, однако объяснение Лёни в данной ситуации меня полностью устраивало.

- Ну да. - Я выдавил из себя озабоченную ухмылку. - Ужасное число.

- Ой, да ладно, Феликс! - Подмигнул Лёня. - Чего только не бывает! Ты знаешь, например, что Дональд Трамп, один из самых богатых людей мира, панически боится любой инфекции и требует тысячу раз перемыть все вилки в том ресторане, куда он идет? А Билл Гейтс? А тот чувак из «Авиатора» - самолетный олигарх? Смотрел? Короче, - засмеялся он, - бери мою тачку, а я на твоей поеду. У меня номер девятнадцать, идет?

- По рукам! - Улыбнулся я. «Мерседес» Лёни меня полностью устраивал.

Усевшись на мягкий диван заднего сидения, я ехал и радовался тому, как смог красиво обвести всех вокруг пальца. О тех, кто хотел подстроить мне эту подлость с

машиной, я уже почти забыл. Впереди меня ждал кондиционер гостиничного номера, потрясающий сервис, а еще - огромная кровать, в которую мне не терпелось плюхнуться.

Президентский отель, где нас разместили, был царством нереальной роскоши. Номер гигантских размеров – в нем могло разместиться человек двадцать. Внушительная тридцатиметровая ванная с джакузи, навороченной душевой кабиной и биде; три спальных комнаты, кабинет. А главное, конечно, – огромные кровати с балдахинами, увенчанные бархатными подушками, словно сошедшие со страниц сказок Шахерезады.

Мне чертовски нравилось все это великолепие. На его фоне я чувствовал себя кем-то вроде прославленного полководца, отдыхающего после ратных дел. Но еще больше меня тешила другая мысль: я нахожусь там, куда закрыт путь простым смертным. Здесь могла проживать лишь настоящая суперзвезда.

Но когда я остался один, на меня внезапно накатил приступ невероятной злобы. Это было странное ощущение – смесь гнева и одиночества, скопившихся во мне за последнее время. Все вокруг казалось мне неестественным и уродливым, картины на стенах – откровенными подделками, живые цветы в вазах – увядшими и ненатуральными. В бешенстве я метался глазами по сторонам, пытаюсь найти хоть какую-то зацепку. Я чувствовал себя червяком, попавшим в консервную банку.

И тут, неожиданно, мой взгляд коснулся огромного корабля в бутылке, который стоял на верхней полке шкафа. Роскошный галеон был выполнен с огромным старанием – видно, что делавший его моделист по-настоящему над ним трудился. Я подошел к шкафу ближе, поднялся на носки, аккуратно снял бутылку, посмотрел внутрь, повертел в руках. И тут меня осенило

- я понял все, абсолютно все! Точно, я сам был как и этот корабль - никчемная дорогая безделушка. Зажатый в тиски окружающего мира, я совершенно не мог из них выбраться и обрести свободу - как этот корабль из своей стекляшки!

Виски сдавило от ненависти, к горлу подкатил рвотный комок. Не контролируя себя, я бросил бутылку на пол и стал топтать ее ногами. Я бил и бил, кроша стекло, размалывая корпус, борта, мачту - ломал галеон до последней детали. И лишь когда обломки корабля усеяли пол, я остановился. Ха-ха, под ногами у меня валялся лишь мусор! Жалкий мусор!!!!

В голову закрался простой вывод: сколько бы ни стоила вещь, билась и ломалась она совершенно одинаково. И уж тем более - столь же убого выглядела, будучи мертвой и разрушенной!

Только я задумался, стоит ли перенести подобную концепцию на людей вообще и на доставших меня коллег по эстраде, дверь номера внезапно отворилась. От неожиданности я вздрогнул, мигом вернулся рассудок, а навязчивые идеи покинули меня. По-утиному вытянув шею, я осторожно повернулся. Каково же было мое облегчение, когда я увидел в комнате лишь простого официанта, который стоял как вкопанный и был напуган не меньше меня.

- Фух... - Устало выдохнул я, расслабляясь. - Тебя что, стучаться не учили?

- П-простите. - Залепетал киргиз. - Я в-всего-лишь хотел посмотреть в-все ли у вас нормально, н-не нужно ли ч-чего-нибудь... ОЙ!!!!

Он увидел обломки галеона...

Паренек был потрясен. Официант бросился на пол, стал перебирать обломки, пытаться их собрать. Стоя на коленях, он дрожал и трясся как осиновый лист.

- Ладно, забей... - Сознание уже полностью ко мне вернулось. - Ну пошалил чуть-чуть, так уж случилось...

Серьезно... - В моем голосе чувствовалась некоторая неуверенность. - Забудь...

- Ф-Феликс Аб-брамович. - Дрожал передо мной парнишка. - Это же почти антик-кварная м-м-моддель... Она с-стоит ц-целых две тысячи д-долларов....

- ДВЕ ШТУКИ???!!!! - Заорал я в бешенстве. - ЗА ЭТУ-ТО ХРЕНЬ?!!! ТАК... ТАК!!! СТОП!!! - Схватился я за голову. - Хорошо-хорошо, бог с вами... две штуки... Я заплачу...

Достав кошелек, я всучил пареньку сто баксов за молчание и пообещал возместить все убытки при выезде. Когда дверь за официантом захлопнулась, я плюхнулся на кровать и стал тереть глаза. Господи, ну что это за жопа со мной творится?! Еще не хватало мне сейчас сплетен и проблем. Не дай Бог, другие звезды узнают о моем «подвиге» - то-то говна будет. Все разнесут по тусовке, мол «Феликс, ха-ха, нажрался, устроил погром», припишут мне вообще невесть что, будто я еще и на персонал кричал, испортил, ни больше, ни меньше, как полотно Да Винчи... Надеюсь, официант будет молчать. Иначе... А впрочем, что иначе - иначе пиздец ему...

Немного повалявшись, я даже позволил себе расслабиться и уснуть. После трех часов сна все воспринимались намного проще. Приняв душ, я даже почувствовал себя свежим и бодрым - почти как до этой чертовой поездки. Я подошел к шкафу, оделся пафосней, после чего спустился вниз. Мы шикарно отужинали со Светлаковым в ресторане - съели почти ведро национального супа шарпо, потом были еще самсы, шашлык, куча салатов, водка, вино, какая-то местная выпивка. После роскошного обеда мы решили поехать в казино - специально для нас киргизские власти предоставили роскошный комплекс «President Stars», выделив отдельные залы для игры и отдыха.

Светлакову было лень вызывать своего водителя и он отправился вместе со мной, на моем авто. Его присутствие стало просто невыносимым и испортило всю поездку.

- Эх, Феликс... - Скулил он, шмыгая носом. - Помнишь 1993 год, концерты перед бандосами, стадионы, дни городов? Многотысячные концертные залы, которые мы собирали по всей России одним движением пальца? «Национал FM», бабло, возможности, откаты... А сейчас... - Он снова шмыгнул носом. - Ерунда абсолютная... Мы же умираем, понимаешь... Приходит век новых звезд...

Ну, началось, подумал я, и со скуки отвернулся от него в сторону: вот еще один представитель рода ушлепков, типичный персонаж, вышедший из девяностых. Изначально Светлаков был вообще никем и ничем - в советское время более десяти лет он работал актером маленького театра в провинциальном городке. Однако, когда в 1991 году на горизонте забрезжили новые времена, а на броневилок взобрался новый политикан - революционер эпохи, - старая беспечная жизнь артиста резко пошатнулась. Денег не хватало не то что на элементарную потребительскую корзину, но даже на дешевый алкоголь - столь необходимый для того, чтобы спиться и тихо умереть неудачником. Но тут судьба оказалась благосклонной к молчаливо пьющему Светлакову и подарила ему шанс. Его сестра, девка таки довольно красивая, вышла замуж за Олега Прокофьева - крупного московского авторитета тех времен, держателя главных продуктовых баз столицы и целой сети магазинов. Как и многие бандиты, Прокофьев оказался человеком душевным и снисходительным к свояку - он перевез его в столицу, познакомил с серьезными продюсерами и даже вложил в него немалые деньги. Свежеиспеченному певцу быстро придумали новый имидж: с острыми чертами

лица и смуглой, доставшейся от цыганских предков кожей, он стал «русским испанцем» – жарким исполнителем, горячим и страстным, которого позиционировали у нас на сцене в качестве настоящего «мачо». Первые гастроли, овации, успех – сотни мастурбирующих домохозяек перед телевизорами, слава секс-символа страны, огромные доходы, алкоголь, наркотики, беспечная жизнь и вера в непоколебимость будущего. Однако, как это часто бывает, золотой век Светлакова оказался недолговечным. В 1994 году Прокофьев был убит при совершенно диких обстоятельствах – его бронированный «Мерседес» расстреляли из автоматов прямо в центре столицы на одной из самых оживленных улиц, после чего старые партнеры авторитета начали резво делить его имущество. Личная карьера Светлакова тоже пошла наперекосяк: деньги у семьи кончились из-за мотовства ее членов, а продюсеры, ранее боявшиеся «продуктового вора в законе», стали к певцу менее благосклонны. Наконец, пик его популярности прошел – мода на «мачистых» испанцев сменилась зажигательными латиносами, а позже – и смазливymi молодыми женоподобными мальчиками, вдобавок куда более пробивными, энергичными и многочисленными. В итоге, к реальности 2007 года Светлаков представлял следующее: полуспившийся-полускокаинившийся артист «старой волны», постоянно лечащийся от депрессии, три раза пытавшийся покончить жизнь самоубийством, приглашаемый на все крупные концерты и мероприятия за старые заслуги, но в целом, абсолютно в тусовке забытый. Короче – жалкий призрак былой славы, вечно ноющий «непризнанный гений», с которым даже находиться рядом было откровенно неприятно.

Поначалу я старался не обращать на Светлакова внимания и скучающе смотрел в окно. Проплывающие

по краям дороги пейзажи были грустными и монотонно серыми. Вскоре, к тому же, стемнело, и я уже вообще ничего не мог различить.

- А помнишь Тимура? - Не унимался Шурик. - Господи, какой был артист! Ведь тоже был Народный Артист, а хит какой у него был «Майские гвоздики», все пели, просто все! И покончил ведь с собой, покончил, а еще до этого год валялся в психушке! Не смог вынести эту давку, этот бесчеловечный и убивающий таланты мир! И я также кончу, и ты! Ты ведь тоже уже немолод, не на том пике популярности, как раньше...

Вот этого я уже просто не мог вынести! Что, какой-то осмеиваемый всеми и презираемый лох будет указывать мне место?! МОЕ МЕСТО?!?! ДА Я ЖЕ ФЕЛИКС АБРАМОВИЧ СЕРЕБРЯННИКОВ, ВЕЛИКИЙ ФЕЛИКС АБРАМОВИЧ! От сраного Муходрищенска до модного ресторана в центре города - везде ставят мои песни, везде продаются мои диски, везде висят мои фото!!! И этот кусок слизи смеет мне что-то еще доказывать?!?! Кровь прилила к голове: не выдержав, я повернулся к Светлакову, трясясь от злости, заорал:

- ДА ЧТО ТЫ ГОВОРИШЬ, ШУРИК! ПО-МОЕМУ, ТЕБЕ ПРОСТО НУЖНО ПЕРЕСТАТЬ НЫТЬ!!!

ЗАПИСЫВАЙ АЛЬБОМЫ, КОНЦЕРТЫ ДЕЛАЙ, КЛИПЫ СНИМАЙ - ВОТ ТЕБЕ И ЗАНЯТИЕ! НО ТОЛЬКО ПРЕКРАТИ СВАЛИВАТЬ СВОИ ПРОБЛЕМЫ НА ДРУГИХ, Я ТЕБЯ ОЧЕНЬ ПРОШУ, ПОЖАЛУЙСТА!!!

- Феликс! - Светлаков сначала опешил, а потом вдруг проникновенно посмотрел на меня. - А ведь ты прав... Мой друг, как ты прав. Черт, Феликс, ты мой единственный настоящий друг на этой земле, мой единственный учитель и настоящий герой. - На этом месте он полез ко мне обниматься и целоваться, от чего меня просто передернуло. Только педерастии мне еще не хватало...

- Шурик, - сказал я, отстраняясь в сторону и глядя в окно. - Ты сколько уже снюхал?

- В смысле? - Изобразил он, что не понял меня.

- Ну ты постоянно сморкаешься, - я указал на его нос. - Сколько ты пропустил уже кокса? И черт, я, главное, не могу понять, где ты его взял. Мы вроде часов пять назад только прилетели сюда из-за границы, а в тебе сидит уже, минимум, грамм.

- Феликс... Ну ты что... - Начал он возмущенно оправдываться. - Ты же знаешь, что я уже две недели как завязал... Ну ладно-ладно, - он доверительно посмотрел мне в глаза. - Я совсем же чуть-чуть, треть граммчика, немного. Блин... Ну Феликс, пойми... - заныл он, - у меня ведь такие проблемы...

- Не понимаю. - Сказал я. - И понимать не хочу.

Следующие минут десять Светлаков молчал, однако потом снова начал ныть. Когда мы приехали, я был вне себя от радости, что путешествие закончилось. Полет в самолете с сосунками-крикунами, история с кораблем, поездка в машине с неудачником. Какие еще сюрпризы готовила мне судьбинушка? Такое ощущение, что каждая тварь на этом свете хотела меня взбесить!

Чем больше об этом я думал, тем сильнее мне хотелось напиться и просто отжечь. Расслабиться как обычный человек, показать всем, что я круче. Быстро оторвавшись на входе от спутника, я уже вскоре сидел в баре с артистами, смеялся и наливал себе коньяк. Потом, на спор с Лихачевым, мы стали глушить «Царскую» из графина. Глядите на меня, да! Я лучший!!!

- Эээээ... ну чо... может еще по соточке? - мямлил уже пьяный, едва стоящий на ногах Лихачев.

- Не, Митя, - скептически посмотрел я на него. - Пока не хочется, давай потом.

Лихачев, несмотря на свой «внушительный» сценический образ, напивался всегда очень быстро.

Тоже мне главный «уголовник» сцены – исполнитель самых популярных блатных песен в России. Его хит «Небо в клетку» в 1988 году стал самым популярным в стране, принесся автору огромные дивиденды. Но только ни два года на зоне, ни имидж «беспредельщика эстрады» не помогли Лихачеву стать настоящим мужиком – умения пить и вести себя адекватно у него так и не прибавилось.

Заметив сидящую за столиком в углу девочку, я подошел к ней. Высокая голубоглазая красавица, лет двадцати, в облегающем черном платье с глубоким декольте, подчеркивающим ее шикарную грудь, давно уже соблазнительно мне улыбалась. В паху приятно закололо, мой «богатырь», как по сигналу, проснулся. Я быстро разговорился с красоткой, мы выпили с ней шампанского, потом поехали ко мне. Там я заказал еще бутылку бургундского и стал рассказывать спутнице истории из жизни столичного бомонда...

Да, детка, сиди, смотри и слушай. Конечно, Москва, рестораны, да. Сцена? Ооо... Помню наш выход в 99-ом в Юрмале. Продюсерский проект в Майами? Ну, зачем тебе об этом знать? Клип с Веларди в Венеции? Ну, конечно. Париж? Да-да-да. Разумеется, я был в Париже. Еще в Вене, Праге, Стокгольме, Лондоне. Ты хочешь увидеть настоящий Биг Бен? Что, Мадонна? Нет, я лучше. Позволь мне показать тебе свой Биг Бен – только тебе одной, лично.

Мой президентский люкс в отеле. Моя рука уже скользит по бедрам вверх. Ты легонько дрожишь и постанываешь, я целую твою шею, говорю нежные слова. Тебе немного стыдно, ты боишься мне сдаться так быстро, но выпитое шампанское и сладость внизу живота уже берут над тобой верх. Конечно, люби меня, люби меня, детка, ведь я – твой принц, несмотря на свои сорок два, настоящий принц. Жаль только я

обитаю не в твоей сказке, но вот ты точно мне можешь пригодиться...

То, что было дальше, было просто чудесно. Я словно летал, грезил наяву в розовых облаках. Ты стонала и кричала в моих руках, извивалась в моей постели, я нежно и трепетно входил в тебя и ласкал. Твои чудные груди в моих руках, твои чудные волосы на моей спине и шее. Я гладил тебя всю, целовал твои соски и овладевал тобой. Твое тело - словно пружинка, упругая крепкая пружинка, которая полностью принадлежала мне.

Ты одна из тех, кто мечтает и верит. Я один из тех, кто покоряет и берет.

Да, я лучший, я лучший. И ты с этим согласилась. Только я достоин быть на твоей эстраде, заниматься сексом с тобой, быть суперзвездой. Ибо я - это бог, я всемогущий певец и продюсер. Я пророк этой сцены, магистр и просто титан.

Бурный оргазм: ты кончила, наверное, раз пять. Я был просто великолепен. Да, я великий Феликс, великолепный Феликс, да.

К утру мы уснули, крепко прижавшись друг к другу...

Пробуждение было просто ужасным. Я проснулся в номере в холодном поту.

Комната была пуста. Никого, кроме меня, не было. С похмелья я попытался подняться, но не смог. Тело как будто сковали цепями. В мозгу все гудело, содержимое желудка подкатывало ко рту. Что же со мной случилось?

Я постепенно вспоминал вчерашнее. Разговор со Светлаковым, какие-то крики, шампанское, водка, кокс. Красивая телка, виски, разговоры, шампанское, вино. Биг Бен, Мадонна, какие-то темы за Париж... вроде у нас был секс, вроде бы даже отличный... Пророк этой эстрады, мессия, суперзвезда... К чему я вообще все это нес? Да что на меня нашло такое?!!!

Застонав, я все-таки как-то нашел в себе силы, встал с кровати и пошел в душ. Вскоре под потоком холодной воды я почувствовал себя значительно лучше. Ступая мокрыми пятками по полу, я направился в гостиную, чтобы чуть-чуть полежать и посмотреть телевизор. Но тут, едва переступив порог, я просто офигел, увидев ЭТО...

Андрюха, боже мой, блядь!!!!

Прямо посреди моей гостиной лежало тело. Тушка - иначе не назовешь. Тушка - наш концертный администратор Андрюха, который спал у меня на полу. Он дрых прямо в костюме, от него несло потом и перегаром. Рукава рубашки были все в слюнях, штаны перепачканы какой-то гадостью.

Нет, вы представляете себе картину: просыпаешься ты с утра в номере, в жуткой прострации и с похмелья, а у тебя на полу валяется мерзкий мужик, от которого чуть ли не в буквальном смысле несет дерьмом, а

вдобавок к этому он еще и мерзко сопит. Да что это вообще за проклятье такое?!!! Минут десять у меня ушло на то, чтобы привести Андрюху в чувство. На пинки и удары администратор никак не реагировал: пришлось идти в ванную и набирать в бутылку холодной воды, чтобы вернуть алкоголику хотя бы зачатки сознания.

- Эээ... А?.. Кто?.. Что? - Послышалось бессвязное блеяние.

- Давно, блядь, утро! - бесновался я. - Ты что, совсем ебанулся? Как ты сюда пробрался ко мне, не могу понять?! А ну марш быстро к себе в номер, пока тут все не узнали! Я тебе что, вытрезвитель?!

- Так эээ... Феликс... - Спросонья он пытался оправдываться, но получался полный бред. - Мы же вчера с тобой... нажрались... ты меня вез... забыл?

Какая нелепица, мне совершенно не хотелось говорить с пьяным придурком...

- Ты что, Андрюх, ку-ку... Я тебя вез? На плечах, может, еще нес? Иди проспись... И переоденься, а то вон, - я показал ему на костюм, - весь грязный как черт знает кто...

- Да ну... Эээ... Грязный? Где? - Он как-то поднялся на ноги, но его по-прежнему сильно мутило. - А... - Стал он отряхиваться. - Так ты не помнишь, что ли? Мы вчера крупно проигрались с тобой, ты еще матерился на весь зал, вызывал менеджера, кричал, что это Светлаков, сраная сука, накаркал, что все, ему пиздец, что ты его уебошишь. Потом эта телка твоя, вы с ней пили, ты отбивал ее у Лихачева, а она тебе не дала, поехать с тобой отказалась. А ты еще орал на нее, пил виски прямо из горла и плевал на пол. Народ вокруг перепугался, а ты только ржал, как бешеный...

- Лихачев?! Ты с ума сошел? - Засмеялся я. - Он же без башки вообще, на зоне сидел, плюс шире меня в два раза, я что, самоубийца?

- Да нет же! - Продолжал убеждать меня Андрюха. - Ты бы видел себя! У тебя глаза буквально вылезли из орбит, все подумали, что тебе плохо! Ты так орал, так вопил, Лихачев аж попятился от страха! Ты кричал, что на фиг его закроешь и что у тебя люберецкие бригады за пазухой! Ты, честно, так кричал!

По правде говоря, в другой ситуации подобная чепуха меня бы позабавила, но в тот момент я онемел, слушая Андрюху и постепенно врубаясь в происходящее. В памяти проснулись какие-то образы, сюжеты, я начал, было, вспоминать, но вдруг закричал:

- СТОП!!! ПРЕКРАТИ!!! Я ничего не хочу слышать!!!!!! - Я орал как бешеный. - ЭТО ЛОЖЬ!!! ЛОЖЬ!!!!!!! Пошел вон отсюда!!!!!!

Андрюха в испуге смотрел на меня и продолжал мямлить. Он рассказывал про каких-то девок, гостей, удачные и неудачные комбинации. Но все-таки, ценой огромных усилий, мне как-то удалось его прогнать. После того, как я выпроводил администратора, я пошел в ванную и, сделав себе из полотенца холодный компресс, плюхнулся на кровать, кинул его себе на лоб и стал постепенно отходить от вчерашнего.

Нет, ну что за идиотизм. Это все алкоголь, он до добра меня не доведет. Я сам виноват. Сам. Вчера даже номер не закрыл, а этот идиот пробрался. И теперь хочет довести меня до депрессии. Тот еще неудачник, кретин. И вообще - с алкоголем надо завязывать. С такими-то стрессами даже одна капля виски может привести к срыву. Вон, казалось бы, выпил совсем чуть-чуть, а уже такой пиздец. Какую-то херню творю просто. Нет, по приезде в Москву точно схожу к своему доброму знакомому Семену Витольдовичу. Он уже лет двадцать пять в Клинической практикует, профессор. Сделаю у него томограмму, он профессор, вот пусть и разбирается, что со мной такое творится, а заодно еще надо попросить каких-нибудь таблеток от головы.

Горничная принесла завтрак, или уже обед, я выпил немного сока, съел креветок, еще какой-то конины или лосятины, в общем, каким-то макарон отошел. Потом зашел Андруха, полностью оправившийся и переодевшийся после ночи. Он виновато посмотрел на меня и сказал, что машина готова. Я ничего не ответил, но взгляд мой, видимо, был полон ненависти.

Мероприятие, куда я ехал, посвящалось 60-ти летнему юбилею Мурата Хаязова, киргизского «земляного магната», владельца многочисленных шахт, лесов и территорий в Киргизии, одного из богатейших людей экс-СССР. Азиатские бонзы всегда любили гулять с размахом, приглашая к себе лучших звезд российской эстрады, а этот мог позволить купить сразу всех. Для поздравительного концерта Хаязову даже не требовалось никакого концертного зала или площадки – дом организатора торжеств был и сам не меньше настоящего дворца.

Именно в такие хоромы и отвез меня водитель. Признаться честно, даже я, повидавший немало в своей жизни, был просто потрясен размахом. Территория усадьбы олигарха была огромной, гектаров, наверное, пять; ее огораживал высокий четырехметровый забор, повсюду камеры и детекторы слежения. Через каждые триста метров будки с охраной, огромная армия секьюрити, одетая в собственную форму, со своими начальниками, капитанами. Проезжая мимо, я с восхищением разглядывал всю эту навороченную «безопасность».

– О да! – заметив мой интерес, подал голос водитель. – Мурат Хаязов – наш благодетель, серьезный и требовательнейший человек! Долгих лет ему здоровья! Никто так серьезно не относится к своей безопасности, как он! Здесь самые современные системы охраны, даже мышшь не проскочит!

- А ты-то откуда знаешь? - Удивленно посмотрел я на него. Образ киргизского водителя в дурацкой национальной шапке, которую на него зачем-то надели по случаю нашего приезда, никак не ассоциировался у меня со знатоком современной техники.

- Ну что вы, Феликс Абрамович, - смутился он, - обижаете! Я же в институте учился! А все эти системы безопасности мой брат троюрдный лично делал! Брат, - показал киргиз пальцем в верх, - большая в Москве шишка! К нему постоянно политики обращаются разные, бизнесмены, говорит от заказов просто отбоя нет!

- Хм. Политики, говоришь? - Заинтересовался я. - Ну что ж, дай мне его телефон что ли, может, я тоже ему позвоню. Любопытно.

Зардевшись от оказанной ему чести (еще бы, ЛИЧНО СЕРЕБРЯННИКОВ записал телефон брата!), водитель с гордостью продиктовал мне его номер, а я в знак благодарности расписался в его блокноте. Потом киргиз еще долго гудел, восторгаясь мной и говоря, какой я мудрый и замечательный человек, желал мне долгих лет успешного творчества, счастливой семейной жизни, в общем, всего наилучшего.

Да, системы безопасности, системы безопасности... - этот вопрос меня давно занимал. Я думал о том, как бы получше укрепить мой дом на Николиной Горе. Мошенники, воры - все эти прохиндеи были готовы обрушиться на мои ценности в любой момент! Ведь у меня там было собрано столько ценного, деньги и украшения, столько разных наград, статуэток и премий! Лучше бы жену украли, суки! Но это вряд ли...

Пока я раздумывал на тему защиты, нас провезли через главные ворота. Перед въездом какой-то празднующий чувак облил машину шампанским, громко прокричав на ломанном русском: «Да здравствует

именинник!». При мысли об алкоголе мне стало тошно, но для приличия я высунулся из окна и даже прокричал «Ура!».

Внутри усадьба олигарха выглядела еще богаче. Площадку перед домом окружали мраморные ограждения с арками, перед ними размещалось место для парковки, а дальше были видны статуи, фонтаны, ровные и аккуратно подстриженные деревья. Ух, неплохо наворовал. Я пафосно хлопнул дверью машины, вошел через парадный вход и шагов через двадцать очутился в огромной гостиной, где уже собрались многочисленные гости.

Я насчитал примерно человек двести. За главным столом в углу, откуда прекрасно было видно все происходящее в зале, сидел именинник – невысокий худенький человечек с покрасневшим лицом. Честно говоря, я представлял его другим – каким-то, что ли, более толстым и властным, напоминающим азиатского бая, однако Хаязов держался в высшей степени скромно, со сдержанным достоинством хозяина. Рядом с ним, естественно, сидела Кристина – как-никак, самая популярная у старого поколения звезда, «золотой голос эстрады», дальше – ее сын Кирилл, потом еще, по моему, Кутин, хотя, может быть, это Пудовкин – один хрен, не разберешь этих волосатых. Когда олигарх увидел меня, он встал и приветливо улыбнулся, поднимая бокал и тем самым показывая свое гостеприимство и радушие. «Мудак», – подумал я. – «Лучше денег бы побыстрее заплатил, мне еще после паленого твоего алкоголя в казино херово». Тем не менее, виду я не подал, тоже поклонился, прямо по азиатской традиции. Хозяину мои манеры понравились – весь вечер, потом, обнимая по-дружески Кутина, он сидел довольный.

Я прошел дальше мимо гудящих столиков, безглаголиво здороваясь с коллегами и плюхнулся за стол

к Семену Леонову, Мише Скворцову и популярному юмористу Васе Матвееву. Все трое были изрядно поддавши, особенно Скворцов, который, когда я входил, как раз поднимал тост за именинника. Рядом с Леоновым сидела телка – довольно, надо сказать, ничегошная – по-моему она выступала в подтанцовке «Мотыльков». Увидев меня, она легонько хихикнула, наверное, от смущения. Я улыбнулся в ответ. Конечно, сидеть рядом с Феликсом Абрамовичем – большая честь. Ее лицо, кстати, показалось мне знакомым...

– Привет, ребята, – я широко улыбнулся. – Здравствуйте, красавица, – подмигнул я девочке. – По-моему, я вас уже где-то видел? – В ответ телка снова захихикала и жеманно отвернулась.

– Ну что, Феликс? – с насмешкой спросил Сеня, похозяйски прижимая телку, – отошел после вчерашнего? Голова не болит?

Черт побери! Оказывается, Андрюха уже успел всем разнести про меня невесть какие небылицы, и вот они сплетничают! Сраные козлы! Впрочем, меня мало волновали слова этих кретинов, как и мнение любого человека, сидящего в этом зале. Разнести всех этих жалких тварей я мог одним словом – просто в пух и прах, но мне было лень ради них даже напрягать мизинец.

– Спасибо, все нормалек, – пренебрежительно бросил я, кинув на стол золотую зажигалку с гравировкой «Феликс». – Лап, – махнул я рукой проходящей мимо официантке, – стаканчик «Чиваса» и лучшие сигары, пожалуйста. Так что ты говоришь там, Семен? Как вы-то сами? Сидите все?

– Да вот, сидим, пьем, – ухмыльнулся опять он. – А вот тебе, Феликс, после вчерашнего я не рекомендовал бы...

Сидящие за столом тут же заржали в унисон, как по сигналу. Особенно громко смеялась телка. Меня

буквально затрясло. Я побагровел. Ты что, Сеня, забыл, как я тебя выбил из рейтингов в Юрмале; может тебе еще что-нибудь выбить?!!! Наверное, тогда бы я точно не выдержал, и на свет бы выплыла вся правда, если бы Скворцов, который сидел рядом, не вступился за меня.

- Ой, парни, - вздохнул он с улыбкой. - Чего вы к человеку привязались? Жаль, ты Феликс, так поздно пришел и не видел, как сейчас Киносян отжигал. Так пел, так танцевал, так жег! Имениннику очень понравилось!

Мягкий голос Миши успокаивающе подействовал и на меня, и на окружающих. Я понял, что смысла ссориться сейчас просто нет, и конфликт ушел в небытие.

Мы уже сидели почти час и общались. Тусовка за столом плавно перекинулась в «звездный понос». Так я называю эти вечные разговоры, когда всем скучно и просто хочется похвастаться - рассказать, кто с кем работает, кто как денег срубил, пожаловаться на очередных мудаков-организаторов (спонсоров, партнеров, музыкантов, композиторов, других известных людей - нужное подчеркнуть), какой у кого на завтра план, ну и так далее. Впрочем, после пары стаканов виски, я успокоился настолько, что даже расслабился и слушал.

- Так как там у вас с «Арамисом»? - спросил Леонов Васю. - Продолжение-то делать собираетесь?

С учетом того, что мюзикл «Арамис» по всем рейтингам собрал в 2006 году огромную аудиторию - и даже ездил с гастрольями в Германию, Францию и США, ответ, казалось бы, должен быть очевиден, но...

- Да хрен знает, - Матвеев отчужденно посмотрел в сторону других столиков. - Черкасский что-то не очень заинтересован...

Фраза «Черкасский не очень заинтересован» для непосвященных звучала невнятно. Между тем в

последнее время Владимир Черкасский – продюсер и автор мюзикла «Арамис», а также просто известный гей московской тусовки, был занят своим новым романом с каким-то актером из Белоруссии, плюс, как всегда, лечился антидепрессантами. Так что все «страсти земные», как он выразился сам устами Д’Артаньяна, ему были малость по барабану... Пиздюшек и пиздюков, которые качали себе на телефоны главную песню мюзикла – «Горячим сердцам открыты все двери», был просто миллион, поэтому Черкасский мог жить припеваючи, позволяя себе при этом иметь маленькие «слабости»...

– А жаль, могли бы посотрудничать, хе-хе, – Семен прищурился и хитро улыбнулся. – Да ладно, я же шучу, – поймав насмешливый взгляд Васи. – Не мальчики же мои, – сказал он, показывая в сторону «Мотыльков», – будут петь. Кстати, смотри в каком платье жена Пудовкина.

– Это разве его жена?! Они уже женаты? – Как всегда встрял со своим любопытством Скворцов. – Скорее уж любовница, гражданский брак.

– Ну скоро женятся, значит, – безразлично сказал Леонов. – Долго ли артисту обручиться с женщиной в наши времена...

– Ага, пусть женятся, – решил я поддержать разговор. – Как только на свадьбу деньги наскребут, – гоготнул я с сарказмом.

Насмешка была неслучайной: я знал, что бывший продюсер Пудовкина, с которым он работал в период с 1992 по 1997 сейчас выиграл у артиста суд из-за песни «Алмазное сердце» – настоящего хита, который постоянно звучал и на национальных праздниках, и на новогодних вечерах, в общем, по всей России. Учитывая, сколько денег собрал на нем Пудовкин, я ясно представлял себе масштабы компенсаций, которые ему придется платить. Откуда было взяться этим деньгам –

непонятно, тем более, что его новый альбом «Хиты поколения», на выход которого он возлагал огромные надежды, с треском провалился...

С проблем Пудовкина разговор плавно перешел на Вайтмана. Всех особенно интересовала его новая квартира на Остоженке: что там, и – особенно – почем. Те, кто в ней побывал, а именно – Семен и Вася – охали и ахали, расписывая, какой Йозик у нас молодец, не зря все-таки «самый заслуженный». Я спорил с ними и убеждал, что квартира в стиле «русское барокко» – это давно уже ни хуя не модно, и вообще вся Остоженка – это мыльный пузырь рекламщиков, распиаренная «золотая миля» в центре Москвы. Умные люди давно перебрались либо на окраины – там и воздух почище, и атмосфера спокойнее, либо на Рублевку, а вообще лучше покупать недвижимость в Греции – там сейчас настоящий бум и все очень дешево по московским меркам. На сцене, тем временем, голосили «Мотыльки», половина зала подпевала и подтанцовывала – особенно женская. До моего выхода оставалось около получаса, так что я мог расслабиться. Где-то вдалеке я увидел Андрюху, который сидел за одним столиком с Симояновой и еще одним знакомым мне чуваком из продюсерской группы «Омега Мьюзик», у которых три года назад Кутин снимал свой клип на песню «Сладость». Несмотря на то, что администратор переоделся, он до сих пор выглядел как-то одутловато и откровенно убого. Андрюха бросил в мою сторону сочувствующий взгляд, на что я демонстративно отвернулся, выказывая к нему свое полное и абсолютное презрение.

– Смотри, – наклонился ко мне Миша и повел глазами в сторону четвертого столика от стены, – видишь ту девочку?

– Да. – Сказал я, разглядывая высокую длинноволосую особу в вечернем платье от Дольче и

большими золотыми браслетами на тонких смуглых запястьях. – Ничего такая. Кто?

– Младшая дочка именинника. – Ответил за него Семен. – Прямо героиня торжества. Все тут на нее смотрят. Кстати, незамужняя... И я слышал, – он потечески улыбнулся, – просто влюблена в музыку одного известного российского артиста.

Девочка смотрела сверкающими глазами на выступающих на сцене «Мотыльков», хлопала в ладоши и даже подпевала. Но разве этот жалкий веснушчатый Алферов мог сравниться со мной? Ну, конечно я знал, что у меня очень много поклонниц, но такая – очень и очень даже ничего. Богатая, красивая, сексуальная. Жаль, я женат, а так можно было бы и подумать, хотя, судя по тому, как она хихикала в ответ на мои подмигивания и жесты, полная дурочка. В любом случае, надо будет познакомиться с ней поближе. Мало того, что я чувствовал в себе немалую мужскую силу, так это еще было полезно с точки зрения налаживания деловых контактов с ее отцом.

И вот, настал мой черед выступать. Я пафосно поднялся с места, дал сигнал музыкантам, которые уже держали инструменты наготове, улыбнулся красотке, затем с усмешкой поклонился имениннику и направился к сцене. Я собирался исполнить свой главный хит – «Прощание и разлука», а песню – посвятить именно этой красотке.

Я вышел на сцену, поздоровался. Произнес торжественную речь, обильно сдобрив ее восточными «сладостями». Посмотрел в глаза дочке хозяина, объявил название песни и начал петь...

Но вдруг, как только зазвучали первые аккорды, в глазах у меня помутилось. Ноги стали ватными, руки задрожали. Сначала я не придавал этому никакого значения. Но едва я открыл рот, чтобы попадая в фонограмму, изобразить тонкого лирика и

превосходного мелодиста, случилось невероятное... Фонограмма, которая сначала нормально играла, вдруг начала перескакивать, запинаться. Голос на ней то появлялся, то пропадал, играли отдельные куски. Я стоял и ничего не мог поделать, фонограмма жила своей жизнью, так бывает, когда заедает мини диск. Кто-то вскрикнул, в зале раздался хохот, кто-то из гостей начал показывать на меня пальцем. Я резко побледнел, на лбу проступили морщины, глазные яблоки выкатились, тело стало непослушным. ПОЗОР!!! - Подумал я... и словно провалился... Схватившись рукой за сердце, я брякнулся прямо на сцене.

Последнее, что я помнил - испуганные крики гостей, гневное лицо именинника, какую-то смесь ужаса и смеха... Кто-то закричал: «О боже! Врача! Срочно!», а потом - полный провал...

Темнота, странные звуки, суета, больничный запах, голоса, ослепительный свет...

Я проснулся в палате. Тело не слушалось после лекарств и успокоительного, оно было ватным. Перед глазами все плыло, казалось нереальным. Я видел лишь контур склонившегося надо мной человека. Огромным усилием воли я сосредоточился и, сфокусировав взгляд, посмотрел ему в лицо. Пожилой седовласый доктор улыбнулся краем губ, улыбнулся насмешливо и иронично. Меня это смутило. «Черт побери». – Подумал я. – «Неужели он все знает?!»

– Феликс Абрамович, ну что же вы так?

Я все еще находился в прострации. Слова долетали до меня кусками, голос доктора, казалось, был пропущен через подушку. Я силился понять, о чем он говорит.

– В вашем возрасте... гм... немного странно и глупо...

Я как-то нашел в себе силы, чтобы криво улыбнуться в ответ. Организм постепенно приходил в себя, хотя меня все еще страшно мутило.

– Я поставлю вам капельницу... Вас никто не будет беспокоить... Отдыхайте, Феликс...

Я откинул голову на подушку: упала она тяжело, словно чугунная болванка. Доктор, не торопясь, проверил крепления системы и медленными мягкими шагами вышел из палаты. Когда он ушел, я до боли сжал кулаки и застонал от накатившей на меня депрессивной мысли. Теперь, когда пьяный я упал со сцены, меня ждет настоящий позор. «Я обязательно решу эту проблему», – подумал я. «Обязательно!»

С этой мыслью в голове я начал успокаиваться, и уже через несколько минут заснул здоровым крепким сном.

Пока я лежал в палате, делать было абсолютно нечего. Никто даже не звонил мне, все обо мне позабыли. Хотя, наверное, вряд ли они могли узнать так быстро. Мои пиарщики всегда стараются, чтобы ни одна капля информации не просочилась в прессу в случае таких некрасивых ситуаций. Поэтому, оставалось ждать только чешущих языками артистов, которые не преминут рассказать о моем позоре во всех подробностях при первом же подвернувшемся случае. «А Феликс-то, как ебанется прямо на сцене, а фанера все идет... ха-ха-ха!». Ничего, вот выйду, суки, покажу вам всем! Черт, а все-таки как плохо. Хоть бы пожрать чего-нибудь вкусного привезли, и ведь никто не вспомнит, пока долларом не помашешь! Звонила жена из Москвы – волнуется, говорит, идиотка. А что это за странные звуки были в трубке??? Будто сопит кто-то!!! Любовник????!!! Ага! Смутилась сучка – ответить нечего, – замялась. Выпишусь – и тебе хана!

Со скуки оставалось только лежать на кровати и целыми сутками пялиться в телик. К счастью в моей больнице оказалась продвинутая спутниковая антенна, которая ловила кучу разных каналов, включая родные – российские. По крайней мере, не пришлось смотреть на азиатские морды местных баев, с комсомольским энтузиазмом смакующих высокий приплод ослов в этом году и огромные успехи на пути экономической интеграции с Китаем. Впрочем, к родному телевидению я охладел столь же быстро. Все шоу – дебилские, все ведущие – малопрофессиональные, рассчитано, не иначе как, на быдло. Оставалось только подсчитывать число коллег и знакомых в эфире. Тоска, в общем, полная.

- Здравствуйте, дорогие телезрители!!! - Пафосным голосом запела грудастая ведущая Катя Терехина, общепризнанный секссимвол нашего ТВ, когда я переключил телевизор на Национальный Музыкальный Канал. - Сегодня мы поговорим о русском шоу-бизнесе, точнее - о его будущем. В России, как известно, есть немало артистов, которых мы любим и уважаем. Они поют, записывают альбомы, выступают с концертами, купаются в наших аплодисментах. Но будет ли эта ситуация сохраняться вечно?

О, это и вправду было интересно. Я даже решил не переключать канал. Тем более, наверняка здесь скажут и про меня - забавно послушать.

- Так вот, - продолжила Катя, - останутся ли «старички» нашей эстрады популярными? Особенно сегодня, в условиях жесткой конкуренции, когда такое, воистину народное шоу, как «Кузня талантов», поставляет на сцену талантливых артистов буквально партиями!

Я чуть не прыснул. «Кузня талантов»!!! Собрали Бессонов и компания ребятшек из деревень, поставили на сцену, научили кое-как петь и двигаться, записали диск, впихнули в вагон и повезли по провинции на гастроли. Платят каждому по 50 долларов с концерта и контракт на всю жизнь, вечные «рабы микрофона». Гоняют их как лошадей, ебут по делу и не по делу, как тот скандал известный, - когда Бессонов прямо в прямом эфире певичке из Воронежа прямым текстом сказал «в сортире тебе только петь». Пару тысяч дисков на артиста продали - малолетки счастливые под очередной мотив «А у неба нету дна» в селе своем пьяные спариваются, - зашибись. Но сравнивать этих ничтожеств с настоящими артистами - с такими как я, с Кристиной Златокрыловой с Кожевниковым??? Мы-то были самородки, сами себя делали... Столько говна схавали, столько раз опускались и поднимались до

самого верха с самых низов. Златокрылова начинала петь еще в семидесятые, уже тогда была популярной; я чуть позже. Хотя, конечно, Златокрыловой на сцену взобраться было проще. Она все-таки женщина. Да и она, кстати, всех немного утомила. В любом случае, сравнивать меня с «кузнечиками», как мы называли их на профессиональном жаргоне, - все равно что земляного магната Хаязова с торговцем колготками на Черкизовском рынке.

Тем временем, гости передачи рассаживались в студии. В основном там присутствовал различный молодняк - «Прага» с их располневшим солистом Бравиковым, смазливый диджей Коля Иванов, как всегда с тупым выражением лица, будто в своем Приозерске он не только не закончил ПТУ, но и даже три класса начальной школы, дебилы девочки из «Цветков». Глядя на эти юные, излучающие энергию лица, я сильно разозлился. А мне даже не позвонили! Даже не предупредили, не рассказали, что будут съемки такой передачи! Ох, я бы тогда пришел и рассказал бы им про всю эту долбаную «новую русскую эстраду». И про то, кто кому какой откат дал, и про папенькиных сыночков на нашей сцене, про проплаченных любовниц и про продюсеров-пидорасов, ебущих своих подчиненных в прямом и переносном смысле... Много чего... Впрочем, когда я посмотрел на экран и увидел, что студию практически заполнили «кузнечики» - как в шоу-бизнесе называли выпускников телешоу «Кузня талантов», я сделал простой вывод - программа полностью проплачена, а остальные, приглашенные туда - обычные неудачники, которым не помешают халявные эфиры. В общем, можно было не расстраиваться.

- Давайте теперь спросим Дэна! - Виляя задницей, Катя аккуратно переступает между диванами, и, жеманно закинув ногу на ногу, садится рядом с

нелепым чуваком таджикской внешности. Последний одет в широкие, закатанные снизу джинсы, кроссовки «Nike», спортивную синюю безрукавку с цифрой «51», на шее у него намотаны какие-то медальоны и стекляшки – типа закос под брюлики. Судя по всему, парнишка косит под клевого гангста рэпера – это наш местный Eminem a-la Russia, бля.

– Йоу!!!! – Обращается он к Кате, нелепо выстраивая пальцы в латинскую букву «W», символ американских рэперов западного побережья. – Ну чё я хочу сказать... – Мямлит он. – Сейчас в России настает время новой музыки... Рэп форева... Вместо поганой попсы приходят талантливые парни, умеющие классно читать рэп. Наша страна наконец поймет, что такое настоящая музыка, услышит голос улиц, искренние речитативы... ну типа... да... нам нужна такая музыка!!! Пис!!!

Тон рэпера Дэна наводят меня на мысли: либо он полный даун, либо дебил, либо он обкурился, либо все вместе. Хотя, лично я склоняюсь к варианту, что слова ему просто написали. Объяснили за сценой: мол выйдешь, задвинешь про уличный хип-хоп, про музыку улиц, гангста-культуру – серьезным дядькам похрен, а соплячки до тринадцати и младше от тебя все прям-таки истекут и бежать за билетами на концерт бросятся. В общем, хуйня, все слишком предсказуемо. Смотрю в полглаза, зеваю...

Но тут паренек выдает такую фразу, которая бьет меня прямо в сердце:

– Не все же на нашей эстраде будут крутить всякое старье типа... эээ... «Сказки на ночь» и «Ангела»... Надо ж современную музыку развивать! Чтоб молодежи нашей тоже было, что послушать!

Кровь бьет мне в голову. ЧТО? Да как он смеет?! «Ангел» – это моя известнейшая песня, которую я написал еще в начале 90-х. С тех пор прошло столько времени, а она до сих пор популярна. Под нее

справляют свадьбы, празднуют дни рождения, под нее сближаются и находят первую любовь люди... И как этот никчемный малолетний дебил смеет заикаться про этот мега-хит?! И особенно ставить в один ряд со «Сказкой на ночь» Златокрыловой – утомившей всех и абсолютно неинтересной безвкусицей?!

- Но позвольте, Дэн. - Словно услышав меня, заступается Катя. - Что бы вы ни говорили, а у того же Феликса Серебрянникова, одного из мэтров нашей эстрады, есть миллионы поклонников. Неужели вы думаете, что они так просто отвернутся от него и пойдут слушать, как вы сказали, этот ваш «голос улиц»?

«Так ему, так», - злорадствую про себя я. - «Врежь ему посильнее! Прямо по яйцам! Не зря все-таки поставили тебя на это шоу, видно в тебе не только силикон есть!»

- Ну... ээ... - Пытается выстроить фразу рэпер. - Ну все же знают, что Феликс Серебрянников уже старый и сегодня как бы... эээ... не моден...

??? И как у этого рвотного комка язык поворачивается!!! От злости у меня краснеет лицо, все тело бросает в жар. Нет, это пиздец, просто пиздец... Я самый лучший певец России! Я патриарх этой эстрады!!! Они что там все с катушек посъезжали, дали слово какому-то сосунку, пидорасу? В отчаянии я сжимаю кулаки, хватаю с тумбочки трубку и набираю московский номер:

- Алло, - раздевается на том конце голос Вити, моего промо-директора.

- Витя, слушай меня внимательно. Включи НМК и посмотри, что за пидорас говорит про меня полную хуйню. Найди мне всю информацию по нему, сука, кто такой, кто его продюсирует, где живет и все прочее. Понял?

- Конечно, Феликс, уже включил.

- Приготовь мне всю статистику по артистам России. Собери все, абсолютно все, что касается их популярности. Особенно интересует следующее - кто сколько продает дисков, кто больше всего продал официально, рейтинги в хит-парадах, частоту прокрутки по телевидению и радио, ну и все прочее. Я хочу, чтобы ты взял не только 2006 год, но также 2005, 2004 - все начиная с 2002 года. На фоне этого проследи динамику роста или упадка каждого, и, как ты понимаешь, особенно мне интересны мои собственные позиции. Все это мне нужно по приезду в Москву через неделю.

- Но Феликс... - В шоке говорит Витя. - Это же, как минимум, месяц работы! Ты представляешь, сколько нам придется просмотреть различных источников, чтобы составить такую статистику?!!!

- Ты знаешь, что меня это волнует меньше всего. - Отвечаю я. - Через неделю жду полный отчет. И учти - на кону твоя зарплата.

- Хорошо, Феликс. - Запинающимся голосом говорит он.

Закончив говорить, я кидаю телефон в сторону, откидываюсь на подушку и смотрю в потолок. Господи, как я это все ненавижу!..

И тут, совершенно неожиданно, мне в голову приходит весьма странная, но между тем - навязчивая идея. Потянувшись к тумбочке, я беру в руки блокнот, вырываю из него лист и записываю имя Дэна, того наглого «кузнечика». Странно, зачем я это делаю? А что, может быть, пригодится...

Часть вторая:
ЗВЕЗДОПАД

Приезд в Москву не изменил ситуацию. Все по-прежнему выглядело самым отвратительным образом.

Витя представил мне полный отчет по продажам. Доходы от альбомов стремительно падали. Статистика появлений в эфире тоже удручала. Одни лишь концерты, концерты, концерты – опять что ли, как в молодости, копейку зашибать? Такое ощущение, что Феликса Абрамовича Серебрянникова просто забывали и тупо вызывали лишь на всякие старперские корпоративки. Забывали?!?! Нет!!! Я просто не мог в это поверить!!!

Во всем были виноваты мои оппоненты. Они, более молодые и приткие, открыто проплачивали эфиры и использовали свои связи для увеличения продаж. Я должен был найти иной путь, открыть для себя новый уровень, после чего – победить.

Мне хотелось принести в мир шоу-бизнеса нечто новое, свежее и brutальное. То, что дало бы возможность возвыситься, войти в историю. В конце концов, ведь Бессонов со товарищи придумали эту сраную «Кузню талантов», а чем я, собственно, был хуже? Ведь раскрутили тогда ее и на «Всероссийском» и на НМК, и какие продажи, тиражи альбомов были. Сколько было пафоса, слов... А ведь у меня явно больше фантазии, чем у этих сопляков и придурков.

Я должен был осушить это болото, поставить весь шоу-биз с ног на голову...

И тут, и тут... на меня сошло озарение. Я все понял...

Против меня зрел заговор. Я начал чувствовать это давным-давно. Самолет, подмена хорошей машины на плохую, позднее размещение, сплетни, разговоры за моей спиной, звонки в номер и бросание трубок, девка

эта в казино тупая, мерзкие королевские креветки и просроченный шашлык, нечестный дилер в казино, перепивший Лихачев, валяющийся в номере Андрюха, который спиздил у меня ключи, снотворное в бокале и выключенная фонограмма под конец. Все это были события одной цепи.

Снотворное? Да-да. Это именно оно и было. Кто-то насыпал эту гадость мне в виски, чтобы я не мог выступать.

Когда я вышел на сцену, я сразу почувствовал, что не могу петь. Ноги подкосились сами собой, словно ватные. Много ли я выпил? Ну, конечно нет, просто ерунда, – в 95-ом с Кожевниковым во время нашего украинского турне в поддержку борьбы со СПИДом мы не так поддавали. Странно, что обследовавший меня доктор ничего не сказал про снотворное, но, наверное, он просто был некомпетентный врач, а может и ему заплатили... хотя нет, не хочу думать... Ладно, в любом случае я договорился с медиками – они поставили официальным диагнозом сердечный приступ, а затем моя пресс-служба распространила публичное заявление об инфаркте и инцидент был улажен.

Пресса еще долго шумела, а я получил отличный пиар и радовался, что в столь щекотливой ситуации смог снова не только увернуться от удара, но и получить от вражеской атаки немалую выгоду.

Я мог бы выписаться из больницы в первый же день, но ради приличия полежал еще три дня, кстати, и отдохнул слегка. Послушал соболезнования коллег, принял кучу каких-то цветов, писем и подарков от фанатов. Заходил ко мне даже сам олигарх-именинник: я льстиво извинился перед ним за испорченный концерт, а он сказал – «Вы так напугали нас, Феликс. Ничего страшного, выздоравливайте скорее, мы всегда будем рады видеть вас у себя». Деньги в итоге, несмотря на неотработанное выступление, мне

заплатили полностью. Впрочем, не заплати они, я бы поднял такой скандал, что эти киргизские власти замучались бы отмываться.

Я вернулся в Москву и некоторое время избегал всех. Я должен был понять, что происходит, и попытаться вычислить врагов, которые портят мне жизнь. Я сидел в своем загородном доме на Николиной Горе, отгородившись от всех монолитным пятиметровым забором и целыми сутками придумывал план. Я должен был изобличить и наказать всех предателей. Восстановить свою репутацию и имя, не будь я великий Феликс.

В ту ночь я валялся на диване, пил виски и смотрел телевизор. Жена мирно дремала у нас в спальне. Мы прожили вместе с ней двадцать пять лет и поняли, что нам лучше спать отдельно. Как часто бывает в жизни, жена меня совершенно не возбуждала, секс с ней мне был в тягость. Да и зачем мне старая, хотя и ухоженная жена, если вокруг было навалом глупеньких двадцатилетних дурочек, готовых прыгнуть к тебе в постель по первому щелчку пальцев? Поэтому с женой я общался редко, в основном обсуждая сына с его проблемами и мою одежду, которую она должна была мне постирать и выгладить к утру. Впрочем, с тех пор, как я начал пользоваться на дому услугами интернет-прачечных и все больше полагаться на персонал во время бесчисленных гастролей, даже эти разговоры свелись к минимуму.

И вот я лежал, а на экране, тем временем, разворачивались события очередного латиноамериканского сериала – такие часто показывают по «Всероссийскому» и R1. Я даже не смотрел, просто наблюдал за экраном, а в голове нескончаемым потоком бурлили мысли. Я думал о том, что происходит в тусовке, что эта телевизионная жизнь очень похожа на реальную, что эта сцена – все тот же

микромир, только не накрытый прозрачным стеклом телящика. И тут, когда на экране картинка неожиданно сплылась для меня в мутный коллаж, я понял, что придумал ЭТО! Бинго! Так появился на свет «Звездопад».

«ЗВЕЗДОПАД» – отличное название нового проекта.

Вы когда-нибудь слышали о реалити-шоу? Ну, конечно! Первое реалити-шоу в истории телевидения появилось на свет еще в конце 40-х годов. Но настоящий бум развлечений подобного сорта пришелся на Западе на 70-е – 80-е годы. Пока телевизионщики всего мира маялись в поисках сюжетов и ведущих, голландские креативщики компании Endemol придумали гениальную и поистине выдающуюся штуку.

Суть ее была очень проста. Представьте себе, что будет, если посадить нескольких людей за стекло, поставить перед ними определенные условия, дать им задания и позволить зрителю за этим наблюдать. Да, именно так – как в латиноамериканских мыльных операх, только за голубым экраном сидели живые люди! Те же самые интриги, те же самые сплетни, тот же азарт, но куда больше непредсказуемости и интереса! А ты, на правах организатора шоу, можешь менять участникам правила, давать им пищу для размышлений, можешь бросать в муравейник щепки, а можешь даже, когда все надоест, пустить внутрь их жалкого жилища дихлофос.

Не знаю, сколько выкурили голландцы каннабитов, но идея оказалась поистине простой и шедевальной. Реалити-шоу быстро заполнили эфиры ведущих телеканалов мира, а организаторы заработали бешеные капиталы.

Но самое интересное шоу намеревался устроить я! И не где-то там, а в Москве!

Я прокручивал свою идею в голове вновь и вновь, а лицо расплывалось в тщеславной улыбке. Я

представлял, как могу обогатиться за счет своей гениальности, как миллионы долларов уже текут в мой карман... Но вы понимаете, интересовали меня совсем не деньги. При помощи подобного проекта я мог бы показать всем этим жалким участникам гребаной российской эстрады, кто тут хозяин и кто настоящий Бог. Я стал бы продюсером всей сцены, великий Феликс Абрамович Серебряников, ибо в моем проекте, по задумке, участвовали все артисты и звезды, все певцы разных уровней – АБСОЛЮТНО ВСЕ!!!

Я контролировал бы этих букашек, давал бы им темы, говорил бы, какие песни исполнять, а какие – нет. При помощи «Звездопада» я бы полностью подмял под себя всю эстраду и заставил бы всех играть только по МОИМ ПРАВИЛАМ!!!

Времени уже натикало порядка 3:00 ночи, но я все равно взял мобильный и набрал номер директора моей компании.

– Алло... – услышался на том конце заспанный голос. – Феликс, ты чего? Случилось что? Три ночи же...

– Не ебет. – Уверенным тоном сказал я. – Вова, есть такая идея, пиздец! Собирай завтра на вечер всю нашу гвардию. А утром я приеду пораньше и тебе все расскажу.

– Хорошо, Феликс. – Выдохнул директор.

– Поверь, Володя, у меня есть такая курочка, которая стоит своих яичек. – Добавил я.

... А если потребуется, то и твоих яичек тоже, Володя – Сказал я, уже положив трубку...

- Нет, Вова, ты сейчас просто офигеешь! - Восторженно говорил я, вышагивая по густому ковролину своего директорского кабинета. Володя сидел с блокнотом и внимательно смотрел на меня. - В общем, зацени мысль, только, прошу, не перебивай.

- Итак! - я сделал паузу. - Супер-Конкурс! СуперФестиваль!

При слове «конкурс», Володя немного поморщился. Я, не обращая внимания на его реакцию, продолжал:

- Представь себе... ТВ России... Прайм-тайм. Суперконкурс, супер-шоу. Только вместо конкурсантов из деревень и проплаченных папенькиных сыночков и дочек - ВСЕ ЗВЕЗДЫ РОССИИ! Мы собираем всех звезд нашей эстрады! Блядь, да ты представь, берем всех, абсолютно всех - «Мотыльки», «Брюссель», «Алмазы», Соню Стар, «Серебряную сказку», «Прагу», Киносяна, сука, как этого зовут, стареющего мммм... ааа... Валентинова, Вайтмана, Лившица, эту, вечно манерничающую Симоянову, Колю Иванова, «Инфаркт Миокарда», «Боржоми», «Экстаз», татарского звездного «мальчика» Садирова, Златокрылову, Пудовкина, короче - максимально весь бомонд. И пусть они, суки, не в пафосе понты кидают по телику и в клипах, а реально ебошатся как конкурсанты, потеют и грызутся за реальную победу. На кон ставим такую сумму, чтобы ни один, на хуй, не отказался, чтобы волком выли и хотели выиграть. Например, 5 лямов, не, ну правда, реально 5 лямов... За миллионы долларов, думаю, будут петь как райские птички. Дальше - даем задание, например - исполнить песню про любовь 16-летней девочки к голливудскому актеру, и неделю на подготовку... И через неделю смотрим и слушаем! Опа,

чего там Суворов сочинил? «Аль Пачино»? Как-то неуклюже старичок под Гангстерито пляшет, плохо еще молодежь чувствует... Дальше? Соня Стар - «Брэд Питт». Ну прости, Софочка, с таким-то текстом песню надо было назвать «бред», а не «Брэд», это тебе не на вечеринках в Ницце устрицами обжираться... Что дальше? Иванов - «Бен Аффлек». Ха-ха, уже лучше... Ты представляешь, у нас же все артисты действуют вместе со своими коллективами, студиями, музыкантами, блатом... А тут - все с нуля начинают, бьются все на равных условиях. И уже вся страна решает, кто же из них самый лучший!

- Пииииздец. - Только и смог вымолвить Вова.

- А я тебе, что говорил! Но это еще не все, смотри дальше... Звезды так просто тратить свое время не будут, знаю я этих скотов хорошо. Все занятые, гастроли, концерты... за бесплатный пиар разве что новички согласятся работать. Но мы разрешаем каждому из артистов привести с собой спонсора, который им и постановки красивые оплатит и рекламу на ТВ России получит нереальную. Каждому позволим себе взять по спонсору, и у каждого на его номере будет спонсорская инфа. Естественно не забудем свою котлетку с каждого спонсора себе отложить... Ну прикинь, поет например группа «Приматы» на сцене, и курит... Они все эти рокеры сраные во время концерта курят, типа вызов обществу... Потом он берет и пачку прямо в зал бросает в толпу, типа нате, бля, покурите. А мы, крупным кадром снимаем летящую пачку и как и куда она падает, и кто ее ловит, и крупным планом КЕНТ 8. ПИЗДЕЦ? Филипп Моррис башляет штукек 200, интеграция рекламы... Или, например, Веларди выезжает на сцену на машине, ну к примеру на «БМВ 650» последней, на дверях машины нахуячено - «АвтоМирГарант». Пускай «АвтоМир» башляет, и так далее... Кроме того, мы находим еще и официальных

спонсоров, и берем их целую кучу. Информационный, генеральный, сладкий спонсор, спонсор трансляции, спонсор артистов, спонсор организационный. Я, к примеру, звоню Гарику из «Вим Билль Дан» и говорю ему, скажем, что Кристина или Софочка три раза пропердят в микрофон про йогурт и как, заебись, у них лоснится кожа после него, и за это с него тоже штук двести. И так по всем нашим контактам... Далее, вся SMS тема... Ну прикинь, выбирают же победителя по голосованию народному... Это прайм-тайм, смотрят нас миллионы, голосуют и шлют сообщения тоже миллионы... Простая арифметика, миллион и не один можно собрать только на этом. Кроме того, платные билеты на концерты в студию, гала представления, VIP-вечеринки после каждого концерта, со столиками по три штуки баков... Короче, просто денежный дождь...

Володя сидел с оступевшим взглядом и жадно глотал воздух, наверное суммировал цифры в голове.

- Да, потрясающе... - Наконец выдохнул он. - А ведущим кого позовем? Нынче в моде Шолохов.

- Какой на хуй, Шолохов? - Резко бросаю я, но потом утихаю, дабы предстать в лучшем свете... - Вова, ты же понимаешь, что от него уже всех воротит, он ведет уже ВСЕ программы на ТВ, слава богу Спокойной ночи, еще не узурпировал. Ведущим буду... Я! Я всех этих людей знаю, тему хорошо секу... Сам участвовать не смогу - игра тогда будет нечестной. Поэтому, вроде бы все логично...

- Супер! - Вова тербит ручку. - Хорошая тема. Но ты понимаешь, Феликс, тут работы не на один месяц, а на полгода минимум.

- Конечно, понимаю. Так мы и не торопимся, нужно сделать все супер, так чтобы ни одна собака не придралась... Ну, а ты вот седи и думай, как, что и с чего начинать. - Говорю я. - Концепт я тебе рассказал. Прозондируй почву, проведи расчеты. Нам нужна

максимальная зрительская аудитория. Ее, соответственно, обеспечит либо «Всесоюзный» либо «ТВ России»...

- Знаешь Феликс, можно еще попробовать МУЗ-1 и НМК, они наверняка предложат нам более выгодные контракты...

- Главное, чтобы не шло в ущерб аудитории! Аудитория нам очень важна. Чем больше будут смотреть, тем больше бабла, понимаешь? В общем ты, надеюсь, все понял. Действуй. К пяти вечера хочу, чтобы ты набросал общий план и созвал всю нашу бригаду.

- Хорошо, Феликс...

Черт, Вова был слишком исполнительен, слишком. Меня настораживала его податливость, его исполнительность. Эх, давно я не был в офисе, слишком уж замотался с этими киргизами - может, какие финансовые махинации за моей спиной проводит? Так или иначе, эти мелочи в тот момент меня мало волновали - я был полностью поглощен идеей шоу и уже предвкушал победу.

Пока директор работал, я успел съездить в две точки, пообщаться с Федей во время обеда в «Vogue SafeГ» - легонько намекнул ему на мой новый проект. В случае чего Федор мог предоставить хорошие площадки во всех сибирско-уральских регионах России - он имел хорошие связи с местными концертными организаторами. Что касается Москвы и Питера, я мог положиться на своих - концерт в Питере могли провести на Ледовой Арене, ну, а для Москвы вариантов вообще было изобилие, как говорится, выбирай на вкус. «ФЕСТИВАЛЬНЫЙ», не меньше», - подумал я.

Пятнадцать минут шестого я уже был в зале для совещаний. Вова за это время успел даже намалевать какой-то слайд в «Power Point'e» и пустил его на проектор. Как только я вошел, все креативщики,

маркетологи, аналитики, сценаристы и прочая шушера поднялись и стали бурно меня приветствовать. «Да-да, мальчики, – усмехнулся я, – ваш папочка с вами».

– Итак, ребята. – Начал выступление Вова – У нас появилась новая задумка, которая станет шоу номер один в стране и поднимет нашу компанию на принципиально новый уровень, к тому же даст каждому из здесь присутствующих отличный толчок в карьере...

Разумеется, когда Вова произносил подобные слова, он лишь отдавал дань корпоративной традиции. Никто из этой сидящей в комнате мелюзги реальных дивидендов не получит – тем более «шестерки». Ну, может, по соточке к зарплатам накину, если дело нормально пойдет, но основные доходы однозначно пойдут в мой, как владельца фирмы, карман.

После того как Вова структурированно и четко выкладывает мой гениальный план, все сидящие пребывают просто в ахуе:

– О, супер! Феликс Абрамович придумал? Да... как всегда, вы лучше всех.

– Фантастическая задумка!

– Очень свежо, просто инновация! Такого в России еще не было.

После нескольких минут крикания и всеобщей кутерьмы наконец начинают обсуждаться вопросы по существу. Появляются всевозможные нюансы – как быть с организацией, с чего начать, как воплотить креатив на практике и т. д. Сценаристы перешептываются в своем закутке, уже приступив к генерации творческих идей, топ-менеджмент, естественно, озабочен тем, как высосать из идеи побольше бабла.

– Мы посоветовались с Вовой, – говорит мой коммерческий директор Сергей, – и пришли к выводу, что будет разумно продвигать шоу сразу на два канала – один общий, федеральный, другой – специализированный, музыкальный. Таким образом мы

захватываем сразу два сегмента зрительской аудитории – старых и молодых, что обернется серьезным ростом прибыли... Для продактплейсмента в самом шоу используем общие товары – здесь поработает отдел маркетинга. Что касается брендов под специализированную аудиторию, надо будет сотрудничать с соответствующими отделами выбранных телеканалов – они предоставят нам собственные данные...

– Так, а что с правами на вещание? – спрашиваю я. – Вы уверены, что Рыбин или кто-то из этих зажавшихся центровых захочет платить установленную нами стоимость за продукт, который не идет для них как эксклюзив?

– Здесь все довольно просто. – Отвечает Сергей. – Сработают наши переговорщики. Мы убедим его, что он ничего не потеряет от разделения шоу на два телеканала, тем более, что зрительская аудитория у них пересекаться почти не будет. Заодно скинем процентов двадцать от изначально заявленной цены – не сразу, конечно, а в ходе торгов, пусть считает, что обманул нас немного, получил скидку. В итоге он будет думать, что крупно выгадал, но мы-то и сами получим большой кэш. Смотри, почти в полтора раза больше, чем если бы продали за полную стоимость одному участнику. Хотя, лучше тебе самому с ним на короткой ноге поговорить...

– Поговорю, поговорю, – улыбаюсь я, – ну а конкретная прибыль? Вы просчитали?

– Да, конечно. – Говорит начальник финансового отдела, Иван. – Сразу запускаем SMS-программу – подключаем всех операторов... Зрители будут голосовать и выбирать лучшего участника. Попутно устроим всякие вторичные конкурсы – ну типа, выбери самого старательного участника, или дай совет звезде – все это избито, банально, но как всегда работает.

Потом, концерты. Понятное дело, на различных этапах будем устраивать выездные гастролы с широким пиаром – естественно, через шоу, взимая со зрителей плату за билет. Часть, кстати, всех полученных денег хорошо было бы направить артистам... А то не думаю, что они согласятся в поте лица фигачиться за один миллион – надо чтобы каждый выиграл свой кусочек прибыли. Зато будут больше стараться, следовательно больше звезд привлечем...

– Отлично, орлы, отлично! – говорю я. – Вы у меня все просчитали. Главное – не сбавлять оборотов.

– Феликс, а ты уже придумал название? – вдруг неожиданно спрашивает Вова.

Я молчу. Чувствую, как внутри меня пробегает дьявольский огонек. Да, название-название, это очень интересно. Интересно, как будет называться шоу, которое вынесет всех этих марионеток и шокирует весь мир? Впрочем, думаю я недолго. Через секунду поднимаю руку ладонью вперед и говорю:

– Да, придумал. «ЗВЕЗДОПАД».

На этой фразе все собравшиеся замолкают и недоуменно смотрят на меня.

– Но позволь, Феликс? – с некоторым удивлением спрашивает Вова. – Почему именно так сразу «Звездопад»? Просто... ну не знаю... как-то уж чересчур оно звучит... – он пытается сформулировать мысль, – что ли брутально. Может назвать как-нибудь более попсово, например там, «Звездная фабрика» или «Универсальный артист» или «Настоящий Артист»... Мне кажется ... ммм... – тянет он фразу, – это что ли более в нынешнем телевизионном формате...

Хм. Я смущенно смотрю на него. Действительно, как же я не подумал? Нет, вопрос даже не во вкусе этого попсового и совсем недалёковидного гендиректора, вопрос был в другом. Я не понимал, но мне почему-то вправду очень нравилось название «Звездопад» – меня

к нему буквально тянуло в каком-то мистическом ключе. Очень красивое название, очень в тему, очень все самое то. Пару секунд подумав, я сделал невозмутимое лицо и обратился к Вова:

- Видишь ли, Вова. - Я улыбнулся, тем самым показывая полный контроль над ситуацией. - Я уже давно об этом подумал. Может «Звездопад» и звучит в какой-то степени для нашего телеэфира непривычно, но это лишь добавляет ему плюсов. Суди сам, - я попытался придумать довод поубедительней, - все уже давно устали от этих названий типа «Лучшие звезды», «Лучший артист», формальных совковых названий типа «ПАМК» и прочее. А тут - что ли оттенок аристократичности, романтики... Ведь верно я говорю? - Я повернулся в сторону пиарщиков.

Пиарщики, увидев мое внимание, довольно закивали и заблеяли.

«Господи». - Подумал я. - «Ну, вы и идиоты. Я же такую чушь несу, такие нелепые отмазки, а вы даже и слова сказать мне не можете, все соглашаетесь и соглашаетесь. Разумеется, никаких особых плюсов нет... Просто мне нравится... нравится это название...»

- Ну, как сказать... - Вова почесал затылок. - Тот же «ПАМК» - Премия Ассоциации Музыкальных Критиков, звучит не менее аристократично. Да и все эти премии «Лучший Артист», «Лучшие звезды» и т. д. - в глазах простого русского телезрителя имеют уже укоренившийся и немалый шарм...

- Простите, пожалуйста! - Вдруг поднял руку забавный чувак в оранжевом свитере и смешных очках, наш новый сотрудник отдела развития. - У меня тут появился небольшой комментарий к вашему названию «Звездопад». - Он прямо сиял от своей находки. - Помоему, это очень концептуально... Я нашел в этой фишке некоторый внутренний, метафизический, что ли, смысл.

При слове «метафизический» весь менеджмент тупо вылупился. Конечно, они больше привыкли к словам «бабло», «откат», «лаве», «пилить», чем к этим заумным репликам вечно летающих в облаках креативщиков. Но меня почему-то как током ударило. Я едва успел открыть рот и сказать: «Ну?».

- Короче... суть такая... Попробуйте представить себе на секунду восприятие шоу с таким названием со стороны простого человека. «Звездопад» - да, все правильно, падающие звезды, нотки апокалиптичности, вы правильно, Феликс Абрамович, заметили. Это в каком-то смысле просто находка! Настоящая постмодернистская идея!

- Ну и чего? - Непонимающе перебил его Вова. - Посмот-модернистская - это что? - Он явно был раздражен тем, что этот его подчиненный вылез без спросу, но видя мое оживление, сразу зажался и спорить не стал.

- А суть в том, - продолжал креативщик, - что вы, Владимир Иванович, разве не чувствуете какой накал экшена придает это восприятию нашего проекта? Борьба до конца, прикончи их всех, выйди победителем - в условиях нереальной борьбы, нереальной давки! Это же постмодернистская идея - очень сегодня модно в кино и литературе - как в «Бойцовском клубе» Паланика, как в «Американском психопате» Эллиса - выживает лишь одини выживает сильнейший!!!

Одна звезда проиграла - все - закатилась... Еще одна полетела вниз - прощай, артист...

Концептуально! Хотя я почти ничего из последних слов не понял, тема мне определенно нравилась. Да, я уже представил, как они прикончат друг друга все эти уебки...

- Отлично! Просто отлично! - вскричал я, с восхищением глядя на этого действительно талантливого парня. - Ты молодец! Вова накинёт тебе денежек за этот месяц.

- Может все-таки еще немного подумать над названием? - робко вставил Вова. - Все-таки нам некуда торопиться...

- Нет-нет, - поднял руку я. - Мне определенно нравится вариант «Звездопада». Пусть так и будет.

- Ну да, - сразу сменил тон Вова. - Вообще-то действительно, ты прав. Поверим твоему авторитету, Феликс. - Он раболепно улыбнулся и закивал.

- Да... - Задумчиво усмехнулся я и продолжил: - Пожалуй, я и не против остаться сильнейшим. - И не давая ни секунды собравшимся на то, чтобы дойти до смысла этой туманной фразы, воскликнул: - Ну что ж, братцы! Будем работать! - И вышел из комнаты переговоров.

Валяясь на диване, я уже представлял, как выхожу на сцену, как закатываю гиперпафосную церемонию открытия, как на меня смотрят миллионы людей, а артисты упрашивают поставить их номер в программе попозже, объявить условия поудобнее. А после я расставляю всех этих звезд, как сам захочу, назначаю задания, и они, трясущиеся от желания получить кучу денег и славы, начинают под моим началом грызться за миллионы.

Все шло просто замечательно. Все-таки, тщеславие, как говорил Аль Пачино в «Адвокате дьявола», мой самый любимый грех. На что толкает людей жажда денег и славы? Во что она их превращает?

Я подошел к бару, налил себе виски, потом закурил сигару и плюхнулся опять. Несколько минут посмаковав всплывающие в голове образы, я взялся за телефон и принялся обзванивать артистов. Мне совершенно не хотелось с ними общаться: разговаривать про эти зубы, клипы, курорты и концерты, мне не был интересен новый ресторан Шевцова и то, какой откат кто где срубил, однако я должен был лично переговорить со всеми. Да, я мог скинуть эти звонки на секретаршу, но это, увы, был самый плохой вариант. Ведь знаю я этих пидорасов – чуть что, так сразу начнут вякать, что Феликс лично не позвонил, не проявил уважения. Секретаршу на хуй пошлют. И цену вслед за этим заломят, и мало ли каких отмазок напридумывают. Нет. Надо было сделать все самому. Просто дружелюбно с ними поворковать, все объяснить, поуламывать, поугovarивать. Заодно был шанс услышать какую-нибудь интересную информацию.

Впрочем, после пары звонков я убедился, что я – оракул, и ничего нового не произойдет. Разговоры шли скучные, обычные – кто – где спиздил, кто – где срубил, кто – где тусил и где лечился. К счастью или несчастью, мне не удалось дозвониться ни до Вайтмана, ни до Лугового – первый был на концерте, уехал выступать в Германию в рамках глобальной программы «Российская неделя», второй же лежал в больнице, заслуженному артисту России делали какую-то сложную процедуру по очистке и стабилизации работы почек. Слава богу, что я их не застал, ибо брюзжания этих монстров отечественной эстрады я бы точно не выдержал.

– Алло? – После нескольких гудков на том конце трубки послышался голос охранника.

– Это Феликс Абрамович. Дай мне Ингу.

– Алло? – Симоянова мигом подскочила к телефону. Я даже крикнул от удовольствия: все-таки вот что статус значит. – О, Феликс, как дела? Щас, погоди минутку... Да-да, два кадра еще... Да, извини, я тут просто на съемках... Ну чего? Как ты там? Как твое сердце?

– Да нормально, – усмехнулся я, – Москва-Москва, лечусь. Ты чего не звонишь-то совсем? Забыла старика?

– Да ну, брось, какое забыла? – Она так рьяно разыгрывала верную подругу, что мне даже хотелось ей верить. – Работы же очень много, концерты, гастроли... Кстати, на той неделе тебе звонила наверное раза три, так ты все мобильник не брал...

– Хм, выключен что ли был... – Задумался я. – Как вообще дела? Как продвигается работа с альбомом?

– Все отлично, уже скоро пойдет в тираж! – С гордостью начала она мне рассказывать подробности. – С Витей вчера сидели с «Национального радио», два часа обсуждали предстоящую кампанию, пиар. Витя, – сказала она не без радости, – считает его очень

перспективным. Говорит, обязательно на платиновый пойдет...

- А ну да, платиновый... - Зевнул я. Отвали бы спонсоры Инги еще больше бабла Вите, он бы еще про премию «Оскар» стал говорить, и посрать что это вообще киношная премия. - Не, ну, слушай, удачи. А вообще Инг, знаешь, я тебе звоню по делу...

- Да, конечно, - голос Инги вытянулся и в нем зазвучали мягкие нотки. - Вся внимание...

- Ну, смотри, значит, намечается колоссальный проект, на кону - пять миллионов... - Вкратце я рассказал ей суть моей задумки, не забыв огласить внушительный список спонсоров.

- Очень интересно! - промурлыкала она, при слове «миллион» в ее голосе зазвучали уже кошачьи нотки. - Надо бы встретиться вообще, поговорить за жизнь, и это обсудить.

- О'кей-о'кей, давай... ммм... завтра в «Бедуине» на Таганке?

- Завтра не могу, у меня со съемками завал... Давай на той неделе, когда я полностью освобожусь?

- Ладно, договорились. Сама мне тогда позвонишь?

- Хорошо.

Я повесил трубку. Ну, блядь, какие к черту клипы? О чем вообще речь, когда на кону пять миллионов долларов? И у кого, интересно, она снимала клип? Наверняка же у Костенкова, хотя я ей рекомендовал своих. Ведь никогда не слушают, дураки, а потом, когда понимают, что бабло уходит со скоростью света, начинают в пояс кланяться, просить советов. Всегда поражался, как вообще можно платить за клип 100 тысяч долларов, если красная цена ему 40? Ну, продюсеры думают, отвалим бабла - будет крутой клип. Придурки... С вас так каждый раз не меньше 100 тысяч и будут теперь тянуть. Один раз заплатишь - все, пиши пропало. Да и вообще я не понимаю, как такие овцы,

как Инга, уходят от продюсеров – сами ведь не в состоянии даже понять, где кнопка ON на микрофоне.

История взлета Инги, которая когда-то пела в девичьем квартете «Ассоль», а потом нашла себе респектабельного поклонника и за счет него выбилась в сольную карьеру с дурацкими песенками «Апельсинки» и «Фунтик» была мне хорошо известна. Закинув подушку под голову, я закурил еще одну сигарету и продолжил звонить.

– Привет, Петь.

– О, Феликс Абрамович... добрый вечер...

– Ну как там у молодежи нынче дела? Орел летает?

– Ой, летает... не могу как летает... – Судя по голосу, Веларди был явно нетрезв или под чем-то более серьезным.

– У меня к тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться. Но разговор не телефонный, надо обсудить.

– Да, конечно, вы только скажите, когда и где?

– Давай завтра?

– Хорошо...

Вот этот мне нравился гораздо больше. Молодой, амбициозный, уже понюхавший кокс и явно желающий снюхать его больше. «Мировое шоу», лучший артист России 2006 года по мнению телеканала «МУЗ ON», кумир семнадцатилетних малолеток, модель для показов Gucci, короче сплошные понты... Общаться с такими юнцами было куда приятнее не в самолетах, не на концертах, а именно в таком амплуа – амплуа всемогущего продюсера.

Так-то они, галдят, орут, лезут со своими амбициями, самомнением, но только покажи им реальное бабло и статус, сразу смиреннькие становятся, покорные, только на «Вы». Нет, роль управляющего этой сценой мне явно была по душе.

Потом был Скворцов, Лихачев, «Цветки», Кристина. С Лихачевым мы уладили все наши недоразумения – оказывается, он был так пьян в том казино в Бишкеке, что сам ничего не помнил. С Кристиной я мило попиздел за Сочи, охаивая этих мудаков – местных организаторов концерта, которые три месяца назад делали ей совместный тур с Луговым в рамках национального проекта «Классика отечественной песни». Дозвонился до Моржова из «Инфаркта Миокарда» – подкинул ему пару советов по раскрутке пошляков из «Расклада-2», дал пару нужных телефонов на каналах, затем поболтал с Димой Волковым – с ним все просто, еще – с его однофамильцем, модельером Владом. Лучше бы не звонил, пусть дальше секретарша ему звонит... Соня, Киносян, «Экстаз» – мой список звезд медленно, но уверенно подходил к концу...

Наконец я дозвонился и до Леонова. Семен вспомнил происшествие в Киргизии, посочувствовал. «Гнида, – подумал я. – Прибереги свои соболезнования для себя. Ты у меня первый в списке подозреваемых на снотворное».

Но доказательств не было, я ничего не мог сделать. Болтали мы за сущую чепуху – о том, что меня бы очень устроило, если б все его артисты пришли на мое шоу. Потом Семен спросил:

– Ты на «Платиновую пластинку»-то пойдешь?

– А чего там делать? – скептически поинтересовался я.

– Ну как что, старик... Премия вообще-то народная. Сейчас сама популярная – тебе что ли это объяснить?

– А, да ну на фиг, – отмахнулся я, – у меня их уже десять этих пластинок... куда мне одиннадцатая?

– Ну-ну... – В его голосе послышались насмешливые нотки.

Опять этот смех! Опять!!! Да, у меня было десять статуэток премии «Платиновая Пластинка», равно как и

«ПАМК», диплом «Артиста России» – по-моему, я уже рассказывал. Все «Пластинки» были аккуратно выставлены на полке в красивом шкафу красного дерева в кабинете. Изящные статуэтки, правда, в хозяйстве ни на что ни годные, кроме как орехи колоть. Прижав трубку к уху, я посмотрел в их сторону, чтобы полюбоваться собственной славой... Да, вот вы мои маленькие, вот вы мои сладкие... Но... Их было всего девять...

- ...ИХ ВСЕГО ДЕВЯТЬ!!! – неожиданно заорал я, – ВСЕГО ДЕВЯТЬ!!! ДЕВЯТЬ!!!!!!

Их было всего девять! Одной награды не хватало!

- Феликс, ты что? – Оторопел Семен, который все еще был на связи.

- Девять, девять, девять... – Я судорожно глотал воздух, глядя на полку с наградами. – Ии-звини Семен, я тебе позже перезвоню...

Я швырнул трубку и бросился к полке. Я не верил своим глазам; схватил статуэтки и стал перебирать их руками... Гладить... Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь... девять... ВСЕГО ДЕВЯТЬ... Где еще одна? КТО-ТО ПОХИТИЛ ДЕСЯТУЮ СТАТУЭТКУ!

В голове загудело, мне послышались какие-то смешки, я представил козни невидимых заговорщиков... Перед глазами поплыли красные круги; в приступе ярости я смел статуэтки с полки...

- О БОЖЕ, НЕТ! ОПЯТЬ! – ревел я, – НАЧИНАЕТСЯ!!!

В голове загудело, ноги стали ватными, и я повалился на пол.

Как только адская боль в голове отступила, я пришел в себя, поднялся с пола и бросился на поиски. Я перерыл каждый сантиметр своего кабинета, я обыскал шкаф, шарил в комод, в сейфе, в ящиках стола. Ничего! Я осмотрел все комнаты – гостиную, вторую спальню, прихожую и даже кухню. Ни единого следа, ни малейшего напоминания о статуэтке.

Боже... Меня буквально трясло. Куда могла она исчезнуть? Не могла же она просто испариться? Почему со мной постоянно происходят неприятности? Кто этот невидимый враг, который старательно портит мою жизнь? Я не понимал, как могла пропасть эта гребаная статуэтка из кабинета, окна которого защищены решеткой. Дверь постоянно на замке, да еще сигнализация, подключенная на пульт в отделении милиции. Как будто здесь действительно орудовал призрак.

Громадным усилием воли я взял себя в руки. Нет-Нет, Феликс, глупо, не надо сходить с ума, попробуй мыслить трезво и логически. Невидимок не существует, если кто-то и унес статуэтку, это был вор из плоти и крови. Но кто? Ведь если бы грабители проникли в кабинет, они бы оставили, как минимум, следы? Домработница? Нет... С тех пор, как две недели назад я уволил ее за разбитую вазу, обслуга в нашем доме больше не появлялась. Жена?.. Точно, оставалась лишь она!

Абсолютно себя не контролируя, я бросился в комнату жены и заорал:

– ГДЕ МОЯ НАГРАДА, БЛЯДЬ??? КУДА ОНА ДЕЛАСЬ???

– Феликс... – Она смотрела на меня огромными испуганными глазами... – ты чего?..

- КУДА ИСЧЕЗЛА МОЯ СТАТУЭТКА? - кричал я. - ТОЛЬКО ТЫ МОГЛА ЕЕ ВЗЯТЬ, БОЛЬШЕ ЗДЕСЬ НИКОГО НЕ БЫЛО, ПОНИМАЕШЬ?

- Феликс... - От страха ее зрачки расширились - Что произошло?

- Сегодня я смотрел статуэтки в кабинете, мои призы. Там не хватает последней, самой для меня ценной, юбилейной! Никто не мог зайти в кабинет кроме тебя и меня, понимаешь? Это ты ее взяла, да?! Отвечай!

- Но, - ее голос стал тверже, - ты же всегда запираешь кабинет на ключ... он только у тебя и ты никому его не даешь. Тем более, ты предупреждал о сигнализации...

- Ложь!

И тут я понял, что она права, действительно, права. Как я мог забыть, что в последнее время всегда запираю кабинет, защищая свои деньги и документы. Каждый раз, заходя в кабинет, снимал сигнализацию звонком на пульт. Я не доверял никому, даже своей жене, и поэтому всегда носил ключ с собой. У меня был его единственный экземпляр. И код знал только я один!

Марина смотрела на меня огромными, немигающими глазами. На секунду я даже почувствовал, что хочу прижаться к ней. Но нет, решительным движением я отстранил руки жены.

Оставив Марину в спальне, я вернулся в кабинет и открыл сейф. Без капли сомнений я сгреб со стола все документы по шоу и запихнул их в него. Затем собрал с полки все мои статуэтки и сделал с ними то же самое. Затем я нашел свою мобилу и набрал один номер:

- Саламатсызбы... - После долгих гудков раздался на том конце трубки сонный голос.

- Азохенвей, бля на хуй!! - В бешенстве заорал я. - Алло! Это Феликс Абрамович Серебрянников! Ты сидел за рулем моей машины на Иссык-Куле!!! Помнишь?!

- О, да, конечно, Феликс Абрамович... - После моего ругательства водила мигом проснулся. - Что-то случилось?!! Так поздно ведь уже...

- Для меня никогда не поздно!!! Помнишь, ты говорил, что твой брат какой-то нереально серьезный эксперт по системам безопасности?! Так вот, дозвониться до него я не могу. Чтоб завтра или послезавтра был у меня - железно! Плачу наличными и в два раза больше!

- Такая спешка... - Обомлел собеседник, но чувствуя мое раздражение, перечить не осмелился. - Конечно, Феликс Абрамович, я сразу ему позвоню, дам ваш номер, он обязательно приедет...

- Чтобы четко. - Отрезал я и бросил трубку.

Когда я договорился с киргизом, и мое хранилище было запечатано, я облокотился на стол и вздохнул. Впервые за последние несколько часов я почувствовал себя в безопасности. В относительной безопасности...

Злой и усталый, я проспал где-то часа два, пока меня не разбудил звонок. Пиздец, раннее утро, и кому интересно расхотелось жить? Ищу рукой трубку телефона, натыкаюсь на пепельницу и опрокидываю ее прямо на диван, где я дремал в обнимку с бутылкой виски.

- Алло! - Реву в трубку я и слышу голос моего PR-менеджера Костика.

- Доброе утро!

- Ебанулся, что ли?! Восемь утра!

- Простите Феликс Абрамович. Понимаю, что разбудил... Но... Если мы не дадим ответ по поводу интервью журналу «Music Planet» до одиннадцати часов утра и не дадим им возможность сделать материал с вами сегодня, мы потеряем эту статью.

- Ну и потеряем, и черт с ней, - зеваю я, - меньше еботни будет.

- Но, Феликс Абрамович, - чуть не плачет он, - я это интервью целых три месяца пробивал!

- Костик, серьезно, отъебись от меня. Абсолютно не до этого.

- Феликс Абрамович! - умоляет он. - Вы только подумайте, как руководство журнала на это отреагирует. Они уже деньги вложили, заставили журналистов материалы по вашей биографии собирать, номер почти сверстан. Если мы вот так возьмем и откажемся, получится, что они пустили средства на ветер, мы поссоримся с редакцией, а значит, они никогда больше не будут писать о наших проектах по старым договоренностям.

- Это как так не будут?! - До меня доходит смысл ситуации. В предверии «Звездопада» нельзя было

ссориться с музыкальными журналами, тем более, с такой махиной, как Music Planet. – Ладно, хрен с ними. Позвони им и скажи, если хотят интервью, пусть подъезжают ко мне к одиннадцати. Но ни минуты позже!

– Да, конечно, Феликс Абрамович!

Я повесил трубку, встал с кровати и протер глаза. Только журналистов мне сегодня не хватало.

* * *

Ровно в одиннадцать раздался сигнал с пульта охраны.

«Надо же, какие вы пунктуальные...» – подумал я. Опоздай вы хотя бы на пять минут, сразу бы пошли в задницу со своим интервью. И вообще, если бы не «Звездопад» на носу, ни за что бы не согласился.

– Да-да, пропустите. – Сказал я охраннику по телефону. Зашел в спальню, подошел к большому, во всю стену, зеркалу поправил воротник рубашки от «Christian Lacroix», пригладил волосы. Идеально!

Пуская гостей в дом, тем более журналистов, надо сразу показать, кто тут хозяин. Тапки... Руки мыть... Ничего не трогать... Диван – здесь. Сидеть!

Кому не нравится мой тон, могут сразу уебываться. А то придут, ввалятся как слоны, натопчут грязными ногами, пропитают воздух вонью нестиранных носков, все засрут, протянут шнуры через все комнаты. «Ах, какие у вас апартаменты!», «Эта картина – оригинал или копия?», «Несмотря на утро, Вы великолепно выглядите», «Можно сфотографировать Вас вместе с котом?». И постоянно каждый раз одно и то же, все журналисты одинаковые. Так что нет, друзья, если хотите сенсацию и интервью со звездой – не ебите мозг,

садитесь и слушайте! Будьте добры играть по моим правилам!

Когда журналисты пришли, я дал им время включить все нужные осветительные приборы, усадил на диван и сразу перешел к делу.

- У меня, как вы понимаете, времени совсем мало, поэтому давайте определим сразу, что вы в итоге хотите получить от нашего разговора. Обычно я предлагаю четыре категории интервью: «для друзей», «подешевле», «подороже» и «для вашей долбаной газетенки». Первые два варианта отпадают сразу. Но... - Я сделал многозначительную паузу. - В нашем случае я бы добавил еще одну категорию - «бартер». Хотя сомневаюсь, что вы сможете меня чем-то заинтересовать.

Со стороны дивана послышалось робкое блеяние. Этот мордастый, с бородавкой на шее, наверное, у них редактор, за старшего. Потертый пиджачок, старые ботинки - интеллигент или просто нищий?

- Вы что-то хотели сказать? - спрашиваю я его.

- Мы хотим предложить вам уникальную в своем роде акцию, - сипит он.

- Да? Интересно? - Сверкаю глазами я.

- Наш журнал покупают более чем в двухстах городах, тираж более двухсот тысяч экземпляров. У нас устойчивая динамика роста и много журналистов, чьи материалы и статьи признаны в высших кругах музыкального сообщества и удостоены наград и престижных премий...

Ну, что я говорил? Сейчас еще расскажет про развитие новых ниш, какого-то редактора Селиванова, который несколько лет назад номинировался на «Букер», расскажет о том, как они печатали «самого, блядь, Илавина» на страницах своего издания, начнет перечислять известных людей, сотрудничающих с их изданием... Нет, все-таки какие предсказуемые

людишки! Неужели начитавшись дешевых пособий по бизнесу и психологии вроде «Карнеги для чайников», они думают, что смогут забраться ко мне в мозги?!

- Цифры я знаю сам, спасибо. - Прерываю я. - Давайте конкретнее о предложении, а то такими темпами мы до вечера не разберемся.

Смущается. Слово берет второй, что помоложе, в очках. Типа модный кекс. Красная футболка, потертые джинсы, красные кроссовки «Vikkembergs». Похож на начинающего виджея НМК. На лице заискивающая улыбочка.

- Феликс Абрамович! Вы - человек известный, птица высокого полета. Знаете, когда вы еще получали «Артиста России», я уже говорил, что за этим музыкантом огромное будущее на русской эстраде. Знаете, вы почти по Руассо - остались в родном доме, но уже превзошли Запад, понимаете?

Нет, не понимаю. Не хочу знать никакого Руассо. У меня нет времени на эти льстивые разговоры. И хватит уже придумывать эти нелепые обороты, в конце - концов! К тому же я уверен, что у него один шаблон для общения со всеми артистами - будь это хоть Иосиф Вайтман, хоть группа «Экстаз».

- Спасибо за комплимент. - Скептически говорю я. - И все-таки давайте обойдемся без лести. Я до сих пор не услышал вашего предложения.

Замнулся. Хитрит. Нервно проводит пальцем по дужке очков.

- Конечно, Феликс! Мы сразу поняли, что вы деловой человек. Итак, постер внутри журнала, четыре полосы интервью с эксклюзивными фотографиями и подробная биография! Вы бы видели, какой материал подобрали наши корреспонденты! Это просто фантастика!

Сделал красивую мину, ждет моего ответа.

А я молчу.

Пусть помучается.

- И это все? - нарочито разочарованным тоном говорю я. - Как-то не впечатляет.

- Но чего вы хотите? - спрашивает первый. - Денег?

- Не думаю, - отвечаю я... Хотя, - посмеиваюсь, - кто их в наше время не хочет? Только вряд ли вы сможете мне столько предложить... Нет, дело в другом.

- А в чем же?

В комнате снова воцаряется напряженное молчание. Я задумчиво потираю часы, скучающе разглядывая бегущую стрелку. Часики «Patek Philipp», выглядят намного симпатичнее, чем сальные лица заискивающих журналюг.

- Значит так. - Говорю я. - Мне нужна полоса в каждом номере под «прямую рекламу». Это вдобавок к тому, что вы предложили. И вас не должно волновать, что именно я там буду рекламировать: свой парфюм, ресторан, долбаные компакт-диски или чипсы. Также я хочу информационную поддержку собственных проектов в каждом номере через один. Со своей стороны обещаю предоставлять вам эксклюзивную информацию и предоставлять, так сказать, «закулисные» фотографии - наиболее свежий и интересный материал.

- Но простите, Феликс, - говорит главный, - мы, в принципе видим резон в подобном сотрудничестве, но и вы должны понимать, что у нас в журнале строгая рекламная политика. Евгений, - он указывает в сторону модного парня, - на правах редактора лично следит, чтобы реклама не выделялась из общего информационного потока и строго его дополняла. Последние исследования американских маркетологов показали, что читатель лучше воспринимает посыл, если ему соответствует нужная атмосфера...

Я смотрю на него исподлобья. Он так вспотел от волнения, что бородавка начала лосниться.

- Oh, really? - удивленно спрашиваю я, иронизируя на тему последней фразы собеседника. - Что ж, тогда вам придется иметь дела с американскими маркетологами. Мне очень жаль, что мы потратили наше общее время. Вы могли бы его использовать для скачивания из Интернета очередных изысканий... - Произношу я с особым сарказмом.

Я встаю с дивана, делая вид, что собираюсь проводить их к выходу. Выгнать и поссориться? Нет. Конечно, нет! Каждый мой шаг заранее продуман. Идет торг - все это прекрасно понимают. Интервью со мной слишком интересно им, чтобы так просто отказаться.

Смотрю им прямо в глаза. Они в панике!

Змеи всегда кушают мышек.

Целиком...

На их лицах реальный испуг.

- Ну, вы понимаете, Феликс, - говорит бородавчатый, - это такое исключение... Я не знаю, по силам ли нам его сделать...

- С моей стороны я постараюсь дать вам максимально интересные материалы. - Уверенно смотрю на него я. - Вы получите самую свежую информацию, что, несомненно, поможет журналу лучше продаваться.

- Но Феликс, целая полоса рекламы - это очень много. Может быть, хотя бы половина? Иначе наш контент может серьезно пострадать...

Этого я и ждал! Отлично! Они смирились с моей идеей и уже пошло плавное обсуждение нюансов. Целая полоса на рекламу мне не нужна - свои товары я и на половине страницы отлично пропиарю. Самое главное - они купились на мой рекламный маневр, ведь главное для меня - не реклама, а информационная поддержка.

- Ммм... - Делаю вид, будто мне мучительно сложно принять их условия. - Ладно... давайте половину

полосы. Половина полосы в каждом номере в обмен на информационную поддержку и эксклюзив о моем новом проекте.

Несколько секунд мои собеседники переглядываются. Наконец, пауза прерывается бородавчатым.

- Да! Да! Договорились! Все-таки, как-никак, вы личность исключительная, и исключение должно быть вам соответствующее! Хе-хе! - расслабившись, он улыбается мне, - Надеюсь, вы расскажете нашему редактору много чего интересного про ваш новый проект. Нам было бы интересно услышать про вашу семью, историю о том, что случилось в Киргизии из первых уст...

При воспоминаниях о случившемся, я морщусь, но, тем не менее, не показываю вида. Суховато улыбнувшись для приличия, я говорю:

- Конечно. Со своей стороны я выполню все обещанное.

- Тогда, - обращается он к редактору, - как поступим? Значит рекламную акцию начинаем прямо с этого номера? Рекламу сотовой связи слегка потесним. А информационную акцию начнем со следующего. Подходит, Феликс Абрамович? - Я киваю. - Ну ладно, тогда пару статей мы выбросим из списка. Там молодая журналистка Маша Ковалева написала какой-то материал на тему перерождения стиля ска-панк и молодых российских группах этого направления. Неудобно, конечно, начинающих авторов разочаровывать, тем более талантливых, но придется убрать, под благовидным предлогом.

Я безучастно слушаю их разговор. Маша, Саша, Паша... Мне абсолютно по хер. Если у кого что там вылетит и не получится - сами виноваты, если не понимаете, что вы такие лохи. У меня есть свои цели, а в своем говне они пусть сами разбираются.

Редактор послушно соглашается с бородавчатым. Мне становится смешно. Тоже мне, творческий начальник. Все за него давно решили деньги.

- Ну ладно, - говорю я, - это вы утрясите там у себя. Насчет содержимого рекламы и информационной поддержки вам позвонит Константин, мой PR-менеджер. Он все расскажет, а вы уж там с ним организационные вопросы решите.

- Да-да! - угодливо кивает бородавчатый.

- Отлично. Тогда, я думаю, договорились?

- Да! Конечно! - Потная ладошка тянется к моей руке, чтобы пожать. - Вот вам моя визитка на будущее. Если какие трудности, сразу звоните.

Я смотрю на нее одним глазом:

«Константин Пимонов - коммерческий директор».

- Ладно. - Говорю я. - Давайте уж что ли материалом займемся? И сразу предупреждаю, что с попугаем и кошкой фотографироваться не буду. Не хочу ассоциироваться у читателей с Сонцовой или Карининой, которые вечно красуются на обложках своих «романтических» детективов с целым выводком домашних тварей. Кстати, - не давая им от смеха перевести дух, - «Мона Лиза» на стене - копия.

Директора и редактора накрывает волна хохота. Довольный собой, я достаю из бара коньяк и предлагаю им выпить. Наша беседа длится около часа, а потом, распрощавшись, я отпускаю их, и брезгливо морщусь, глядя на оставленные на полу следы.

После общения с журналистами хотелось немного отдохнуть. Ведь подумать только, которые уже сутки нормально не спал из-за всяких встреч и разъездов. И эта «Пластинка» чертова – но ничего, будет время – разберусь. Тот, кто похитил, может не сомневаться – как только найду вора, замочу суку.

Но только я затушил сигарету и хотел было прилечь, мобильный в очередной раз мерзко завибрировал. Я инстинктивно дернулся; в последнее время ни один такой неожиданный звонок не сулил ничего хорошего.

Звонил мой сын – Ванечка. Ему было 19, и уже почти год он жил вне родительского дома. Я снимал ему квартиру на Воробьевых Горах, буквально в нескольких минутах ходьбы от МГУ, где он учился на филологическом факультете. Сначала я хотел определить его на что-нибудь более полезное – экономический или юриспруденцию, но когда понял, что мой сын – идиот, и с точными науками у него проблемы, пришлось засунуть его на самый спокойный факультет. Кафедра английского языка – учи себе спокойно, читай книжки, для практики летай раз в месяц в Лондон, вот тебе и образование. Самое важное – корочка Московского Университета, конечно.

Прежде чем нажать на кнопку «ответить», я задумался. Чего хорошего мне может сказать этот сосунок? Вряд ли он расскажет мне что-нибудь интересное и умное. Либо начнет рассказывать про свои университетские «подвиги», либо попросит денег... Мда.

– Алло?

Я не ошибся...

- Пап... - Его голос дрожал, он сильно меня боялся. - Тут знаешь... эээ... пп-роблемы... Мы могли бы с тобой встретиться, как можно быстрее, чтобы все обсудить?

- Что случилось?

- Пап... ну... тут это... с университетом пп-роблемы. - Он заикался. - Я не виноват... Нам нужно срочно пообщаться. Можно я д-домой приеду?

- Нет. - Строго сказал я. - Что ты опять натворил?

- Па-па... - Чуть не плачет он. - Я не виноват. Тут вопрос жизни и смерти. Д-давай где-нибудь в центре?

- Хорошо. Через час в «Бедуине». У меня дела. Если опоздаешь - пеняй на себя.

- Да, конечно, пап. Буду.

Я прошелся по комнате. Его слова меня не удивили. Ничего удивительного, опять вляпался в какую-нибудь историю. Говорил же жене, что не стоит его отдавать в МГУ на филфак - там одни телки, совсем учиться не будет. Совсем распоясался. Эх, блядь, надо было не слушать Марину и посылать его за границу, там где русских и «золотой молодежи» поменьше. Но ведь она все квакала: «ты чего, он такой маленький, такой несамостоятельный... я волнуюсь». Эх, моя бы воля, отправил бы в кадетский корпус куда-нибудь на Сахалин, так Марина бы сразу плакать начала, мол, дедовщина, питание ужасное, убьют-изобьют нашего ненаглядного...

Через сорок минут я приехал в «Бедуин». На парковке я сразу разглядел «BMW X5» Вани, подаренный ему мной на восемнадцатилетие. Машина блестела и выглядела почти как новенькая. Слава богу, хоть тачку не разьебал, ее восстановление обошлось бы дорого.

Ваня сидел во втором зале и, скрючившись, пил кофе. Понятно, что нервничает, боится. При виде меня

он выпрямился в струнку и виновато заулыбался.

- Неплохой свитерок. - Пренебрежительно говорю я, поджав губы и показывая на его зеленый пуловер Dolce & Gabbana. Ваня явно не ожидал от меня такой фразы, поэтому сутулится и вжимается в стул еще сильнее. Я, не снимая пальто, сажусь рядом и зову официантку. - Ну что, сынок? Рассказывай.

- Пап... - На его глаза наворачиваются слезы. - Меня отчисляют...

- Правда? - По-прежнему невозмутимым тоном говорю я. - И что же ты натворил?

- Ну... - Мнется он. - Меня застукали в туалете...

- Чай. - Говорю я подошедшей официантке. - Сделайте чайничек, с мятой перечной и сахар принесите тростниковый. - Смотрю на Ваню исподлобья. - И с чем же тебя застукали?

- Ну... застукали...

- С чем застукали-то? Поссал мимо унитаза что ли? За это не отчисляют. Телку трахал? Виски пил? Или... - при мысли об этом меня начинает трясти... - То, о чем я думаю?

- Пап... - он боится посмотреть мне в глаза. - Я слу-чайно... честно...

- Да??? - взрываюсь я и бью по столу кулаком. - Ты что, совсем мудака?! «Случайно»?!! Это теперь так называется?! Я тебе говорил, чтобы ты этим говном не баловался, совсем охуел, мразь? Ну, ладно я закрываю глаза на эти твои клубы, но чтобы ты уже в университете, где я за тебя, ублюдка, тридцать кусков в год плачу, плюс твои эти ебанные «левые» сессии - это надо совсем из ума выжить... - Вокруг испуганно зашушукались и начали на нас оборачиваться, - Знаешь, что... нет... я не буду тебе помогать...

- Папа! Пожалуйста! - Дрожит Ванечка. - Папа, ты должен мне помочь! К кому мне еще идти, как не к тебе... Ты моя единственная надежда!

- Должен? - Переспрашиваю я. - Ну уж нет, я тебе ничего не должен. И так я тебе слишком много поблажек даю. Ты телевизор смотришь? Как мальчишки в Ростове живут, в Воронеже? Я когда в твои годы в Москве жил, ящики за три рубля в ночь грузил, чтобы на цветы матери хватило, сутками зубрил, не высыпался... Тебе же, мудаку, все дано, а ты ни хуя не делаешь. Нет-нет, все, стоп, так дальше продолжаться не может. Значит так, если ты такой идиот, тебя отчисляют из университета, и ты прямиком идешь в армию. Будешь два года под Брянском окопы хуячить в компании дедов, и пизды получать за башку твою дурную, может, это тебя воспитает. И матери можешь не звонить, я ей запрещаю тебе помогать...

Мой взгляд по-прежнему холоден. Ваня трясется, пытаюсь передо мной оправдаться. На глазах слезы.

- Я не знаю, как ты будешь выкручиваться. Продавай машину, съезжай с квартиры - мне по хер. Домой я тебя не пущу. Может, наконец-то поймешь, что в этом мире не все на блюдечке с голубой каемочкой приносят.

- Но па-па... Я... я не виноват... Меня Никоненков подставил. Ему уже все заа-мяли, восстановили...

- Так ты до сих пор с этим дебилем водишься? - Из глаз летят искры. - Нашел себе подходящую пару... - Юра Никоненков, Ванин друг детства, сын известного московского бизнесмена Никоненкова, никогда не стоял у меня в списке людей, с которыми стоило общаться моему сыну. - Ваня, меня реально утомило отмазывать тебя от всякой хуйни, из которой ты к тому же вообще не извлекаешь уроков. Значит так. Никоненкову-старшему я еще позвоню, скажу что да как... - Смотрю я на часы. - Короче...

Ваня хлюпает носом и просительно смотрит на меня. Сопля, блядь, девка. Нахлестать бы его по щекам сейчас, как моя покойная баба Нюра меня в детстве. Эх,

если бы у меня было время, я бы устроил ему урок похлеще. Но времени нет, вопрос надо решить быстро.

- Короче. - Повторяю я. - Завтра я звоню вашему проректору... как там его... Мудильникову... Красильникову, ситуацию в туалете замнем. Мне к черту не надо, чтобы твои подвиги стали общественным достоянием. Ты головой подумай, что будет, если какая-нибудь «Наизнанку» пронюхает про это и выбьет на первой полосе «Сын Феликса Серебрянникова нюхает кокс в сортире МГУ и вылетает с учебы» - я перед коллегами от стыда сгорю. Но учти - еще одна такая херня, и я, пожалуй, просто выкину тебя из своей жизни. Красильникова попрошу, чтобы он поставил тебя на личный учет, и даже денег на это не пожалею. Не дай бог у тебя на сессии будет хоть одна тройка или я еще раз услышу про дисциплинарные взыскания - все, ты хоть лоб расшиби, ни копейки от меня не получишь. И адрес и телефон мой забудешь. Ты все понял?

Ваня, боясь сказать слово, кивает головой.

- Ну, вот и славно, езжай, - говорю я и вижу, что в кафе входит Веларди.

Ваня с монашеским смирением на лице направляется к выходу, и тут я вспоминаю кое-что, окликаю его и прошу вернуться.

- На вот, Вань, я тебе кумыс привез, ты же любишь. - Сказал я и передал сыну красивый кувшинчик, купленный на одном из киргизских базаров.

Мы пересаживаемся с Веларди в VIP-зал. Беглым взглядом изучаю Петю. Молодой, нервный, горящий жадный взгляд – видно, что охоч до денег. Будем давить на пафос.

В кафе немного душно, у стен расставлены кальяны, статуэтки, прочие арабские безделушки. На фоне такого интерьера я чувствую себя кем-то вроде всевластного арабского шейха, который вот-вот отдаст приказ. Подходит Наташа, официантка с большой прекрасной грудью, помню на какой-то пьянке она сторожила туалет пока мы разнюхивались с Даниловым. Потом я отпросил ее у администратора ресторана, привез домой, но как она ни старалась, мой богатырь не встал и я отправил ее восвояси на такси. Подмигиваю ей и прошу принести мне кальян «яблоко на молоке». Заказываю 12-летний Chivas Regal безо льда и молоко. Пристально смотрю на Веларди. Рубашка на нем какая-то странная. Знакомая что ли, будто я ее видел раньше – черная такая, шелковая, Gucci. Хм... кажется ли мне, или действительно видел?

Ну что ж, мой юный друг, садись сюда и слушай. Учись настоящему успеху. Да, ты выиграл несколько престижных музыкальных конкурсов, съездил в Лондон, понравился дочке Березунича, выступил на нескольких закрытых олигархических вечеринках и получил звание «самый успешный молодой артист страны». Но по сравнению со мной ты лишь молокосос, марионетка в руках высших сил – продюсеров и спонсоров, которые тобой управляют! Так что седи здесь теперь перед ЛЕГЕНДОЙ и восхищайся! Учись НАСТОЯЩЕЙ СЛАВЕ!

– Ну как дела, Петь? – по-отечески посмеиваюсь я. – Голова еще не закружилась от успеха-то? Видел твой

клип последний, очень красиво. Кто снимал?

- Успенский.

- Успенский? Молодец какой! А разве он в кино с головой не ушел?

- Ну, видимо, мы смогли его убедить поработать и с нами. - С гордостью говорит Петя.

- Это хорошо. - Улыбаюсь я. - Да, здорово, молодец, растешь. И клипы снимаешь, и по клубам выступаешь - это правильно.

Вспоминая, что рассказывал мне сын про последний клубный концерт Веларди в «Раю», когда была какая-то жуткая давка и куча каких-то нелепых представителей и представительниц московского плебса, я непроизвольно морщусь. Тем не менее, так как сегодня Веларди мой клиент, я продолжаю смотреть на него с одобрением и строить из себя доброго папу, умудренного жизнью старичка.

- Я ж и сам в свое время администратором радиоэфира работал... Да, в чем-то похоже. Как говорится, надо чувствовать публику изнутри - и когда твоя песня по радио идет, и когда ты сам на этой сцене настроение людей видишь, песню под это выбираешь. Что концерт, что выступление в клубе, что диджейство где-нибудь на радио или вечеринке - одна фигня по сути. Ну, да ладно, - перевожу я взгляд на мобильник. - Неважно. А вообще я хотел задать тебе один вопросик.

- Да, конечно, - тут же кивает Веларди. - Спрашивайте.

- Ты же хочешь заработать миллионы?

- Миллионы? - переспрашивает он.

- Долларов, не рублей. - Говорю я.

- Ну как же, Феликс Абрамович. - С готовностью улыбается собеседник. - Кто ж не хочет...

Чудесно.

Вот он сидит передо мной, полностью открытый. Он хочет моих денег, ему нужен мой контракт. Сегодня

«Звездопад» на первых позициях! Сегодня здесь самое лучшее, а не в закрытых олигархических клубах!

Вкратце пересказываю Веларди суть моей задумки. Петя сидит и смотрит на меня округлившимися глазами.

- Ого!

- А то! - Самодовольно улыбаюсь я, вспоминая похожую реакцию Вовы. - А знаешь, что самое для тебя приятное? То что простые зрители выбирать победителя будут. Без всякого жюри продюсеров, прославленных композиторов и прочих старперов, а обычные зрители - по ту сторону экрана. Ты молодой - у нас таких публика любит... Считай, что шансы твои в разы вырастают.

- Но, Феликс Абрамович. - Нервно перебивает он, и заметно, что он немного меня стесняется. - Все-таки пять миллионов долларов - это большой риск, серьезная конкуренция. Выиграет только один, а остальные что, без денег останутся?

Вот ведь жадная сука, даже дослушать не хочет. Я поднимаю ладонь, давая знак, что у меня все учтено, и отечески улыбаюсь.

- Конечно, нет. Я же все предусмотрел. Само собой, никто из артистов так просто рисковать не захочет - тем более, за это время могут быть концерты, гастроли, заказники. Мы будем платить за каждый день пребывания в нашем звездном проекте определенную сумму... - Я делаю небольшую паузу для пущего эффекта, - и очень немаленькую! Суди сам, валяешься на диване, днем пишешь песни, вечером на центральном канале в эфире, а деньги тебе каплют. Неплохо, да?

- Да. - С удовольствием смотрит на меня Петя. Похоже, идея валяться на диване и получать деньги ему действительно нравится. - Здорово! Вы все учли.

- Значит, я могу на тебя рассчитывать? - спрашиваю я.

- Ммм... - На лице собеседника появляется волнение. - В принципе, да, думаю, да. Но вы же понимаете, Феликс Абрамович, надо все это с Кариной обсудить.

- Ах да-да, продюсеры-продюсеры...

Карина - модная рублевская писательница, владелица собственного рекорд-лейбла, модель, которая была замужем за одним из самых богатых людей Украины, донбасским магнатом Иванчуком, никого и близко к своему любимому Петеньке не подпускала. По сути она опекала его как ребенка - маленького несмышленного и очень любящего внимание юнца, что, в свою очередь, породило уже немало злых слухов в прессе.

- Я, конечно же с ней поговорю. Нам же и контракт вместе согласовывать и детали. Я думаю, она поймет, что это выгодное предложение и хороший пиар.

- Конечно, Феликс Абрамович.

Довольный собой, я прошу у официантки принести еще выпить. Мы ведем с Петей непринужденный разговор о шоу-бизнесе, но меня ни на секунду не покидает мысль о его рубашке. Странно, где-то я ее все-таки видел.

Мы уже встаем, собираемся и тут я решаю его спросить.

- Петь, - я смотрю в его глаза пристальным взглядом, - скажи, а откуда у тебя эта рубашка?

- В смысле? - От неожиданности на его лице появляется испуг, что еще больше укрепляет во мне ощущение собственной правоты.

- Ну какая-то она... - пытаюсь я подобрать нужное слово, - знакомая. Откуда она у тебя?

- Ммм... - в его глазах читается непонимание. - Вчера купил в «Галерее VIP Art».

- Хмм... - я несколько секунд теряюсь. - А, ну ладно. Передавай привет Карине. Скажи, пусть мне позвонит.

- Конечно. Спасибо за предложение! До свидания, Феликс Абрамович...

Попрощавшись с Веларди, я подписываю счет. В «Бедуине» у меня давно уже открыта кредитная линия и платить деньги каждый раз мне не нужно. Потом я сажусь в машину и еду в сторону дома.

По дороге домой я думаю о рубашке Веларди. Перебирая свои вещи, я все пытаюсь вспомнить, где же я видел до этого ее у себя. Так или иначе, я ничего не нашел, зато вспомнил, что в прошлом году я точно носил такую же. Странно, она пропала - как и статуэтка - ее просто нет. Неужели Веларди... Вор? Хм, как-то это странно, нелепо. И вдруг я натываюсь на тот самый листок из блокнота, куда в больнице близ Иссык-Куля заносил имя Дэна. Скомканный кусок бумаги валялся у меня в кармане спортивных брюк, которые Марина после моего приезда так еще и не стирала. Немного подумав, я расправил его, взял ручку и аккуратно внес туда имя Веларди. Странно, зачем я это делаю?

Я приезжаю на концерт в казино «Столица»: Российский Союз Бизнесменов организует в нем пафосную закрытую вечеринку. Мое выступление на этом концерте, конечно же, запланировано. Из-за жутких пробок на Тверской я опаздываю и подъезжаю к зданию буквально за десять минут до начала.

Выскочив из машины, я бегом направляюсь к служебному входу. И тут, прямо у двери, меня останавливает охранник.

- Ваши документы? - Спрашивает он.

- Документы? - От злости меня колотит. - Ты что, не узнаешь меня, идиот?! А ну, быстро отойди!

- Без документов не положено. - Отрезает охранник.

- Ты что, debil? - Пристально смотрю ему в глаза. - Ладно... - Лезу в карман пиджака и тут понимаю, что я в концертном костюме и конечно паспорта у меня с собой нет. - Бля... У меня выход на сцену через пять минут. Давай пропускай, а то, боюсь, у тебя будут очень серьезные проблемы.

Я еще раз пытаюсь пройти, но охранник останавливает меня снова. На этот раз он делает это грубее. Онемев от такой наглости, я срываюсь на крик:

- Ты что, не понял?!!! - ору на него я. - Быстро зови менеджера!!! Что же за хуйня?!!! - Чувствую, как меня начинает колотить. - Где ваш менеджер?!!!

- Не надо так нервничать. - Спокойно говорит охранник. - Отойдите в сторонку и там ждите.

- Что?!!! Отойти?!!! - распаляюсь я еще больше. - Я тебе щас дам «в сторонку»!!! Ты за кого меня, мудака, держишь?!!! А ну, на хуй, быстро пропустил меня, иначе через десять минут ты с этого места мигом слетишь!!!

Нет... - Ситуация просто не укладывается в моей голове. - Где же этот ебанный Миронов?!!!

Меня трясет от гнева, но охранник, наоборот, стоит спокойно и безмятежно, как мастодонт. Это его высокомерие меня просто добивает. Плюнув на все, я решительно шагаю вперед. Но на этот раз вместо того, чтобы преградить мне дорогу, охранник с бешенством на лице толкает меня прямо в грудь. Удар не такой уж и сильный, но от неожиданности я пячусь, цепляюсь ботинком за край ковра и оказываюсь на полу.

Прежде чем я успеваю заметить в ночном небе звезды, выходит какой-то менеджер. Завидев меня, он истошно кричит и в панике бросается ко мне.

- Феликс Абрамович!!! Феликс!!! - Он буквально цепенеет, глядя на меня, лежащего на полу. - Ты что, идиот, натворил?!!! - Орет он на охранника. - Да ты хоть знаешь, кто это?!!! Это же Феликс Абрамович Серебрянников!!!

- Но я, - теряется охранник, - действовал в рамках своих полномочий. Он, - показал на меня, - неадекватно себя вел, хамил и вообще нагло прорывался ко входу. У меня есть должностная инструкция, а она одинакова для всех...

- «Должностная инструкция»?!!! - кричит на него менеджер. - Да ты полный кретин!!! Феликс Абрамович, Феликс... - Он льстиво протягивает мне свою потную ладошку, чтобы я мог подняться с пола. - Простите нас, пожалуйста. Он у нас новенький. Мы все исправим, уладим.

- Пиздец вам... - Тяжело дыша, я встаю на ноги.

Менеджер трясется от страха, мысленно уже подыскивая себе новую работу. Охранник, оказавшийся в этой ситуации крайним, выглядит немного виновато, однако, к его чести, ведет себя довольно спокойно.

- ГДЕ МИРОНОВ, СУКИ?!!! - ору я на них, не давая перевести дух. - ГДЕ?!!! ВЫ ВСЕ НА ХУЙ ОТСЮДА

ПОВЫЛЕТАЕТЕ, КОЗЛЫ СРАННЫЕ! Я ЭТО ТАК ПРОСТО НЕ ОСТАВЛЮ! ВЫ ХОТЬ ПОНЯЛИ, КАКУЮ ОШИБКУ ВЫ ТОЛЬКО ЧТО СОВЕРШИЛИ В СВОЕЙ ЖИЗНИ?!!!

Менеджера буквально сводят судороги. С жалким плаксивым видом он достает из кармана телефон и дрожащими пальцами набирает какой-то номер. Через секунду после того, как он сдавленным голосом произносит несколько реплик, прибегает концертный администратор Миронов и бросается ко мне.

- Феликс, простите, пожалуйста. Господи, ну кто же поставил сюда этого кретина-охранника? Но вы не волнуйтесь, мы все решим, уладим. Не сомневайтесь, мы накажем нерадивый персонал. Мы выплатим вам компенсацию, урежем время концерта и сделаем все, чтобы вы забыли про этот нелепый случайный инцидент.

- СЛУЧАЙНЫЙ?!!! - взрываюсь я. - Я хочу, чтобы этого долбоеба уволили немедленно! - кричу я, тыча пальцем прямо в грудь охранника.

- Конечно, Феликс. - Говорит Миронов. - Его уже нет. Мы не просто его уволим, а накажем. Ни копейки гад не получит при расчете, чтобы всем остальным было неповадно.

Услышав эти слова, я чувствую себя победителем. Охранник выглядит совершенно подавленным и разбитым, а я, довольный собой, гордо захожу внутрь. При этом, где-то в глубине глаз секьюрити я замечаю искру ненависти, но тут же забываю об этом.

Пока мы идем по круглой винтовой лестнице, Миронов поддерживает меня за руку, лебезит, стряхивает пыль с моей одежды, открывает передо мной все двери и раскланивается. Когда мы, наконец, доходим до гримерки, я захожу вовнутрь. Администратор пытается зайти за мной, но я вытягиваю руку, упираюсь прямо в него и говорю:

- Все! Дальше я сам! Не надо меня провожать, лучше вискаря принеси! И не ту гадость, что вы обычно «Чивасом» называете, а настоящий, не разбодяженный.

- Сию секунду, Феликс. - Он тут же испаряется.

- Молоко не забудь! - кричу ему вслед.

Концерт прошел на редкость удачно, по сути - потому что я ничего не делал. После выступления я посидел еще где-то часик в казино и проиграл огромную кучу фишек, которую мне с льстивым видом принесли в примерку, дабы хоть как-то загладить инцидент. Собрав цветы, подаренные мне во время концерта, я двинулся к выходу.

На улице давно уже стемнело, все гости разъехались по домам. Насвистывая под нос безумно привязчивую мелодию «Часики бегут», я двинулся к автостоянке. Подойдя к своей машине, я, было, хотел открыть дверь, но вдруг услышал за спиной какой-то шорох!

Обернувшись, я остолбенел от неожиданности. Позади меня стоял тот самый охранник - все это время он меня караулил!

- Ну что, сука, - говорит он с отчаянием и ненавистью, - ты добился своего, я остался без работы. А у меня семья и дети... Ну что ж, тогда теперь тебе тоже пиздец.

Представьте себе ситуацию: вокруг ни души, до входа в казино далеко, а ты - один на один с разъяренным, почти двухметровым быком на стоянке...

Но тут... тут... я чувствую, как кровь приливает мне к лицу!

- ДА?!!! - Кричу я, крепче прижимая к себе букеты. - ТЫ ЧТО, МЕНЯ БИТЬ СОБРАЛСЯ?!!! БЕЙ!!! НО УЖЕ ЗАВТРА ТЫ ТРУП!!!

Не ожидавший такой реакции охранник пятится. Пренебрежительно плюнув, я отворачиваюсь к багажнику, будучи полностью уверенным, что

секьюрити струсит. Но тут, не успеваю я наклонить голову, будто гром среди ясного неба, мне прямо в лицо обрушивается мощный удар. Удар настолько сильный, что я падаю, и цветы разлетаются в разные стороны. Упавшие вокруг меня красные розы выглядят на асфальте большими кровавыми пятнами. Я чувствую соленый привкус на губе.

- Ну что? - Издевательски смотрит сверху охранник. - Что-то ты здесь, на земле, совсем не такой уж и звездный...

В голове проносится все: мои последние мысли, мои последние действия, мои последние выводы и вся эта борьба. Почему-то именно тут, лежа на этом чертовом асфальте, я четко представляю, как могу уложить на лопатки весь шоу-бизнес. А этот парнишка крепче, чем я думал! Я пристально смотрю ему в глаза. Как два немигающих огонька, они сжались, сверля меня в порыве ненависти и злобы. Я чувствую их взгляд на себе, я чувствую, как они лезут в мой мозг, как жаждут видеть мою слабость. И тут меня чертовски заводит!!! НЕТ!!!! ЭТОГО НЕ БУДЕТ!!!!

- Ах так!!! - Меня охватывает невероятная злоба. - А КАК ТЕБЕ ЭТО?!!! - С невероятной для себя быстротой я вскакиваю с земли и тут же обрушиваю на секьюрити сильный удар ногой в колено.

Обескураженный моей прытью амбал даже не успевает сгруппироваться. Прежде чем он может что-то сообразить, я уже обрушиваю на него целый поток ударов. Следующие мгновения мелькают передо мной как в убыстренной съемке. Придя в себя, охранник начинает отвечать, но я, словно не чувствуя боли, продолжаю его колотить.

Я вспоминаю все - молодость, драки в родном городе, то, как в лифте я двинул в торец первому ухажеру Марины... Меня это все чертовски заводит!!!

Естественно, противник намного сильнее меня. Минуты через две я снова падаю на землю, а он, усевшись на меня, заламывает мне руки и пытается душировать. Зубы скрипят от натуги, но я сопротивляюсь по мере сил. Чувствуя цепкий захват охранника на шее, я делаю невероятное усилие и впиваюсь челюстями ему в ладонь. Несколько секунд мы оба боремся с невероятной болью. Затем агрессия гаснет, объятия становятся слабее, и вскоре мы уже вполне спокойно смотрим в глаза друг другу.

- Ха-ха!!! - Смеюсь я. - Ха-ха!!!

- Ты чего ржешь, мудила? - с изумлением на лице бормочет охранник. Бедный, он наверное подумал, что во время драки мне что-то повредил.

- Ха-ха! Ха-ха! - Я продолжаю ржать, освобождая руку. - Это было забавно! Жалко только, - смотрю я на рукав, - рубашку Пола Шарка за 420 долларов...

- Ты неплохо дерешься. - Внезапно говорит охранник. В его голосе слышится то ли страх, то ли уважение.

- Помоги мне подняться.

- Хорошо...

Охранник подает мне руку, и я встаю. Весь мой концертный костюм перепачкан грязью. Мда, теперь его точно придется выбросить, здесь даже химчистка не поможет. Вытирая кровь с губы, я пристально смотрю на бывшего противника и говорю:

- Знаешь, - при этом я улыбаюсь, - а ты мне нравишься.

- Чееего??? - Испуганно мямлит он.

- Нет, я серьезно! - И тут я снова хохочу.

Лицо секьюрити меняется до неузнаваемости. Еще мгновение назад мы с ним готовы были друг друга порвать. По-моему, после падения я точно спятил. Но это так мило... ничего...

Львы всегда отличаются от кроликов.

Всегда.

- Хочешь у меня работать? - уже спокойным голосом говорю ему я. - Сколько тебе платили на старой работе? Баксов 700-800?

- Ну да, 700... - Неуверенно мнетя секьюрити.

- Я буду платить тебя три штуки баксов ежемесячно! Три штуки и ты двадцать четыре часа в сутки со мной и мой по первому вызову! - И не давая ему опомниться, сразу кричу: - Согласен?!?!

- Но, как? - смущается охранник. - Как? Я же вас... эээ... ну... - Теряется он, но тут встречает мой резкий взгляд. - Согласен... конечно согласен!!! Но все-таки... я вас...

Перебиваю его с улыбкой:

- Будем считать это нелепыми особенностями нашего знакомства.

- Спасибо вам. - Чуть не плачет он.

Непроизвольно провожу рукой по шее. Она еще болит.

- Вы уж простите меня за это. - Блеет охранник. - Мне очень неудобно... Просто только устроился на работу, денег нет, жена с детьми сидит, не работает, это вообще единственные деньги в семье, их на еду и одежду детям едва хватает. Если вы не шутите, у меня теперь все наладится...

- Я никогда не шучу. - Перебиваю я его.

Охранник начинает мне помогать. Он аккуратно собирает цветы с асфальта и протягивает их мне. Теперь он уже смиренный грешник перед богом. Опасливо поглядывая на мою губу, он кладет цветы на заднее сидение и снова начинает приносить извинения.

Я уже его почти не слушаю, сажусь за руль, завожу мотор, поднимаю стекло и протягиваю охраннику визитку.

- Позвони мне утром.

- Да-да, конечно, позвоню. Но все-таки... почему?

- Что, почему? - спрашиваю я.

- Почему вы решили взять меня к себе на работу?

Я смотрю на него и закуриваю. Выпускаю сигаретный дым в окно. Я ловлю себя на мысли, что впервые за последнее время чувствую себя невероятно сильной личностью. И это ощущение мне определенно приятно.

- Знаешь, а мне нравится, что ты не говно. Не такой кусок говна, как прочие, - делаю я из дыма колечко.

Часть третья:
Она

Эти пьянки меня скоро доконают. Просыпаюсь с утра в кровати, а рядом лежит какая-то девка, лет семнадцати на вид. Я в шоке: протираю глаза, спрашиваю: «Ты кто?», а она мне в ответ говорит, что она, оказывается, какая-то подружка моего сына, что перепутала телефон и позвонила мне вчера. А я-то, идиот, был пьян, начал над ней стебаться, на вторую квартиру пригласил, заказал две бутылки кьянти, напоил ее и развел.

Mamba.ru – с виду очень интересно. Даже офигел в начале – 10 миллионов анкет. Ну-ну, щас посмотрим и отберем, мы же люди опытные. И вроде телки-то, кстати, надо сказать, в общем неплохие. И вроде даже не потаскушки, к каким я в последнее время по жизни привык. Создаю свою анкету, начинаю заполнять, заливаю фотку. Вот умора-то, господа интернетчики! Веселье начинается!

Щелкаю мышкой, пару минут перебиваю список, выбираю первую понравившуюся девушку – высокая, загорелая, стройная. «Ну», – думаю. – «Щас устрою я тебе путевку в рай». Нажимаю кнопку и отправляю приватное сообщение, что-то типа: «Здравствуйте, девушка, очень хорошо выглядите».

В ответ мне приходит: «Спасибо. Вы, Серебрянников, тоже ничего:)».

Улыбается.

Вот дура тупая, не может врубиться что-ли, что это я – Серебрянников. Пишу ей в ответ сообщение: «Да это вообще-то и правда я». Через пару минут приходит: «Ну-ну, тогда я Бритни Спирс» – типа с таким намеком, что «парень, возьми свои фотки поставь». Свирепею. В голове рождается мысль. Смотрю ее имя – Алина,

включаю веб-камеру, быстро записываю ролик, стараясь заодно еще и антикварный сервис на заднем фоне показать. Улыбаюсь, типа: «Привет Алин, ну что, до сих пор не веришь?». Тут же выкладываю ролик себе в анкету и жду. Ответ приходит буквально через секунду:

- ВЫ ПРАВДА ФЕЛИКС СЕРЕБРЯННИКОВ???

- Да, - улыбаюсь и думаю про себя: «попалась птичка в ловушку».

- И что же вы тут делаете? - Недоумевает девушка.

- Да вот, понимаете, - улыбаюсь я, - так скучна жизнь современного артиста, хочется с какой-нибудь красоткой познакомиться. Вот с такой как Вы, - опять ставлю смайлик. - Может быть, дадите телефон, а то я на клавиатуре медленно набираю?

- А зачем вам мой телефон???

- Ну как, пообщаться, - меня уже раздражает ее какая-то несговорчивость. - Я же говорю, скучно мне сегодня вечером. Может быть, в ресторан куда съездим? Или в клуб? Время еще раннее.

- Феликс Абрамович, - и тут она говорит фразу, от которого я чуть со стула не падаю, - простите! Мне было бы конечно с вами очень приятно познакомиться и пообщаться, но я серьезные отношения ищу. Мне неудобно вам говорить, но вы, наверное, меня не за ту приняли.

ЧТООО???, НЕ ЗА ТУ ПРИНЯЛ???, Ладно, черт с тобой, какая-то очередная шлюшка, которая набивает себе цену.

Сажу за компьютером, курю, пью вискарь прямо из горла. Голова уже постепенно идет кругом. Смотрю еще какие-то анкеты, мои анкеты просматривают какие-то чуваки. Уже смотрю первые комментарии: «... Феликс Абрамович Серебрянников???, Феликс???, ХАХХАА, это Серебрянников - попса отстой! - какой-то парень пишет». От злости я давлюсь вискарем, вскакиваю, хочу ему какой-нибудь матный ответ зарядить и голову

снести, но тут понимаю, что, чтобы писать ответ, надо, во-первых, писать его сидя, во-вторых, у меня уже пальцы по клавиатуре не попадают. Надо успокоиться...

Телки... Телки... Анкеты... Телки... Мамба...

А дальше я уже и не помнил, что было. Не помнил я, как я писал каким-то еще телкам, не помнил я и как и сколько анкет еще просмотрел, как неожиданно позвонил телефон, как это была какая-то подружка Ванечки, как я начал над ней стебаться и угорать злой, потому что в онлайне мне не дала ни одна телка, пригласил ее на квартиру «познакомиться с великим артистом», как мы распили с ней бутылку «Кьянти» и... дальше уже ничего не помнил...

Мда, забавно – Феликс Абрамович занимается спаиванием всяких малолеток, если тусовка прознает, мне пиздец! Вот бывают же у меня временами, хе-хе, такие сдвиги. В то же время забавно: даже в свои почти пятьдесят я лучше и лучше многих мужчин. Настоящий возраст мужика определяется возрастом его любвицы – верно в народе говорят.

Дав телке на такси, я поскорее выпроводил ее из дома, а сам пошел в кабинет, разбирать деловую переписку. Работы скопилось немного, поэтому, закончив ее, я откровенно заскучал. Почесал подбородок, полез в Интернет, почитал последние новости... Мда, откровенно скучно.

Звонок. Телефон.

– Алло? – Поднимаю я трубку.

– Ай, Феликс Абрамович, здравствуй, – слышу я характерный армянский акцент Киносяна. – Как жизнь, здоровье, куда, старина, пропал? Чего не звонишь мне, чем занят?

– Да так, все нормально, Робик, – улыбаюсь я. – Ничем особым не занят, работы тут просто много, – лениво говорю я, раскладывая в пасьянс. – Как сам-то?

- Да тоже ничего. Слушай, Феликс, а помнишь, мы с тобой хотели встретиться? Ты говорил мне про свой «Звездопад»?

- Конечно, помню, - напрягаюсь я. - А есть идеи?

- Вот, слушай, - спрашивает он, - а может, на футбол вместе пойдём? Ведь неплохой такой, старик, вариант для встречи.

- На футбол? - изумляюсь я прямо по-детски. - Что, общаться на стадионе под крики фанатов?

Если честно, я подумал, что старый пердун Киносян просто выжил из ума...

- Да нет! - смеется он. - Если ты билеты до Парижа нам проплатишь! Ты что, старик, телевизор не смотришь, там все в новостях только об этом и говорят! Послезавтра Россия и Франция на отборочных чемпионата мира играют...

- А... - Улыбаюсь я. - Забавно...

- Ну вот, - продолжает он. - Вот я и думаю. Может, ты свою жену возьмешь, а я - свою, посидим в каком-нибудь уютном баре, завалимся там, выпьем. Закажем только себе комнатку сначала, естественно - только VIP.

- Ну, разумеется, - вполне соглашаюсь я с ним. - Только VIP. Нет, хорошо я согласен. Только давай без жен, ну их на фиг. Посидим по-стариковски, без баб... Кстати! - Я тут же вспоминаю. - У меня на примете есть отличный спорт-бар!

- Вот и отлично, старик! - Мой собеседник не на шутку радуется. - Давай, тогда, Феликс! Договорись - звони!

- Само собой, Робик.

Закончив разговор, лениво откладываю трубку в сторону. Киносян мне, конечно, как собеседник, давно неинтересен, футбол я тоже не люблю. Но ради «Звездопада» и вправду стоит встретиться, Робик ведь не самый последний певец на эстраде у нас. Ладно, хер с ним, пойду звонить в «Европу». Отличный такой спорт-

бар на Полянке, еда там вкусная, есть любые напитки, а также VIP приятный, человек на шесть. Один раз я уже был в нем на дне рождения Австревича.

С этими приятными мыслями подвигаю к себе телефон поближе и набираю номер.

- Алло? - отвечает мне молоденький женский голос.

- Алло, - мне откровенно лень даже представляться. - Это спорт-бар «Европа», да?

- Администратор спорт-бара «Европа», - уточняет она. - Прием заказов на проведение корпоративных мероприятий, праздников, вечеринок, презентаций. Я чем-нибудь могу вам помочь?

- Да, можете. Я хочу заказать у вас VIP в четверг на время проведения матча по футболу «Россия-Франция» для собственной компании друзей. Сколько мне это будет стоить?

- Депозит - десять тысяч рублей... - говорит девушка.

- Нормально, - мне даже смешно. Мизерные для нас с Киносяном деньги.

- Но вы знаете, - тут же смущается она, - к сожалению в этот день ничего у нас не получится. Дело в том, что эту комнату уже заказали для себя хорошие друзья владельца нашего ресторан, сами хотели посмотреть футбол.

- Что? - Я не могу поверить своим ушам. - Мда, обидно так, да...

- Ну, ведь вы можете сесть в обычный зал, - утешает меня девушка. - Там у нас очень приятно, великолепная вентиляция, уютные диванчики и тоже очень комфортно. Чем он вас не устраивает?

- Ну к сожалению, - мне даже приятно такое человеческое сочувствие, - общий зал никак не подойдет. Как бы вам сказать, - говорю я это вообще без всякой задней мысли, - люди слишком известные у нас.

- ИЗВЕСТНЫЕ?!!! - Напрягается она.

- Ага, - продолжаю я, - ну вот, например, народный артист России и Армении Киносян...

- КИНОСЯН?!!! У НАС?!!! - Девушка судорожно вдыхает воздух. - Вы серьезно?!!! Из-звините, извините, - запинается она, - можно я вам через минуточку перезвоню?

- Да, конечно, - говорю я уже безразлично. - Звоните. Я жду.

Девочка еще раз пять извиняется, спрашивает у меня мой номер и клятвенно обещает мне перезвонить. Я совершенно спокойно прощаюсь, кладу трубку и отправляюсь на кухню. Мда, вот так всегда. Как только заканчиваешь быть обычным человеком и называешь пару фамилий из своего круга, любая человечность мигом пропадает, и в собеседнике просыпается робот, который тут же бросается на тебя. Ему в тебе интересна лишь твоя звездность и статус, ему наплевать на то, что ты за человек и что у тебя за мысли. Да, и даже ведь посмеяться не над чем - совки тупые. Слишком предсказуемая фигня....

Едва я успеваю дойти до кухни и поставить чайник, в кармане начинает вибрировать мобильник.

- Да? - Беру я трубку.

- Здравствуйте, - бодро рапортует мне в трубку уже другой женский голос, куда более опытный и хищный. - Меня зовут Алина Дигина, я менеджер бара «Европа» по пиару, свяжам с общественностью и приему особо важных гостей. Знаете, когда мне стало известно, что к нам придет лично сам Роберт Артурович, я была просто в шоке - такой известный, видный человек! Конечно же, я тут же позвонила Виктору Николаевичу, нашему владельцу, поговорила с ним, все рассказала! Вы знаете, он тоже как я, несказанно обрадовался и обещает с почестями Роберта Артуровича у себя принять, обеспечить его всем, что тот хочет, в том

числе – и VIP-комнатой, которую вы только что просили...

Что?!!! Меня прямо распирает от смеха, я еле сдерживаюсь! Нет, вот ведь холопы, такое только у нас возможно, чтобы владелец заведения выгонял своих друзей ради какого-то голосащего со сцены идиота – нет, все-таки разве он не мудака? Небось еще и пафосный прием приготовит, будет весь вечер бегать к нам, льстить. Чуть ли не сам подносить нам блюда, просить сфотографироваться – «одну на стеночку», «одну для моего альбомчика, жена очень просила, Роберт Артурович, вас лично». Мне откровенно противно, но я сдерживаю иронию и говорю пиарщице голосом вполне удовлетворенного ответом человека:

– Ну что ж. Ладно, если так. Тогда как оплатить – кредитной картой или потом на месте?

– На месте, без проблем – отвечает пиарщица. – Но это как бы не тот вопрос. Вы знаете, – и тут тон неожиданно меняется. – Виктор Владимирович просил вас предупредить: если с вами не будет Киносяна, вас не пустят в VIP...

– В смысле?! – Я прихожу в недоумение. – Как это не пустят?!!!

– А вот так, не пустят, – говорит девушка и даже пугается резкости собственной фразы. Но, тем не менее, продолжает, – не пустят, вдруг вы какой-то шутник...

ПИЗДЕЦ!!! Шутник?!!! Я просто ушам своим не верю! Это она мне говорит, мне?!!! Серебрянникову! И это у нас только возможно – «что вас, без Киносяна, не пустят в VIP». Кровь бьет мне в голову. Ну, сейчас я скажу вам все!

– БЛЯДЬ!!! – Ору я прямо в трубку так, что пиарщицу уносит от страха. – Это я-то шутник? Вы что там все, идиоты, в своем зоопарке поехали крышей? Совки мерзкие, без Киносяна не пустите, вам только со

знаменитостями заигрывать и жопу им лизать?! Да вы хоть знаете, с кем говорите, девушка, а? Я – Феликс Абрамович Серебрянников! Один звонок – и вас с работы мгновенно уволят. Вы хоть головой своей понимаете?

– Простите Феликс... – на том конце трубки шок и молчание. – Н-нет, н-ну я п-правда н-не знала, – нелепыми фразами заискивающего робота оправдывается она. – Ведь может, и вправду какие-нибудь подростки просто решили пошутить, звонят нам, веселятся или кто-то очень хочет комнату на вечер снять. Ведь было такое не раз, скажут, придет Киносян там, какой-нибудь, или Кутин, а он потом не придет, мол, заболел, не смог и так далее...

– ПОДРОСТКИ?!!! НЕТ, ЭТО ПРОСТО ПИПЕЦ!!! – От наглого подхалимажа я распалюсь еще больше. – Вы бы хоть головой думали хоть иногда, что говорить и какие отмазки лепить! Я что, по голосу похож на подростка?!!! Короче... короче... – Мне откровенно лень. – Значит так. Мы будем ровно в восемь. Парочка автографов владельцу, фотография на память, никаких анкет, опросов, попыток записать контакты, телефоны и т. д. Если что будет не так, знайте, что я все это без внимания не оставлю. Не понравится что-то – вы все окажетесь с голыми задницами на бирже труда. Уж мы-то с Робертом Артуровичем постараемся, уж вы-то наверное понимаете меня.

– Д-да, конечно, Феликс Абрамович, – оправдывается девушка. – Конечно все сделаем, вы уж простите меня, пожалуйста. Все сделаю, просто чудно, все сделаю так, как вы мне сказали...

– Ну, вот и славно.

Бросаю трубку в сторону, бессильно опираюсь на стол и долго-долго смотрю в окно. Смотрю несколько минут, вскипяченный чай в электрочайнике уже остыл, придется ставить его снова. Господи, ну почему у нас

столько дебилов, у нас, в самой великой, блядь, в мире стране? И господи, почему меня эти дебилы так раздражают?

Вечера выдавались скучные. Опять тусовки, попойки, презентации. Несколько следующих недель у меня прошли в общении с коллегами по цеху. Уставая от встреч, я все больше валялся на диване, смотрел телевизор, пил виски и думал о том, как классно все-таки, что я придумал «Звездопад». Все завистники и коллеги умрут от зависти, когда я выпущу на экраны свой проект. Дела шли не так уж и плохо – звезды мямлили, бурчали, ссылались на ужасную занятность («Ты же знаешь, Феликс, я пишу альбом в Лондоне», «Ой, у меня огромный тур по Украине», «Слушай, только собирался лечь в клинику и вырезать мениск», «Единственный отпуск за год, поеду обкуриваться на Гоа»), но как только слышали о деньгах, тут же соглашались. Еще немного и все полностью охуеют. И я буду на сцене – Forever Not Yours, как в песне A-ha. Кстати, неплохая идея – может кого из иностранцев пригласить на шоу? Пусть пытаются спеть песни на русском языке! Хотя нет – бабла, во-первых, запросят немерянно, во-вторых, наши «звездочки» будут вопить – они ж, по сравнению с западными, полные сосунки. Правда, Ёся мне рассказывал, как на день рождения дочери, – ей, кстати, девять лет всего, – он «выписал» из Нью-Йорка Эминема, и отдал не так уж много, по его словам – «А, фигня там, какие-то шестьсот штук». Но интересно другое: когда прославленный рэпер впервые приехал в Россию, он ожидал увидеть полный дворец спорта, стадион, или, на крайний случай, большой красивый клуб, а вместо этого его повезли на Рублевское шоссе в загородный дом, показали сопливую девятилетнюю девчонку и объяснили, что петь он будет вот прямо здесь, в банкетном зале, и только для нее.

Сказать, что Эминем охуел - ничего не сказать. Пришлось Ёсе добавить ему еще соточку и пару грамм для счастья, чтобы его западный менталитет полностью не накрылся медным тазом. И ничего, пел же... А на улице в окна подглядывали озлобленные и завистливые подружки девочки, которых специально не пригласили, так как Эминему платил лично Ёся, а на халяву он ничего и никому в жизни не сделает. Да, хуй с ними, этими западными, у меня со своими еще было полно геморроя.

Наверное, все бы в моей жизни шло своим рутинным ходом, если бы в один прекрасный момент мне не позвонил Витя Руцкой, с которым мы были знакомы еще с конца восьмидесятых, и не пригласил меня на свою новую постановку.

- Феликс! - закричал он в трубку, когда я сказал, что ничего не слышал про его спектакль. - Ты что, старик, об этой постановке весь город говорит! Это принципиально новая постмодернистская интерпретация пьесы «Сципион» Жана Жене, сделанная мной в соавторстве с венгерским режиссером Вадошем Катрышем. Это о нелегкой судьбе личности в условиях сложного, многогранного и переменчивого мира... - дальше шло еще несколько предложений про то, какая охрененная и гениальная эта пьеса.

К режиссерам, подобным Вите, я всегда относился с немалой долей скептицизма. Ну да, в 1983-ем он познакомил меня с творчеством «Пинк Флойд» и «Битлз», потом во времена перестройки начал мутить один из первых современных театров в Москве - творческую группу «Про-Текст», сценаристы которой бросили вызов советскому реализму, провозгласив «новый виток искусства». Но по сути, как не было от них толка, так до сих пор и нет. Мнят себя великими и ужасными, собираются маленькими геевскими

тусовками, дрочат и какают на сцене, выдавая все это за новомодные течения в искусстве – эдакие концептуальные неудачники, которые так и не научились зарабатывать нормальное бабло. Все они окружают себя таким количеством пафоса и мишуры, что порой думаешь: тряхни их и увидишь только старое дряблое тело, с которого как дождь праздничных конфетти, осыпается весь этот фальшивый лоск.

Но если вся Москва решила смотреть... в конце-концов, почему бы и нет сходить – очередная светская тусня, не более. Да и почему бы и не развеяться, хоть что-то новое в жизни... тусовки, работа, рестораны, выпивка – все это ужасно утомило.

– Само собой, я тебе устрою VIP-ложу, – сказал Витя. – Рядом с самым потомком Романовых сидеть будешь – он тоже, кстати, придет..

– Хорошо, я буду. – Ответил я, положил трубку и направился к своему огромному зеркальному шкафу-купе.

Потомку Романовых я не удивился: Витя мог жать руку хоть английской королеве, только ни денег в карманах, ни моего уважения ему от этого не добавлялось.

В театр я оделся с размахом. Двубортный жакет из меха ламы «под леопарда», серые брюки в однотонную мелкую клетку, белая рубашка, кожаные коричневые ботинки, синий галстук – все от Дриса Ван Нортена, моего любимого бельгийского дизайнера. Идеально, стильно – просто супер. Рядом с этой серой публикой в дорогих, но однотипных костюмах, я смотрелся на редкость эпатажно.

На стоянке у театра стояло огромное количество самых разных машин – одних только «Бентли» я насчитал три штуки, не говоря уже об X5, «Кайенах» и прочей «массовой» фигне. Судя по всему, добрая часть

московских денежных мешков съехала на премьеру. Ну-ну, посмотрим.

И вот я появляюсь в VIP-ложе, смотрю кто, где и с кем сидит. Ну как обычно – Кристина, Вайтман, добрая половина звезд «старой эстрады», еще какие-то режиссеры, известные критики, журналисты. Машут мне рукой. Привет и вам, ребятки. Мерзотный бородатый критик Пряничников чего-то блеет на ухо Кожевникову, тот осуждающе кивает и соглашается. Великий мэтр эстрады, «серебряный голос России», сегодня явно не в духе. И дело даже не в его последней арии – «Монмарт», она-то как раз очень хорошо пошла. Я сразу вспоминаю статью в сегодняшней газете «Наизнанку» про его младшего сына, которого выгнали из МГИМО за систематические прогулы и посещение лекций в нетрезвом виде. Пиздец, как писала газета, этот малолетний дебил настолько офигел, едзя в свои девятнадцать на тачке стоимостью сто двадцать штук долларов, что по пьяни или под коксом вышел на лекции к трибуне и стал передразнивать препода. Мне даже стало жалко старика. Знал по себе, что дети умеют подкидывать нам проблемы.

Меня увидели. Взгляды немного удивленные, я даже сказал бы – настороженные. Ну, конечно. Во-первых, они не понимают, как такого человека, как я, занесло на постмодернистский спектакль, ну а, во-вторых, быстро соображают, что если я пришел, значит это мероприятие действительно разряда VIP.

Наконец начинается действие. Занавес медленно поднимается, и я вижу на сцене огромное полотно с изображением римских развалин. Сделано грубо, я даже сказал бы – схематично. На фоне нелепой конструкции на пне стоит какой-то чувак и ржет. В прямом смысле слова ржет – прямо-таки захлебывается смехом, показывая на публику.

- О боги! - кричит он, - Граждане Рима!!! - и снова ржет.

Не совсем понимая смысл происходящего, я оборачиваюсь по сторонам и смотрю на окружающую публику. Похоже не один я не догоняю ту самую «гениальную задумку». Тем не менее, все дружно поддакивают, ахают; я слышу тихие возгласы в стиле: «О, да», «Очень интересно», «Очень глубоко, не находите?».

Затем на сцену выходят двое накачанных парней с обнаженными торсами в стиле танцоров-стриптизеров женского клуба «Красная роза». На них некое подобие римских юбок и шлемов, они начинают танцевать гопак, и публика оживленно шушукается - особенно дамы.

- Великий Рим! Сципион! Карфаген - разрушен он! - голосит чувак на пне какие-то нелепые стихи и снова ржет.

«Боже мой», - подумал я. - «Ну, какой бред. Вообще не понимаю, зачем я пришел сюда. Сидел бы сейчас дома, делами занимался. Лучше бы даже в ресторан поехал, чем на эту ерунду смотреть».

Звучит совершенно расхлябанная дурацкая шарманка, ребята в юбках продолжают танцевать. Из правой кулисы выходит актер в римской тоге, блондин, с широким лбом и выдающимися скулами. Видимо, тот самый Сципион. Он несколько раз обходит пень, а затем громко пукает. Потом он достает меч и бросается на полотно, начиная рубить его на мелкие кусочки...

Я медленно встаю и пробираюсь к выходу.

И вдруг на сцене появляется девочка, рядом с которой меркнет все. Высокая стройная брюнетка с глубокими серыми глазами и удивительным, почти детским лицом. Ее длинные, иссиня черные волосы, оформлены в изящный пучок, и это придает ей невероятную сексуальность. Я чувствую в ее взгляде

нечто странное, притягательное – как будто она ранена и ей надо помочь. Я возвращаюсь к своему креслу.

Красотка не похожа ни на одну из женщин, которых я видел раньше. У меня аж челюсти свело, фантастически красивая.

Действие шло и шло, а она все стояла в углу, изображая не то роковую любовь, не то пресвятую Мадонну. Чувака скинули с пня, пронеслась вереница танцоров, с потолка на веревках спустилось не меньше дюжины матросов, какого хуя вообще, дети вышли в пионерских галстуках и маршем ходили вокруг одинокого деревца-декорации, а она все стояла и стояла. Кончилась пьеса бурными аплодисментами. Глядя только на девочку, я тоже зааплодировал.

Когда рукоплескания кончились, я направился к ложе Вити. Он прямо сиял.

– Просто шедеврально, Феликс, ты не находишь?!

– Да, старик, – усмехнулся я, – вполне неплохо. Слушай, а что это за актриса такая? Никогда раньше ее не видел. Очень хорошо сыграла.

– О! – Его прямо понесло. – Ты ее заметил, да? Это наша дебютантка, Полина Агалакова! Представляешь, девочка еще на четвертом курсе «Щуки», а уже такая талантливая. Ее выход – можно сказать дебют, звездный час! Чувствую у этой артистки большое будущее...

Значит, студентка. Молоденькая, неопытная. Отлично.

В голове рождается приятная мысль. Через пять минут передо мной уже стоит администратор и подобострастно смотрит мне в глаза.

– Достань букет. – Говорю я. – Сто одна роза. Не меньше. Для актрисы, которая на сцене была, Полины Агала-ковой. И передай ей мой номер – вот, – даю ему мою визитку с золотым тиснением.

– Но где я сейчас найду цветы? – недоумевают он.

- Не ебет. У тебя десять минут. Занесешь ей прямо в примерку.

Еще минут десять поболтав с коллегами и послушав охи и вздохи по поводу спектакля, я уехал домой в хорошем настроении, надеясь на прекрасное знакомство и великолепную разрядку.

Я сидел в офисе, листал отчетность и вспоминал ту девочку, Полину. Почему она не звонит? Неужели проигнорировала меня? Да не может такого быть! Скорее всего, администратор, кретин, не выполнил мою просьбу. Блядь, если это так, уволю к черту суку – и доверяй после всего этого обслуживающему персоналу, все ж самому приходится делать.

Я закинул руки за спину. Так, со Скворцовым мы вроде уже все решили, Волкова пригласили, с «Туттой», которая после заключения контракта с немецким продюсером, совсем зажралась, еще надо все проработать...

Полина-Полина... Да, интересная девочка. Страстные глазки, волнующая улыбка, в кровати, наверное, супер.

Так. Ивановский отказался, ничего дождем, есть у нас нужные рычаги. Если ему предложить наши пиар-площадки для раскрутки его новой молодежной альтернативной группы «Бутсы», он наверняка согласится. «Светлячки», с ними все понятно, прибегут как миленькие, и еще в очередь встанут – пиар и деньги этим талантливым ребятам из Воронежа, безусловно, нужны. «Бременские музыканты» согласны...

Полина-Полина... Мысли мои возвращались к ней снова и снова.

Точно не русская, похожа на итальянку – особенно волосы эти, иссиня черные, как у Моники Белуччи. Да уж, давно таких не встречал, не то что эти сельские девки в «Prada» и «Gucci», которых толпами Плистерман в «Аист» и «Vogue Safeg» со всей России завозит...

Интересно, согласится ли Авдеев? После ухода из «Попкорна» ему, конечно, ничего не останется, как

принять предложение. Таким образом, три-четыре его артиста в проекте. Ашот там у него, и этот, как его, из Университета Дружбы Народов, чернокожий пряник, ммм... Вот точно, вспомнил – Андреас.

Полина-Полина, снова мысли о ней. Красивая, нет, ну правда ведь красивая! К тому же – актриса, хоть поговорить будет о чем. А то заебался вести кокаиновые разговоры с куклами-моделями без мозгов...

В дверь постучали. Вошла секретарша, поставила кофе и положила на стол свежий выпуск «Music Planet», который я просил.

– Найди мне телефон Театра Луны. – Сказал я.

Секретарша исполнительно улыбнулась и тут же испарилась. Я пригубил напиток и взглянул на журнал.

Прямо на обложке красовалась моя фотография. Настоящий хищник, демоническая улыбка. Фотограф отлично сработал, даже второй подбородок убрал – я аж присвистнул. Ниже огромными буквами: «ФЕЛИКС СЕРЕБРЯННИКОВ БРОСАЕТ ВЫЗОВ ШОУ-БИЗНЕСУ». Не люблю желтушников, вечно ради пафосного заголовка смысл исказят, но этот слоган – выше всех похвал. Интересно, кто придумал, Костик? Может зарплату ему повысить? Давно уже просит. Да, пожалуй, повышу. Сегодня я добрый.

Скуки ради прочитал свое интервью – довольно шаблонно. Ну, ничего, зато мысль четко донесена, и люди обо всем узнают, а заодно коллегам по цеху носы утру – Феликс-то до сих пор интересен, на три полосы интервью, плюс еще обложка!

Секретарша принесла мне весь список телефонов Театра Луны. Господи, что за холопская исполнительность! Администрация, отдел кастинга, заказ билетов. Еще бы телефон санэпидемстанции принесла. Впрочем, мне нужен только один номер.

Я быстро нахожу нужный номер и набираю его.

- Алло? Подскажите пожалуйста, когда у вас следующее представление «Сципиона»?

- В пятницу в 19.30.

- Спасибо. Скажите, а Полина... не помню фамилию... сейчас не в театре находится?

- Мы такую информацию не даем.

- Понятно, спасибо. - Разочарованно кладу трубку.

Черт, ну это точно Костя с цветами намудрил. Что же она не звонит?..

Беру мобильный, нахожу Костин номер и звоню ему...

- Алло?! - раздался бодрый высокий голос.

- Это Феликс. Ты передал цветы, которые я просил, Полине... как там ее... а... Агалаковой?

- О да! Феликс Абрамович, конечно! - услышав меня, Костя буквально распластался перед трубкой. - Все передал, сто одну розу, как вы и просили.

- А почему она тогда не звонит? - Спросил я.

- Ммм... ну я не-не знаю, Феликс Абрамович, - Костик начал заикаться, и это меня смутило. - Я все сделал, как вы сказали.

- Точно сделал? - гневно спросил я. - Не вздумай мне лгать.

- Ко-конечно, Феликс... Да, сделал. Вы же сами видели, как я с букетом шел.

Я и забыл, что когда распарковывал машину, этот холоп носился вокруг и стучался во все ближайшие цветочные киоски. Но странно тогда, почему же Полина не звонит.

- Так что она сказала, когда получила цветы? - спросил я.

- Ну эээ... - Костин голос стал еще более нервным. - Когда увидела их, захотела у-узнать, от кого. Я сказал, что от Феликса Абрамовича и визитку дал. Она взяла визитку, развернулась и у-ушла.

- Ушла? - удивленно воскликнул я.

- Ну д-да...

- Интересно. Так, закажи мне VIP-ложу на следующий показ «Сципиона».

- Конечно, Феликс Абрамович. Все сделаю в лучшем виде.

- Да. - Сказал я. - И шампанское заказать не забудь.

«Если гора не идет к Магомету, то Магомет ведет гору в ресторан», - рассудил я, когда положил трубку. Нет, явно надо было понять, что там не так с этой девочкой Полиной.

Всю дорогу я чувствовал, что веду себя как несмышленный юнец. Опять ехать на это дебильное представление и полтора часа глядеть на этих пукающих и ржущих дебилов из-за какой-то, пускай даже очень красивой девки? Я себя не узнавал, черт побери, Феликс, как-то уж очень нерационально. Но ладно, оставалось надеяться, что Полина того стоила. А она стоила – я это точно чувствовал.

Как только я вошел в театр, ко мне подбежал лебезящий администратор. Раскланиваясь и подобострастно глядя мне в глаза, он заверещал:

– Ой, Феликс Абрамович, здравствуйте! Проходите сюда, да-да, вот, VIP-ложа, все как обещал, шампанское, лед, клубника – все специально для вас, только что привезли...

Я сел на возвышении: умышленно, чтобы меня было видно со сцены. Пусть Полина знает, какой у нее настойчивый и солидный поклонник. Костя угодливо откупорил бутылку шампанского, раздался хлопок. Ну вот, начинается праздник – чувствую, сегодня будет весело.

И вот снова начало представления, вышел этот чувак, опять этот пень, опять дурацкий ржач и дурацкие танцы. Я кое-как терпел это, чуть не заснул ожидая выхода Полины и скуки ради рассматривал собравшуюся светскую публику, которой хоть было и меньше, чем на премьере, но все равно достаточно. Какая-то раздавшаяся дама в черном платье с рюшечками, сидевшая ниже меня на два ряда, восторженно вещала что-то на ухо своему мужу; тот, в костюме Pal Zileri, пофигистски кивал головой и неохотно глядел на творящееся на сцене безобразии.

Да, мужику явно не повезло с женой – хорошо хоть моя жена Марина никогда не таскала меня на всякие модные культурные мероприятия. Ей больше нравилось сидеть на диване и наращивать жир на свою и без того толстую жопу.

Вышел Сципион, полотно раскромсали на маленькие кусочки. Чувак на пне опять заржал. И тут появилась Полина. Боже!!! По-моему она была еще красивее, чем в первый раз. Такая элегантная, такая утонченная и милая, со своей грустноватой улыбкой и печальным, как будто раненым, взглядом. Я прямо таки заерзал от нетерпения в ожидании момента, когда я наконец зайду к ней в гримерку.

Я пялился на Полину весь спектакль. Она стояла молча, не обращая на меня внимания. Когда финальная сцена уже заканчивалась, она на секунду подняла взгляд и увидела меня. Заметив это, я улыбнулся ей и поднял бокал. Твой принц здесь! Смотри на меня! Прекрасно-прекрасно, просто чудесно!

Наконец отгремели бурные аплодисменты. Я тоже лениво похлопал, и когда все стали расходиться, остался на месте и жестом подозвал к себе администратора.

– Ну как, Феликс Абрамович?! – Опять затрепетал он, видно надеясь на щедрость с моей стороны. – По-моему, просто восхитительная игра, просто восхитительная! Еще лучше, чем тогда выступили! Великолепная актерская труппа!

– Костик, не пизди. – Оборвал я его. – Лучше отведи-ка меня к этой актрисе, к Полине Агалаковой.

– Отвести? – На его лице появилось некоторое смущение.

– Ну да. – Кивнул я. – В гримерку. Хочу с ней пообщаться.

Костик мигом все понял и бросился вниз, я последовал за ним. Мы зашли в боковую дверь у сцены с

надписью «Вход только для работников театра» и очутились в большом, просторном помещении. Далее длинный коридор с одинаково белыми дверьми примерок. Костик попросил подождать здесь.

- Сейчас, Феликс Абрамович. - Затараторил он, усаживая меня на диван. - Погодите секундочку, пока она придет в себя после спектакля... Ей же надо переодеться, снять грим... ну вы понимаете, такие дела?

Я кивнул, не проявив никакого интереса к его словам. Внутри я весь трепетал, ожидая встречи с этой фантастической красоткой. Тиканье висящих на стенке часов словно происходило внутри меня. Чик-чик, удар-удар, я не могу больше ждать ни секунды...

Прошло достаточное количество времени, и я уже начал закипать. Наконец дверь гримерки распахнулась, и оттуда вышла Полина.

Увидев ее, я даже не поверил, что это она. На ней был какой-то несуразный ватничек, простенькие джинсы, кроссовки - как будто она вышла погулять с собакой во дворе. Однако даже в таком виде, она выглядела настолько притягательно, что я чуть не потерял дар речи. Никакие джинсы и ватники не могли испортить ее шикарные глаза и прекрасное лицо. Увидев меня Полина остановилась и взглянула с интересом.

- Полина! - Мигом взорвался Костик. - Это, - начал он тараторить, показывая на меня, - Феликс Абрамович Серебрянников... супер звезда нашей эстрады... ой, да, впрочем чего я, дурак, тебе рассказываю-то! Ты ж сама видишь! Так вот, ему очень понравился спектакль, очень понравилась твоя игра, он приходит уже второй раз посмотреть на тебя и очень сильно тобой заинтересован...

- Спасибо, Константин. - Уверенным жестом я отстранил Костю. - Здравствуй, Полина. - Улыбнулся я. -

И что же ты мне не позвонила?

Ее реакция была для меня полной неожиданностью. Девушка строго сверкнула глазками и сказала:

- А с чего это я должна вам звонить?

- Ты разве не знаешь, кто я? - Я даже опешил.

- Знаю. - Спокойно ответила она.

- Ну так и чего?

- Вы меня с кем-то путаете.

- Да ну? - шутливо улыбнулся я. - Не может быть.

Как тебе идея - обсудить это где-нибудь в ресторане?

На ее лице появилась гримаска брезгливости.

- Нет, не думаю. Это плохая идея. - Произнесла она. - Вы меня точно с кем-то путаете. Простите, мне надо бежать...

Я прямо таки оцепенел от такого ответа. Давно не было такого, чтобы девочка, какая-то молодая наивная девочка, вот так откровенно посылала меня. Все они меня хотели - хотели кусочка моей славы, хотели моих денег, хотели сблизиться с моим миром, быть в высшем обществе, но эта - нет, она не из таких. Костик стоял рядом, раскрыв рот от неслыханной по его понятиям дерзости. Значит так? Что ж, еще лучше...

- Хм. Любопытно. - Говорю я. - Но тогда ты мне еще больше интересна.

- Это в каком смысле? - теперь уже смущается она. В ее чудных глазах тень недоверия.

- В том смысле, - уверенно говорю я, - что ты не такая, как я подумал сначала.

Мы изучающе смотрим друг другу в глаза, и, наконец, я говорю:

- Может быть, все-таки выпьем кофе?

Все еще смотря на меня с некоторым опасением, она спрашивает:

- Я так понимаю, что в этой ситуации отказать вам будет некрасиво?

- Убежден в этом на сто процентов. Чашка кофе и всего лишь час вашего времени... - Уверю я ее.

Она кивает головой, чуть заметно вздыхая:

- Хорошо. Я согласна.

Я открываю перед ней дверь, и мы вместе направляемся к выходу. Сзади мельтешит Костик. Поворачиваюсь к нему, достаю из кармана конверт и говорю:

- Кость, вот приходите с женой на мой бенефис в Кремлевском Зале Музыки восемнадцатого числа, там места хорошие, в зоне А.

Костя теряет дар речи и только трясет мою руку, пытаюсь сказать слова благодарности.

- Да, кстати, там на входе будут всем раздавать мой последний сборник «Золотые хиты», причем совершенно бесплатно. Жене, надеюсь, понравится. Да и тебе пора уже окультуриваться, ближе к обычному народу попсовому быть, а то с этим «Сципионом», ты тут совсем на хрен с катушек слетишь.

Костя все еще говорит слова благодарности и кланяется, кланяется...

Интересно, будет ли у него сердечный приступ, когда он в конверте с билетами обнаружит еще и триста долларов?

- Ну, что? - игриво осведомляюсь я, когда мы уже сели в машину. - Поехали что ли в «Мунрайз»? У меня там владелец знакомый, кредитная линия открыта. Погуляем, оторвемся на полную катушку.

Да, я не врал - с Илюшей я находился в прекрасных отношениях. Помню, как-то помог организовать ему концерт Златокрыловой и с тех пор в «Мунрайзе» я всегда был желанным гостем. Мне выделили собственный VIP-столик, открыли кредитную линию и даже дали золотую карту члена клуба, дающую 30 % скидку на всю еду и выпивку в заведении, включая вина из одного из лучших в Москве погребов.

Однако, к моему удивлению, такое предложение не только не встречает у Полины никакого энтузиазма, наоборот - я чуть не теряю ее. В ответ на мое предложение девушка, молча и явно недовольно смотрит на меня большими серыми глазами. Я едва успеваю открыть рот:

- Что такое? Что-то не так?

- Терпеть не могу пафосные тусовки. - Сердито сверкает она глазами. - Если ты хотел меня поразить своим статусом во второй раз, у тебя опять ничего не вышло. Не возражаешь, если я выйду из машины?

Господи, я сидел и смотрел на нее, потеряв дар речи. Отказаться от похода в один из самых известных московских ресторанов?! Да за такое предложение половина девок Москвы тотчас бы раздвинула передо мной ноги. Но эта - крепкий орешек. Играет что ли? Нет, вряд ли, уж больно органично.

- Нет, погоди. - Я прямо испугался, что она действительно уйдет. - Но позволь, - я серьезно чего-то не понимал. - почему ты не хочешь со мной поехать в

хорошее место? Почему тебе не нравится идея провести вечер в компании с приятными и красивыми людьми?

- Приятными? - Морщится Полина. Я вижу, как забавно морщится ее носик, демонстрируя презрение. - А ты сам-то считаешь их приятными?

- Мм... - Я прямо теряюсь. - Всего нет...

Боже, какой бред. Я веду себя так странно. Слова красотки словно погружают меня в гипноз. Но это даже круто, нереально круто! Новые ощущения - во мне просыпаются старые и давно забытые чувства! Это так приятно чувствовать себя настоящим самцом, покорителем - не просто денежным мешком, который берет понравившийся товар с полки, а охотником, который в борьбе полагается лишь на свои силы.

- Но куда мы тогда поедем? Не везти же мне тебя в «Макдональдс» или «Кофе Хаус»?

- Ну, в «Макдональдс» я и не предлагаю. - Улыбается Полина, слегка ошарашенная моей решимостью. - А ты в «Гостях», - спрашивает она, - был когда-нибудь?

- Нет. - С удивлением смотрю я на нее. - В гостях? Это как? И что?

- Относительно новое в Москве место. Там собираются художники, писатели, музыканты, иностранцы, актеры, просто продвинутая молодежь. Очень прикольное заведение, я часто там бываю. Если хочешь, - она вопросительно смотрит на меня, - можем туда поехать.

- Актеры? - закатываю я для вида глаза. - Ооо... очень интересно!

Про себя я думаю: ну какие актеры, блядь? Неужели мне предстоит экскурс в эстетские слои нашего общества? Но делать все равно нечего: я понимаю, что если не поеду с Полиной, вечер будет безнадежно испорчен. Придется либо отправиться в какой-нибудь ресторан и снимать телок, либо проводить его в гордом

одиночестве с единственным верным другом – бутылкой крепкого алкоголя. К тому же я ловлю себя на мысли, что почему-то доверяю этой девочке. Даже странно.

– Ну что ж, – немного подумав, говорю я, – давайте отправимся. С вами, девушка – хоть на край света. – Смеюсь я, уже выкруливая автомобиль к дороге.

– Ой, Феликс Абрамович. – Засмеялась Полина. – А вы прямо дамский угодник! Только вот откуда вы знаете, где этот конец света?

– Ну, если мне вы покажете дорогу. – Выкручиваюсь я.

– Хорошо, дорогу я вам покажу. А дальше – на ваше усмотрение.

Довольный собой, я вывел машину на главную дорогу. Уже через пару минут мы мчались с Полиной на всех парах в моем мягком салоне. Я думал о том, что все-таки я – нестандартный человек, ведь случаются у меня в жизни такие события!

- Ну, вот. - Произнесла Полина, когда я припарковывал машину. - Приехали.

С улицы невозможно было понять, куда мы попали. По-моему, это был какой-то закоулок в районе Арбатской - по крайней мере, мне так показалось. Вокруг места парковки было темно, стояли ангары и склады, по внешнему виду напоминающие бомбоубежища или хранилища снарядов. Вообще, если честно, окрестный пейзаж напоминал мне декорации для съемок очередного концептуального голливудского триллера.

- Кирилл! - Закричала Полина, едва выйдя из машины. - Кирилл!

«Господи». - Пронеслось у меня в голове. - «Ну куда меня занесла нелегкая? Лучше бы дома пил и хотя бы силы зря не тратил. А то что я тут, в этих грязных подворотнях, с местными творцами портвейн что ли пить буду?»

Пока я предавался размышлениям, в окне одного из складских зданий уже зажегся свет. Через несколько секунд яркого сияния стало больше. Непроизвольно заслонив рукой лоб, я увидел, что, на самом деле, это не окно, а дверь, а от входа к нам уже спешит высокий белокурый охранник.

- Здравствуй, Полина! - Подбежал он к моей спутнице. Они обменялись взглядами, и стало понятно, что это старые знакомые. - Что-то ты сегодня поздно, я уж думал, не приедешь.

- Да, извини, спектакль. - Сказала она с некоторой грустью и поморщилась. - Очередной показ, прости меня Бог. Как я намучалась с этим Витей... Но ладно,

посмотри... – кивнула она, показав в сторону машины и меня. – Я к тебе сегодня привезла нового гостя.

Услышав, что говорят про меня, я выбрался наружу, хлопнул дверью и подошел поближе.

– Ммм, любопытно. – Загорелся охранник. – И кого же? – Тут свет из дверного проема ударил мне в лицо, и он меня узнал. – Ой, это же Феликс Абрамович Серебрянников! – Воскликнул он со странной интонацией, словно не мог поверить в мое присутствие здесь. – Здравствуйте! – Бросился он ко мне, радушно вытягивая руку. – Всегда приятно узнавать новых людей! Кирилл, очень рад знакомству.

– Феликс. – Сказал я сухо.

В голове бродили разные мысли. Ну конечно, мой дорогой, ты в шоке, я же VIP. Зачем мне шляться по твоим грязным подворотням. Если бы не эта девка, ты бы вообще меня никогда не увидел...

Впрочем, глядя на охранника вблизи, я рассмотрел, что у него довольно интеллигентное лицо. Как-то это было нетипично для привычных мне быдловатых секьюрити в стиле «американский спецназ по-русски». Мне даже как-то стало неловко, что я так сухо с ним поздоровался.

– Ну, вот. – Продолжила Полина, глядя то на меня, то на него. – Пропустишь?

– Ну, конечно! – Улыбнулся охранник, продолжая несколько ошалело смотреть на меня. – Феликс Абрамович, не возражаете, если я вас осмотрю. Просто у нас для новичков в нашем клубе так принято..

– ЧТО?!!! ОСМОТРЕТЬ?! МЕНЯ?! – Мигом вспыхнул я. – ДА ЧТО ВЫ СЕБЕ ПОЗВОЛЯЕТЕ?!!!

– Так, Феликс, – вдруг жестко сказала Полина, – не упрячься. Иначе никакой вечеринки не будет.

Пиздец, надо было представить мой шок. Феликс Абрамович Серебрянников, и вдруг – заурядный клубный тусовщик! Но если уж я пришел к богеме и

хотел вписаться в ее тусовку, надо быть, как все. К тому же охранник был очень вежлив, я бы даже сказал – парадоксально вежлив, что меня невероятно смущало. Злость прошла, я виновато улыбнулся, расстегнул куртку. Секьюрити быстро похлопал меня по карманам, улыбнулся в ответ, отдал честь. Больше никаких препятствий на нашем пути не было.

- Нда... - У меня до сих пор сохранялось какое-то странное ощущение. - Здесь всегда такая вежливая охрана? - спросил я, глядя на Полину.

- Да. - Ответила она. - И по-моему, это очень мило. Ведь заведение только для своих.

- Ну то, что для своих, я уже понял. - Сказал я. - А если точнее?

- Сейчас все сам поймешь, Феликс. - Загадочно улыбнулась моя спутница.

Тем временем куда-то мы шли по длинному темному коридору. Я уже представлял, что сейчас попаду в какую-нибудь узкую комнатенку. Но вдруг, пройдя через большую арку-дверь, я увидел зал «Гостей» и буквально обомлел от количества света и публики.

- Ого! - Я не верил своим глазам.

Первое, что удивило - совершенно неожиданный дизайн клуба. Такое ощущение, будто создатели клуба решили полностью разрушить все стереотипы, типичные для подобных заведений. Гостевые места были расставлены ассиметрично, неровно, я бы даже сказал - причудливо. Кто-то сидел на огромном кожаном диване, расположенном прямо в центре зала, кто-то - на маленьких стульчиках по бокам. Была барная стойка, несколько пуфиков и софа, даже - кресло-качалка. Около стены, к своему удивлению, я узрел книжный шкаф со множеством книг. Пока кто-то танцевал и отжигал на танцполе, некоторые читали книжки.

Мы прошли дальше, я продолжал смотреть во все глаза, не переставая удивляться.

Посетители тоже поражали. Давно я не видел в Москве такого скопища красивых, но при этом – интеллигентных людей. Были очень забавные чувачки в очках, модные молодые девочки, кто-то был одет в забавные пиджачки «а-ля Европа», еще какой-то парень был в костюме новогоднего оленя с проводками на голове в форме рогов – лично меня он очень порадовал. После того, как вслед за «оленем» я увидел еще несколько таких персонажей, я сначала подумал, что оказался в дурдоме, но уже через минуту стал жутко переться и захотел влиться в толпу.

– Ого... – Только и сумел я промолвить.

– А то. – Саркастически молвила Полина. – Это вам не ваши гламурные заведения. Что будешь пить? – Подвела она меня к стойке.

– Ммм, да, пожалуй, виски. – Глядя на ценник, я представил, что мне могут здесь налить, но на фоне общего восторга думать о мелочах совсем не хотелось. – Виски с молоком, пожалуйста.

– О, Феликс Абрамович! – узнал меня бармен и отметил: – Виски с молоком – это креативно! По-моему, у вас отличный вкус!

Его слова звучали так искренне, что заставили меня улыбнуться. Вообще, как я заметил, местная атмосфера была крайне дружелюбной. Как-то не напоминало мне это привычные форматы в элитных клубах и ресторанах, где каждый пытался показать себя как можно круче, а вокруг с голодными взглядами толпились кучи проституток.

Полина, тем временем, заказала себе молочный коктейль. Взяв ее за руку, я проводил ее к свободному столику. Кстати, найти его было не так уж и просто. Наконец, мы сели.

- Да... - Произнес я. Все впечатления даже не укладывались в голове. - Слушай, как тут интересно! А кто это заведение вообще держит?

- Один французский художник русского происхождения. - Тихо ответила девушка. - А что?

- Да просто невероятно!!! - Взорвался я, по-прежнему восторгаясь здешней атмосферой. Рядом как раз пробежал чувачок в пионерском галстуке и отдал мне честь. - Это же трэш настоящий! Настоящий позитив! Господи, если бы это место знали, вся бы наша тусовка была бы здесь! Это полный п... восторг!!!

Полина несколько секунд смотрела на меня, а потом поморщилась.

- Вот именно, что не нужно, чтобы сюда все ходили. Тогда харизма заведения исчезнет, чего мы совершенно не хотим. Тут строгий фейс-контроль, серьезно, - она смотрела на меня как-то по-особенному, - может даже строже, чем во многих заведениях Москвы. Зато посмотри, какая здесь компания! И цены какие!

- Цены - действительно. - Сказала я, отхлебнув свой «Чивас». - Даже удивительно, что такой хороший виски где-то наливают по столь смехотворной цене. Так что этот художник-то? - Мне стало любопытно. - Расскажи про него.

- Ну, его папа живет во Франции. А сын вернулся в Россию - тоже рисует, очень знаменит. Вот решил место открыть для себя и своих друзей. Вообще это закрытое заведение.

- Знаменит? - Мне стало интересно. - Кто? Может я его знаю?

- Вряд ли. - Покачала она головой. - Дима Веневитинов.

Веневитинов... Явно, что-то знакомое. Веневитинов, Владиславов... ладно, хрен разберешь. Из художников я хорошо знал только Влада Популониса. Хотя то, что я

знал его хорошо, вряд ли давало мне повод назвать его хорошим художником и человеком...

- Не, не слышал. - Протянул я. - Ты права. Удивительно.

- А кого из художников ты вообще знаешь? - Вдруг спросила Полина.

- Ну... ммм... - Я озадачился. - Ну Влад тот же...

- ВЛАД??? - Переспросила меня Полина с ужасом. - ВЛАД ПОПУЛОНИС? По-моему, у тебя ужасный вкус.

Господи. Ну зачем я ей сказал - только облажался. Ведь права девочка - жуткий халтурщик. Помню, как хотел заказать у него портрет - чисто из-за престижа, так этот халтурщик выкатил мне сумму в целых 100 тысяч у.е.! В пизду, разумеется, я послал его с такими раскладами. Потом я поехал к одному своему питерскому приятелю, и его дочка - студентка Академии Художеств - нарисовала мне две картины ничуть не хуже, причем бесплатно! Когда я смутился и хотел ей заплатить, она скромно потупила глазки и сказала: «Ну что вы, дядя Феликс, это же моя обычная работа, просто практика, ничего особенного». В любом случае я был очень рад - специально ради интереса я даже показывал ее портреты знакомым артистам и говорил, что это Популонис. Самое смешное - они мне все верили: вот придурки-то, ха-ха-ха!

- Ладно, брось. - Махнул рукой я. - Разве это самое главное?

Улыбнувшись, Полина со мной согласилась. Я поймал себя на мысли, что немного ошибся в этой девочке. Не зацикливается на своих интеллигентских шаблонах, а ориентируется в реальной жизни.

Мы сидели и мирно болтали. Да, забавно было находиться с Полиной в «Гостях» - я даже как-то иначе начал смотреть на мир. Местная тусовка мне нравилась все больше. «Занудная» богема оказалась вполне милой и симпатичной. Удивительно, что один вечер смог мне

принести столько новых и, казалось, давно забытых ощущений. Контингент клуба разительно отличался от скучных певцов, олигархов, напыщенных артистов, гламурных тусовщиков и голодных блядей, готовых накинуться на тебя, как на кусок мяса в голодные военные годы. Молодежь улыбалась мне, добродушно кивала, подмигивала. Я чувствовал себя энергичным, активным, будто из моего возраста исчезли, как минимум десять, а то и все двадцать лет. Алкоголь, тем временем, ударил в голову, я окончательно расслабился.

- Жаль, Ванечка по таким местам не ходит. - Грустно протянул я, все глубже погружаясь в мысли о том, как я ненавижу весь этот сраный совок, шоу-бизнес, дешевый российский гламур и пафос.

- Ну если хочешь, - сказала Полина, - можем поговорить с охранником. И его проведем...

- Да, надо бы заставить моего придурка... Слушай, - спросил я ее, - а ты часто вообще тут бываешь?

- Когда есть свободная минутка. - Ответила она. - На самом деле, если честно, меня это утомляет. - Выпивка подействовала и на нее, сделав ее что ли более открытой и мягкой. - Хочется чего-то более конструктивного, чем просто смотреть на толпу пьющих художников. Хочется найти настоящий смысл своей жизни, настоящий путь...

- Ну почему же... - Я старчески крякнул и налил себе еще виски. - Вот мне наоборот нравится так отдыхать. И я считаю, что девушке - молодой, а тем более - красивой - не надо заикливаться на этих глупых и никому не нужных карьерных вещах. Расслабляйся и живи в свое удовольствие. В конце концов, - хохотнул я, - мужа себе богатого найдешь...

- Фи... - Сморщила она нос и посмотрела на меня с нескрываемым презрением. - Я никогда так жить не

смогу. Женщина должна быть независимой и самостоятельной, а не зависеть от брачного контракта.

- Ну это как посмотреть. - Решил красиво перевести тему я. - Зато, если у тебя за спиной есть капитал, ты можешь спокойно заниматься творчеством...

- Да я и так не бедная, Феликс. - Сказала она.

Ну бог с тобой, не бедная, так и ладно. Все равно фонтаны искренности и положительных эмоций били из меня в эту ночь. И Полине это нравилось. Я чувствовал, как мы постепенно сходимся во многих взглядах - на жизнь, на работу, на отдых и даже на творчество...

- А тебе чего хочется по-настоящему? - вдруг спросила меня Полина.

- В смысле? - Я поначалу растерялся.

- Ну, если честно... - Сказала она. - Прости меня за откровенность, но мне слабо верится, что такой человек как ты может всю жизнь лишь скакать на сцене, исполняя однообразные попсовые песенки. Мне кажется, что в тебе есть нечто более интересное, более глубокое. Иначе я бы сейчас не общалась с тобой.

- Спасибо. - Мне стало безумно приятно от ее слов, хотя она, если задуматься, она порядком сейчас обосрала мое творчество. - Вообще-то, - я попытался выкрутиться, - желаний у меня много...

- Ну, например?

- Не знаю... - Перед глазами вдруг все помутнело... - Мне хочется закончить свое шоу...

- Какое шоу? - отдернулась Полина.

- «Звездопад».

- «Звездопад»? - непонимающе смотрела она на меня. - А что это?

- Забей... - Я понял, что сболтнул лишку и совсем не хочу рассказывать свои настоящие задумки по поводу этого проекта. - Долгая история, потом как-нибудь расскажу. А пока - мне просто хочется написать новые песни. - Решил я немного сфальшивить.

- Ой, врешь ты мне, Феликс, врешь. - Улыбнулась Полина. - Но знаешь, - тут же добавила она, - мне почему-то даже нравится твоя загадочность...

Тем временем, в «Гостях» открылся танцпол. Веселящиеся парочки стали кружиться под музыку. Тут-то я понял, что настал мой черед действовать. После лирических разговоров по душам Полина смотрела на меня очень проникновенно. В тот момент мне безумно захотелось танцевать. Вальяжно откинувшись в кресле, я посмотрел в глаза моей спутнице и спросил:

- Скажи мне, Поля, - с улыбкой кота Леопольда подмигнул я. - А ты умеешь танцевать танго?

- Танго?! - изумилась она. - Да, чуть-чуть, а ты?!

- Конечно! - гоготнул я. - В нашей танцевальной школе была великолепная подготовка!

На самом деле, я, конечно, врал. Ни в какой танцевальной школе я не учился. Просто еще в молодости, в советские годы Марина жутко фанатела от разных экзотических танцев. У нее был приятель - с социалистической Кубы - Августо, к которому мы ходили заниматься каждые выходные. Он преподавал все - начиная от сальсы и румбы и заканчивая фламенко. Помню, как дико не нравилось мне разучивать эти чертовы «па», как я парился перед каждым занятием, но сейчас был рад - наконец-то эти навыки мне пригодятся.

- Ну что? - Протянул я Полине руку. - Попробуем станцевать?

- Под музыку диско? - Продолжала она смотреть удивленно.

- А почему бы и нет? Будет забавно...

Надо было видеть, как пафосный уважаемый певец в маленьком закрытом клубе вдруг встает и приглашает свою спутницу на танец! Вел я себя галантно и даже изысканно, хотя временами и чувствовал, что со мной творится какой-то полный и

совершенно непонятный бред. Я жутко дрыгался, совершая нелепые движения торсом, кривлялся и вообще, по-моему, больше походил на какого-то Остина Пауэрса, если вообще не на клоуна, но Полине мои действия очень и очень нравились. Она страстно держала меня за руки, нежно водила кругом, методично крутила бедрами и смеялась как ребенок. А ведь еще три часа назад она считала меня ограниченным денежным мешком... Я тоже был на пике эмоций: обнимал ее и смеялся – не то, как довольный собой хищный зверь, не то – как сошедший с ума юнец. Как давно я не чувствовал себя столь свободно! Наш бенефис с Полиной был исполнен выше всех похвал!

– Ээээ!!! Стоп! Так не пойдет! – Решительно осадила она меня, когда я решил быть наглее в своих движениях. – Ты за кого меня принимаешь? – Демонстративно наморщив носик, она отошла в сторону.

– Полина! Тысяча извинений. – Подскочил я следом в сильном смущении. Голова кружилась от танца и алкоголя, сердце стремительно билось. – Ладно, я правда, не хотел. Но честно, – я просто не мог сдержать эмоций, – танец был по-настоящему супер!

– Знаешь, Феликс... – Вдруг сказала она, широко раскрыв свои прекрасные серые глаза. – Я вообще не привыкла быть столь откровенной с мужчинами на первом свидании, но ты мне очень чем-то нравишься. Что-то в тебе есть необычное...

– Да ну? И что же? – я нарочито изумился.

– Не знаю... – Сказала она все так же серьезно. – Не смейся, но что-то действительно есть. И я собираюсь это разгадать... Уж не догадывалась ли Полина насчет планов по поводу «Звездопада»?!!!

Мы просидели с ней всю ночь. Пили, шутили, смеялись. Уже к утру пришел и сам владелец – я познакомился с ним и получил право на вход. Парнишка

оказался совершенно не от мира сего, хотя, надо сказать – довольно обаятельным. Когда вечеринка закончилась, я посадил мою красотку в такси, она поцеловала меня в щеку, а сам – отпарковал машину до ближайшей стоянки – тоже поймал такси и поехал домой, предвкушая скорое погружение в теплую постель. Жаль только что без Полины...

– Кстати, – когда мы уже прощались, она вспомнила про наш разговор о художниках, – завтра собираюсь сходить к своим друзьям в галерею. Если хочешь, я могу взять тебя. Кое-что узнаешь, о настоящей живописи...

Боже, ну конечно же я согласился.

Яркие лучики солнца залили мою спальню. Я проснулся, лежал на кровати и обдумывал события вчерашней ночи. Вообще пробуждения с похмелья я ненавидел давно. Но теперь мне еще вдобавок снесло крышу.

Полина, Полина... Кожа на моей щеке помнила касание ее горячих губ и я непроизвольно тянулся к ней пальцами, словно желая повторить ощущение того сладкого ожога. При мысли о наших танцах тело сводили сладкие судороги и начинало ныть в паху. Черт, Феликс, я прямо не мог себе поверить.

Как-то все это было нереалистично. По-юношески, что-ли. Бред...

Встав с кровати, я направился на кухню. На столе меня ждал нехитрый завтрак, приготовленный Мариной. Пища была порядком остывшей, да и к тому же моя жена – эта тупая жирная скотина – в последнее время совсем обленилась и готовила просто отвратно. Чем дольше я поглощал невкусную еду, тем больше я думал о Полине. Хотелось оказаться в ее теплых объятиях, ощутить на себе ее прикосновения.

Господи, но ведь между нами могло возникнуть столько препятствий. Что если пронюхают журналисты? А жена? Марина обожала устраивать в семье всякие шпионские игры, подлавливал с поличным моих многочисленных любовниц. Конечно, на ее мнение мне было полностью наплевать, но портить отношения тоже не хотелось – тем более, что в последнее время они, и так, были не самыми лучшими.

Но больше всего смущало меня другое – к Полине я чувствовал настоящую страсть.

Страсть, как в юности, страсть, как в студенческие годы. Это было дикое и невероятно сильное желание, казавшееся мне давно забытым. Сейчас, возвратившееся после столь долгих лет отсутствия, оно, с одной стороны, меня невероятно заводило и вдохновляло, но с другой – я понимал, что боюсь его.

Черт, Феликс, ты же взрослый мужик. Веди себя пристойно...

Дабы хоть как-то отвлечься, я решил заняться делами. Взяв трубку, я начал обзванивать артистов. Звонил Волков: модный дизайнер предлагал мне свои «особые» услуги, как стилиста и изготовителя одежды для проекта «Звездопад». Услышав подобную чушь, я сразу вспылал. Нет, мало было разодетых им как попугаев никчемных солистов группы «Сладость», так он еще в свои пидорские шмотки хотел моих певцов одеть! В пизду, я собирался нанять молодых и талантливых ребят, а заодно – сэкономить деньги.

После я перезвонил промо-директору Арины Наливайко, чей неприятый вызов был у меня на мобильнике. Он вежливо поинтересовался, можно ли будет использовать во время концертных выступлений на «Звездопаде» фонограмму. **ФОНОГРАММУ?!!! БОГ МОЙ!!!** Как же я на него орал! Я кричал, что он мудака и вообще ни черта в музыке не понимает! Какая, на хуй, фанера?!!! Настоящий бой, честная борьба!!!

Они что, все в своем зоопарке белены объелись?..

Отнеся трубку от уха, я представил себе, как будет здорово, когда эта толпа никчемных сосунков и кретинов все-таки выйдет у меня на сцену и запоет. Запоет своими голосами – в их полную силу, а точнее – слабость. То-то смеху будет, вся страна оборжется.

Влив в себя еще кофе, я решил, что не буду никому больше звонить. Скину все эти контракты на Вову. Пусть сам разбирается – не зря же я ему деньги плачу. Если кто потом и будет вякать: мол, Феликс уважения

не проявил, скажу, что дел много и концертов навалом – отмажусь как-нибудь.

Пальцы, тем временем, уже сами тянулись к кнопкам, чтобы набрать номер Полины. Без успеха поборовшись с навязчивым желанием, я таки схватил мобильник и набрал телефон. После нескольких длинных гудков я услышал безумно нежный и красивый голос Полины.

– Алло?

Тут я понял, как успел по нему соскучиться.

– Здравствуй, Полина. – Эмоции прямо били из меня, но я старался вести себя как можно более сдержанно и солидно. – Это Феликс. Ты помнишь, что мне сегодня обещала?

– Ах да, Феликс. – Засмеялась она. – Художники? Конечно, помню. Давай я Игорю позвоню через часик, договорюсь с ним и тебе все точно скажу. Ориентировочно – часов на семь. Я как раз после репетиции освобожусь, а то тут у меня просто жуткая душегубка. – Я слышал, как на заднем фоне раздавался взволнованный недовольный голос режиссера. – Встретимся на Баррикадной? Тебе как?

– Без проблем. – Сказал я. Можно было пока вкусно покушать в местном ресторане «Лебедь».

– Как тебе, кстати, вчерашняя ночь? – поинтересовалась Полина.

– О, все было просто чудесно! Спасибо тебе огромное. – Не удержался я от комплиментов. А сам изумленно подумал: «черт, да так недолго стать настоящим подкаблучником».

– Я рада, что тебе понравилось. – Искренне порадовалась она за меня. – Ну все, я побежала! Давай! Чмок!

Она повесила трубку. Сказала: «Чмок!». Запал в душу, значит.

Настроение улучшилось. Может, все-таки не так уж и все потеряно. Она уже мной увлечена. Точно увлечена, чувствую! Охмурю ее, пересплю и забуду. Черт, а ведь не хочется, на самом деле, чтобы все было так банально! Ладно, эх... чего дурью мучиться...

С бодрой улыбкой я вышел на улицу, дошел до шоссе и стал ловить автомобиль. Уже вскоре я мчался туда, где вчера оставил тачку.

Пока мы ехали с молодым таксистом, в машине играла одна старенькая и очень привязчивая западная тема - Grove Coverage - Poison. Раньше я уже слышал эту песню, но особого значения словам в ней не придавал. Но теперь, вслушиваясь, я смаковал мотив и даже переводил: получалось, по-моему, очень весьма символично:

«Я хочу тебя любить, но лучше не прикасаться.
Я хочу удержать тебя, но мой разум говорит мне
«остановись».
Я хочу целовать тебя, но сам понимаю, что это
слишком.
Я хочу попробовать тебя, но ведь ты настоящий
яд.
Ты - яд, который течет по моим венам.
Ты - яд, но я не хочу избавляться от тебя».

Неет! Это опять заходило слишком далеко! Когда мы, наконец, доехали, я стремительно сунул таксисту в руки деньги и, даже не попросив сдачи, вылетел на улицу. Щуря глаза от непривычно большого для осени количества солнечного света, я быстрым шагом направился к автостоянке.

Уже вскоре, вырвав свой родной «BMW», я почувствовал себя намного спокойнее. Пока я ждал Полину, я успел неплохо пообедать в ресторане «Лебедь». Кормили там, как всегда, вкусно, только неоправданно дорого. В итоге, потратив на обед порядка 200 у.е., я снова впал в меланхолию и загрузился.

Со скуки я стал писать на салфетках странные, понятные лишь мне, заметки. Водя ручкой по бумаге, я бурчал себе под нос что-то вроде: «Кожевников, Наливайко... Популонис... Хана».

Когда я увидел ее, чувства взыграли с новой силой. Она была такой привлекательной, БЕЗУМНО привлекательной! Выглядела моя подруга просто шикарно. На смену тому глупому ватничку пришла модная черная куртка, красивые стройные ножки прикрывала изящная юбочка в ромбик. Я прямо ликовал, глядя на нее и не мог сдержать свои эмоции.

- Полина! - Я чуть ли не сразу бросился к ней в объятия. - Отлично выглядишь! Привет!

- Здравствуй, Феликс. - Она на меня скептически посмотрела, но, тем не менее, поцеловала в щеку. - Спасибо большое, жаль не могу похвалить в ответ тебя.

Моя душа тотчас ушла в пятки, и я едва успел поймать себя на мысли: «Да что эта девка себе позволяет?!?!».

- Что-то не так? - промямлил я тихо.

- А ты будто не понимаешь. Мы же к художникам едем, к ХУДОЖНИКАМ! Не к олигархам и не к воротилам.

Мой наряд ей настолько явно не нравился, что я не удержался и начал рассматривать себя сам. Ну что,

подумаешь, костюм от Zegna за 2500 у.е. Ведь ничего особенного.

- Нет, неужели, Феликс, - продолжала она пилить мне мозги, - у тебя нет чувства такта? То ты едешь в театр в своем двубортном жакете как какой-нибудь наркоделец или сутенер, то отправляешься в галерею и одеваешься так, будто собрался на стрелку с бандитами. Ты все-таки человек публичный, должно же быть у тебя какое-то чутье? Неужели ты не привык за годы жизни на сцене?

- Нормальный костюм. - Отрезал я. - Солидный и аристократический. Чего еще.

- Да не подходит он тут. Не подходит и точка.

Такой сценарий наших взаимоотношений мне совершенно не нравился. Что, эта малолетка еще жизни будет меня учить?! Но странно, если другую девку я мигом отправил бы в задницу и распрощался с ней навсегда, от слов Полины я начал стыдиться.

Слишком сильное производила она на меня впечатление...

Проводив Полину до машины, я галантно открыл перед ней дверь и помог устроиться на переднем сидении, заработав за свою галантность несколько очков. Вскоре ее расположение духа улучшилось. По пути, пока ехали на Лубянку, мы вели вполне конструктивный диалог.

- Феликс. - Бурчала она, споря со мной о правилах поведения. - Ну, не понимаю я никак вашу, так называемую, «новую русскую аристократию». Неужели вам самим нравится демонстрировать, что еще вчера вы были простыми деревенскими хлопцами и богатство досталось вам случайно? Так ведь и норовите по случаю и без случая свой пафос показать. Это некрасиво. Вот посмотри на европейцев - какие там богатые люди скромные!

- Скромные? - переспросил я, вспоминая ужин на вилле в Ницце у одного из местных русских эмигрантов, чья семья перебралась во Францию в начале 20-х годов прошлого века. - Да вовсе никакие не скромные. А насчет того, как показать себя - это человек сам выбирает. Мы же сами зарабатываем наши деньги, и поверь - это не так просто.

- Нет, - не унималась Полина, - ты все-таки меня пойми. Я не осуждаю твое богатство, наоборот. Тебе надо отдать должное за то, что ты собственными силами пробился наверх и стал действительно значимым человеком. Но ведь деньги, - произнесла она с особой интонацией, - не только высокий статус, но еще и нормы приличия, ответственность...

Европа, ответственность, нормы приличия... С момента нашей с Полины встречи я уже успел возненавидеть эти слова. Какой еще чертов закордон?! С какого еще перепоя я должен у них учиться? Однако Полина аргументировала свои мысли так гладко и четко, что волей-неволей я начал к ней прислушиваться.

В таких вот спорах прошла большая часть дороги. Наконец, мы выехали к Москве-реке, погрузились в поток машин на набережной. Старые дома вокруг с выходящими на реку окнами вызывали у меня восхищение. В какой-то момент я подумал, а не купить ли мне здесь квартиру? Может, и Полина порадуетя.

Ладно, пусть это пока будет только мысль...

- Вот. - Сказала мне спутница, показывая на высокий сталинский дом слева. - Поворачивай туда, мы почти приехали.

- Здесь?! - я удивился.

- Ну да. - Вопросительно посмотрела она на меня. - А что ты ожидал увидеть?

Да нет, я просто думал, что девушка везет меня в какой-нибудь музей или галерею, но, если честно, мне было по фиг. Выйдя из машины, я помог выбраться

спутнице и поставил автомобиль на сигнализацию. Мы вошли в подъезд и стали подниматься по лестнице. Я шел медленным шагом и чувствовал, как рядом со мной идет Полина, как она дышит; видел, как поднимается при этом ее чудная грудь. Меня это жутко заводило.

- Здесь. - Сказала она, когда мы остановились около большой деревянной двери. - Пришли.

Пока Полина нажимала звонок, я засмотрелся на дверь. Было в ней что-то могучее, исполинское. Огромный массив дуба как будто стоял здесь с дореволюционных времен - если так можно сказать, учитывая, что дом вообще-то был сталинский. На фоне соседних квартир дверь тоже выделялась - она не была обита войлоком, да и маленькая ручка казалась слишком изящной. Тем временем, Полина продолжала звонить, но никто не отзывался. Я уже подумал, что, возможно, никого нет дома, как минуты через две долгой трели за дверью послышались шаги и из проема показалось заспанное бородатое лицо.

- А? Кто? О? Полина? Эээ? - Туманно посмотрел на меня хозяин. - Входите.

Я глядел на его красное лицо, на опухшие веки и вообще не понимал, куда это меня притащили. Такое ощущение, что этот мужик в дверях был совсем не художником, а простым алкоголиком, синячащим третьи сутки кряду. Тем не менее, Полина не только не смутилась, но даже отвесила ему изящный реверанс и протянула руку, которую он тут же, кстати не без изящества, поцеловал.

- Да, заходите... - Он как-то странно на меня взглянул, но ничего не сказав, пожал руку.

Я сразу ощутил какую-то неприязнь к этому человеку. Ну вот, очередной летающий в облаках пьяница-творец в духе тех, что в Голландии из собачьих какашек на улице складывают миниатюры. Для

приличия, конечно, я натянуто улыбнулся, но про себя подумал, что хорошо бы скорее отсюда свалить.

- Чай, кофе... портвейн? - хитрым взглядом посмотрел художник.

Показав жестом, что мне ничего не надо, я вошел вслед за Полиной в коридор, разулся и надел тапочки. Внутри квартира совершенно не походила на тот благородный антураж, мысли о котором возникли у меня возле двери. В коридоре стояла уже порядком початая бутылка портвейна «Daugo», везде был жуткий бардак - валялись какие-то вещи, сувениры, носки, апельсиновые корки. Огромный стеллаж у входа хранил такое количество кистей, красок, мольбертов и прочего барахла, что, казалось, он вот-вот обвалится под всем этим весом.

- Муррр... - Бросилась мне в ноги кошка.

- Брысь! Брысь! - Отогнал ее хозяин. О чем-то задумавшись, он несколько секунд стоял, а потом направился вперед, почесывая бороду и словно не замечая гостей.

Наверное в голову ему пришла какая-нибудь очередная гениальная идея. В смущении я посмотрел на Полину. Моя девочка, напротив, вела себя очень уверенно. Повесив куртку в гардероб, она тоже взяла тапочки и пошла вперед. Не ожидая особого приглашения, я последовал за ней. Мы прошли через коридор, свернули в одну из комнат и тут моему взгляду открылось ЭТО...

Вся комната, не менее замусоренная, чем прихожая, была завешана полотнами. Огромные холсты заполняли все стены. Я ожидал увидеть какие-нибудь портреты, пейзажи, на крайний случай - натюрморты. Однако на большинстве картин было изображено нечто совершенно невнятное - абстракционизм.

- О! - От раздумий меня отвлек возглас Полины. - Паш, это твоя новая работа, да? - спросила она с

восторгом, стоя около одного из больших холстов и почесывая подбородок.

Услышав Полинин возглас, художник подошел ближе. Я тоже последовал за ним. Вертикальное полотно было полностью закрашено черным цветом, на нем, будто вливаясь в друг друга, были изображены схематичные кремовые человечки. Чем-то мне это напоминало примитивизм – знал бы я еще, что у них, на самом деле, означает этот термин, но в целом – представлялось непонятной мазней. Все человечки были похожи друг на друга, но в некоторых чертах разительно отличались. Где-то они были вплюснуты друг в друга, где-то – несли на руках смешные, напоминающие мультяшные, инструменты и молотки. Когда наверху холста я увидел целую стаю этих человечков с большими нелепыми ушами, меня это порядком посмешило.

– Ну как тебе, Полина? – Тем временем, наш художник совершенно не смотрел в мою сторону и разговаривал с моей спутницей. – Как тебе? Что думаешь по этому поводу?

– Очень интересно. – Сказала она, наконец, оторвавшись от созерцания. – Напоминает абстракционизм и чуть-чуть Пикассо. Хотя, я думаю, если бы это был Пикассо, мы бы видели более схематичное изображение сюжета. Вообще получилось несколько пугающе, но при этом тягуче. Хочется назвать ее «Крик».

– А вам... эээ... Феликс? – За первый раз с момента нашего знакомства художник вдруг обратился ко мне по имени. – А вы что думаете?

– Не знаю... – Я постарался хоть как-то красиво соврать. – Ну если честно, довольно впечатляюще... Напоминает, что ли, этот, комикс...

Какой же я идиот! От столь глупого ответа мне самому стало стыдно! Полина сразу забыла про картину

и изничтожающе, посмотрела на меня. Но художник вдруг добродушно засмеялся.

- Ха-ха-ха!!! - Загоготал он так, что на полках аж затряслись кисти. - А у вас тонкий юмор, Феликс Абрамович! Действительно, так! Вообще, когда я задумывал эту работу, я хотел немножко пошутить над гравюрами голландцев XVII века - там тоже были «комиксы», так сказать. Но потом я замаскировал свой замысел, скрыв его под такой вот ироничной современной модернистской оболочкой. Но вы разгадали мой замысел. В каком-то смысле это и вправду комикс, я бы даже сказал - в прямом!

Из слов его я ничего не понял, но, похоже, я случайно попал в точку.

- Да, - улыбнулся я, думая о том, как я ловко провел наивного эстета. - Именно так.

- Здесь еще кажется есть влияние ацтекских барельефов, - вставила свое слово Полина. - Помню у тебя альбом «Археология Теночтитлана 2005»...

- О, да! - Кивнул головой художник, а я выкатил глаза и подумал: «Девочка, ну откуда ты все это знаешь?!».

Примерно минут пятнадцать мы ходили по гостиной и рассматривали другие картины. Если с этим Теночлентамом, или как его там, я еще что-то понял, дальнейшее погружение в мир живописи Павла Молочко (именно так звали нашего художника) не сулило ничего хорошего. Полина долго рассматривала картину с нарисованной на ней жопой оленя, и потом изрекла, что на самом деле это не олень, а свинья. Художник начал с ней спорить и говорил, что, на самом деле здесь не важно, олень ли это, лось, или свинья - это просто задница, в смысле жопа - то есть, так сказать, самая отрицательная сторона жизни, негатив. Слушая их разговор, я уже не хотел даже насмехаться:

от царившего в комнате запаха краски начало колотить в висках и заболела голова.

К тому же мне совершенно не нравилось, как Полина ведет себя со мной в компании. Оказавшись в плену картин, она натянула на себя маску такого эстета и сноба, что мне стало неприятно. Она смотрела на меня, как на какую-то деревенщину, дурачка. Поначалу я сдерживался, но по мере нашего пребывания у художника напряжение все росло и росло...

- Вот, идемте. - Сказал творец. - Я сейчас покажу вам еще один шедевр.

Мы прошли в следующую комнату - там висела еще целая уйма картин. В голове стало худо, когда я представил, что сейчас я буду их все просматривать и анализировать. Запах краски, тем временем, казалось, уже заполнил мои легкие. И вот я увидел то самое «невиданное», что хотел нам показать художник. На стене, к которой он нас подвел, непонятным и причудливым образом были вырваны обои. К голой стене, серой от бетона, были приклеены разные ленточки, мертвые цветы и ... и ... презервативы!!!

- По-моему, гениально! - закричал творец.

Я всматривался в эту муть и вдруг спросил себя: господи, да что я тут делаю?! Что за бред?!!! Прямо ошалев от этой мысли, я попятился назад и чуть не свернул какое-то незаконченное полотно, лежащее за моей спиной.

- Мда... - Не смог я сдержаться. - Это же гадость.

Художник и Полина тут же пристально на меня посмотрели.

- В смысле, Феликс Абрамович? - Спросил автор. - Вы чего-то не понимаете в этой работе?

- РАБОТЕ?!! НЕ ПОНИМАЕТЕ?!!! - закричал я. - Да это же полный бред!!!!!! Порванные обои, какое-то дерьмо, непонятные ленточки! Господи, - от запаха краски я

уже совсем потерял рассудок, – Полина, куда ты меня притащила, это же полный бред!!!

– Да... – Едва и смог промолвить художник, выслушав мою критику. – Я и не ожидал, что такой человек как вы, Феликс Абрамович, сможет оценить искусство.

– Ладно уж. – Вдруг отозвалась Полина. – Простим старику его непонимание. Не всем же тенденции современности знать...

Вот этого я уже не мог выдержать! СТАРИК?! Меня аж током стукнуло! ДА КАК ОНА СМЕЕТ?!!! Кровь прилила к моей голове.

– ИДИОТИЗМ!!! – Язык заплетался от гнева. – Пусть я старик, а вы тут такие умные?!!! Да покажите мне ваши деньги, раз вы такие умные! Хоть бы в комнате здесь убрал! Нет, это абсолютный идиотизм!!! ПИЗДЕЦ!!! – Кричал я в бешенстве. – Я не понимаю этого! Полина, я не думал, что ты такая... Такая... – Я не смог закончить фразы. – НЕТ!!!

Глаза были готовы выпрыгнуть из орбит, в горло был спазм. Те двое безмолвно стояли и со страхом смотрели на меня. Понимая, что в этой квартире больше не могу находиться ни минуты, я выскочил в коридор. Не помню, как я обувался, как схватил с вешалки свое пальто, но уже через минуту я бежал по лестнице, мчался на улицу – подальше, на свежий воздух, подальше от этой чертовой богемы! Пыль неубранной квартиры до сих пор ощущалась в легких, от запахов краски щипало в носу. Усевшись в машину, я несколько секунд не мог перевести дух: меня трясло и колотило. Я не позволю этой сраной девчонке манипулировать мной, я полностью выкину из жизни нелепую историю нашего знакомства, я не позволю ей играть мной вновь!

Когда я уже собрался трогаться и завел мотор, я на секунду поднял глаза вверх. Окно третьего этажа квартиры, где жил художник, было открыто. Оттуда на

меня смотрела Полина. Меня вдруг потянуло к ней, потянуло безумно... я хотел овладеть ею там же, хотел покорить ее... Гигантским усилием воли я подавил это желание и решительно завел мотор. Мне нужно было ПЕРЕДОХНУТЬ...

Как-то я все-таки добрался до дома. Меня мутило и трясло, сознание куда-то уплывало. По дороге домой я заехал в «Рамстор» и купил две бутылки виски. Одну из них я, не удержавшись, вылакал прямо за рулем, из-за чего на въезде в Николинский поселок чуть не врезался в дерево. Полный ужас, Феликс...

Едва преступив порог жилища я, ни говоря ни слова Марине, бросился в кабинет. Я сел там и заперся, отключив телефон, чтобы полностью отгородиться от окружающего мира. Общение с кем-нибудь – особенно с артистами или женой – грозило депрессией. Я должен был остаться один. Отдохнуть, собраться с мыслями.

Нет, я твердо решил, что выкину из головы эту Полину. Забуду эту потаскушку, эту мелкую дуру, эту сраную тварь. Сотру ее из памяти, будто ничего не было. Будто я и не ходил тогда в театр, а моя поганая жизнь, как она и шла до этого, так и шла – без всяких изменений.

Я открыл вторую бутылку виски и задумался. Черт, я же жил так на протяжении последних пятидесяти лет. Почему я не могу вернуться к этому ритму снова?

Достав из верхнего ящика кипу бумаг, я хотел занять мозг работой. Иногда это помогает. Лучшее лекарство от рефлексии – дело. Когда есть чем заняться, на депрессию банально не остается времени.

Я с огромным энтузиазмом взялся за этот труд. Я перебрал все документы, которые мне прислали Вова с Сергеем. Я проверил всю отчетность, изучил финансовые схемы, просмотрел шаблоны контрактов со спонсорами и артистами, уточнил некоторые юридические моменты. Подписав десяток особо важных

бумаг, я отодвинул их в сторону. Рядом лежало еще столько же – все они тоже ждали моего внимания.

Черт, я отодвинул их в сторону. Как же все-таки скучно. Может поехать в клуб? Или пойти в ресторан? И вообще, почему я занимаюсь такой тупой рутинной работой? Почему эти бумаги не отдать Вове? Может, потому что я ему не доверяю, или они, действительно, моего внимания требуют? Не знаю...

Да, точно – поеду сейчас в клуб, давно там не был. Сниму пару красивых телок, тряхну стариной. Хотя в последнее время туда ходят одни лишь малолетки – скоро мои сексуальные партнерши станут младше девок Ванечки. Нет, разводить тупых лохушек – это слишком никчемно. Хочется реальных ощущений, эпатажа, настоящих эмоций. Хоть бы «Звездопад» поскорее запустить, утру тогда носы этой ссаной эстраде. Черт, а ведь до него еще долго. А эмоций ведь хочется именно сейчас, аж в паху сводит.

Может... позвонить Полине?

Я старался об этом не думать, но знал, что мне без нее дико некомфортно. И только тогда, в тот момент, когда я сидел пьяный и измученный один в кабинете, я начал понимать, как много значит для меня эта девочка. Я ловил себя на мысли, что все как-то неправильно. Я видел ее всего пару раз, еще не до конца ее понял, а меня к ней жутко тянуло. Тянуло страшно, просто нереально; хоть я не готов был себе в этом признаться, но четко это осознавал. Она меня реально взбадривала, придавала мне импульс. Встречи с ней становились для меня настоящим шоком.

А главное – я ее хотел. Хотел на полном серьезе. А ведь Феликс Серебрянников никогда не отказывается от того, чего он хочет?

Глупо все-таки с истерикой получилось. Вел себя как идиот, закомплексованный школьник. Может, все-

таки позвонить? Нет, определенно, позвонить. Позвонить и извиниться.

Рука сама тянулась к телефону. Мне жутко не хотелось унижаться. Но как иначе? Мириться с рутинной и плавно приближать себя к пиздецу? Да вот еще – Феликс Абрамович Серебрянников никогда не сдерживает своих желаний!

Немного поразмыслив, я все-таки набрал ее номер.

Длинные гудки... не берет... медлит...

– Алло? – наконец, раздался ее голос. – Это ты, Феликс? Как ты?

Вслушиваясь, я на секунду замер. Тон был необычный.

– Полина... – начал, было, я. – Прости меня, пожалуйста... Нет, серьезно, – я взял другую ноту, – все получилось слишком глупо! Но я не хотел тебя обидеть, видно, действительно, я староват, чтоб понимать эти новомодные тенденции. Давай забудем эту историю и простим друг друга. Я все равно хочу с тобой общаться и мне очень с тобой интересно.

– Ты знаешь, Феликс. – Помедлила она. – На самом деле, я тоже была не совсем права. Я как-то глупо веду себя рядом с тобой. Ладно, – вздохнула она, – завтра поговорим.

– Полина... – Я прямо выдохнул. – Но ты на многое мне открываешь глаза. Может, сходим в Третьяковку?

– Ну, если ты хочешь. – Ее голос напрягся. – Хотя... хотя... – Произнесла она. – Может, лучше нам встретиться... в нормальных условиях?

Я не мог поверить услышанному!

– Например? – просиял я.

– Ну, допустим, в кино сходим. Сейчас идет много чего интересного...

Чудесно! Я был готов скакать на одной ножке от счастья.

И тут я вдруг, неожиданно для себя, спросил:

- Полин, а ты любишь землянику?
- Да, очень... - Непонимающе протянула она. - А к чему ты это?

- Да так... - Улыбнулся я. - Увидишь.

Окончательно уверившись в возможности продолжать наше с ней общение, я отключил трубку и расплылся в улыбке. Все-таки крут я, Феликс, безмерно крут. Так, вдохновение вернулось, можно было еще немножко поработать. Потом надо будет сделать еще один важный звонок...

Еще раз улыбнувшись собственному превосходству, я достал из кипы очередной документ и начал в него вчитываться.

* * *

- Алло. - Послышался на том конце трубки заспанный голос Кости, когда я набрал его номер в четыре часа ночи. - Это вы, Феликс Абрамович?!

- Да. - Говорю я. - У меня к тебе очень важное поручение.

- Конечно, Феликс Абрамович. Говорите.

- Я хочу, чтобы завтра к двум часам дня ты принес мне пакет лесной земляники. Именно лесной - не вздумай меня наебать, купив в магазине! Я узнаю в любом случае, и тогда тебе будет пиздец!

- Но... Феликс... простите, Феликс Абрамович! - Голос непонимающе задрожал. - Вы точно уверены, что вам нужна земляника? - Костя наверное подумал, что я выжил из ума, обкурился, или употребил какие-нибудь редкие наркотики, которые полностью снесли мне крышу.

- Да, Костя. Завтра в два часа. Ни минутой позже. Если все будет как надо - обещаю хорошую премию в конце месяца.

- Хорошо, Феликс Абрамович.

Я повесил трубку. Да, я действительно был под наркотиком. Станным наркотиком, имя которому Полина. Он и вправду сносил мне крышу, но что самое удивительное - мне это нравилось.

Следующий день начался в совершенно бешеном ритме. Не успел я принять душ, с пульта охраны начались сумасшедшие звонки. Матерясь, я выскочил из ванной и помчался к дверям. На пороге стоял запыхавшийся Костик.

- В-вот, Феликс Абрамович, - он так устал, что не мог отдышаться, - насобирал, как вы просили... - И протянул мне пакет.

Несколько секунд я тупо смотрел на эту землянику, а потом не выдержал и просто расхохотался - Что-то не т-так, Феликс Абрамович? - затрясся Костик.

- Да нет, все нормально, - сквозь смех произнес я. - Спасибо, Костик.

Я прошелся по комнате и посмотрел в зеркало. Да, забавно. Немолодой человек, известный артист, мультимиллионер в долларовом эквиваленте - и тут вдруг срывает своего администратора в четыре часа ночи и отправляет в лес искать землянику по прихоти новой пассии. Больше походило на поведение романтического юнца. Не хватало еще романсов под окнами. Могло показаться полным сумасшествием, настоящим бредом - если бы не было реальной историей.

У меня было столько женщин! Десятки моделей, начинающих певичек, красивых поклонниц и просто блядей, которых я пачками снимал во время концертов и гастролей. Я водил их в лучшие рестораны, я подсовывал их коллегам по цеху, я мотался с ними на модные презентации, спал на роскошных кроватях лучших гостиниц, и все. Любая из них была готова отдаться мне за дорогой ужин и дорожку кокоса. А

Полина – совсем не такая. От одного свидания мне снесло крышу...

Закурив сигарету, я плюхнулся на диван и набрал ее номер. После недолгих гудков в трубке послышался серьезный и безумно женственный голос.

– Алло?

– Привет, Полин. Это Феликс. Когда сегодня встретимся?

– А, Феликс, привет. – Произнесла она спокойным тоном. – Как договаривались. Давай в переходе на Пушкинской, и ты не забыл, что мы едем покупать тебе новый гардероб?

– Да, помню, помню. – Сказал я.

При мысли о том, что Полина начнет работать над моим имиджем, мне стало не по себе. Оденет еще на меня какой-нибудь гомосексуальный шарфик или эстетские очки, начнет расписывать, что это модно – выглядеть творческим снобом... Нет, ну такое я точно не позволю.

Договорившись с Полиной о встрече, я валялся на диване и думал. А нужно ли мне это все вообще? Нужны ли мне такие отношения? Как-то уж слишком бурно ворвалась в мою жизнь эта девушка по имени Полина. Может вернуться в обычную размеренную жизнь и продолжать себе спокойно тусить и работать? Но, к сожалению, я сам понимал, что весь мой стандартный круг общения меня совершенно достал.

Дабы Полина не жаловалась на мой прикид, я оделся как можно более естественно и казуально. Рубашку от Поля Шарка, джинсы от «Gucci», ботинки той же фирмы. Стильно и практично.

В шесть часов вечера я был на Пушкинской. В переход спускаться не стал – вот еще не хватало идти в массовку. Набегут сейчас поклонники, фанаты, начнут показывать пальцами, просить автографы, сфотографироваться. Опять охранника напрягать. Вот

все-таки бесстыжая девочка, совсем не понимает, что это такое – быть звездой...

– Алло, Полина, ты где? Я тут сижу в машине, жду тебя.

– Феликс? – на том конце трубки раздался удивленный возглас. – А чего ты в машине сидишь, спускайся в переход. Иди сюда быстрее. Я тебе тут присмотрела кое-что.

– Ох нет, в переход не пойду.

– Не упрямясь, давай! А то свидания не будет!

Проклиная тот день, когда я пошел на этот чертов спектакль, я велел охраннику идти со мной, надел черные очки и нырнул в толпу.

Наконец я увидел Полину. Выглядела она просто фантастично. Черная юбочка, кофточка в бело-черную полоску, берет – она явно походила на француженку. Полина стояла у ларька с одеждой и присматривала какую-то шмотку.

– О, Феликс! – Не успев поздороваться, она стала отчитывать меня. – Ой, ну что это за ужасная рубашка! А ботинки? – она закатила глаза.

– На, примерь вот это! – протянула она мне спортивную красную кенгурушку с Винни-Пухом. – Это тебе точно подойдет!

Мятая кенгурушка из подземного перехода смотрелась совершенно нелепо. Выбрав ее для меня, Полина определенно сошла с ума.

– Ты что? – Я смотрел на нее, но ее взгляд был абсолютно серьезным. – Нет, я не буду это надевать.

– Давай-давай, не упрямясь.

– С ума сошла?

– Ну, тогда никуда не пойдём.

– Ты хочешь, чтобы я начал объяснять тебе прописные истины? – Взорвался я. – Не могу я это надеть, это ни один взрослый нормальный человек не

наденет! А я-то – звезда. Я человек известный и уважаемый, как на меня люди смотреть будут?

Продавщица, узнавшая меня, стояла в оцепенении и судорожно искала ручку и листок бумаги для автографа.

– Ты не хочешь сделать мне приятное? – Полинины губки сжались. – Ну тогда пеняй на себя... Я не могу встречаться с динозавром из прошлого века одевающимся как нелепый банкиришка или пробившийся в люди бандюган. Либо ты идешь в ногу со временем и прислушиваешься к моему мнению... либо все, на этом все закончится...

От злости я чуть не проглотил язык. Она ставит мне условия! Ах так, думаешь, мне слабо? Ладно, новые ощущения мне даже нравились. Я расстегнул рубашку, снял ее и начал примерять обновку прямо в подземном переходе. Полина придирчиво вертелась вокруг, рассматривая меня. Наконец, она, хихикая, произнесла.

– Вау, очень мило! Прямо такой мальчиш-плохиш! Скажите, – обратилась она к продавщице, – а можно примерить эти кроссовки, вон те красненькие.

– О неееет! – Запротестовал я, косясь на ярко красного цвета кроссовки с толстыми лимонного цвета шнурками. – Никаких кроссовок!!!

– Не упрямясь, Феликс, примерь!!! – шутливо упрашивала меня Полина, – Они такие милые!!

Я чувствовал, как за спиной похихикивает охранник. В кроссовках я смотрелся совершенно нелепо. Но мне было смешно, и Полина тоже радовалась. Довольный тем, что еще на шаг приблизился к ней, я достал из кармана кошелек, собираясь оплатить покупку.

– Нет! – Мгновенно пресекла меня Полина. – Не вздумай! Это мой подарок.

Чуть не поперхнувшись от удивления (с каких это пор за меня платят девки?), я все-таки разрешил ей заплатить. Кое-как ковыляя до машины, я постоянно

ловил на себе удивленные взгляды прохожих. Кто-то хихикал, кто-то показывал в нашу сторону пальцем. Хотя, может быть, я себя просто накручивал, но мне казалось, что все в шоке от моего нового наряда.

- Полина, - сказал я, когда мы сели в машину, - у меня тоже для тебя есть подарок.

Она смотрела на меня так нежно и чувственно. Я почувствовал, как по телу разливается приятная истома.

- Держи. - Я достал из багажника пакет с земляникой.

Аккуратно открыв его пальцами, Полина вдохнула аромат свежесобранных лесных ягод, несколько секунд помолчала, а затем посмотрела на меня.

- Ну, конечно, это не ты собирал! Думал меня провести, дурачок! Но все равно мне очень приятно, я благодарна тебе за заботу, ты такой забавный, Феликс!

Довольный собой, я завел машину и мы помчались в «Центрум».

Московские тусовщики и тусовщицы привычно восседали на своих местах в многочисленных кафешках «Центрума», кичась своими «D&G» и «Dsquared2», когда в «Центрум» приехали мы с Полиной. Я так и топал в красных кроссовках, давно перестав стесняться, и даже начал ловить некий кайф.

Думали ли вы когда-нибудь о том, что движет вкусами всех этих модных манекенов? Любая гляцевая тусовка строится по принципу авторитетов. Так получилось и тут: заведя меня в кроссовках с лимонными шнурками, все просто обомлели, начали удивленно шушукаться, потом общее смущение переросло в неистовый восторг. Особенно всех поразила кенгурушка с Винни-Пухом. Все обсуждали меня, говорили, какой я клевый и модный, и как я умею эпатировать публику.

Полине всеобщее внимание не нравилось, но она чувствовала гордость за свое детище. Итог – я как всегда убил двух зайцев: обрадовал Полину и решил вопросы собственного авторитета. Кино оказалось так себе, но признаться честно, я даже и не смотрел на экран, так как был всецело увлечен Полиной. Особенно умиляло меня, когда в напряженные или страшные моменты фильма, она вздрагивала, закрывала глаза и даже пару раз схватила меня за руку и крепко сжала ее. Я был на седьмом небе от счастья и долго еще, уже дома, вспоминал эти прикосновения...

Следующие дни наших с ней отношений напоминали мне странную сказку из молодости, приправленную угрызениями совести. Полина мне очень нравилась, я позволял ей заигрывать со мной, издеваться, чувствовать некоторую власть над «плохим

мальчиком». В то же время я понимал, что все больше попадаю в зависимость от нее, а этого мне совсем не хотелось.

Ведь, я же Феликс, великий артист, сильный и уверенный в себе человек, перед которым женщины падают штабелями! А эта девочка – да кто она такая? Как она смеет издеваться над моим звездным статусом и относиться без уважения к моей славе? Как она может отказываться от денег и сама дарить мне подарки? Как она вообще может рушить весь шаблон отношений мужчины и женщины, сидящий у меня в голове?

Полина с негодованием отвергала все мои дорогие презенты. Прошлой своей любовнице, Машке, я купил «Форд Фокус». Еще одной, Инге – квартиру на Таганке (правда, когда мы расстались, я ее забрал, слишком жирно для потаскушки, которой она оказалась). С Эльвирой мы постоянно летали на Маврикий и в Ниццу. Полина же – видели бы вы ее взгляд, когда я предложил купить ей машину! Она просто взорвалась. Утверждала, что на машину еще не заработала, что я глупый транжира, пропала после этого события на три дня и не отвечала на звонки.

Еще я просто ненавидел, когда Полина критиковала мои клипы и вообще мою работу. Она была типичным космополитом и чихать хотела на отечественный шоу-бизнес.

– Ужасная работа! – разносила она в пух и прах очередной клип «Экстаза», которым, кстати, лично я порекомендовал хорошего и модного нынче клипмейкера. – Какой убогий монтаж, какая отвратительная аранжировка! Где вообще идея-то? Вышли три мальчика, потанцевали на фоне девочки, полежали с ней по очереди на кровати в гостинице, спели «Томная любовь, аж сердце щем-мит...» и это уже клип? Интересно, снявший это режиссер вообще

когда-нибудь видел что-то стоящее – например, клипы «Buggles» или «Queen»?

– Зато «Экстаз» срубил семьдесят кусков с этого клипа, а вложил только двадцать. – Ответил я с видом знатока.

– И чего? – Не поняла меня Полина. – Я думаю «Queen», «срубали», как ты выразился, со своих клипов не меньше.

– Да. – Усмехнулся я. – Никто не спорит, что «Queen» – это круто. Только у нас не Англия, а Лазаренко – не Фредди Меркьюри, хотя, тот еще педик. Надо работать на нашу аудиторию и рынок. У нас конъюнктура...

– Фи, и зачем? – насупилась Полина. – Никто из действительно талантливых людей мирового масштаба им все равно руки не подает – как, допустим, Дэвид Боуи или Стив Тайлер.

– Думаешь, им надо, чтобы старый пидор Боуи им руку пожимал? По-моему, куда приятнее, когда в эту руку доллар вкладывают.

– Ну вот именно, потому что вы с жиру беситесь и думаете лишь о том, как бы где и чего срубить, наша культура находится в заднице. – Не уставала твердить Полина.

Меня до крайности раздражали эти споры. Что она вообще понимает в шоу-бизнесе? Да я двадцать лет ишачил, с советских времен себе карьеру строил. И ящики успел погрузить, и на радио поработать. А она говорит – деньги не нужны. Тоже мне правильная – дура и идеалистка. Но после каждой дискуссии с ней я чувствовал прилив энергии и был готов к новым свершениям.

Места для свиданий мы подбирали странные. То сидели в каком-то затерянном кафе на Арбате, то в буфете Драматического Театра, то просто на скамейке в парке. Один раз мы гуляли ночью по Воробьевым горам. Даже прокатились на канатной дороге, осматривая

потрясающие пейзажи сверху (все-таки не зря мэрия получает наши налоги). Я погружался в долгие размышления.

Когда я расставался с Полиной, я возвращался в привычный мир. С женой мы по-прежнему практически не общались: у нее – своя жизнь, у меня – своя. Ванечка периодически названивал, отчитываясь о сданных зачетах и сессиях. Естественно, я знал, что большая часть сказанного просто лапша мне на уши, чтоб выклянчить больше денег, но звонить Красильникову и проверять мне было банально лень. Артисты, как всегда, выпендривались по мелочи, пытаюсь содрать со «Звездопада» лишнюю копейку, и сразу замирали по струнке, когда я называл им цифры будущих гонораров. Ну, а продюсеры старались наебать во время организации концертных мероприятий, и я кричал в трубку Пете, что хочу себе настоящую VIP-гостиницу, а не то говно, что они в своем Минске называют «пятизвездочным люксом».

Я ненавидал свое окружение, ненавидал весь этот мир, но я нашел отдушину в Полине. И это было приятно, просто чертовски приятно. Это было спасение, выход. Жизнь напоминала странный сон, две параллельные дороги, по которым я одновременно шел. И чем больше я пытался вернуться на первую, тем больше меня притягивала вторая...

В тот вечер у меня была намечена встреча с Олегом Захватовым в «Редиссоне». Мне совершенно не хотелось с ним общаться, но ехать было надо, ибо я должен был переманить его в «Звездопад». Мы пили вискарь, болтали за шоу-бизнес и ненавязчиво обсуждали перспективы моего будущего проекта.

- Что ж, Феликс, отлично! - поднял стакан Олег, когда я пообещал ему кругленькую сумму. - Мне нравятся твои условия, и мы сможем неплохо заработать! Давай старик, за успех! Выпьем!

«Заработать». Конечно, ты это знаешь. Иначе разговаривал бы по-другому. С тех пор, как я начал общаться с Полиной, я стал как-то острее воспринимать человеческую неискренность во всех ее формах. Меня корбит, но я одобрительно киваю головой и тоже поднимаю стакан.

Итак, пожалуйста, «Редиссон» - еще одно пафосное местечко, Захватов - еще один популярный персонаж. Дебютировал еще в 1991-ом году с хитом «Граница на замке» - тогда в условиях полного развала страны это было, ой, как актуально. Затем позже записал альбом «Патриоты», потом еще один - «Ко дню десантных войск». Огромный успех, несмолкающие овации, гастролы по всей России, выступления перед нашими солдатами в Чечне, ну и конечно... миллионы рублей и долларов. В итоге, чем больше денег появлялось у Захватова, тем с большим удовольствием он штамповал новые песни и удостаивался новых наград. Но сравнить Захватова на сцене - уверенного, с горящими глазами, поющего «Славяне братья, это наш век!» и Захватова в жизни - озабоченного и обнюханного наркомана, это было что-то. Видели бы Захватова его спонсоры и

поклонники... Впрочем, чем больше Олег зарабатывал денег, тем больше, как мне казалось, ему нравилось всем врать...

- Смотри, Феликс! - он показывает мне на двух симпатичных телочек за соседним столиком, которые давно пялятся на нас. - Может пригласим их в наш маленький банкетный коллективчик?

Я посмотрел в их сторону. Типичные московские охотницы за ухажерами. Высокие, костлявые, загорелые. Такие специально приходят в известные места, чтобы найти себе богатых поклонников: как минимум - бизнесмена средней руки, как максимум - успешного финансиста или звезду. Узнать подобных девочек всегда очень просто: в отличие от богатых тусовщиц и папиных дочек, которые приходят потусить в кругу своих подружек, они заказывают лишь самые дешевые позиции в меню - кофе или сок - как говорится, лишь бы не выгнали. Еще они не спускают глаз ни с одного потенциального денежного мешка, шушукаются и обсуждают сидящих за соседними столами кавалеров, оценивают их состояние. Ну, разумеется, эти телки не могли обойти вниманием нас - солидных и богатых артистов - неудивительно, что они весь вечер на нас косились.

- Не, Олег, - говорю я, вспоминая о Полине, - не сегодня... Совершенно не хочется.

Мне действительно не хотелось общаться с этими телками. Трахаться с ними скучно, разговаривать - того хуже. Опять что ли рассказывать им байки про Куршевель? Да еще без кокоса не обойтись, а после него у меня всегда депрессняк наутро. Но Олег, однако, принципиально стоял на иных позициях.

- Да ладно, старик... - Удивляется он. - Посмотри на девок. Красивые же... видно что породистые... Щас выпьем немного, попиздим, потом станцуем...

- Не-не, - говорю я, - точно не хочу...

- Чего же так?! - На лице Олега заметно разочарование.

- Ну, - пытаюсь оправдаться я; не рассказывать же ему о девочке, которая наряжает меня в кенгурушку и от которой я без ума, - знаешь, просто не хочу... Жена не одобрит...

- Ой, Феликс, брось! - На лице Захватава появляется улыбка. - Ну кому ты это рассказываешь? Раньше-то мы кутили, и супруга тебе никогда не мешала... Ладно, старик, забей. Если старость не в радость, - он ехидно подмигнул, - так и скажи, пойму.

Ну вот этого я не мог вытерпеть! Он что, хочет обвинить меня в импотенции? Да, я же Феликс, я лучше всех! Что бы ни случилось, я все равно должен держать марку. Мое имя - незыблемый брэнд! Сейчас я ему покажу!

- Ах так! - Я хищно сверкнул глазами. - Староват, говоришь? Ну-ка давай сюда этих девок... Эй, девочки... - Я повернулся к их столику. - Не желаете скрасить досуг двум известным скучающим артистам?!

Кокетничать долго не пришлось. Через пару секунд телки уже сидели за нашим столиком, выслушивали назидательные рассказы и жадно впитывали все, слетающее с наших уст.

Они глотали воздух, выслушивая названия модных мест, где мы тусили, пускали слюни, узнавая, сколько мы платили в том или ином ресторане. Когда я между делом, случайно упомянул, что позавчера ужинал у Киносяна дома, глаза высокой темненькой Светы взволнованно заблестели. Я аж подумал, не кончила ли она под столом ненароком.

- Вы были в «VIP-99»?

- Да.

- И как?

- Ничего особенного.

- А «Лувр»?

- Не знаю, подкачивает.
- Да-да, Ибица всяко лучше.
- А ты была на Ибице, Инна? - спрашиваю я у загорелой блондинки.
- Эээ... ну вообще нет...
- Надо купить новую рубашку. Мне нравится «PHILIPP PLEIN», но чтобы его носить, надо стать полным дистрофиком. Такое впечатление, что шить модную одежду стали только для худеньких пидоров, нормальным мужчинам в соку и одеть-то нечего.
- Хорошее мясо... У них чудесный шеф-повар!
- Ну конечно, это вам не Франция, но тоже hot cuisine!
- Не «hot», а «haute», Света. Это французский язык, первая «аш» не читается.
- Мне было скучно. Я чувствовал себя королем на балу этих золушек. Мы заказали еды, на которую телки жадно набросились. Это слишком просто, исход был очевиден. Я думал о Полине. Где наши с ней споры, наши развлечения, наши приключения, радости? Сидеть за столом с манекенами, которые после нескольких бокалов «Chateau Citran» были готовы на любые подвиги? Мне становилось все хуже и хуже...
- Да, в Москве сейчас чистого кокаина не достать! - кричала во весь голос Инна. - Совсем офигели эти азеры!
- Потихе, деточка. - Улыбается Олег. - ГНК не дремлет.
- Да!!! Как-то раз приехали в «Биллионер» с Корольковым, - как будто все за столом знали, кто такой этот Корольков, - и там решили в машине у него немного разнюхаться. Сидим, кайфуем, радуемся, а тут какой-то чувак в окно стучится. Смотрим - а там парень в клубном прикиде и ксиву нам сует... полный пиздец!
- Что, взяли? - интересуюсь я.

- Нее... конечно нет! Корольков сразу позвонил, все решил. Но офигеть просто, в этой стране нигде нельзя чувствовать себя в безопасности.

- А что ж вы хотели? - спрашиваю я. - Вы же закон нарушаете.

Инна и Света тупо на меня смотрят.

- Забейте, - говорю я, глядя на часы. - Время уже позднее. Надоело тут сидеть...

- Да, точно! - мигом подхватывает Олег. - Он видно думал, что я перехожу к следующей фазе. - Поехали ко мне домой. Выпьем, расслабимся, у меня бар отличный, сауна есть, джакузи. Тут совсем недалеко. Пентхаус... - так ненавязчиво намекает.

- А орешки есть? - жадным голосом спросила Инна.

- Конечно! - засмеялся Олег. - Нюх-нюх! Как в «Волшебнике Изумрудного Города». Одна дорожка и ты уже Элли, бегаешь и радуешься в волшебной стране!

- Ух, ты! - Восхитились телки. - Поехали!

Ну что ж, мне ничего не оставалось делать, я тоже собрался и поехал. Предварительно оставив свои машины на платной автостоянке, мы поймали с Олегом такси и поехали к нему.

Ничего нового у него я, повидавший московские апартаменты, не увидел. Ну да, золото, картины, ничего необычного. Я даже сыну своему не хуже снимал. Но Инна и Света - как будто приехали из села, ходили и тыкали в каждый кусок стены, крутили головой с видом знатоков, спрашивали, кто делал этот орнамент, лепнину. Раскрасневшийся Олег с гордостью рассказывал, что специально заказывал из Питера эрмитажных мастеров. Ох, как он пиздел, сука, уж я то знаю...

Его «эрмитажным мастером» был старый одесский еврей Леня, в начале 90-х пытавшийся продавать свои картины. Но талант художника у Лени явно не прорезался. Тогда он начал зарабатывать декором,

разводя московских артистов на «аристократический интерьер в стиле барокко»...

Мы вышли на открытую веранду. С нее открывался вид на всю Москву, такой таинственный и такой причудливый. Большой город лежал под нами, открываясь с двухсотметровой высоты пентхауза, маня звуками, блеском фар, сверкающими вывесками. Олег уже обжимал Свету и та поглаживала через рубашку его волосатую грудь. Инна села напротив меня в кресло. Ее мини-юбка едва прикрывала бедра, и девушка ненавязчиво расставляла колени, словно приглашая меня скорее войти внутрь. Недели две назад, я просто прыгнул на нее сразу и без вопросов, но сейчас от этой пошлости меня просто воротило. Совсем не так я представлял сейчас отношения с женщиной.

- Ну что, выпьем за «Get Rich or Die Trying»? - расплывался Олег в улыбке, водя рукой по обнаженному животу Светы, будто лаская ее автозагар.

- Да-да! - Телки довольно захихикали.

- Вы хотите разбогатеть или умереть, пытаетесь это сделать? - спросил я Инну. - А зачем?

- Ну как... - Этот вопрос показался ей глупым. - Все хотят..

- И вы думаете, что добьетесь того, что задумали?

- Ммм... - Непонимающе посмотрела на меня Света. - А почему бы и нет?

Я глядел на Олега, который уже представлял себе предстоящую великолепную оргию, смотрел на выскакивающие из выреза груди Инны. Я думал о том, что сейчас девицы полезут целоваться, мы будем дотрагиваться до всех их запрещенных мест, а потом пойдем по кроватям трахаться...

Девочки сказали, что им жарко и кокетливо поинтересовались, не будем ли мы возражать, если они снимут блузки. Кондиционер хуячил вовсю, и их игра

была настолько предсказуемо дилетантской, что меня буквально понесло.

- Посмотрите, что вы делаете! - Неожиданно даже для себя сказал я. - Вы думаете, что сидите здесь и приобщаетесь к богатству?! Вы ищете спонсоров, чтобы они кормили вас, водили в дорогие рестораны, потом ебли на шелковых простынях в комнатах с лепниной? Вы мечтаете продаться, пожертвовав мечтами о любви? Все ваши эмоции - это желание очередной полоски или поездки в Куршевель?! Посмотрите на себя, мало того что вы бляди, вы еще просто свиньи!!!

Собравшихся будто обдало холодной водой. Мои слова словно ударили их по голове. Им было нечего сказать, они сидели в оцепенении...

- Феликс, ты чего... - начал было успокаивать меня Олег. - С тобой все в порядке? Сейчас еще дорожечку, и все будет нормально!

- Ну, уж нет! - меня несло, и я не мог остановиться. - А ты, Олег, не пизди! Хватит этого дерьма! Никакого кокаина, никакого запудривания мозгов! Хватит этой лжи, хватит этой фальши! Неужели вам не обидно, что вас сейчас просто выебут и выбросят! Такие как вы неспособны заинтересовать ни одного мужчину! Любой нормальный человек нуждается, прежде всего, в душе и поддержке, которую не могут дать такие как вы бляди!!!

Разрыв шаблона, кризис... слом отношений... Девки сидят и молчат, их лица насуплены, глаза злые... Я чувствую, что им хочется уйти... Но, НО!!! Они не могут уйти, ибо слишком заинтересованы!

- Вы будете терпеть все, что я скажу! Вы будете пресмыкаться передо мной, вы будете лизать мне задницу и выть, в надежде, что я подарю вам новую машину! Вы никчемные твари, вы низменные существа, вы - высранные богом фекалии, когда он

экспериментировал над родом человечеством! Запомните, вы никто и навсегда этим останетесь...

Молчание, злость, полное оцепенение... Повисает напряженная пауза. Наконец светленькая, окончательно обалдев от услышанного, кричит:

- Хватит!!! Я не хочу слушать то, что говорит этот мудака!!! Если ты думаешь, что можешь мне говорить все это лишь потому, что у тебя деньги, то ты ошибаешься! Я не буду тебя слушать.

- Ха-ха! - потешаюсь я. - Нет, будешь, сучка! Потому что ты иначе не умеешь... Ты безмозглая кукла с пиздой, в которой уже давно несвежо. Но, впрочем, нет... хватит... терять время на таких тварей как вы. Ну уж нет... мне надоело все это говно... Я ухожу!

Я выбегаю с балкона, хватаю пальто, быстро накидываю его и бегу по лестнице. Бегу прочь из этого проклятого дома, из этого чертового пентхауса, бегу туда, где я буду спокоен - куда, я сам не знаю... В любом случае, на улице лучше...

Я ловлю машину, и запинаясь, прошу чтобы меня отвезли в ближайшее тихое место. Куда? Не знаю... Водитель говорит, что мы в Сокольниках. Хорошо, пусть отвезет меня в местный парк. Мы едем по ночной Москве, а я смотрю в темное окно, на проплывающие размытые пейзажи и мне хочется плакать.

Господи, как я всех ненавижу... Почему я должен крутиться в этом идиотском мире? Почему? Почему я не могу быть простым, спокойным человеком? Зачем мне нужен этот «Звездопад»? А как иначе?.. Никак.

Доехав до парка, я сую таксисту пятихатку. Прежде чем, он пытается дать мне сдачу, я уже бреду вдаль. В раздразе я подхожу к первому попавшемуся ларьку, покупаю бутылку самой дешевой водки и иду в парк.

Вокруг темнота, сумрак... Я никогда бы не сунулся в такое место в нормальном состоянии, но сейчас такой момент. Я нахожу одинокую скамейку и плюхаюсь на

нее. Затем откупориваю бутылку и пью прямо из горла, пью до тех пор, пока алкогольная жидкость не заполняет весь мой рот и организм, стекает по небритым щекам, и меня не тянет выплюнуть ее обратно.

Градус бьет мне по мозгам... На часах, наверное, уже два или три ночи. Я достаю телефон и набираю Полину.

- Алло... - После долгих гудков слышится ее сонный голос. - Феликс? Ты чего?

- Полина... Полина... - Я чуть не плачу от злости. - Полина... Мне надоело это все, я больше не могу.

- Что с тобой случилось, ты плачешь???

- Я не знаю, меня бесит все... Меня бесят эти люди, меня бесит эта борьба... Она совершенно бесперспективна, их невозможно изменить. Даже если я буду управлять маскарадом, даже если я построю их всех на моих условиях, они все равно останутся такими же, как были. Меня от всего этого тошнит.

- Феликс. - В ее голосе слышится волнение. - Ты пьян. Где ты сейчас? Хочешь я приеду?

- Нет... - Помедлив, сказал я. - Не стоит. Полина, я всего лишь хотел сказать, что я тебя очень люблю! Люблю больше жизни, и если что-то случится, поверь - я все равно тебя люблю...

Язык заплетался, руки не слушались. Я выронил телефон, и он упал на траву... Я потянулся за еще одним глотком, еще одним... Телефон, лежащий на земле, все еще выдавал встревоженные восклицания Полины, но я их не слышал...

Я завалился на скамейку и спал... Спал прямо так - в своем костюме от «Kiton», в туфлях от «Testoni»... Мне было наплевать на все... Я забылся...

Не знаю, сколько я проспал, может – час, может – два. Я проснулся от того, что кто-то дергал меня за пальто. События прошлой ночи расползались в моем сознании на куски. Я плохо помнил, что я делал вчера. Захватов, телки, скандал, истерика, такси, разговор с Полиной, скамейка, бутылка водки... Сон..

Я открыл глаза. Передо мной стоял добродушный дедушка советской закалки и сочувственно, слегка виновато, улыбался.

– Эх, брат, ну чего ты раскис? – Спросил он мягким голосом. – Я прямо уж взволновался. Выхожу вон из дома напротив, с собакой погулять, и тут, смотрю, ты, на скамейке лежишь. И вроде человек такой приличный, одет хорошо. Думаю, не случилось ли чего...

– Все нормально. – Через силу ответил я, пытаюсь принять сидячее положение.

Солнце слепило глаза. Во рту было ощущение, будто туда насрал отряд пионеров. Хотелось уйти, уйти поскорее. Испариться, исчезнуть, исчезнуть без единого следа. Нет, хотелось еще в душ. Смыть всю грязь последних суток, тереть себя мочалкой до крови, но только бы смыть все это говно. Я даже захотел, чтоб этот дед скорее оставил меня в покое, хотя он, в принципе, ничего плохого мне не сделал.

– Да ладно. – Тот словно угадывал мои мысли и грустно смотрел. – Если не хочешь рассказывать, не говори... Можно я присяду?

Отказывать было неудобно, и я кивнул. Печально наклонив голову, старик сел рядом со мной. Похоже, у него что-то произошло. А я поймал себя на мысли, что все не так уж плохо, как кажется. По крайней мере,

никто не доставал меня с автографами и я сидел на скамейке, как простой человек.

- Что-то случилось? - спросил я.

- Да вот, - произнес дед, - с женой вчера поссорился. Из-за сына. Проснулся сегодня рано, и сразу с собакой гулять пошел. Плохо как-то на душе...

- Чего сын? - спросил я.

- Да как... - Развел тот руками. - Не звонит мне, совсем забыл. Жена на меня бранится - мол ты пойми его, работа. Но мне-то обидно: не по-человечески как-то получается. Сколько я его воспитывал, растил, сколько души в него вложил. А теперь так...

- Да. - Немного подумав, сказал я. - Дети не всегда благодарны.

- Может, я и впрямь от него слишком много требую. Как-никак, у него своя жизнь, своя семья. Ребенок, внуку, кстати, уже семнадцать лет. Хочешь фотографию посмотреть? - Он достал кошелек и вытащил оттуда фотку. - Вот он, мой внук.

Я взглянул на снимок. На фотографии улыбался симпатичный подросток лет шестнадцати. Глаза у него были яркие и голубые, почти как у дедушки.

- Старая фотография, - потупив глаза, сказал дед. - С тех пор сильно вырос. Хочу увидеть его, посмотреть, но к сыну в гости не могу поехать. Невестка меня недолюбливает.

Слушая его, я как-то приходил в себя. Собака, тем временем, гоняла на поляне стаю голубей. Увидев, как забавно вспархивают птицы, спасаясь от длинной и зубастой не по размеру таксы, мой собеседник чуть улыбнулся, но потом снова загрустил.

Мне стало стыдно, что в начале я так грубо подумал о собеседнике. Хотелось сказать что-нибудь хорошее, утешить. Пускай простое, пускай - банальное, но что-нибудь - чтобы помогло.

- Пройдет. - Подбадривающим голосом произнес я. - Сын, кстати, твой действительно неправ. Мог бы отцу почаще звонить. Кто такая эта невестка, когда тут родной отец...

Мои родители давно умерли, к общению с родней Марины я особо не стремился. В каком-то смысле я ощущал много общего с этим стариком.

- А у тебя самого есть дети? - Неожиданно спросил он.

- Да. - После некоторой паузы ответил я. - Сын.

- Тоже сын? И как, часто звонит?

- Да как сказать, - опять задумался я. - Не очень. Скорее позванивает раз в неделю-две, чтобы денег у меня попросить.

- Он сам что ли не работает? - спросил старик.

- Нет.

- А сколько ему лет?

- Девятнадцать.

- Девятнадцать? - переспросил он. - И уже один живет? Ого! И тебе не страшно? Сейчас в этой Москве черт те что творится. Одни бандиты повсюду, разврат, наркотики, опасность на каждом шагу. Как бы в какую историю не залетел по неопытности.

- Да уж. - Вымолвил я, вспоминая недавнюю историю с туалетом. - Ничего. Я за ним присматриваю.

- Во-во. - Продолжал дед. - Я тоже за своего внука боюсь. Молодой такой, еще ничего не понимает, а все по клубам этим, барам шастает. Ну ему надо, я понимаю - он танцует у меня, не знаю, чего там именно, но вроде самое такое сейчас популярное - клубные танцы, вроде. Я раньше не одобрял это, думал, что несерьезно. Но недавно Митя первые деньги в семью принес... Триста долларов за месяц заработал! Так приятно было!

- Ого! - произнес я, понимая, что для начинающего танцора это очень даже неплохо. - Наверное, танцует хорошо?

- Еще как! - радостно воскликнул дед, ухватившись за приятную тему. - Очень хорошо. Хотя как, опять же...

Достойной работы нет. Сейчас там все в этом бизнесе по связям, все папенькины сыночки, везде идут. Но Митя мой, вроде, особо не жалуется. Говорит, если вдруг чего получится и кто заметит, будет очень рад, а так пока много работает и тренируется...

Я хотел еще что-то спросить про внука, но вдруг телефон, лежащий рядом с лавкой, пронзительно зазвонил. Черт побери, с похмелья я совсем забыл про мобильник! Как коршун, я бросился с места и быстро схватил телефон, лежащий в густой траве. Слава богу, никто его не тронул. Дисплей мобилы отображал уже десяток пропущенных вызовов, среди которых первым мигал в этом списке номер администратора Кости.

- Алло! Феликс Абрамович! - в трубке раздался взволнованный голос. - Господи, наконец я до вас дозвонился! Мы все тут уже переволновались, настоящий переполох начался. Жена вас ищет, с ног сбилась. Сегодня ведь через полчаса встреча директоров, а вас все нету... Надеюсь, с вами все нормально?

- Да, Костик. - Помедлив, ответил я. - Все хорошо. Через час буду. Предупреди всех, что опоздаю минут на пятнадцать. Пусть ждут.

Я осмотрел одежду. Пальто снизу было немного попачкано, брюкам же досталось куда больше. Снизу они все были зелено-коричневые, будто я вчера катался не то по траве, не то по грязи. Надо было почиститься, переодеться, заехать домой.

- Хорошо, Феликс Абрамович! - ответил Костя. - Все сделаем.

Настала пора расставаться с моим новым знакомым. Старик безучастно смотрел, как я отряхиваюсь. Я старался не встречаться с ним глазами, делал все быстро и деловито. Похлопав по карманам, я

обнаружил, что бумажник и кредитные карты были на месте. Все хорошо, значит можно ехать.

- Все? - с грустью в голосе спросил старик. - Уходишь?

- Да... Слушай... - Порылся я в брюках и протянул визитку. - Отдай внуку, пусть позвонит в любое время. Сейчас мы снимаем новый клип для одной группы, и хорошие танцоры нам очень даже нужны...

Осторожно взяв тисненую золотом бумажку, старик недоверчиво повертел ее в руках. На лицевой стороне большими буквами было выгравировано мое имя - «Феликс Абрамович Серебрянников». Он несколько секунд смотрел на визитку, затем посмотрел на мое лицо, потом опять на имя, опять на лицо...

Его буквально затрясло, он начал все понимать. Я же зашагал по направлению к дороге, такса старика с визгливым лаем еще метров сто бежала за мной, потом видимо устала и виновато поджав хвост, вернулась к обалдевшему хозяину.

Встреча с инвесторами прошла из рук вон плохо. Нет, ну что за тупые бараны, все-таки! Как объяснить им, что для «Звездопада» я хочу «Всероссийский» и только «Всероссийский»?! С Рыбиным же я заигрываю специально, чтобы срубить больше денег. Эти же ограниченные финансисты не понимают: «Феликс Абрамович, почему до сих пор не начаты переговоры с телевизионщиками?». Блядь, неужели им неясно, что если я пойду к Рыбину прямо сейчас и начну говорить с ним про «Звездопад», он тут же просечет мою заинтересованность. Надо, наоборот, не давать ему никаких надежд и – побольше бомбить в газетах про новый проект – пусть читает и слюной истекает. Ведь он же такой, человек амбициозный – а хули, центральным телеканалом страны управляет. Как только поймет, что перспективное шоу от него уплывает, денег не пожалеет, чтобы лучшее себе купить. Последний рубль из кошелька вытрясет, и я разживусь. А эти тупицы мне чего-то тут доказывают... Да кто они такие вообще? Один – бывший комсомолец, в девяностые наворовал у партии, банк открыл. Другой – мудачок в галстук, блеющий топ-менеджер, с дипломом Гарварда, тоже мне корпоративный самурай. Как они вообще своими деньгами при таких раскладах управляют?

После двухчасового мозготраха голова раскалывалась. Сказывалось и утреннее похмелье. Я хотел пообщаться с Полиной и рассказать ей все, что накипело на душе, но потом решил не звонить. И так слишком много говорю с ней – зазнается еще девочка. Черт, ну почему я без нее не могу? Хоть волком вой, а иди в этот парк, смотри в ее глаза, сиди на лавочке и кушай мороженое, вдали от всех этих кретинов и

имбециллов, которых я скоро собственными руками передую.

В отвратительном настроении я вошел в свой кабинет, наказал секретарше заказать мне хороший обед – и не это дерьмо из «Японца», как прошлый раз! – а сам решил заняться делами. За последние дни, пока я разбирался в своих любовных перипетиях, на столе скопилось огромное количество бумаг, требующих моего непосредственного внимания. Внушительный список отчетностей и документов, в каждом из которых надо было разобраться.

Как всегда, ничего нового и ничего интересного. «Дискотека Бум» жаловалась на чрезвычайную перегруженность, просила дополнительный гонорар. С ума что ли сошли? Я им что, дойная корова, денежный станок, прямо на этом лазерном принтере денежки печатаю? Вот и Фальковский прислал мейл – пишет, что София уже поставила на нужное нам время какой-то концерт, хочет за выступление на «Звездопаде» компенсации... Деньги, деньги, деньги! Где я возьму столько денег? Может им и трусы последние отдать?

Ладно, шавки, скину я вам копеек. Радуйтесь своим грошам, холопы. Барин будет щедр. Вы все равно у меня давно на крючке. Все придете ко мне, отпоете, и я вам покажу. Я покажу, кто здесь в этом мире и на этой сцене главный!

После десяти минут, проведенных за бумагами, я понял, что работать сегодня не в состоянии. Закинув ноги на стол, я тупо смотрел в окно – на Тверскую, расстилающуюся прямо у подножья моего офисного центра, на окутавший небо Москвы серый туман. Чем больше я глазел на эти тучи, тем жестче давило на виски и на душе становилось хуже. Надо было выпить...

Я достал из нижнего ящика коньяк, подаренный мне на одной из последних презентаций, откупорил его и хлебнул терпкой жидкости прямо из горла. Сразу стало

легче, но на секунду, а затем я снова погрузился в свои грустные думы.

Позвонить что ли Полине? Пригласить ее куда-нибудь? И все пройдет.

Нет-нет, это уже реально как наркотик. Нельзя Феликс, нельзя звонить.

Ладно, позвони. Всего один звонок. Ты что, боишься?

Нет-нет, надо быть сильнее, быть выше. Ты еще Захватову за позавчерашнее извинения должен принести.

Да пошел он в жопу, этот Захватов. Поедем с Полиной в лес, будем бегать босиком по лужайке, сделаем шашлыки, и я спою ей что-нибудь у костра, буду радоваться, как маленький ребенок...

Н-да, такими темпами «Звездопад» далеко не продвинется...

Я был полностью погружен в свои мысли, когда дверь кабинета резко распахнулась. От неожиданности я мигом скинул ноги со стола и принял сидячее положение. На пороге стоял мой пиарщик Костя. Когда я сообразил, что к чему, мое лицо исказилось злостью.

- Ты что, мудака? Тебя стучать в дверь не учили?

- Простите, Феликс Абрамович! - затараторил он. - Простите, пожалуйста. Тут просто такое... такое пишут... - Он судорожно дышал, показывая мне мятую газету, - про вас... и про вашу девушку...

- Что??? - Мне буквально снесло крышу. - Дай сюда!!! Немедленно!

Не успел Костик опомниться, я вырвал газету у него рук, развернул нужную страницу и начал читать.

Российская Панорама. Маша Ковалева

Многим артистам нашей эстрады
свойственны маленькие слабости. Феликс

Абрамович Серебрянников – народный артист России, чей пик популярности давно прошел – не исключение. Впрочем, его поведение даже не укладывается в обычные для звезд рамки.

Недавно 42-летний певец появился на публике со своей новой пассией – 19-летней Полиной Агалаковой, малоизвестной актрисой Театра Луны. Как удалось выяснить нашим корреспондентам, Феликс познакомился с Полиной во время премьеры ее дебютного спектакля «Сципион». По словам представителей театральной администрации, Феликс был так очарован изящной и хрупкой девочкой, что тут же назначил ей свидание в одном из лучших московских ресторанов.

Так вчерашняя студентка Щукинского театрального училища вмиг превратилась в настоящую светскую львицу. На следующий день Полину ждал сюрприз – новенький «Мерседес SLK», преподнесенный щедрым поклонником. Стоимость этой машины составляет более 120 тысяч у.е. Однако Феликс Серебрянников не остановился на одном подарке: вместе с Полиной они не пропускают ни одной модной презентации и покупают самые дорогие аксессуары, одежду и украшения.

Феликс, похоже, полностью потерял голову от своей новой подруги. Вместе с ней он недавно был замечен в одном из московских кинотеатров в совершенно нелепом для звезды такого уровня наряде. Его ноги были обуты в ярко-красные кроссовки, а сам он облачился в детскую кенгурушку с изображением Винни-Пуха. Несмотря на насмешки коллег по эстраде, Феликс своим новым имиджем доволен. Он

говорит, что хочет показать массам простую истину: звезды – обычные люди, которые тоже имеют право на маленькие шалости и эпатаж. Впрочем, именно эпатаж – в столичной тусовке поговаривают, что Феликс использует подобные трюки, чтобы вернуть утерянную популярность.

Напомним, что Феликс Абрамович Серебрянников, чье состояние приравнивается к сумме порядка 35 миллионов долларов, женат и у него есть 19-летний сын. Нам, как и нашим читателям, одинаково интересно: знает ли о новой подруге Феликса его жена или, может быть она, как и ее муж, считает, что артистам шоу-бизнеса, как и «простым смертным», можно совершать «маленькие шалости»?

Пресс-служба Феликса Серебрянникова пока никак не комментирует события.

Я трясся от гнева, перечитывая эти строчки вновь и вновь... полный финиш... провал... Что скажет жена, что скажет Полина? Я же полное посмешище!

– Феликс Абрамович! – взволнованно залепетал Костик. – Это абсолютное нарушение всех норм журналистской этики! Мы можем подать на газету в суд...

– Я не дарил ей Мерседес! – взрываюсь я. – И что это за поебень написана про модные показы??? Какой, черт побери, пиар? Да кто это такая, эта Маша Ковалева? Я ее выебу, на хуй! Я ее уебу, блядь... Что это за тварь такая, да как она смеет такое писать!

– Ус-спокойтесь, Феликс Абрамович... – Судорожно запинаясь Костик.

– Успокойтесь! – передразнил его я. – Нет уж, сука! Это ты успокойся. Вы, долбоебы, проморгали эту хуйню! Ты же, блядь, журналист, пиарщик, у тебя связи во всех

этих газетах должны быть? Почему тебе никто не сказал, что готовится эта публикация? Надо было заплатить им и все! А ты, видно, совсем страх потерял на моей зарплате. Ни хуя не делаешь, целыми сутками порнуху на работе гоняешь и на всяких дебильных сайтах сидишь, пидарас офисный... Я весь ваш отдел пиарщиков на хуй разгоню! Тоже мне пресс-служба – атташе хуевы!

– Но... – Костик нервно заморгал, глядя мне в глаза. – Я н-не-знал... честно... Мы прослеживали все каналы... Произошла утечка...

– Нет, – бесновался я, – ты хоть представляешь, какой это, пиздец, удар по моей репутации! Коллеги, «Звездопад», да меня же на смех подымут! А что я жене скажу? Принесу ей газету и тоже начну нервно моргать: «произошла утечка...». Нет уж, блядь, это полный финиш! Мало того, что я тебя на хер уволю, с этой газетой еще надо что-то сделать!

Костик в страхе смотрел на меня стеклянными глазами. В гневе я вскочил с кресла и заходил по кабинету.

– Значит так. – Наконец, холодным тоном сказал я. – У тебя есть последний шанс. Звони в эту «Российскую панораму» и предлагай им все. Все что хочешь. Бабло, интервью, собственную жопу – мне посрать. Они должны написать опровержение до следующей недели. Потом еще одно требование – пусть выкинут эту Машу на улицу. Уволят. Если ты все сделаешь, останешься в этом месяце с зарплатой, и я тебя не уволю. Если нет – можешь хоть сейчас собирать манатки и идти околачивать бордюры около биржи труда.

– Но... Феликс Абрамович. – Запинался Костя. – Вы представляете себе, что такое «Российская панорама»?

У них бешеный тираж... Нам денег не хватит, чтобы выбить у них подобное извинение... Они на обмане людей деньги зарабатывают!

- Да?! Зарабатывают?! Так, ты тоже зарабатываешь на этом, ты ж пиарщик. Вот и обмани их, разведи, сделай, что хочешь. Ты ж профессионал - угрожай судами, разбирательствами, рэкетом, чеченскими преступными группировками, кем угодно. У тебя неделя. Сделаешь то, что прошу - останешься. Нет - твоей карьере хана. Ты меня понял?

- Д-дааа... - Запинающимся голосом произнес Костик. - Понял.

- Вот и славно. - Сказал я. - А теперь - берись за работу.

Раскланявшись, тот выполз из моего кабинета чуть ли не на карачках. Я сидел за столом, мрачно уронив голову на руку. Назревала трагедия, настоящая.

Мы сидим с Полиной в маленьком кафе неподалеку от Лубянки. Я ссутулился над стаканом виски, нервно курю. Полина, положив ладонь мне на руку, пытается утешить.

- Феликс, я тебя прекрасно понимаю. - Говорит она. - Но если ты думаешь, что эта публикация может хоть как-то повлиять на наши отношения, ты сильно ошибаешься. Все, что происходит между нами - это только между нами, и никакая желтая газетенка не способна нам повредить. В конце концов, - смотрит она на меня удивленно, - неужели ты в первый раз за свой долгий сценический путь сталкиваешься с журналистской подлостью?

Я молчу, не знаю, что ответить. Действительно, она права. Что уже только про меня не писали. Писали, будто я педофил, будто за бешеные деньги заказываю себе с Украины любовниц и проституток, лили тонны дерьма на мои клипы и альбомы, потом была целая гомосексуальная истерия после поездки в Тайланд. Тогда это меня совсем не трогало, но сейчас... Старею что ли, или боюсь, что всплывет вся правда? Да еще и Марина, - как она отреагирует на эту публикацию? Хотелось бы себя успокоить, снять напряжение, но я понимаю, что в присутствии Полины поднимать данную тему не совсем корректно...

- В любом случае, - продолжает моя спутница, - газетчикам нужна пища для статей, они на этом ведь деньги зарабатывают. А это, в некотором смысле, - молвила она с укором, - и твой принцип.

Я отрываюсь от своих мыслей и смотрю на нее с полным недоумением.

- Полина! - восклицаю я. - Да как ты не понимаешь! Одно дело я - человек, который несет людям счастье, а другое - они, кто наживается на чужом горе! Неважно, что я продаю и зачем, важно, что мою музыку люди покупают С УДОВОЛЬСТВИЕМ! Для многих она - это свет в окне, надежда на завтрашний день, последняя отдушина в их серой и абсолютно безрадостной жизни. Как ты можешь сравнивать меня с этими погаными желтушниками?!!!

- Возможно, ты и прав. - Видя мое раздражение, успокаивающе произносит она. - Но ведь ты сам говорил про то, что «необходимо работать на конъюнктуру».

- И что? - не до конца понимаю я ход ее мыслей.

- А то, что в ситуации с тобой они тоже как раз и сработали «на конъюнктуру»...

Я заглядываю ей в глаза. Господи, Полина! Ну, что за бред ты несешь! Лезу в карман за очередной сигаретой.

- Феликс! - В ее глазах отчаяние. - Ты не должен распыляться по мелочам! Вспомни про настоящие ценности, искренние эмоции! Да ведь это все - такой бред! Черт!!! - Вскрикивает она, глядя на мою апатию. - Да мне даже неудобно об этом говорить! Ты сам должен понимать это, ведь ты намного меня старше!

- Забей. - Я отстраняюсь и втягиваю дым в легкие. - Это уже все совсем не важно. Совсем.

- А что важно? - спрашивает она. - ЧТО?!!!

- Важно то, что я должен идти вперед и не останавливаться. Важно то, что я должен реализовать свои замыслы, не обращая внимания ни на завистников, ни на мудаков. Важно то, что вскоре мой «Звездопад» уже будет запущен. И тогда, и тогда... - мои глаза наливаются кровью. - тогда все будет решено!

- Феликс?! - недоумевает моя девушка. - Зачем тебе ЭТО?

и увидел компанию из нескольких нетрезвых юнцов. Сидящие за столиком ребята, похоже, меня узнали и теперь, оживленно переговариваясь, смотрели на нас с Полиной и с азартом комментировали нашу беседу. Особенно им нравилось обсуждать мои слова и мои эмоциональные вспышки.

- Ооо, Ыыыы... «Уничтожу их всех»! - Изображал меня парень в полосатом свитере, комично потрясая руками. - Как же он это так делает-то смешно?

- Пацаны, - осторожно спросил второй, - вы уверены, что это Серебрянников!

- Да точно! - засмеялся третий, в синей олимпийке с надписью «N.Y.». - Напился в полный хлам, лыка не вяжет! На девку свою кричит, видно ссорятся!

- Телочка-то, кстати, ничего. - Поддакнул первый.

- Угу, я б ее трахнул!

- Гы-гы, я бы тоже!

- Ха-ха-ха!

Да как они смеют, жалкие молокососы?!!! Я же Феликс Абрамович Серебрянников, великий певец!!! Я вмиг мог уничтожить любого представителя этой жалкой гопоты! Достаточно было позвонить Палычу или кому-нибудь еще, чтобы их завтра же взяли с героином у метро или вывесили за ноги из окна пятнадцатого этажа, чтобы эти никчемные твари, вымаливали прощение! Меня буквально затрясло, от гнева запылали глаза. Перегнувшись на стуле, я повернулся к подросткам и на все кафе заорал:

- Эй, молокососы!!! Вы что?!!! Совсем нюх потеряли?!!!

Услышав, что я ору на них, парни быстро сникли. Несмотря на всю спесь, они явно понимали, что связываться с человеком моего уровня не стоило, ибо это могло сулить им огромные неприятности.

- А ну марш отсюда на хуй!!! - закричал я так, что изо рта полетела слюна. - Марш отсюда!!!!!! - орал я. -

БЫСТРО!!!

Сидящая в кафе публика онемела. Я был красным, как рак, глаза метали молнии. Молодняк мигом раскис – не ожидал и столь быстрой и жесткой реакции. Посетители заведения испуганно перешептывались и смотрели на нас – то на меня, то на подростков – ожидая развязки.

Понимая всю бесперспективность ситуации, один из парней уже, начал было вставать и с жалким выражением лица двигаться к выходу. Однако третий парнишка – тот самый, что в олимпийке «N.Y.», в котором, похоже, выиграла уязвленная гордость, резко его одернул.

– А что ты нам тут указываешь?!!! – Закричал он мне. – Думаешь что, звезда и тебе тут все можно?!! А у меня папа... депутат. Что дальше?

– КАКОЙ К ЧЕРТУ ДЕПУТАТ?!!! – От такой наглости меня затрясло еще больше... – Я вам что тут, воспитательница, чтобы с малолетками пререкаться? А ну марш отсюда, гниды!!! Нет, вы хоть понимаете, что это полный пиздец?!!!

– Остынь, старик. – Вякнул парнишка в полосатом свитере. – Мы никуда не уйдем.

– Ах так! – Схватился я за мобильник. – Палыч!!! А хотя к черту Палыча! – Я бросил трубку в сторону. – Сейчас я вам сам покажу!!!

Не успев закончить последнюю фразу, я бросился к столу подростков. Публика кафе онемела от ужаса. Меня словно ошпарило кипятком. Сметая на своем пути чужие столы с напитками, я несея к подросткам и готов был передуть их всех, абсолютно всех!!!

Но вдруг... Нет... Нет... Только не сейчас...!!!!

Легкие словно перекрыло плотиной; я начал глотать воздух, как рыба, из носа предательски закапала кровь. Тело плыло, ноги не слушались. Всеми силами стараясь совладать с предательским приступом, я зашатался и

облокотился на какой-то стоящий рядом стол. Падая, я свернул чашки, тарелки и блюдца, основательно залив одежду сидящей за этим столом оцепеневшей парочки.

Меня штормило и трясло, глаза выкатывались из орбит. Я мычал, пытаюсь, хоть как-то собраться. Оторопевшие подростки, которые сначала не на шутку перепугались, заметили свое превосходство и начали надо мной откровенно смеяться.

- Ооо, смотри, а старик-то пьян! - Ржал «сын депутата». - Даже встать не может!!! Да... это смешно!!!

- Суки... - Стонал я. - Завтра вам всем прострелят башни... Будет что на том свете вспомнить... обещаю...

На мои проклятия и слова юнцы не обращали внимания, продолжая гоготать.

- ДА КАК ВЫ МОЖЕТЕ, ПРИДУРКИ?!!! - Неожиданно вскочила из-за стола Полина. - Вы что, не видите, что человеку стало плохо?!!! Он не пьян, у него приступ... А ну быстро отсюда марш! Пожалуйста, не нарывайтесь на неприятности.

В этот момент Полина выглядела столь решительной и сильной, будто это была не юная девочка-актриса, а настоящая женщина-воительница, древнегреческая амазонка. В ее голосе звучали сила и уверенность. Почувствовав ее превосходство, гогочущие подростки мигом заткнулись и растерялись.

- А что мы... - Мямлил второй. - Мы просто так... Он сам начал...

- Да мне наплевать, кто из вас первый начал! - закричала Полина. - А ну вон, быстро!

Она угрожающе шла к их столу, поигрывая мобильником. «Депутатский сын» попытался, было, хорохориться, однако парень в полосатом свитере толкнул его в бок. Похоже, он понял всю бесперспективность ситуации и тоже решил ретироваться.

- Ладно, Серый, не вые... пендривайся... - При Полине сопляки даже не смели материться. - Пойдем отсюда скорее... Мы же не хотим проблем...

Виновато опустив глаза, ребята быстро прошли к выходу. Тот парень, что первым подал идею об «отступлении», даже подошел к Полине и извинился. Полина спокойно посмотрела на него и сказала, что ничего страшного нет, все нормально, все помирились, и, как только они ушли, она бросилась ко мне, помогать бороться с приступом.

- Феликс... Феликс... Ты как? - Она старалась приложить к моему лбу платок. - Скорую! Быстро! - крикнула она бармену, который все это время стоял как истукан.

- Уфф... - Я постепенно приходил в себя. - Все н-нормально...

- Феликс, ты должен поехать к врачу!

- Не-не! - Хотя тело, по-прежнему, плохо слушалось, я чувствовал в себе уже немалую уверенность. - Поеду домой, отлежусь... Все будет хорошо...

Ноги до сих пор двигались как ватные, но я приходил в себя. Оставив бармену пятьсот баксов в качестве компенсации за погром, я вышел на улицу и поплелся к дороге. Полина, поддерживала меня за локоть и довела до самой проезжей части, где я поймал такси и поехал домой на Николину. В душной машине мне было немного не по себе, но постепенно я оклемался, открыл заднее окно, высунул голову и стал глубоко дышать.

Когда я преступал порог дома, в голове чувствовалось брожение и неуверенность, будто я возвращался с недельной пьянки. По-моему, у меня дергался висок – или мне так казалось. Необходимо было полежать несколько часов и оклематься.

Но как только я вошел в гостиную, сразу увидел разгневанную Марину в ее розовом ночном пеньюаре. Ее лицо искажала гримаса злости. Ясно. Она все знала...

– Ах, вот ты где! Ты все шляешься, сукин сын! Что? – кричала она, размахивая руками. – Очередную шлюху себя нашел, деньги некуда тратить?

Мое сердце сжалось... Никто не смеет так говорить со мной, никто не смеет оскорблять Полину.

– Заткнись! – заорал я во весь голос. – Заткнись! Полина не шлюха! Посмотри на себя, мерзкая сисястая шваль!

Действительно, в этом нелепом розовом прикиде, в этой псевдоэротичной ночнушке, Марина смотрелась как огромная разжиревшая курица, напялившая на себя купленный на распродаже в секс-шоппе наряд. Я знал, что вопрос веса – больной для Марины: она постоянно ходила к разным диетологам и тратила кучу денег на таблетки – ума не хватало от дивана жопу оторвать. Но в том моем состоянии меня нельзя было остановить. Я мог высказать все, все самое неприятное...

– Что?! – Взорвалась Марина. – Да как ты смеешь? На себя посмотри. Обрюзгший пьяный уродец, снимающий дешевых проституток... Конечно, как мужчина, ты уже давно никто, и никто тебе, кроме как за подаренный «Мерседес» и ботики не даст!

– Да как ты смеешь мне это говоришь, шваль! – закричал я. – Ты! Ты!!!! Мерзкая тварь, которая живет

на мои деньги... Да если бы не я, ты вообще бы уже давно ушла на дно – вместе с твоим дебилом Ванечкой, которого ты воспитала полным недотепой!

– Не смей так говорить про нашего сына! – заорала она. – Ты никогда не уделял ему времени со своими гастролями и концертами, тебе больше нравилось проводить время с друзьями-кретинами, продюсерами-мудаками и продажными шлюхами!

– Заткнись, Марина... – От ее крика мне становилось дурно. – Заткнись... – Я наклонился вперед. – Заткнись, прошу тебя...

– Неет, дорогой! – она видела что, мне плохо, но от этого ее охватило злорадство. – Я тебе все выскажу! Ты забыл, как приехал в Москву никем и ничем, как ты бегал по этим консерваториям с нотами, неудачник? Ты забыл, как тебе помог мой папа, познакомив с Димой, который устроил тебе первый в жизни концерт? А когда в девяностые ты, как мудака, ушел из Союза Музыкантов и сидел, сложа руки, не мой ли брат устроил тебя на радио? А?

– Такого не было, нет... – Я оседал на пол, чувствуя, что жизнь почти покидает меня.

– Ты послушай! – Она явно хотела добить меня. – А все эти твои вечные депрессии, истерики, кризисы? Я всегда это терпела, я всегда старалась быть с тобой мягкой.

– Неет... – Я уже буквально стоял на коленях, держась за голову. – Нет...

– И запомни, Феликс. Другая женщина давно ушла бы к другому человеку, плюнув на все твои миллионы. Лишь такая как я может тебя терпеть. И знаешь, я очень жалею...

– НЕЕЕТ! – Огромным усилием я собрал себя в кучу, вскочил и бросился на нее с кулаком. – Да как ты смеешь, сучка! Ты в жизни ни копейки без меня не заработала! Я... яяя... Я...!

В диком порыве злобы я явно не рассчитал удар и пронесся мимо. Захлебываясь на ходу воздухом, я споткнулся и упал на пол, ударившись головой. На меня посыпались жестокие удары ногами...

- Запомни... Феликс! Запомни!!! - Последнее, что я слышал: - Ты просто неудачник!

Все померкло, я потерял сознание, провал...

- Ему нельзя больше волноваться. Любое волнение может оказаться критическим.

- Да, доктор, я все понимаю. Вы даже не представляете, какие усилия я прилагаю.

- Поймите, это не шутки. Ему нужен серьезный отдых подальше от города и как можно скорее.

Эти слова проходили словно через вату, я слышал их будто издалека. Постепенно я понял, что нахожусь в больничной палате. Когда я наконец смог открыть глаза, вокруг была тишина. Рядом сидела Полина.

- Где доктор? - спросил я. - Что со мной случилось?

- Только что ушел. Феликс, - ее глаза были полны тревоги, - ты еле уцелел.

Я попытался шевельнуться, но ощутил резкую боль в шее.

- Жена тебя била... - мрачно продолжила Полина. - Если бы она не остановилась, могла бы вообще убить. Вот гадина какая. Ведь видела, что тебе плохо. А нет, специально, добивала.

- Ах, сука... - с ненавистью сказал я, постепенно вспоминая происшедшее. На глаза наворачивались слезы... - Она еще ответит!

- Феликс, тебе нельзя нервничать. Ну как ты мог дойти до такого?

- Иначе было нельзя.

- Я понимаю, дорогой. - Полина положила мне руку на лоб, проверяя температуру. - Ты был в отключке два дня. Я звонила на мобильный, на работу, даже домой. Жена твоя, как услышала женский голос, взвизгнула и бросила трубку. Мне помог твой директор Вова. Он сказал мне, что тебя обнаружили охранники и отвезли в больницу. Как только я узнала, я сразу поехала сюда...

- И долго ты здесь уже сидишь? - спросил я.

- Несколько часов.

- Полина... - Я пытался взять в руку ее ладошку. - Полина, ты такой молодец.

- Брось ты... - Печально сказала она, а потом улыбнулась. - Я рада, что с тобой все хорошо. Смотри. - Она стала доставать из-за тумбочки пакет с продуктами. - Я привезла тебе кое-что вкусненькое.

- Полина, - я прямо расстрогался, увидев свой любимый бельгийский шоколад, - я все оплачу... как только выздоровлю.

- Даже не думай. - Она резко встала. - Ладно, извини, но мне надо на работу. Лежи здесь, отдыхай. Чуть позже придет доктор.

Она склонилась надо мной, поцеловала в губы и ушла, оставив в воздухе запах духов и ощущение нежности.

Я сделал усилие и повернулся. Вытянул затекшие от продолжительного лежания конечности. Кулаки сжимались в бессильном порыве. Опять! Нужно что-то делать.

Но что? Мысли вертелись в голове, как кролики на вертеле.

В первую очередь я поклялся себе обязательно довести до ума «Звездопад». Это мой последний шанс на победу. Иного выхода нет. А пока, надо сделать одно дело.

Дверь отворилась. Вошел седой врач с бородкой. Посмотрев на меня, он проверил пульс, поправил капельницу, и затем обратился ко мне:

- Феликс Абрамович. В вашем возрасте и при ваших сосудах нельзя совершать необдуманные поступки. Будьте в следующий раз осторожнее. Я надеюсь, ваша подруга Полина вам объяснила.

- Да, доктор.

- Я выпишу вам кое-какие лекарства. - Продолжал врач. - Там большой список всевозможных препаратов - «Глицин», «Кавинтон», еще кое-что. Конечно, после выписки некоторое время вам надо наблюдаться у невропатолога, хорошо было бы еще сделать УЗИ головного мозга и томограмму.

- Хорошо. - Сказал я. - Доктор, можно трубку?

- А? Да-да, конечно.

Когда врач принес мне больничный телефон, я поблагодарил его и стал вспоминать номер. Наконец, когда нужная комбинация высветилась в моей голове, я взял в руки трубку и стал нажимать кнопки.

- Алло? - После нескольких гудков послышался басистый прокуренный голос.

- Привет, Палыч. - Сказал я.

- О, Феликс... Это ты? Как у тебя там?

- Слушай, есть дело...

Объяснив Палычу ситуацию, я положил трубку на тумбочку, вытянул ноги и с блаженной улыбкой откинулся на подушку.

Пока я находился в больнице, Полина буквально обрывала мой телефон. Она звонила постоянно – по несколько раз в день. Спрашивала, все ли у меня в порядке, не нужно ли что-нибудь привезти, помочь. Мне, право, было неудобно – ну что же она возится со мной как со стариком? – но в то же время, приятно до умопомрачения – впервые в моей жизни появился преданный человек, который поддерживал бы меня в беде и не ждал от меня денег.

Я лежал в палате и думал, где же в отношениях с семьей я допустил ошибку. Несомненно, я слишком много занимался работой и совсем не уделял внимания домашним. Ванечку надо было воспитывать раньше. Если бы я занялся сыном еще до восьмого класса, когда в первый раз заметил его тягу к ночным приключениям и прогулам, возможно из него бы не получился такой лоботряс. А эта сука Марина – надо было побольше пилить ей мозг, а Ване чаще давать ремнем по жопе, да так чтобы неповадно было. А то она постоянно выгораживает его, идиота, даже пальцем не дает тронуть...

Впрочем, о семье мне почему-то не хотелось вспоминать. Мысли о семье все чаще вытеснялись Полиной. Она была для меня как мать, как подруга, спасательный круг и даже жилетка. Я мог сказать ей абсолютно все, не боясь упасть в ее глазах или показаться слабым. Возможно ей нравилось, что такой сильный мужчина из сильного льва превращается в ее руках в беспомощного котенка – я слышал, что многих женщин такое заводит. В любом случае, Полина оказывала мне такую духовную поддержку, которую я не получал от Марины последние лет пятнадцать.

Было несколько звонков по работе. Коллеги, в основном, интересовались моим здоровьем – лицемерные суки, как я их ненавижу. Звонил Скворцов, спрашивал о самочувствии. Когда я услышал его голос в трубке, я сжал от злобы кулаки. Это ведь ты, сука, рассказал все журналистам, это ты, сука, дал им комментарий! Ты думаешь, я тебе теперь буду верить и прощу? Нет, мразь! Ты уже в моем черном списке! Разбитый после разговора со Скворцовым телефон невозможно было восстановить, Полина отдала мне свой старенький «Siemens», я вставил в нее свою сим карту и снова был на связи.

Подчиненные спрашивали про «Звездопад» и боялись затрагивать тему Полины. Все помнили историю с пиарщиком Костиком, с работы вылетать никто не хотел. Пару слов насчет Полины попытался вставить мой администратор Костя, но я четко ему намекнул, что если он не хочет околачиваться у биржи труда, тему моей личной жизни лучше не поднимать.

Позвонил Ванечка, что-то лепетал, желал скорейшего выздоровления, рассказывал, что очень усердно учится, старается. Я конечно же не поверил ни одному его слову, тем более в какой-то момент я яственно услышал женский хохот. Наверняка сидел в ресторане с какой-нибудь очередной первокурсницей, рассказывал, кто его папа, угощал на халяву и готовился драть ее на своей съемной хате за 2500 в месяц... Эх, выйду из больницы, достану наконец свой ремень... Теперь Марина меня не удержит, Марина в прошлом...

Но какой все-таки молодец Полина. Даже предложила пожить мне у нее некоторое время, пока я не окрепну и не смогу вернуться к жене. Я, конечно, отказался – это уже слишком, что я бомж какой что ли, у меня и своя вторая квартира есть. Но Полина не уступала: сказала, что все равно поселится со мной,

будет ухаживать, помогать мне, готовить. Никакие аргументы про рестораны и домработницу она слышать не хотела. Черт побери, а ведь это приятно - будет сидеть со мной, греть меня своими теплыми ладошками, поить чаем... А может быть наконец-то мы сможем заняться с ней любовью... страстно и нежно... Когда я представлял это, судорогами сводило пах.

Да, все меня бросили, но у меня остался близкий человек. Я благодарил бога за Полину и обещал себе никогда ее не забывать.

Часть четвертая:
Они достали

Шел пятый день моего больничного заточения. Фильмы, которые принесла мне Полина, я давно посмотрел, делать было совершенно нечего. Да и сама любимая навещала теперь меня не часто – в последнее время у нее были жутко изматывающие репетиции в театре перед новым спектаклем. Конечно, Полина порывалась любой ценой выкроить для меня минутку, но я строго-настрого запретил ей ко мне ездить. В ответ моя девочка чуть не закатила жуткую истерику, но я повел себя с ней очень по-мужски и строго: сказал, что хватит, мол, возиться со мной как с младенцем, пора бы и свои дела начать решать. Теперь Полина постоянно закидывала меня эсэмсэсками, предлагая приехать, но я в своем решении был непреклонен. Хотя, на самом деле, мне очень хотелось ее видеть, чувствовать рядом, общаться и наслаждаться ее нежностью.

Доедая принесенный мне медсестрой обед, я чувствовал себя как-то паршиво. Но только я хотел откинуть голову на подушку и предаться послеобеденному сну, как в дверь палаты неожиданно постучали. Каково же было мое удивление, когда после моего небрежного «войдите» на пороге появился Станислав Фальковский с цветами и какими-то пакетами.

– Здорово, старик! – воскликнул он, будто не веря своим глазам. – Ну как ты? Выздоравливаешь? Расскажи, чего вообще случилось-то?

– Привет, Стасик. – Кривовато улыбнулся я. – Ну так, кряхчу потихонечку.

Про себя я думал об истинных целях его визита. Зачем он ко мне явился? Заботливый друг? Ой ли... Я прекрасно помнил, как мы воевали с ним из-за денег за

Соню. А 2004 год, Юрмала - да мы чуть глотки друг другу тогда не порвали из-за судейства! Нет, памятуя всю историю наших взаимоотношений, косяков у нас к каждому скопилось предостаточно. Поэтому, если он решил меня все-таки навестить, наверняка у него были веские причины. Я бы даже сказал, очень веские...

- Я поставлю цветы сюда. - Мой гость, тем временем, суетился с букетами. - Ну, рассказывай давай. Все-таки, что случилось? А то вся тусовка сплетнями полнится, прямо не знаешь, кому верить...

- Сплетнями?! - Я на секунду оторвался от собственных размышлений. - И что же говорят? Небось опять перебивают мне кости?! На говно уже извели?!

- Да брось ты, Феликс. - Стас склонился над раковиной, наполняя вазу водой из под крана. - Все на твоей стороне. Люди прекрасно тебя понимают. Эти жены - такие неблагодарные. Порой совершенно не помнят, сколько им добра сделали...

Мне стало неловко от его уверенного и совершенно спокойного тона. Что он все-таки задумал? Ничего, щас я выведу его на чистую воду...

- Ладно. - Отмахнулся я, показывая на стул. - Ну что, садись, рассказывай. Чего там нового в шоу-бизнесе?

- Да как, - улыбнулся он, - ничего особенного. Концерты, проекты, выступления. Слышал по радио новую певицу Милу «Я от тебя без ума»?

- Да. - Вспомнил я этот пролетарский мотив. - Ммм, вообще неплохо, только мне, кажется, закос под негритянское R'n'B всех утомил. Надо бы что-нибудь новенькое.

- Ладно тебе. - Засмеялся Стас. - Пока папочка сидит на колбасе и мясе и может отваливать по поллимона за клипы и ротации, мы будем на коне. Да и народ пока хакает, рейтинги, судя по хит-параду НМК у песни достаточно высоки. Даже в 20-ку Пластинки уже

попала. Мы, конечно, три места автоматом проплатили, но и так пиздюшки 15-16 лет неплохо голосуют... Слушай, - тут обратился он ко мне, - я вообще к тебе с хорошей новостью...

Я мигом насупился и замолчал. «С хорошей новостью» на нашем языке обычно означало «А вот и суть дела».

- Ну? - сухо вато спросил я. - Рассказывай.

- Смотри, Феликс. - Начал он. - Твой «Звездопад» - проект невероятно перспективный. Все о нем сейчас только в тусовке и говорят. Полный пиздец, восхищаются тобой, Феликс. Как же ты красиво и ловко все продумал.

- Ну, спасибо. - Если он не врал, мне было действительно приятно. Приятно, что эти ублюдки наконец оценили меня по достоинству и коллективно отсосали. - В общем-то, я и сам это знаю... Но неужели, - с сомнением посмотрел я, - ты приехал просто меня похвалить?

- Ну, брось, Феликс. - Засмеялся он. - Я же знаю, что ты человек разумный, и с тобой не надо играть в дурацкие игры. Говорю тебе сразу по сути дела. Вчера к нам приезжал продюсер с VH1, француз Поль Лагрин, мой старый знакомый. Я с ним сейчас Софочке снимаю в Париже видео. Так вот, мы сидели с ним, пили, и про твоё шоу заговорили, и ты знаешь - он жутко заинтересовался.

- Да ладно? - переспросил я. - И чего хочет?

- Хочет купить лицензию и начать продвигать похожий проект за рубежом. Более того, их очень привлекает российский рынок. Они готовы вложить в тебя лично несколько миллионов долларов, если ты пойдешь им навстречу. Ну и понятное дело, что во всех транзакциях западного «Звездопада» ты будешь иметь устойчивый процент... В перспективе он видит возможность запуска английской версии, французской,

а также, что самое клевое, – Фальковский с ликующим видом сложил руки на животе, – американской! Нет, ты только представь, что вместо Кристины и Бори на твоём шоу будет петь Агильера и Элтон Джон!

– Мда... – Только и сумел вымолвить я. Идея мне определенно нравилась. Феликс Сербянников мог потрясти не только отечественный шоу-бизнес, но и всю мировую эстраду. – Но погоди... – Резко спросил я, отходя от восторга и начиная врубаться в происходящее. – А чего хочешь Ты?

– В смысле? – непонимающе посмотрел на меня Стас и тут же осекся.

– Да-да. – Кивнул головой я. – Ну ведь должен быть в этом какой-то твой интерес.

Фальковский несколько секунд смотрел на меня. Я увидел в его глазах небывалую грусть. Он смотрел еще некоторое время, а потом кивнул головой и сказал:

– Да, ты правильно понял меня, Феликс. Но прошу я вполне адекватную цену. Все это будет выгодно, как ты понимаешь, в первую очередь тебе.

– Ну так скажи, что именно. – Не отставал я.

– Видишь ли... Хм... – Он придвинулся ко мне ближе. – Я тебя прекрасно понимаю, Феликс. Я тоже человек довольно взрослый, уже утомился раскручивать все это село, весь этот бесперспективный молодняк. Хочется заняться чем-то более интересным, внести свою лепту в шоу-биз. Твой проект «Звездопад» – это же находка для нас обоих. Я когда услышал о нем, сразу понял, чего ты добиваешься. Вот он шанс – взорвать шоу-бизнес, изменить весь этот мир! Мы сможем сделать новый формат, перестроить этих людей, заставить их играть по нашим правилам. Если ты один – это лишь Россия, если мы с тобой – это весь мир!!!

Я молчал, исподлобья глядя на него. Договаривая последние слова, Фальковский вдруг расчувствовался. Он смотрел на меня проникновенно и трогательно и в

какой-то степени я видел в нем себя. Я не мог произнести ни слова, обдумывая его предложение. Конечно, оно казалось мне заманчивым, но...

- Ну, что скажешь? - отвлек меня Стас от моих размышлений. - Ты согласен? У меня есть хорошие инвесторы... Они дадут еще несколько миллионов. У меня выход на Рыбина, на МУЗ-1, на НМК. Это будет все круто, невероятно круто. Я уже все просчитал - настоящий золотой дождь...

В палате воцарилось молчание. Впрочем, думал я недолго.

- Нет, Стас, - сказал я, - извини, нет.

- Феликс?! - опешил он, не веря своим ушам. - Я предлагаю тебе поистине фантастический масштаб. Ты откажешься от таких возможностей?!!! По-моему, от моего участия в проекте выгадываешь в первую очередь ты, причем очень и очень сильно!

Несколько секунд я пристально всматриваюсь в его глаза. Я понимаю его, понимаю, чего он хочет. Однако на этой сцене может быть лишь один бог! И его имя - Феликс Абрамович Серебрянников!!!

Надо было как-то красиво отмазаться...

- Знаешь, Стас. - Спросил я вдруг. - А как ты относишься к Софье?

- В смысле?! - Он резко поднял голову. - Какое это имеет отношение к делу? Она моя жена и я очень ее люблю!

- В прямом. - Ответил я. - Именно то и важно, что ты ее любишь.

- Ну... - Задумался он. - Она действительно для меня тот человек, ради которого я могу пойти на многое. Я хочу сделать ее самой яркой звездой на эстраде. Она для меня мое любимое детище, в каком-то смысле - ВСЕ...

- Так вот. - Перебил его я. - А скажи, отдал бы ты Софу какому-нибудь другому продюсеру?

- Конечно нет. - Его зрачки расширились. - Стоп! Погоди!!! Погоди-погоди! - закричал он. - К чему ты это?!

- А к тому, - продолжал я, - что мой «Звездопад» в каком-то роде для меня то же самое, что для тебя - Софа. Я прекрасно понимаю, какие возможности можешь открыть ты, какие - Пол Лангрин, но это мое собственное детище. Я не хочу им ни с кем делиться. Оно создано для меня!

- Да что ты за глупости мелешь? - Вскочил он со стула. - Как можно сравнивать любимую жену, девушку с бездушным проектом, всего лишь с очередной бизнес-идеей?! У тебя же есть эта... - Он на секунду задумался. - Полина...

- Да... Да... Да даже Полина стоит для меня меньше, чем мой «Звездопад»!!! - во весь голос заорал я.

И тут-то я понял, что сказал глупость. Гнида, Фальковский, это ты меня довел! Немигающими от злобы глазами я уставился ему в переносицу. Чертов мудака! Ты спровоцировал меня на ненужную откровенность! Лицо моего собеседника тоже изменилось, его глаза и губы приобрели холодный оттенок.

- Ты просто ничего не понимаешь. - Со злобой сказал он. - Ты сумасшедший!

- Ага. - Отрезал я, не желая дальше развивать эту дурацкую дискуссию. - И тебе удачи. А теперь извини, - я поерзал на кровати, - я еще плохо себя чувствую. Если ты действительно такой мой «преданный друг», - последние два слова я произнес с особым сарказмом, - не мог бы ты позволить мне слегка отдохнуть? А то мне как-то прямо неловко.

- Да. - Опомнился он и посмотрел на часы, как зомби. - Время уже позднее. Не буду тебя отвлекать. Но учти, - бросил он, когда уже направлялся к двери, -

теперь, Феликс, нам придется конкурировать. Ничего личного для меня это лишь бизнес.

- Ага. Счастливо. - Пренебрежительно бросил я. - Козлина! - добавил я, когда он уже вышел из палаты. - Ты тоже теперь в моем списке!!!

Схватив цветы из вазы, я кинул их прямо в дверь. Красные розы Фальковского распластались на полу, как дешевый веник. Затем, плюхнувшись на подушку и сгорая от нетерпения поскорее разобраться с этим чертовым шоу-бизом, я взял телефон и неспешно набрал номер.

- Алло, Марко?

- О, Феликс? - раздался на том конце интеллигентный высокий голос. - Как вы? Вы нас так напугали... Как ваше здоровье?

- Не дождетесь. - Усмехнулся я. - Помнишь, должок за тобой?

- Как же не помнить, Феликс, квартиру уже отремонтировал, с женой и Сонечкой въехали, ой если бы не вы, мы бы во...

- Хорошо, хорошо! - Перебил я его. - Просьба к тебе есть. У вас там в ротации стоит певица новенькая, Мила ее зовут.

- Да, есть такая, в хит-парад уже попала, заказывают всюю...

- Так вот, Марко. Выкинь ее из ротации, навсегда!

- Ввв смысле, как выкинуть? - задохнулся от неожиданности собеседник.

- Просто. Взять и выкинуть на хуй. Чтобы ни одной песни в эфире больше никогда. В конце концов ты программный директор или кто?

- Но это же практически невозможно!!! - Марко чуть не плакал от досады.

- Марко, почему когда ты пришел ко мне в слезах и на коленях просил помочь с квартирой, я не говорил

тебе, что это невозможно, что мне нужно подумать, а сразу же помог тебе с этой проблемой?

- Да, эээ, точно, спасибо вам за это... я понимаю... да...

- Так вот и ты сейчас помоги мне. Я надеюсь с завтрашнего дня песни в ротации не будет. Спасибо тебе заранее... Надеюсь ты умеешь ценить доброту, - я положил трубку.

Через несколько дней меня выписали. Поля приехала за мной, собрала все мои вещи. Мы направились в мою квартиру в Сокольниках.

Благодаря ее заботе я быстро выздоравливал. Ох, уж эти блинчики – вкусные, сытные, поджаристые. Прямо как те, что готовила мне в детстве мама. Уплетать такие с джемом – одно удовольствие.

– Странно. – Задумчиво произнес я, когда Полина однажды испекла мне целую гору. – Вроде Марина мне тоже готовила, но у нее получалось как-то совсем обычно. Ничего особенного, ничего вкусного, поел и забыл... Интересно, почему?

– Добавь еще варенья. – Посоветовала Полина, суется у плиты. – С черничным будет вкуснее...

– Нет, я лучше с брусничным. И все-таки? – Я облокотился на стол я, пристально глядя на нее. – Как ты считаешь?

– Ну... Может, я просто лучше готовлю? – Игриво улыбнулась Полина, напрашиваясь на комплимент.

– Возможно... – Я скрутил блинчик в трубочку, обмакнул его в варенье и отхватил зубами немаленький кусочек. – Ммм... как вкусно. Ну не думаю, что это все лишь простое самовнушение.

– На самом деле, – помедлив, произнесла девушка, – ты никогда не думал, что жена тебя просто обманывала?

– В смысле? – Не понял я.

– Ну сама ничего не готовила. Заказывала пищу в ресторане, а перед твоим приходом просто разогревала и ставила на стол. Вспомни, она когда-нибудь при тебе стояла у плиты?

– Хм. Вроде нет.

- Ну вот. Перед твоим приходом звонила в какой-нибудь ресторан, делала заказ, просила доставить еду курьером. А когда ты приходил, преподносила еду так, будто сама ее приготовила.

- Нда уж... - Только и смог произнести я.

- Не отвлекайся и кушай. Сейчас выжму тебе еще яблочного сока...

Жуя блин, я грустно смотрел на плиту. Вся жизнь - обман, все чувства - насмарку. Столько лет во лжи - это слишком много даже для самой сильной личности. Решение в моей голове созрело почти мгновенно.

* * *

Черный «BMW X5» гулко затормозил у въезда на автостоянку. Охранник, увидев меня в окне, поклонился мигом и поднял шлагбаум. Загнав машину внутрь, я проверил ключи и документы, достал ключ зажигания, открыл дверь и вышел наружу, а затем помог выйти и Полине.

- Идем. - Улыбнувшись, сказал я. - Увидишь, как мы тут работаем.

Я все еще не понимал, зачем я взял ее с собой. Наверное после больницы я стал чересчур суеверен. Но мне не хотелось ни на секунду отпускать от себя мой маленький талисманчик. Пусть сходит со мной в мой офис, посмотрит, чем мы тут занимаемся.

Пока мы поднимались на лифте, я крепко сжимал руку Полины и думал о том, какие дела могли возникнуть в фирме за время моего отсутствия. Первый визит после выписки - сейчас набегут сотрудники и будут трещать: «Феликс Абрамович, можно мне, наконец, взять отпуск?», «Феликс Абрамович, звонила Инга, просила ей перезвонить». Нерешительность Вовы в отдельные моменты меня невероятно раздражала.

Чуть что, так сразу блеять: «Феликс, Феликс...», а сам ничего толком предпринять не может.

Наконец, кнопка подъемника щелкнула, мы очутились на нужном этаже. Сидящая на входе секретарша, увидев меня, окаменела и едва сумела сказать «здравствуйте», так была потрясена неожиданным визитом.

- Два чая и круассаны. - Сказал я ей, снисходительно посмотрев на ее испуганное лицо, крепче сжал руку Полины и пошел по коридору. Со всех сторон выглядывали взволнованные сотрудники. Я слышал возбужденный шепот: «Феликс Абрамович вернулся...»

- О, Феликс! - из-за угла деловитой походкой вышел генеральный директор Вова. Когда он заметил меня да еще и с Полиной, его буквально затрясло, он чуть ли не начал креститься. - Наконец-то ты снова с нами! И твоя очаровательная спутница! - Он обратился к Полине. - Прекрасно выглядите. Очень рад вас видеть!

Вова и глазом не повел, притворяясь, будто не узнал ее. Конечно, он сразу определил девочку, из-за которой разгорелся такой скандал. Но эту тему он явно боялся со мной заводить - знал же, чем кончится - и правильно.

- Здравствуй, Вова. - Сухо сказал я. - Что у нас нового? Как продвигается «Звездопад»?

- Нового? - настороженно посмотрел на меня Вова. - Ах, да-да. Ну как же, Феликс, как обычно, работаем. «Звездопад» движется, контракты почти все подписаны. Процентом на восемьдесят уже проплачены. Осталось только с каналами переговоры провести, и можешь считать, что мы уже в эфире. По срокам тоже все сходится - вчера как раз инвестор приезжал, остался очень доволен. Еще хотел с тобой переговорить, но я сказал, что ты в больнице, он сильно

расстроился и желал тебе скорейшего выздоровления. Ты получал от него цветы?

- Да-да, получал. - Поморщился я вспомнив отвратительно пахнувший букет белых лилий, который я выкинул через пять минут.

- Да, еще звонил Хлыстин - хочет, чтобы ты с ним поучаствовал в съемках нового клипа. Еще неделю назад был звонок от Леонова - приглашает вас на конференцию участников российского музыкального бизнеса. В общем так. Есть еще кой-какие мелочи и письма, я скажу секретарше, чтобы она предоставила полный отчет.

- Отлично. - Сказал я, несколько удивившись тому, что дела шли на редкость гладко. - Скажи тогда, пусть Жора тоже подготовит отчет - хочу видеть все наработки креативщиков. Мы пока пойдем с Полиной в мой кабинет; не отвлекай меня, я буду занят.

- Конечно, Феликс! - раскланялся Вова. - Я могу идти?

Господи, да конечно иди. Я был рад, что мне не надо заниматься всей этой мутью. Пусть Вова общается со всеми этими мудаками. Прекрасно, черт побери!

Когда я кивнул головой, генеральный директор мигом испарился. Ощущая всеми фибрами души некий витающий в воздухе запах гнильцы, я посмотрел на Полину. По-моему она меня поняла.

- Не знаю. - Сказала она. - Не нравится мне этот человек. Какой-то он слишком льстивый. И еще точно трус.

- Нда. - Задумчиво произнес я. - Это еще один из лучших моих экземпляров...

Пройдя по коридору дальше, мы подошли к дубовой двери моего кабинета. Открыв ее и пропустив Полину, я следом за ней вошел внутрь. За время моего отсутствия ровно ничего не изменилось. Вся та же безжизненная чистота, ожидающая своего владельца.

Полина же, мигом, не спрашивая моего разрешения, прыгнула в мое кресло, и устроившись на кожаном сиденье, сделала противную гримасу, изобразив меня.

- Фи! - Гадко морщила она носик, осматривая глазами стены. - Что это за кабинет? Почему такая безвкусная мебель? Какой-то он слишком мрачный и старомодный для моего великого артиста...

- Полина, - улыбнулся я, едва сдерживая смех от этой поистине талантливой карикатуры, - это евростандарт...

- Ничего не знаю! - перебила она меня. - Пустые белые стены и дурацкий потолок! Мне не нравится! Надо повесить картины! Сейчас я вызову секретаршу! - потянулась она к кнопке, изображая меня.

- Ха-ха! - я присел на стул. - Не шали только.

- Не, картины не подходят! - продолжала гримасничать Полина. - Лучше украсить стены долларами! Я, Феликс Абрамович Серебрянников, хочу много долларов, очень много долларов! Так... - Обратилась она ко мне, словно я только вошел и ждал своей очереди. - А вы, Феликс, что тут делаете? Вы ко мне по какому-то вопросу?

- Эээ... - гогоча, попытался подыграть ей я. - Да.

- Балда! - передразнила меня Полина. - Опять пришли за гонораром! Вон там - в мусорном бачке! Специально для вас, ваши копейки! Все что найдете - ваши!

Эта игра меня увлекала, и я, сделав покорное лицо, поперся как осел к мусорному бачку, и сделал вид, будто пытаюсь его вытряхнуть.

- Не запачкайте ковер. Его купила мне покойная бабушка на распродаже в Париже. - Полина тем временем рылась в моих бумагах. - Так, давайте посмотрим, что у нас в отчетности. Деньги-деньги-деньги... Угу, как неинтересно. «Финансовая сводка за октябрь, финансовая сводка за февраль». О, список

артистов для шоу – уже что-то поинтереснее. Так-с, – достала она из папки внушительный лист с фамилиями. – Посмотрим.

– Будете добавлять кого-то от себя, босс? – подыграл ей я.

– Посмотрим. – Полина просматривала список фамилий. – Вайтман, Киносян, Малинов, Кожевников, Златокрылова, ну, куда же без них, Саиров, «Экстаз», «Бременские музыканты», «Скрипка», «Город музыки», Веларди.... Эээ... – Неожиданно ее голос стал серьезным, будто ее что-то смутило. – А что это за странные пометки около фамилии каждого артиста?

– В смысле? – Смех в моем голосе тут же пропал. В голову закралась ужасающая мысль: неужели Полина наткнулась на то, о чем я подумал. – Дай сюда! – заорал я. – Дай сюда! – заорал я не своим голосом. – Быстро!!! Я вскочил со стула и бросился к бумагам.

– Веларди «пришить рубашку к телу намертво», Захватов – «засыпать нос стиральным порошком, чтобы он корчился в отвратительных судорогах», Леонов – «отрезать руки, ноги, и потом, когда он уже будет на последнем издыхании, убить перед ним жену», Симоянова – «сварить в кипятке заживо при полном параде и в ее самых дорогих шмотках», ... – «повесить его на столбе прямо перед его домом, а потом сфоткать и, гогоча, направить эту фотку в желтую газету «Наизнанку»», Фальковский – «когда он заболит, принести ему в палату сладкие пончики с ядом, а когда он начнет задыхаться, задушить – задушить, задушить, как самую мерзкую крысу...».

Читая эти ужасные пометки, Полина начала задыхаться. Она не могла остановиться и лишь судорожно переводила взгляд то на меня, то на листок.

– Отдай мне его!!! – Я набросился на нее и стал вырывать у нее листок силой. В голове помутилось,

словно превратился в животное, и принялся грубо отталкивать ее и отбирать бумажку...

- Феликс! - испуганно кричала Полина. - Феликс!!! Ты что?!!! Что с тобой такое???

- Ничего здесь нет!!! Это заметки... - Кричал я, пытаюсь забрать список... - Это просто мои записи... Ааа...

Меня как будто ударило со всей силы в голову. Из носа хлынула кровь, ко рту подступил комок рвоты. Захват Полининой руки ослаб, я брякнулся назад, на пол, приземлившись прямо на спину... Все тело колотило, меня били судороги. Полина, которую еще секунду назад я пытался ударить, бросилась ко мне с криком... Дверь кабинета запахнулась, в комнату вбежала напуганная секретарша, за ней директор... Принеся из аптечки нашатырь и вату, меня как-то привели в себя...

- Все нормально, Феликс? - испуганно смотрел на меня Вова. - Давай, давай, садись...

Кое-как я погрузил себя на кресло и поднял глаза. Собравшиеся смотрели на меня настороженно и испуганно. Особенно Полина - она не сводила с меня глаз.

- Да, нормально, Вова. - Наконец вымолвил я. - Вызывай такси, я поеду домой...

За всю дорогу Полина не произнесла ни единого слова.

Когда мы приехали домой, мне все еще было так плохо, что сразу с порога я плюхнулся в постель. Вокруг все плыло, мозг отключался, все окружающее пространство воспринималась иллюзорно. Через пару минут я просто провалился в сон и вырубился, наверное, часов на пять.

Когда я проснулся, в комнате горел свет. На тумбочке стоял готовый обед и свежесваренный кофе. Я взял чашку и слегка отхлебнул. Ммм, вкусно. Полина потрясающе готовила.

Но как только я собрался поесть, дверь комнаты внезапно отворилась. Это была Поля, она внесла огромный поднос с пирожками. Увидев, что я проснулся, она посмотрела на меня с отвращением, поставила кушанья на стол и отвернулась. Я, силясь подняться на подушке повыше, смотрел ей в спину жалким и заискивающим взглядом.

- Полина... - Позвал я ее, когда она уже быстрым шагом направилась из комнаты. - Полина!!! - Она не откликнулась. - Черт побери!

- Что тебе еще надо? - Показалось ее лицо в дверном проеме.

- Полина, сядь сюда. - Мягко сказал я, показывая на кресло. - Надо поговорить.

- Мне не о чем говорить с психами.

- Ну, пожалуйста, дорогая. Иди сюда. Нам обязательно нужно поговорить. Я все тебе объясню, ты меня поймешь, обещаю...

Изничтожающе посмотрев на меня, Полина все-таки вошла в комнату и села. Глядя на нее, я потянулся к пачке сигарет на столе. Дрожащие руки еще плохо меня слушались. Когда я чуть не обжег себе руку, я заметил,

что Поля внимательно наблюдает за каждым моим действием. Несмотря на внешнюю холодность, в ее глазах читалась настоящая боль и невероятная обо мне забота.

- Прости... - Я втянул в легкие дым и положил руку на подлокотник. - Ты все-таки не такая талантливая актриса, чтобы совсем скрыть свои эмоции...

- В смысле?! - она удивленно посмотрела на меня. Я заметил, как сжались ее губы, а на шее непроизвольно проступили ямочки.

- Я говорю, что ты не можешь скрыть свои эмоции. - Сказал я. - Как бы ты ни хотела показать, что я говно, у тебя не получается. Ты слишком любишь меня и ценишь. Да, ты знаешь, мне это очень приятно - ведь я тоже тебя невероятно ценю.

Произнеся это, я с надеждой посмотрел на Полину. Она молчала. Я видел ее внутреннюю борьбу. Ей хотелось быть сильной и независимой, ведь она любила меня. Не справившись с собой, она закрыла глаза и горько заплакала.

- Феликс, господи... - Плакала она. - Какой же ты кретин, какая же ты все-таки сволочь. Ты постоянно что-то вытворяешь, впутываешь меня в дурацкие истории, и сам не понимаешь, что портишь жизнь не только себе, но и мне. Неужели ты не понимаешь, что надо быть проще, выбросить все эти бредовые комплексы и мысли, научиться любить что ли? - Она тревожно смотрела на меня. - Что это был за список? Что за ужасные пометки? Объясни мне! Скажи! Расскажи мне все немедленно!

- Просто пометки. - Я попытался соврать. - Ничего особенного.

- ДА?!!! - Сверкнула глазами Полина. - ПРОСТО ПОМЕТКИ?!!! Отрезать человеку руки и отдать их на съедение собакам?!!! Да ты просто псих, если такое для

тебя «ничего особенного»!!! Это же пиздец, полный пиздец – как ты у нас любишь выражаться!

– Ну... – Я постарался улыбнуться и свести все к шутке. – В конце концов, у меня есть собственные слабости. Я ж должен как-то расслабляться. Психолог посоветовал мне делать это именно таким способом.

– Психолог?!!! – непонимающе вскрикнула девушка. – Какой еще психолог?!!!

– Ну, мой психолог. – Гнул я свою линию. – Он рекомендует мне не копить напряжение в себе, а избавляться от него таким вот безобидным способом.

– Я не верю тебе! – воскликнула Полина. – Да это же полный бред! Ты сам хоть понимаешь, что ты несешь! Признайся мне честно! Или ты не можешь? Не можешь? Ты полный слабак!

Ее слова били мне прямо в душу. Господи, как мне хотелось заплакать в тот момент, как дитя, прильнуть к ее плечу и во всем сознаться. Но я не мог, не мог этого сделать. Я же был сильным, Феликсом – настоящим победителем, который никогда не сдается. Стиснув зубы покрепче, я сделал спокойное, непроницаемое лицо и повторил:

– Все это всего-навсего шалости. Забей. Не думай об этом.

– Феликс. – Смотрела на меня Полина. – Раз так, я не желаю об этом больше слышать. Чтобы я больше никогда не видела этого! Сожги этот список, сожги немедленно... или выбрось... порви... – Слабеет ее голос... – Иначе я не знаю, что я сделаю с тобой... мы точно расстанемся... навсегда... да... расстанемся... – Она изнеможенно закрывает лицо руками.

– Конечно, дорогая. Я обещаю. Я клянусь тебе.

Кое-как встав с кресла, я подобрался к моей милой девочке и обнял ее. Почувствовав на своем теле мои руки, Полина затрепетала. Я гладил ее и обнимал, целовал губы, лобик, шею. Когда я почувствовал, что

вот-вот овладею ей, Полина резко нахмурилась и оттолкнула меня. По-прежнему находясь в благостном расположении духа, я поцеловал ее напоследок в губы и попросил принести мне еще пирожков. Когда я остался в комнате один, я долго смотрел в потолок и думал о своей жизни. Господи, как все у меня может получиться красиво...

Я сидел в маленьком кафе «Астрахань» и допивал уже третью чашку кофе, думая о том, что Палыч, как и все мои знакомые бандиты, никогда не отличался пунктуальностью. А еще и вкусом – такое ужасное место, как «Астрахань», а также такой ужасный кофе надо было еще в Москве поискать... Ощущение было такое, будто в чашку насыпали дешевого суррогата, разбавив водой из под крана.

Не успел я придумать то, что могли добавить вместо сливок, в зал ресторана грузной походкой вошел Палыч. Двухметровый браток неловко потоптался на месте, затем увидел меня, кривовато улыбнулся и подсел.

– Здравствуй, Феликс. – Взглянул он на меня своим обычным, ничего не выражающим взглядом. – Как ты? Выздоровел?

– Нормально, Палыч. – Сказал я. – Слышал историю-то?

– Какую?

– Как я в больницу попал.

– Ну, ты мне тогда что-то рассказывал... А что случилось-то?

– Жена избила. – Едва сумел вымолвить я.

– Да ладно?! – Не поверил Палыч. – Полный пиздец!!! Как это так?!

– Как-как... Посрались мы с этой сукой основательно, а у меня приступ случился... – Я осекся, совсем не желая рассказывать Палычу про болезнь. – Ну вот, я упал, и эта мразь стала добивать меня ногами. Ни скорую не вызвала, ни охрану не позвала, стала пиздить меня по голове. Столько лет прожили, а тут, пиздец. Такое...

- Мда... - Протянул Палыч, и даже в его суровом голосе слышались нотки сочувствия. - Действительно, жестоко.

- Ну вот. - Помедлив, сказал я. - Вопрос надо как-то решать.

- И что же ты хочешь?

- Ммм... - Я смотрел ему прямо в глаза. - Для этого-то ты и здесь...

Как всегда бесстрастный взгляд собеседника упирался мне прямо в переносицу. Палыч мог решить любое дело - он был одним из тех, кто нарисовался в суровые девяностые и так не расстался со своей главной профессией. Кое-что по этой линии я и хотел ему предложить.

- Надо ее наказать. - Я нервно отпил коньяк. - Может, брата ее на время похитить, она его очень любит... Или еще что-нибудь в таком духе.

- Погоди. - Сказал Палыч. - А ты собираешься подавать на развод?

- Конечно. - Ответил я. - Но сначала, сам понимаешь, надо этой суке отомстить.

- Слушай, Феликс. - Неожиданно сменил тон Палыч. - Как у тебя со знанием законов? - И поймав мой ошарашенный взгляд, засмеялся. - Нет-нет, со знанием законов о семье и браке.

- Ну так... - Заморгал я. - Кое-что есть.

- А теперь слушай. - Сказал Палыч. - Сколько у тебя денег?

- В смысле?! - Посмотрел я на него. - Думаю, тебе хватит.

- Да не, я не про это... Я про то, сколько у тебя в глобальном смысле.

- Ну есть сбережения... - Осторожничал я.

- А конкретнее?

- Ну как... - Начал вспоминать я. - Лимона три в акциях, еще два - лейблы, десять - моя доля в

компании... Дом, машина, кэш в банке... Хм, ну лимонов двадцать-двадцать пять будет... Погоди? – воскликнул я. – К чему это?

Над столиком нависло несколько секунд тишины. Палыч достал сигарету, прикурил ее и глубоко затянулся.

– Так вот. – Сказал он. – Готовься, что половина этих денег в случае развода уйдет к жене.

– Блядь... – Я смотрел ему в глаза. – Да ладно?

– Даже не пятьдесят процентов, а семьдесят-семьдесят пять, еще на ребенка полагается. Ты, что, законов не знаешь? Вы же вместе работали, наживали имущество, а если будете разводиться, придется делить. Вспомни, сколько Гафт при разводе отдал, голым остался из-за своей шалавы.

– Ебанный в рот... точно... – Я прямо-таки осел. – Так она же ни копейки в дом не принесла. Не работала никогда... Она же нищая была...

– Это ты суду объяснишь. – Усмехнулся Палыч.

– Нда...

Я даже не подозревал, что дело может принять такой оборот. Отдать этой мрази имущество? Отдать ей деньги? Отдать ей то, что я зарабатывал потом и кровью? Я спал по четыре часа в день, чтобы приумножить свое состояние хотя бы на доллар, а эта сука валялась на диване и жирела, смотря телик... Нет, нет... этого точно не будет!

– И что же ты предлагаешь? – спросил я, глядя в глаза Палыча, в которых играли дьявольские огни. – Что?

– Эх, Феликс. – Зловеще оскалился он. – Это уж ты сам решай.

– Неужели... – Задумался я. – Неужели валить ее?

– Говорю же – решай. – Улыбнулся он еще шире.

– Знаешь... – Сказал я. Время встречи подходило уже к концу. – Я подумаю...

- Ага. - Кивнул Палыч. - Особо только не затягивай. Сам понимаешь, почему... Вдруг она уже сама подала на развод.

Я суховато пожал ему руку, вышел из кафе, в полном ауте сел в машину и поехал домой.

Следующие дни и ночи я придумывал план казни Марины. Убрать, да, убрать – такое сладкое слово. Палыч в точности озвучил мою идею последних дней. Мне всегда хотелось избавиться свою жизнь от этой суки, а теперь, когда иного выхода нет, особенно.

Я долго ворочался в кровати, придумывая наиболее изощренные способы убийства. Интересно, какой вариант лучше? Просто вальнуть толстуху и сбросить труп в Москву-реку? Нет, слишком просто, к тому же я не увижу ее мучений. Она должна была ответить мне за унижение. Отпилить ноги ножовкой и долго пытать? Фи, совершенно неэстетично. Закопать на окраине Москвы и залить могилу цементом, оставив лишь дыхательную трубку? Слишком уж в стиле плоских криминальных боевиков, да еще и рискованно.

Я прорабатывал самые парадоксальные варианты. Я смаковал варианты с кислотой, жидким азотом и денатуратом, переваривая всю эту адскую смесь в моей голове. Я представлял, как Марину заливают при мне кислотой; она содрогается в предсмертных судорогах, а я смотрю и молчу, а циничный Палыч советует ей в следующий раз употреблять побольше косметики. Или другой вариант – при мне из нее начинают выкачивать жир. Из живой. А что, симпатичная фантазия.

Скальпели, надрезы, пытки... Как-то все было слишком непрактично. Я был уверен, что за любой такой сценарий Палыч и его ребята потребуют кругленькую сумму. Им все равно, что делать, лишь бы человек хорошо платил. Впрочем, а разве деньги – не для того созданы, чтобы человек мог позволить себе маленькие удовольствия? Деньги мои, я их хозяин.

Сколько еще разных вариантов приходило мне в голову! На самом деле, я не был сторонником жестокого убийства. Мне не хотелось причинять ей боль, наоборот, я даже боялся картины уродства. Я хотел, чтобы она выла от унижения, злобы, чтобы во время всего процесса казни надеялась, что может спастись, но потом я все равно бы ее прихлопнул. Я хотел видеть все, что она будет чувствовать: ужас, злобу, отчаяние, ненависть и мольбу. Я хотел, чтобы она боролась, боролась до последнего – при мне, – а потом, потом для нее все было бы кончено...

Иногда я вдруг задумывался о том, что я прожил с ней почти двадцать лет, что я когда-то любил ее, что она мать моего ребенка. Но как только я вспоминал страшные удары ногами по голове и животу, как только видел себя, беспомощного, без сознания, которого целенаправленно добивает грузная, неопрятная тварь, я сразу же закипал и с новыми силами начинал придумывать план мести.

Только вдуматься. Эта гадина тиранила меня, целенаправленно уничтожала мою жизнь, тупо тратила мои бабки и считала меня конченным мудаком. Ее родственники постоянно тюкали меня, несли всякую хрень. Она даже не давала мне воспитывать моего сына – моего единственного сына, первенца, мою плоть и кровь. Поэтому из него и выросло то тупорылое наркоманское существо, которым он стал. Она не давала мне свободы выбора, постоянно «пилила». А теперь еще, лежа на диване, претендовала на половину состояния. Нет, я не мог такого допустить.

Я взял листок и стал записывать плюсы и минусы, разделив листок на две части. Колонка минусов была исписана до конца страницы, плюсов были буквально единицы.

Слишком хорошо было этой суке сейчас. Наверное, расставшись со мной, она нежилась на нашей огромной

постели стоимостью 10 тысяч баксов с каким-нибудь молодым любовником-стриптизером из «Красной шапочки», пропивала мои денежки, кайфовала от того, что я ей не мешаю... Наверняка уже пересчитывала в уме миллионы, которые она у меня отсудит... Надо было ее уничтожить, уничтожить так, чтобы перед смертью она поняла все, и в первую очередь – свою главную ошибку.

Больше всего мне понравился один вариант, который я продумал до мелочей – вполне умеренный, без лишней брутальности, но очень эффектный. Я представлял себе, что Марина находится на дне глубокого колодца, который постепенно заполняет вода. Вода прибывает медленно, очень медленно, а я стою на краю и смотрю. В колодце слишком тесно, чтобы Марина могла выплыть. На крайний случай ей могли бы привязать руки к стенам веревкой.

Сначала вода доходит до колен, Марина еще орет, кроет меня матом. Кричит, что я долбаный извращенец и сумасшедший. Грозит позвонить в милицию, что мне так просто это не сойдет, что приедут ее родственники, заставят меня пожалеть об этом... Она еще не верит, что умрет. Когда же холодная вода дойдет до ее толстой задницы, начнет выливаться все говно, которое она в себе скопила. В отчаянии она будет орать все, что хотела мне сказать за всю нашу совместную жизнь. Стоя на краю колодца, я услышу от нее всю правду, и буду смотреть в бездну, откуда сверкают ее обреченные глаза, при этом лицо мое будет расплываться в улыбке.

Когда вода поднимется до уровня груди, Марина, наконец-то, все поймет. Она начнет молить меня о пощаде, выпрашивать прощение, напомнит о нашем сыне... Как же так, Феликс, как ты можешь, подумай о нем... Она будет лебезить передо мной, надеясь выжить, преданно смотреть в мои глаза и врать;

перевирать то, что сказала только что, и извиняться. Обещать любить меня как раньше и еще больше. Научиться готовить сама (сука, все-таки заказывала еду из ресторана). Пойти в спортзал и сбросить лишний вес. Напомнит мне отдых в Евпатории в 1983 году. Будет плакать и заламывать руки. Но я останусь глух. Когда вода дойдет до подбородка, она уже не сможет говорить внятно. Затем жидкость накроет ее рот, а потом и нос; булькающие звуки, всхлипы, крик, еще один, жидкость попадет в ее дыхательные пути, и Марина захлебнется, погибнув в муках. Когда это случится, я отойду, скажу Палычу, чтоб засыпал яму, а сам отправлюсь куда-нибудь выпить кофе. Нет, надо еще кинуть в колодец розу или гвоздику, интересно, что уместнее в таких случаях?

Это должна быть расплата. Расплата за все ее грехи. Любой, кто встает на моем пути, умирает. Иначе я не был бы Феликсом. А вслед за Мариной на тот свет отправятся и остальные мои враги. Какие и как – я пока еще не придумал.

* * *

Я помнил, как я бредил наяву, покрываясь испариной. Вода почему-то накрывала не только Марину но и меня; я задыхался...

Потом ко мне подошла Полина, нежной рукой погладила мне лоб. От прикосновения ее теплой ладони я свернулся в калачик, улыбнулся и уснул.

Прошло две недели с момента моей выписки. Я окончательно оклемался и чувствовал себя отлично. Дела со «Звездопадом» шли вполне сносно, звезды почти не доставали меня. Полина тоже забыла про наши ссоры, и мы наслаждались семейным уютном. Однако я понимал, что нельзя было пускать дела на самотек, – необходимо было держать руку на пульсе. Именно поэтому я решил пойти на переговоры.

При подъезде к телецентру «Всероссийского» я вдруг ощутил плохое предчувствие. Новехонькое здание канала, построенное совсем недавно, в 2006 году в рамках программы «Сделаем Москву лучше Нью-Йорка!», напоминало мне гигантский монолит, могучий и непобедимый. Рядом с этой медиа-машиной я показался себе маленьким и жалким.

Щелкнув сигнализацией, я оставил машину на автостоянке и направился к входу в телецентр. Меня не покидало чувство обреченности. Возникло ощущение, что я остался один на один с высшими силами, и моя судьба – лишь игрушка в их руках. Боженькой сегодня являлся Рыбин – эдакий всемогущий бог медиа. Хотя потом, подумав, что у меня в крайнем случае есть в распоряжении еще ГТРФ, ОТВ, НМК и МУЗ-1, я усмехнулся и расслабился. Воспоминания о том, как мы как-то с Рыбиным снимали блядей из агентства «Red Beauty» на закрытой вечеринке одного из участников списка самых богатых людей Forbes, тоже улучшило мне настроение.

Не, ничего, вопросы должны были решиться. Посидим, пообщаемся, может выпьем. Может в ресторан поедем, может даже телок опять зазовем. Все

он подпишет, подпишет, как миленький. Уж я-то точно знаю.

На душе все равно было как-то беспокойно, хоть я и задвинул весь этот пессимистично-пафосный бред куда подальше. Наконец, заурчав, подъемник щелкнул и остановился. Я вышел из лифта на нужном мне этаже и принялся осматриваться.

- К Славе. - Сказал я молоденькой секретарше, сидящей у входа в кабинет с табличкой «Генеральный директор». При виде меня девочка тут же улыбнулась своими пухленькими губками и бойко потянулась к кнопке вызова.

- Входите... - Произнесла она, услышав положительный ответ из динамика, и тут же спросила, поигрывая глазками. - Чай, кофе, сок?

- Зеленый чай. - Кивнул я головой. - Спасибо.

- О, Феликс! - раздался восторженный возглас, когда я пересек порог и оказался в роскошном кабинете Рыбина. - Входи! Как жизнь, старик? Давно про тебя не слышно! На «Пластинке» бы что ли спел для приличия?

Ох, уж этот взгляд и насмешливые реплики в стиле хозяина. Рыбину нравилась его роль Бога - как никак, самый влиятельный человек в медиа и СМИ в России.

- Да, здравствуй, Слава. - Расплылся в улыбке я. - Да какие уж «Пластинки» в наши годы? - Я фальшиво откашлялся. - В наши годы надо корабли в космос запускать... Ты помнишь, что я тебе говорил? Я к тебе вообще-то по делу...

- Да-да, конечно помню, Феликс. Садись. - Показал он мне на стул красного дерева с изящной спинкой. - Сигару? - Он достал из верхнего ящика стола золотого цвета коробку с фирменным доминиканским тиснением.

- Не откажусь. Спасибо.

И вот я уже рассказываю ему про свои задумки, про свой проект, делюсь с ним некоторыми соображениями о прибыли и финансах. Но что-то идет не так - и я это

замечаю. У Рыбина какое-то странное лицо. Хотя в ответ на мои слова он кивает и соглашается, я вижу в его глазах озабоченность. Похоже, он что-то задумал.

- Да, очень классно. - Кивнул он, когда я закончил свой пафосный монолог. - Только видишь ли, Феликс, есть один нюанс.

- Какой еще нюанс??? - испугался я не на шутку.

- Мы уже готовим похожий проект...

Услышав это, я взглянул на Славу совершенно ошалелым, безумным взглядом. Заметив это, Слава слегка съежился, но тут же приобрел деловой вид. Следующие его слова точно били меня по голове, хороня мои надежды на удачный мезальянс с «Всероссийским» и, более того, открывая передо мной новые трудности.

- Видишь ли, Феликс. - Он словно читал постмортем. - Я знаю, как тебе дорог твой проект, но недели полторы назад, когда ты только выписался еще из больницы, ко мне пришли Станислав Фальковский и Семен Леонов. Они предложили мне проект некоего шоу - новой «Кузни талантов», где вместо кандидатов из простых людей будут участвовать известные артисты. Послушав их бизнес-план и узнав про перспективы инвестиций голландских и французских продюсеров, я, разумеется, согласился...

- Черт побери!!! - Не мог поверить я. - Это же моя идея! Это же натуральное предательство и обход всех существующих норм авторского права!

- Феликс, ну прости. - Слава будто предугадывал мои реплики. - Ты что, зарегистрировал свои права на эту идею? Наш проект не дублирует твой - может, он и похож, но он в некоторых аспектах принципиально отличается. И вообще, - молвил собеседник, глядя на меня, - я не хотел бы сейчас с тобой ругаться, ибо в голове у меня совсем другие мысли...

- И какие же? - напрягся я так, что аж спинка стула затрещала.

- Я хочу предложить тебе сотрудничество и полновесное партнерство...

В голове помутилось, руки затряслись. ЧТО?!?! ЧТО?!?! Еще один мудака хочет украсть мой проект? Они все хотели украсть мою славу, позариться на мои лавры, отобрать мой шедевр! Я даже не стал слушать предложения Рыбина. Меня просто-напросто прорвало.

- Нет, Слава, нет!!! - кричу я ему прямо в лицо, вскакивая со стула. - Я не собираюсь это терпеть! Уже завтра я пойду в суд, и вас будут судить, как банальных карманников. Если ты не хочешь со мной сотрудничать, я буду двигать свой проект на другой телеканал! И к тому же, вы что, серьезно рассчитываете со мной конкурировать? Мой проект готов уже больше чем наполовину, а вы только начали! У меня в руках лучшие контракты от лучших звезд! Вы просто ничего не сможете выставить против меня!

- Полегче на оборотах, Феликс. - Слава смотрит на меня по-прежнему спокойно, но в его глазах появляется раздражение. - Не забывай, кто есть кто, что есть ты, а что - «Всероссийский». Твои суды тебе не помогут - я уже все, по-моему, сказал насчет авторского права...

В отчаянии и бессилии я опять сажусь. Неужели все так плохо?! Неужели я должен постоянно вертеться в мире, где на каждом шагу меня ждут лишь подставы и обман? Почему каждая моя революционная идея обязательно должна быть опозлена и испорчена какими-то совершенно несведущими в музыке придурками.

- Нда... - Вдруг улыбаюсь я, глядя Славе прямо в глаза. - Ловко вы меня провели, да... А я ведь даже и не понял...

- Ты о чем, Феликс? - не понимает меня Рыбин. - Я тебе предлагаю сотрудничество исключительно потому,

что давно с тобой знаком и считаю за весьма неглупого человека...

- Да я не про это!!! - кричу я. - А как же те твари в ресторане, как же Доброхвалов со своим кокаином, как же просроченный сыр Фальковского в моей палате? А приз, который спиздил у меня Леонов, «Платиновая пластинка»?!!! Я все понял, все - это ваш план, чтобы сжить меня со свету! Нееееееет, Славик, нет!!!!!! - Я судорожно зажимаю голову и ору. - Я УЖЕ ДАВНО ПОНЯЛ ВАС!!!

- Феликс... - Рыбин смотрит на меня не то в шоке, не то в страхе. - Может тебе стоит подышать воздухом?! Ты забыл, на кого скалишься? На свою Альма Матер? Ты хоть понимаешь, что такое «Всероссийский»? Мы тебя, если надо, быстро выкинем...

- Да уже сам иду! - вскакиваю я со стула. - И учти - мы теперь с тобой конкурируем! Борьба пойдет не на шутку! Вы сами решили биться со мной до конца!

Как-то дико улыбаясь, я вскакиваю со стула и, пятась, выхожу из кабинета. На прощание я вижу недоуменное и разочарованное лицо Рыбина, что еще больше добавляет мне ненависти. Напевая себе под нос какую-то дурацкую песенку, я продолжаю дико улыбаться.

- Феликс. - Слышу я в спину серьезный голос Рыбина. - По-моему сейчас ты немного не адекватен. Знаешь, я все-таки давно тебя знаю и верю в тебя, а поэтому даю шанс подумать....

Подумать? Спасибо-спасибо. Нет, пожалуй, я не буду думать. Все, наплевать. Все кончено.

Кончено.

Кончено для них.

- Нет, - говорю я, отдаляясь к двери. - Огромное спасибо за встречу.

- И вот они меня унизили, растоптали, украли мои идеи и теперь еще ждут, чтобы я приполз к ним! Они вытравили меня с эстрады, словно я какая-то беспородная дворняжка!!! ХЕР! Они не дождутся, я тебе говорю, не дождутся моего унижения!!! Я все равно буду первым!!!

Произнося эти слова, положив голову на колени Полины и рыдая, я выгляжу более жалким, чем когда-либо. Полина пытается мне как-то помочь, устало перебирая мои волосы.

-Феликс, ну ты опять делаешь из мухи слона. Зачем тебе нужна эта дурацкая нервотрепка. Живи себе спокойно на накопленные деньги, подумай лучше о достойной старости... Ты слишком изнуряешь себя работой и тратишь кучу нервов, которые, кстати, не восстанавливаются...

- Ну, нет! - Я сжимаю кулак и бессильно опускаю его на диван. - Черт побери... - Говорю я не то с Полиной, не то сам с собой. - Ну, как я до этого дошел? Как я дошел? Мне даже накопленное имущество некому оставить... Уж не этому же идиоту Ванечке. Да он просто все изнюхает...

Нет, надо что-то делать. Что-то делать... Делать... Что-то делать... Делать... - Повторяю я и, как мартышка, загнанная в угол клетки, оглядываю комнату бешеными глазами.

- Ну и что же ты собираешься делать? - спрашивает меня Полина, недовольно морща лоб.

- Знаешь. - Я устало тяну к ней ладонь. - Я пока еще не знаю, но обязательно что-нибудь придумаю...

Голова раскалывалась и в мозгах была полная муть. Несмотря на все, я поклялся довести «Звездопад» до конца. Как-никак у меня остались контракты со звездами. Если ситуация была такой, какой я ее представлял, в моих руках имелось порядка 80 % от общего числа запланированных артистов. Каждый из них за гонорар уже расписался мне в верности на специальной бумажке, заверенной у юриста. Теперь хотелось бы посмотреть, кого против моих звезд могли выставить противники. Не сраных же этих рэперов с «кузен» против моих известнейших российских музыкантов!

При мысли о том, что месть наступит скоро, сердце волнующе сжалось. Осталось только объяснить ситуацию Вове. Взяв трубку, я набрал его номер. Странно, но несмотря на не позднее еще время – на часах было около одиннадцати вечера – он не отвечал. Недоумевая, я перезвонил Вове на домашний. Опять длинный гудок, потом еще один, еще, еще и тишина...

Ну что за чертовщина, блин. Мало того, что меня со всех сторон подставляют, так еще и собственные подчиненные совсем распоясались! Я был не намерен терпеть такие прогоны. Наливаясь гневом, я набрал номер второго человека в компании, моего коммерческого директора Сереги, и как только после нескольких секунд ожидания услышал его голос, вылил на него весь арсенал мата.

– Блядь, да вы там что, охуели совсем??? – кричал я. – Позарывали, страусы тупые, головы в песок, а кто за ситуацией следить-то будет?! Полная задница у нас творится, а вас никого не найти. Все занятые, важные... Где Володя, мать его???

– Ээээ... Феликс Абрамович. – Удивился на том конце голос. – Вы разве не знаете, что он сегодня подал заявление об уходе?

- К-КАК??! - захлебнулся я. - К-КАКОЕ ЕЩЕ ЗАЯВЛЕНИЕ?!

- Я д-думал, вы знаете... - Испуганно залепетал голос. - Ведь Вова сегодня написал, я был уверен, что он с вами все согласовал. Сказал, что уходит в новый «перспективный проект» - его там пригласили на работу.

- О, мой Бог

Стало ясно, кто у нас предатель.

Несколько секунд я молчал и обдумывал ситуацию. В какой-то момент мне показалось, что все не так уж и плохо, но когда я вник в суть происходящего, мне стало почти дурно...

- Феликс Абрамович? - раздался на том конце трубки озабоченный голос. - С вами все в порядке?

- Да. - Наконец сказал я. - Собирай совещание директоров. СРОЧНО! Полная жопа... Надо спасти ситуацию...

Повесив трубку, я несколько минут молчал и просто думал. Теперь я понимал своих знакомых, которых раньше презирал, за то что они отвергали профессионалов и ставили на их места своих тупых братьев и сыновей. Родственники хотя бы заинтересованы, они тебя не предадут. А человек, которого ты сделал с нуля и который семь лет проработал в твоей фирме, легко идет на предательство.

Я подошел к столу, открыл ящик, вытащил листы с моим «звездным» списком, и, нарушая всю стройность геометрии, вписал фамилию предателя первым в списке... Он ответит за все первым.

- Вы знаете, Феликс, мы все-таки хотим, чтоб вы работали вместе с Рыбиным.

Эта фраза была одной из первых, которую я услышал на общем собрании акционеров и инвесторов. Напрасно я убеждал наших партнеров в том, что у меня все на мази и говорил о максимальной готовности проекта. Они попросили показать им контракты. Тут-то и выяснилось, как сильно подставил меня Вова. Несмотря на то, что мы давно вели переговоры с артистами, дальше переговоров во многих случаях это не зашло. Реально подписанных договоров было мало. И это несмотря на все мои директивы, предварительные согласования непосредственно с артистами по телефону, мои встречи с ними в ресторанах и офисах – похоже, что Вова просто спустил все на тормозах, и, видимо, сделал это специально. Зато артисты теперь были раззадорены разговорами и обещаниями денег – я уже представлял, как Леонов и Фальковский перекупают тех, кто, как я полагал, уже у меня в кармане.

Все это слишком походило на сон, глупую кошмарную шутку. Так или иначе, я пересилил страх и совершил рискованный шаг. Сделав огромное усилие воли, я отверг инвесторов и произвел на совещании настоящий фурор, сказав, что четыре необходимых миллиона долларов я намерен вложить из своих денег. Чтобы полностью не тратить все средства с банковского счета, я решил заложить принадлежащие мне акции фирмы.

Я не боялся риска – так бы я поступил в молодости. Не нужна была мне эта фирма, которая приносит только несчастья. Единственное, чего я все еще хотел –

нанести решительный удар, а остальное уже не важно. К работе и шоу-бизнесу я полностью охладел. Главным, что осталось в моей жизни – была Полина.

Я решил, что как только с «Звездопадом» станет все понятно, мы поселимся вместе и, впредь будем жить спокойно. А со сцены я исчезну – будто там меня и не было. Мавр сделал свое дело...

– Я тебя не узнаю. – Удивилась Полина, когда вечером я рассказал ей о своем решении. – Ты рискуешь своими миллионами и все ради какой-то дурацкой абстрактной цели?

– Абстрактной? Да это же моя гордость!!! Неужели позволять всем вытирать об меня ноги? И вообще, сейчас мне уже наплевать... – Я смотрел куда-то вдаль. – Если выиграю – всем хана, проиграю – хана мне, буду лохом. С голоду мы не умрем, деньги у меня есть и всегда будут. Ну, потеряю я средств на десяток «Бентли», кому ж от этого хуже станет, верно?

– И действительно... Знаешь, – сказала она, – а ведь все-таки ты такой забавный, и почти как маленький мальчик... настоящий максималист...

Ее жаркие губы поплыли по моей щеке, я чувствовал, как ее ладонь гладит меня по плечу. В какой-то момент я даже ощутил, что вот, наконец-то, я смогу заняться с ней любовью, но потом все же остановил себя. Нет, Феликс, зачем нарушать идиллию Эдемовых садов. Еще не время.

Я утопал в иллюзиях.

Позднее время суток. Пора возвращаться домой из офиса. В Москве уже похолодало и стемнело: даже печка моего Х5 вряд ли спасет от надвигающегося ночного холода. Едва я сажусь в машину и достаю ключи зажигания, в окно кто-то стучит!

- Феликс Абрамович, здравствуйте! - Я опускаю стекло и вижу покрасневшее, замерзшее лицо пожилой, худой женщины.

В другой ситуации я бы подумал, что опять местные бомжи просят денег, но ее обращение по имени-отчеству, а еще этот пронзительный, обреченный взгляд, который бывает у солдат, понимающих, что в них ударяет пуля и проникая вовнутрь разрывает все внутренние органы.

- Да? - Спрашиваю я, изо всех сил стараясь скрыть дрожь в голосе. - В чем дело?

- Мы слышали по телевизору, - говорит женщина, - что вы, Феликс Абрамович, ищете по всей России молодые таланты! Мы к вам специально приехали из Нового Уренгоя на прослушивание!

- А я-то здесь при чем? - удивляюсь я. Злость кипит во мне, тем более, я опаздываю на встречу с дирекцией ГТРФ для переговоров по «Звездопаду».

- Посмотрите! - Она подводит к окну маленькую девочку лет одиннадцати: замерзшую, в нелепой болоньевой куртке. - Моя доченька, Сашенька, так поет, так поет! Вы обязательно должны ее послушать!

- Эээ... - Я пытаюсь говорить строго, но с содроганием сердца смотрю на покрасневший носик девчушки. - Я же сам не занимаюсь прослушиванием. Вы знаете, это не ко мне. Записывайтесь завтра в

продюсерском центре на прослушивание, вам позвонят...

- Но мы не можем! - в отчаянии восклицает женщина. - Вы прямо сейчас прослушайте ее, она же и поет у меня и танцами в клубе занимается народными. Мы же приехали, а денег-то только на билет до Москвы. И мы сразу к вам, с утра тут у офиса вас караулим. Нам и жить-то негде! Зарплату мою мы уже истратили, вчера вы в офисе не были, мы ж уже два дня стоим тут. Сегодня на вокзале ночевали, а завтра уже назад хотели ехать, поезд-то один раз в неделю. А денежек-то на билет уже нет. Вот прослушайте нас и возьмите в проект, она сразу звездой станет. Только вы можете нам помочь...

- Жаль... - Говорю я. - Но это не в моей власти. А теперь простите, - я тянусь рукой к коробке передач, - я опаздываю...

Глаза матери наполняются слезами. На душе у меня гадко. Я понимаю, что веду себя как последняя мразь. Но как я могу поступить иначе? Я всегда так поступал...

- Сашенька! - всхлипывает женщина, утирая слезы кулаком. - Сашенька, доченька, милая, спой!!! Покажи дяде, как ты поешь! Пусть дядя послушает!

Девочка, едва открывая рот от холода, начинает вытягивать «Ой, то ни вечер, то ни вечер». Ее тоненький, еще неокрепший голосок, прекрасно выстраивает все нотки. На фразе «да во сне привиделось» мне становится так больно, что я хочу скорее испариться...

- Сожалею... Нет-нет... - Бормочу я что-то невнятное. - У меня дела... Я должен ехать, простите...

- Как же ехать, да вы посмотрите на нее, доча, станцуй еще этот танец, что мы дома разучивали!

Девочка в огромных валенках с калошами начинает нелепо перебирать ногами и вскидывать руки к небу. Это становится похожим на театр абсурда.

- Да вы посмотрите какая у нее осанка. Спину держи, Саша. Она же готовилась, репетировала. Вы не можете вот так уехать.

Я завожу двигатель.

- Простите мне нужно ехать... Обращайтесь в наш офис, пожалуйста.

- Не уезжайте, прошу! - почти кричит женщина, вцепившись в дверь автомобиля. - Сашка, давай, еще спой! - Девочка начинает снова что-то петь и танцевать, чуть не падая на скользком тротуаре.

- Мне нужно уезжать, извините... - Говорю я, и отъезжая, все смотрю в сторону пары из Нового Уренгоя и никак не могу остановить словесный поток. - Вы хорошо поете, у вас есть шансы... Да-да, шансы - приходите завтра. Вы можете попробовать... Прослушивание с одиннадцати часов...

Мощный мотор швыряет машину в темную пустоту. Я отъезжаю, а в зеркале заднего вида нелепыми тенями отражаются две фигуры.

Нет, нет, я же не урод. Я не зомби, я человек...

Рука сама по себе тянется к мобильнику.

- Серега? - Дрожащим голосом говорю я. - Ты еще в офисе?

- Да, Феликс.

- Выгляни в окно, видишь там женщину с девочкой? Выйди и вынеси им денег - долларов шестьсот, а еще найди телефон той дешевой гостиницы, помнишь, которая в Медведкове? Дашь им адрес. Понял? Только не задавай мне щас никаких вопросов... И давай быстрее, Серег, пока они не ушли!!!

Отдав распоряжение, я выезжаю на шоссе. Я медленно еду по трассе, погружаясь в холодную Москву. По обеим сторонам дороги на обочине стоят фонари. Некоторые из них не горят.

В тот вечер у меня была назначена встреча с Кутиным. Одно время я считал его одним из самых моих близких друзей – с поправкой на то, что у меня вообще нет друзей в шоу-бизнесе. Из-за всех этих проблем мы не виделись с ним почти три месяца, и тут он вдруг мне позвонил. В Лене мне нравилась одна черта – в тусовке он почти не светился, больших компаний старался избегать, а, значит, был надежен, как собеседник.

– Елки-палки, Феликс... – Кряхтел он в трубке. – Три недели трахались над этим клипом, и, наконец, домонтировали! Устал как собака, хочу отдохнуть, наконец. Ты как смотришь на то, если мы встретимся и нажремся в хлам?

Погружаться опять в весь этот омут и тем более нажираться мне не хотелось, но, подумав, я решил, что будет не лишним немного развеяться. Необходимо было пообщаться со знающим человеком – по крайней мере Леня довольно часто пересекался по делам с Леоновым и Фальковским и мог между делом слить мне про них что-нибудь интересное.

Одевшись дорого, но при этом – нарочито небрежно, я собрался и в восемь часов уже был в ресторане «Какао». Обитавший там люд ничем не отличался от обычного – какие-то ужинающие парочки, несколько бизнесменов, отнюдь не средней руки, высматривающих свободные женские ноги. Меня даже радовало, что теперь это было от меня так далеко. В самом конце зала я увидел физиономию улыбающегося Кутина. Разумеется, он сидел в VIP.

– О, Феликс! – заулыбался он, когда я подсел. – Сколько лет, сколько зим! Мы так давно с тобой не

виделись... Ну что, - подмигнул он, - может по Николаичу?

- Не, Леня, - смутился я, подумав о кокаине, - не надо этого говна. Давай лучше выпьем. Как в старые добрые времена...

- Как хочешь! Но я тебя все равно угощаю!

Кутин пылал таким оптимизмом, что я, волей-неволей, зарядился от него энергией. Официантка принесла меню. Мы заказали бутылку «Маккалана» и кучу закуски, включая ягненка на вертеле целиком.

Через час, когда мы уже вылакали вискарь и перешли на водку, голова пошла кругом. Я чувствовал, что пьян и мне, впервые за последнее время, было невероятно весело.

- Не, ну пиздец... - Чуть ли не обнимал меня Леня. - А ты молодец... Хоть они тебе палки вставляли, а ты на хуй всех послал. Сам по себе, монополист... За что и уважаю...

- Точно. - Кивал головой я. - Я им всем пидорасам покажу.

- Правильно... - Поморщился Леня. - К чертям бы их всех. А с инвесторами ты правильно поступил. - Пьяный Леня едва ворочал языком. - Нечего им тут правила свои навязывать... А то прикинь, тут ко мне стучится как-то мой знакомый олигарх газовый и говорит: «О, Леня, клип, значит, снимаешь? Слушай, а у меня тут сын последний курс ВГИКа заканчивается, дай ему практику? Ему уже светиться везде надо, ты дай ему твой клип снять, как режиссеру, а я тебе заплачу нормально...».

- Ага. - Перебил его я. - А когда ты посмотрел, что этот двоечник снимает, обнаружил скорее всего полное говно...

- Точно. - Кивнул он. - Все равно, как если тебе нужна картина Рембранта, а тебе вместо идеально

прорисованной пухлой девки приносят «Черный квадрат» Малевича.

- Так ты бы это... - Говорю я. - Согласился бы дать этому мудаку формальное руководство и поставил бы его имя, а сам бы шестерок-ассистентов на его работу напярэг?

- Да не, там сынок Славика, да еще и амбициозный... Считает себя вторым Спилбергом. Не, в пизду, мне из BS Graphics ребят порекомендовали - у них снимаю, и доволен.

- Ну да. - Соглашаюсь я. - Я у них тоже снимал - хорошие ребята...

- В общем, за свободу творчества и высокое искусство! - поднимает бокал Леня.

Я смеюсь, поддерживая его шутку, мы чокаемся, и я опять пью залпом. Мое сознание находится сейчас где-то между кометой «П» и звездой «А», поэтому наступает время для самых откровенных разговоров.

- Слушай... - Неожиданно говорит Леня. - А ты что, с этой шлюхой все еще живешь?

- С Мариной? - насторожился я. - Да пошла она в жопу...

- Не.... Ну как там ее... - Вспоминает Леня. - Ира, Маша... А, Полина!

Он емев от такой наглости, я вскакиваю с места и чуть не бью ему в морду.

- ТЫ ЧТО, ОХУЕЛ??! - кричу я, размахивая перед Лениным носом стаканом. - НИКОГДА... - Выдыхаю я. - НИКОГДА НЕ ГОВОРИ МНЕ ТАКОГО... ПОЛИНА - ЛУЧШИЙ ЧЕЛОВЕК НА ПЛАНЕТЕ. ... ЗАПОМНИ, ЛУЧШИЙ!

- Уф, старик, прости... - На лице Лени нешуточный испуг. - Я и не думал, что ты так можешь относиться к этому, зная тебя... Я не буду...

- погоди, - не понял я, - что значит, «зная меня, относится к этому»?

- Ты что, не знаешь тему? - безмерно удивляется Кутин.

- Какую? - спрашиваю я, и чувствую, как меня начинает трясти.

- Ну ее прошлый спектакль «Творец».

- Не смотрел... А что там такое?! - тело мое покрывается потом.

- Ты что. Блумберг ставил. Вся Москва говорила...

- ЧТО ТАКОЕ???!!! - не выдерживаю я и - ЧТО ТАМ ТАКОЕ?! СКАЖИ!!!

- Феликс... Тебе лучше посмотреть самому...

- ЧЕРТ...

Я падаю в кресло и закрываю голову руками. Несколько секунд я пребываю в оцепенении. Затем, очнувшись, резко встаю. Голова гудит от алкоголя, но я должен идти.

- Где найти этот диск??!

- Да на любом DVD, - смотрит Леня, - Феликс, ты куда?

- Я должен идти...

- Феликс, стой! - пытается он сдержать меня. - Не делай резких выводов! Так бывает... Блядь, на хуй я вообще сказал... Ты не сердись на нее, прости... Да ладно тебе, старик, ты ж вроде говорил, что она такая хорошая девочка, и...

Его фразы доносятся до меня лишь обрывками. Последних слов я уже не слышу. Я выскакиваю на улицу и бегу. Бегу к ближайшему магазину.

В тот момент я мечтал лишь об одном: господи, лишь бы слова Лени оказались ложью. Все это враги, повсюду враги, они нагло врут, они мечтают чтобы я просто сошел с ума, желают скорейшей моей смерти... Но нет, только не Полина, господи, только не она! Ведь она мой единственный любимый человек. Не может быть, нет, этого я просто не перенесу.

Видя первый попавшийся работающий в столь позднее время магазин дисков, я бросаюсь туда и бегу к продавцу-консультанту.

-Быстро! - Кричу я. - Дай мне диск «Творца».

Молодой паренек аж затрясся от неожиданности. То ли увидел первый раз звезду так близко, то ли его поразил мой тон, но в взгляде его я прочитал замешательство и страх. Но DVD диск с записью спектакля он нашел достаточно быстро и уже через считанные секунды я вертел его в руках.

На обратной стороне черной пластиковой упаковки была аннотация. Чувствуя, как у меня сосет под ложечкой от страха, я принялся читать:

«Эротикон в двух частях. Самый скандальный российский режиссер - Марк Блумберг, один из самых прославленных деятелей современной театральной культуры, презентует очередную неоднозначную постановку, изображая в особом авторском стиле стенания композитора Моцарта в преклонном возрасте. Сгорающий от противоречий творец и мастер мечется в выборе между любовью, свободой, честью и долгом. В ролях: Сергей Ройбах, Полина Агалакова, Кирилл Струков, Даниил Эпштейн».

Увидев жанр и фамилию Полины вместе, я начал задыхаться. Это не могло быть правдой, это иллюзия,

сон. Мне все это просто кажется, это же полный бред, вымысел. Но черт, я протер глаза и снова посмотрел на обложку – слова, естественно, никуда не исчезли.

Неужели все это происходит со мной...

В голову закрадывались ужасные мысли, тем более, на коробке стояла пометка «21+». Именно двадцать один, а не восемнадцать, как обычно пишут в таких случаях. Значит видео могло содержать самые жесткие эротические, а то и порнографические сцены. Фотографий на обложке, к сожалению, не было.

Мне стало плохо – настолько плохо, будто внутри меня порвалась последняя струна. Ни говоря ни слова, я вышел из магазина и побрел по улице. Сторонясь людей, я как-то добрался до своей машины, особенно стараясь, чтобы меня не заметил никто из знакомых. В руке моей был зажат злополучный диск и, казалось, что ладонь моя горит адским огнем. Душу жгло еще больше чем руку. Я подошел к своей машине и плюхнулся на сидение. Заведя мотор, я помчался по дороге. Куда – не помню. По-моему, просто в пустоту.

Надо посмотреть диск, надо посмотреть диск, надо посмотреть диск, как умалишенный повторял я, мои пересохшие губы нервно шевелились, я вдруг обнаружил, что кусал их в кровь. Солоноватый привкус заполнил рот, и я понял, что мне нужно успокоиться, посмотреть наконец этот диск, понять, что же происходит... Но где? Явно не в офисе и не дома. Надо посмотреть диск, надо посмотреть диск... Стоп! Интернет-кафе! Точно, нужно найти Интернет кафе, там точно можно будет посмотреть диск. Я начал внимательней смотреть по сторонам, пока минут через 10 не наткнулся на вывеску – «Закачай-ка! Интернет-кафе 24 часа». Я резко притормозил и не найдя места для парковки заехал прямо на бордюр, чуть не сбив двух прохожих. Они испуганно шарахнулись в разные стороны, но в тот момент мне было не до них. Я

выскочил из машины, рывком открыл дверь и вошел внутрь.

Увидев за стойкой ресепшена подростка-администратора с бейджиком на груди, подхожу к нему:

- У вас есть DVD-проигрыватель? - как можно спокойней произношу я. Истерика уже прошла, в моем голосе лишь покой и апатия.

- Да, на любом компьютере... - Поднимает он голову от монитора и тут узнает мое лицо. - Ой...

- Мне нужно посмотреть этот диск.

- Сейчас свободных мест нет...

- Плачу наличными! - Я достаю пятьдесят долларов из кармана. И пока прыщавый юнец пялится, не веря своему счастью, я уже распаковываю коробку с DVD, и выгнав какого-то мальчишку в наушниках из-за компьютера, падаю на стул и вставляю диск.

На экране появляются титры, Блумберг раскланивается перед началом спектакля, экран медленно гаснет, начинается шоу...

«Творец. Акт первый». - Наконец, комментирует голос.

- Где тут сделать погромче? - спрашиваю я администратора, и он прибавляет звук.

Сцена причудливо оформлена фасадами зданий различных стилей и эпох. Я вижу античные руины, британский Стоунхендж, подобие российского кремля, китайский храм и даже макеты небоскребов. Некоторые из этих проекций смяты и поцарапаны, что, видимо, должно было символизировать разный возраст объектов. На фоне этого непонятного беспредела стоит пузатый мужчина лет сорока - сорока пяти - наверное, сам этот творец, немного похожий на Моцарта, лицо которого я очень хорошо помнил из книжек, - и напевает:

«Я выбрал честь, я выбрал долг.
Свобода ли не есть порок?
Любовь и честь – она одна.
Но суждена ли ей судьба?»

Я вслушиваюсь в слова, пытаюсь понять их смысл. Чертовщина какая-то, думаю я... Но уже через пару мгновений это становится совсем не важно. Потому, что происходит то, чего я внутренне так боялся. С содроганием я смотрю как на сцену выходит Полина... практически голая, в одной лишь набедренной повязке...

«И жизнь уж стала мне обузой
Мне нужен свет, нужна мне муза.
Быть может мне она должна
Открыть волшебные врата!»

Полина сбрасывает с себя повязку, поворачиваясь к «Моцарту», наклоняется и встает раком, тот достает из брюк член и начинает хладнокровно трахать ее, не снимая одежды, прямо перед всем залом...

Такая прекрасная и нежная, она совокупляется с этим мудаком, прямо на глазах всего зрительского зала, под аплодисменты и ужасную какофонию-саундтрек. Моцарт все еще произносит свои нелепые монологи, не вынимая члена из Полины, но я уже ничего не вижу и не слышу, в голове моей темнеет...

- Простите... - Вмешивается администратор, намекая на время, и тут, увидев творящееся на экране, замирает. - Ого... - Едва может произнести он.

Неожиданно я поворачиваюсь к нему. Глаза мои сверлят его в порыве невероятной ярости.

- Никому. Никому... - И тут я теряю самообладание и начинаю заикаться. - Ннникуму не говори о том, что ты видел! Ты понял меня??? Никогда! - Мой голос дрожит, я начинаю плакать и, едва успев схватить лежащую на столе коробку, выбегаю из интернет-кафе...

Я убью эту суку, я убью эту мразь. Господи, Полина, что же ты наделала? Это же конец! Теперь тебе точно предстоит отвечать за все свои грехи...

Я стоял на лестничной площадке и, как бешеный, жал на звонок. В тишине подъезда звонок этот тревожным набатом разносился по всем этажам. Ну же, быстрее, открывай! Открывай мне, сука, сейчас ты за все ответишь!

За дверью слышались торопливые шаги. Тревожный голос Полины:

- Кто там? Феликс? Господи, зачем же так трезвонить? Открываю...

Дверь приоткрылась, и я увидел Полину, как всегда изумительно красивую. В руке она держала мисочку с тестом для блинчиков, второй рукой поправляла упрямую прядь волос на голове. В своем синем домашнем платице Полина выглядела как настоящая актриса, голливудская звезда, сошедшая ко мне со сцены. Этот блеск волос, этот парфюм, эта кожа. Боже мой, боже...

- ТАДАМ!!!!!!!!!!!! - Прямо с порога я пробиваю Полине сильнейший удар в лицо. Полина, явно не ожидавшая такого поворота событий, отлетает назад и падает на пол. Миска отлетает в другую сторону и тесто большим нелепым пятном выплескивается на стенку. Я врываюсь в квартиру и начинаю орать:

- СУКА!! ДА КАК ТЫ ПОСМЕЛА??? ТЫ ЖЕ МРАЗЬ, ОБЫКНОВЕННАЯ ШЛЮХА! Я ВИДЕЛ ТУ ЗАПИСЬ, ГДЕ ТЫ ЕБЕШЬСЯ С МУЖИКОМ ПРЯМО НА СЦЕНЕ, ГДЕ ОН... - я задыхаюсь, - ОН, ОН ТРАХАЛ ТЕБЯ ПЕРЕД ВСЕМ ЗАЛОМ. А ТЫ... ТЫ ПРЕДАЛА МЕНЯ! - Тут мой голос срывается на плач. - ЗАЧЕМ??? ЗАЧЕМ ТЫ ТАК СО МНОЙ ПОСТУПИЛА?!

Полина медленно поднимается. Держась за щеку, она с ненавистью смотрит на меня. Моя маленькая красotka, моя куколка с раненым лицом. Она выглядит

такой беззащитной и прекрасной в этот момент, что я не выдерживаю, и слезы рекой текут по моим щекам:

- За что... - Тяжело дышу я. - За что? За что? Я же верил тебе, Полина. Я думал, что ты не такая как все, что ты возвышенная, особенная... А ты... Ты поступила хуже самой мерзкой шлюхи...

Полина по-прежнему потирает ушибленную щеку. Похоже, я сильно ее ударил. Наклоняясь вперед, я пытаюсь отодвинуть ее ладонь и посмотреть на синяк, однако Полина отталкивает мою ладонь. Ее огромные глаза мечут молнии.

- Я никогда не прощу тебе этого удара, Феликс. - Говорит она.

- Боже мой!!! - Мне прямо становится смешно от этой нелепой фразы. - Это ты мне еще что-то будешь прощать? После того, что ты сделала?!

- А что я сделала? - отвечает Полина, сохраняя чувство достоинства. - Это была роль, просто роль, гениальный театральный замысел. Если бы ты не был так туп, ты бы понял, что перед тобой высокохудожественный спектакль, а не порнушка из твоей тумбочки в спальне. Но ты же настоящий мужлан, собственник, герой - сразу примчался махать кулаками. Да, я конечно подозревала об этом, но до последнего момента не хотела верить, что ты такой мудака...

- Что??? - задыхаюсь я от гнева. - Ты еще обвиняешь меня в чем-то??

- Да, - смотрит она мне в глаза, - говорю тебе прямо в лицо, что ты тупой и ограниченный жлоб, живущий в мире предрассудков...

- Да как ты смеешь! Ты... ты... - И тут я понимаю, что не могу возразить ей ни слова.

- Что, удивлен? - обнаруживает мое потрясение Полина. Я замечаю, как на ее лице расплывается какая-то неестественная улыбка. - Ты наверное думал, что я сейчас начну перед тобой извиняться? Мне не за что

извиняться – я свободный человек, который может поступать так, как ему угодно. И тебя, я кстати, всегда этому учила. Жаль, – в ее голосе сквозит нескрываемое презрение, – ты так и не смог измениться...

Я смотрю на нее с ужасом. Куда делась моя миленькая любимая девочка. Это настоящий монстр! Виски сдавливает тисками. Мне буквально сносит крышу.

– О чем ты??? – От этого бреда меня мутит. – Полина, черт побери, да что ты о себе возомнила??? Я тебя просто не узнаю... Какая свобода?! Трахаться с мужиком на сцене, как последняя шваль, это свобода? В таком случае я не хочу быть с тобой таким свободным. Я искал нормальную женщину, а не такую...б... – я запинаюсь... – не такую, как ты...

– Нормальная женщина! Боже мой!!! – смеется она. – Я слишком хорошо знаю вас, мужчин, чтобы понимать, какая женщина для вас – нормальная. Вам нужна дурочка с наивными влюбленными глазами. Вы будете ходить налево и направо, жить с женой, трахаться с проститутками, а когда припечет – приходить к такой «женщине», класть ей голову на плечо и плакать, плакать, исповедоваться, что-то вроде: «Ах ты моя девочка, такая у меня хуйня в жизни»...

– Не матерись! – неожиданно перебиваю я ее и столбенею, а Полина, заметив мою злость, начинает издеваться еще больше.

– Ой! Не ждал от меня!!! – В ее голосе появляются садистские нотки. – Думал я пай-девочка! Домохозяйка с вареньем и холодцом? Нет, Феликс! Я еще та штучка. И коли ты посмел меня оскорбить, я не собираюсь оставаться в долгу.

– Боже, Полина... – Я не верил свои ушам.

– Да ладно тебе! – настаивает она. – Просто признайся себе откровенно, что тебе нужна слабая девушка. А все почему? Потому что с сильной совладать

ты не сможешь. Ты стар и слаб. Ты не можешь выйти за общепринятые шаблоны, ты не в состоянии себя пересилить. Сколько раз я тебе говорила, что надо забыть про твой мальчишеский «Звездопад» и попытки всем отомстить, но ведь ты Феликс, блядь, лучший из лучших, ты сам знаешь, как все сделать и советы других тебе на хуй не нужны...

- Ну уж нет!!! - с яростью кричу я. - «Звездопад» должен продолжаться!

- Разумеется, Феликс, должен. Знаешь, милый, из тебя мог бы получиться не самый плохой человек, не будь ты настолько зациклен. Ты сходишь с ума, понимаешь? Ты болен! Я больше не могу водить тебя за руку в замкнутом пространстве твоего сарая, ибо выход из него найти ты даже не пытаешься.

В этот момент со мной что-то происходит. Я чувствую, как к голове приливает жар, а кровь закипает в сосудах. Еще секунда, и у меня снова начнется приступ, я чувствую это. Не говоря ни слова, я поворачиваюсь к Полине спиной и выхожу из квартиры, сбегаю по лестнице вниз и сажусь в машину.

- А еще ты постоянно бежишь от проблем. Трус!!! - Доносится мне вслед последняя фраза Полины.

«ТЫ ПОСТОЯННО БЕЖИШЬ ОТ ПРОБЛЕМ» – звучит у меня в ушах фраза Полины. Эти слова резанули по сердцу. Я ехал по шоссе и мне казалось, что я уже умер, мой автомобиль просто движется на автопилоте.

Выйти из квартиры было просто, а вот уйти от Полины навсегда? Несмотря ни на что, я до сих пор любил ее. ЛЮБИЛ! И эти трогательные глаза, и эту улыбку. Черт побери, как я заблуждался в этой мрази. Но я любил ее. И действительно, во многом она была права: я искал в Полине просто родную душу, что-то, что поможет мне уйти от проблем. Я купался в ее вселенной, такой красивой, искренней и чистой, однако теперь ее свобода хлынула через край. Может и вправду человеку нужен какой-то барьер?

Мысли путались в моей голове. Черт, теперь точно не обойтись без кокса. Но как только я подумал о наркотиках, я опять вспомнил о Полине. Как же она права – я опять бегу от проблем!

Между тем, непонятно как, я оказался где-то в районе Измайлово. Я совершенно не знал, как меня сюда занесло – сам того не замечая, я ехал непонятным маршрутом по странным закоулкам. Остановившись на перекрестке, я вспомнил, что поблизости есть одна маленькая тихая гостиница, куда когда-то мы поселили питерского звукорежиссера. Место не ахти какое, но здесь меня никто не потревожит. Можно будет бы отдохнуть и все обдумать.

Остановившись у входа, я припарковал машину и поднялся по лестнице. Вскоре я оказался перед более чем скромным ресепшеном. За допотопным компьютером сидела девушка – краснощекая блондинка

с дурно уложенными волосами – и что-то увлеченно читала.

– Мне нужен номер. – Бросаю я ей, не здороваясь. – И желательно побыстрее.

Оторопев от такого хамства, девушка удивленно поднимает голову, и, завидев, кто стоит перед ней, раскрывает рот...

– ОЙ!!! – визжит она, словно свинья перед закланьем. – Феликс Абрамович Серебрянников!!! Вы решили у нас остановиться??? Прямо даже не верится... Вы такой талантливый певец! Вот как раз вчера купила ваш сборник «Золотые хиты», он такой потрясающий!!! Все песни СУПЕР, они такие...

– Ага, рад за вас. – Сухо перебиваю ее я. В этот момент мне не до восторженных глупостей надоедливых поклонниц.

– А ваши концерты! Моя сестра ни одного не пропускает! Ой, – затараторила она еще быстрее, – а можно для нее ваш автограф? Она так рада будет!!!

– Вы мне так и не сказали, есть ли свободные номера...

– А ваш этот роман со Златокрыловой??? Это правда? А еще писали в «Любовных историях», будто вы встречались с одной девушкой из «Шоколадок».

– Черт побери! – выведенный из себя ее тупостью, я взрываюсь: – Да сколько я могу повторять?! Дайте мне быстрее номер и оставьте меня в покое! Я не хочу ни с кем общаться. Мне что, администратора звать?

Лицо у девочки стремительно меняется. Вместо льстивой улыбки на нем появляется гримаска страха. Торопливо щелкая по клавиатуре, она пробивает мне номер и дрожащей рукой протягивает ключи. В ответ я улыбаюсь и, довольный своей победой, направляюсь к лифту.

– Да, и пусть мне принесут в номер «Chivas Regal». – Остановившись на лестнице, поворачиваюсь я. – И

графин молока обязательно.

Господи, какое отвратительное раболепие. Приятно в борьбе с такими пресмыкающимися не отступить ни на шаг. Видела бы это Полина, узнала бы, что я никакой не трус! Боже, как все-таки приятно отстаивать собственные позиции!

Подумав об этом, я на секунду даже почувствовал облегчение... Однако как только я оказался в номере и остался один, улыбка с лица мигом слетела. В тот момент я почувствовал себя настолько одиноким, что захотелось выть. Ведь, по сути, мне совершенно некуда идти, меня никто не ждет, а каждое существо на этом свете вызывает у меня отвращение. И самое ужасное, что Полина, сука и мразь, которую я теперь ненавижу, все равно остается в моем сердце. И жить я без нее не могу, ибо она – единственная.

Я плюхнулся на диван, не снимая одежды. Ебаный в рот... Что-то надо было делать.

Так, Феликс, нужно быть сильнее. И не такие ситуации бывали в моей жизни. Пара дней, и ты забудешь об этой девке. Это как курить бросить – всего лишь расстаться с привычкой. Черт, а ведь я так и не бросил курить.... Так, стоп, не становись размазней. Развиваешь «Звездопад», громишь шоу-бизнес и пожинаешь лавры! А с Полиной все кончено! Я ТАК РЕШИЛ!

Остановившись на этой мысли, я в нерешительности тянусь к телефону.

– Алло, Костик... – Говорю я администратору. – Заскочи ко мне завтра в Сокольники, щас продиктую тебе адрес. Там вещи мои возьми – белый концертный костюм, еще три рубашки, свитер, брюки... Ну, в общем, спросишь у этой... – Я с трудом произнес ее имя. – У Полины.

– Конечно, Феликс Абрамович. – Послышался на том конце трубки послушный голос.

Чем быстрее я сожгу все мосты, тем раньше я начну новый виток жизни. Все станет проще и лучше. Я уверен.

- Давай. Жду тебя вечером. - Сказал я Косте.

- Так точно, Феликс Абрамович.

- Да... И еще... - Я сделал небольшую паузу. - Костик, пожалуйста, прекрати постоянно называть меня Феликс Абрамович.

- В смысле...? - не понял он.

- Ну ты же взрослый мужик, женатый, всего на десять лет младше меня. Неужели тебя не тошнит от собственного чиновничества? Меня это уже откровенно бесит.

- Но Феликс Абрамович!!! - оскорблено выкрикнул Костик и тут же понял, что опять оплошал.

- Во-во. - Покачал головой я. - Называй меня Феликс. Просто Феликс. Так будет лучше.

- Хорошо, Феликс Аб... Ой, в смысле Феликс.

- Вот и чудесно. - Сказал я.

В конце концов я не так еще и стар, чтобы меня величали по отчеству, - и подумав минутку, набрал номер дежурной, услышал голос «розовощекой» и сказал:

- Девушка, это Феликс. Вы уж простите меня, неприятности на работе, трудный день, голова раскалывается. Простите, что накричал. Я ничего против вас лично не имею, просто сорвался. Вы заходите ко мне, я вам и диск подпишу и сфотографируюсь, если вы хотите...

- А... эээ... спасибо Феликс, я уже бегу, - ошалела дежурная.

- Захватите еще пустой бокал, выпьем с вами за знакомство. - Улыбаюсь я.

- Конечно. - Сходя с ума от радости, девушка глубоко дышит в трубку.

- Жду. - Бросаю я и выключаю телефон.

Прикрываю глаза и представляю как минут через тридцать буду давать в рот краснощекой блондинке. Полина в прошлом...

Меня разбудил телефонный звонок. Трубка орала как кошка, которой наступили на хвост. Кое-как продрал глаза, я начал шарить по карманам. Черт, ну кто там еще...

- Алло... - Простонал я в трубку...

- Феликс Абрамович. - Я услышал дрожащий голос Мити, промо-директора, который после ухода Вовы стал управляющим менеджером «Звездопада». - У меня для вас важная новость, и, боюсь, крайне неприятная...

- Ну епрст... - Я ненавижу эту жизнь за подобные звонки. - Ну и чего ты мне скажешь?

- Видите ли... - Запнулся он, видно обдумывая, как бы помягче преподнести свою новость. - Дело в том... - Он набрал в легкие воздуха. - В общем, Кристину Златокрылову и Бориса Кожевникова мы упустили...

- ЧТО??? - Я не мог в это поверить. - Как это, УПУСТИЛИ? Да это же главные артисты!!!!

- Понимаете, Феликс Абрамович, - почти плакал в трубку Митя, - мы даже предположить такого не могли. Вова с ними договорился, всех нас оповестил, что контракт с ними подписан, а на самом деле ничего с ними не подписывал и увел их к Леонову и Фальковскому... Проект «Лучшие звезды» предложил им такой бешеный гонорар, что те просто не могли не согласиться... К тому же, - его голос стал еще тревожнее, - похоже, что главный приз у них - не пять миллионов, а на порядок больше.

- О блядь. - Простонал я, хватаясь за голову. - Они же так всех наших попереманивают...

- Эээ... боюсь, что так, у нас подписаны контракты всего с несколькими звездами, Феликс, остальных Вова увел. - Грустно протянул Митя.

- Да как же такое может быть??? - в бешенстве заорал я в трубку - Куда же смотрели вы, менеджмент, блядь! А ну быстро контракты проверить и как можно больше звезд в «Звездопаде» закрепить! Если вы и дальше будете народ проебывать, кто петь у нас будет? Ты, что ли, Митя? Короче! Чтоб с этого момента за каждого артиста зубами грызлись! Чтоб каждую звезду нам вытягивали! Пора уже начинать работать! А то всем вам полный пиздец придет, будете на Черкизовском рынке пакеты полиэтиленовые продавать. Зажрались на своих окладах, ссуки...

- Но, Феликс Абрамович. - В Митином голосе слышалась решимость. - Если бы вы... вы сразу переговорили с Борисом и Кристиной и вообще чаще появлялись в офисе, ситуация могла бы оказаться совершенно другой...

- ЧТО??? - Мне буквально сносит крышу. - То есть вы сами просрали ситуацию и на меня сваливаете? На хуй я вас держу мудаков таких, если вы не работаете... Нет, это я терпеть не буду. Либо исправляйте ситуацию, либо вам всем придется искать работу.

Повесив трубку, я несколько минут лежал и смотрел в потолок. По-моему, я в полной жопе. Если Рыбин и конкуренты будут двигаться такими темпами, они меня без штанов оставят. Как-никак при всей своей мощи я не мог соревноваться со «Всероссийским» и его партнерами - все равно, что с пехотой против танковой дивизии выходить. Честно говоря, я просто откровенно не знал, что делать.

Надо было как-то расслабиться. После разговора с Митей я немного повалялся в кровати, но уснуть так и не смог. Наступило то самое дурацкое состояние, которое обычно бывает от переутомления - эдакий приступ бессонницы, когда тебя мутит, но при этом ты не можешь уснуть. Ты ворочаешься, покрываешься потом, сбрасываешь одеяло, потом замерзаешь и

укутываешься снова, пытаешься заставить себя спать, но спасительный сон так и не приходит. Обычно такие припадки сопровождались у меня эмоциональным расстройством и чудовищным настроением. Что-то делать или куда-то идти мне вообще не хотелось. И еще я старался не думать о Полине. Но мозг постоянно перебирал сцены нашей ссоры. Дабы хоть как-то отвлечься, я вызвал официанта и попросил принести мне что-нибудь почитать, и желательно - легкое.

Каково же было мое удивление, когда он, полусгибаясь, притащил мне целую стопку разных музыкальных журналов. В ответ на мой изумленный взгляд, он объяснил, что в гостинице есть целая библиотека - это журналы и книги, оставленные когда-то в номерах постояльцами - и вот он подумал, что возможно мне, как звезде, будет интересно почитать что-нибудь о таком знакомом мне мире музыки. В другом состоянии я бы отправил его назад, но сейчас при виде старых выпусков, меня затрясло.

Я листал страницы этих номеров и погружался в воспоминания. Я начинал с самых старых выпусков, то есть с 1997 года. Вот презентация первого альбома «Дышите глубже» - сколько же они тогда продали экземпляров? Два миллиона? Три? А вот и моя фотка на фоне улыбающегося Вдовикова и довольного Моржова. А вот тусовка на свадьбе одного из учредителей «Национальной волны» - рядом со мной неплохая телка, по-моему, ее звали Света. О! Мне вручают орден «За вклад в музыкальную индустрию», красивый на мне костюм. Где же я его покупал? А это, умора, я в плавках на Кинотавре в Сочи, пап-паради тогда успели сфоткать меня в тот момент, когда я поправлял плавки, вот дебилы. Но ничего пусть посмотрят все на «хохол» в трусах. Этот гигант еще силен! В следующем выпуске - ресторан «Ситец», где мы отмечали успешный

гастрольный тур «Мотыльков». Меня пригласил...
Леонов!

Господи, и это отребье до сих пор на обложках журналов? И самое ужасное – чем новее был выпуск, тем больше было этих мудаков. Они скупают издания что ли? Или приплачивают всем мало-мальски заметным журналистам за свои гуттаперчевые рожи на обложках? Я терялся на их фоне, отходил на задний план. А они со своими мерзкими рожами нахально лыбились с обложек.

В бессилии я швырнул журнал в стенку. Я должен любыми способами вернуть свою популярность! Я должен им всем показать! Должен. Должен. Ведь, несмотря на все это, я еще жив и полон энергии. Как Бон Джови... Аххахахх... I am gonna live forever??? О да!!!!

И тут я увидел тот самый выпуск Music Planet, для которого я давал интервью. Все то же лицо хищника на обложке, горячий взгляд и гениальный слоган: «ФЕЛИКС СЕРЕБРЯННИКОВ БРОСАЕТ ВЫЗОВ РОССИЙСКОМУ ШОУ-БИЗНЕСУ!!!».

Да, я хищник! Я собираюсь победить их, как побеждают хищники! Наскоком, прыжком, одним смертельным шоу, одним смертельным движением! И это будет по истине гениально. Ведь я мастер сцены, я Бог! Повернувшись, я посмотрел в зеркало. О, Феликс, да ты еще ничего! Старичок, не все еще потеряно. Они все еще умоются кровавыми слезами. Все эти предатели, марионетки и лизоблюды и этот час уже близок!

За следующие два часа я успел неплохо поесть и даже придти в себя, выпив горячего кофе, который в этой гостинице оказался на удивление приличным, хотя стоил каких-то смешных по моим меркам денег – всего девяносто рублей.

Между тем, наступил вечер, а Костика так и не было. Я сидел в ресторане и пил уже третью чашку кофе. Голова трещала. Ну блин, где этот гребаный администратор? Чего он возится до сих пор?

Может в пробку попал, конечно... Или менты остановили... Хотя, нет, какие к черту менты и пробки. Просто распиздяйство – полное распиздяйство, совсем расслабились эти мудаки. Видимо, слишком много я даю им послаблений. Пора бы построить всех по струнке – кого-то уволить, кому-то зарплату урезать... Вон, как тогда – пиарщика уволил, так все сразу, как мышки, забегали. Остается только страхом воспитывать, а иначе никак.

Наконец зазвенел мобильник. На дисплее высветился Костин номер.

– Блядь, я не понял? – взял я трубку. – Вы что на меня все, что ли, решили хуй положить?

– Ф-Феликс... П-послушайте... – Он задышался от волнения. – Тут т-такое п-происходит, п-полный беспредел... Вы должны немедленно п-приехать...

Я сразу почувствовал что-то неладное.

– Что случилось?

– Н-настоящий б-бедлам... – Бормотал Костик. – В-все вывернуто, сдернуто п-побито... Дверь в квартиру была открыта... Вы должны это видеть...

Последние слова я уже не слушал. Велев Костику ждать меня на месте, я бросился в номер за ключами от квартиры. Через пару минут я уже мчался к выходу. Эх, зря я пил... Придется ехать на такси.

– В Сокольники, Сокольнический бульвар... – Крикнул я в окно первому попавшемуся таксисту.

- Триста рублей. - Ответил мне бодрый таджикский голос.

- Сдачи не надо. - Сказал я, садясь в машину и протягивая свежую «пятихатку». - Только быстрее.

Водила, который думал меня развести, после моих денег обомлел настолько, что ни обмолвился ни словом за все время нашей поездки. И слава богу - я мог насладиться относительной тишиной.

Наконец, мы остановились у моего дома. Неподалеку от входа стояла Костина «Волга» - он был все еще здесь. Поднявшись на лифте, я вышел на своем этаже. Дверь квартиры была чуть-чуть открыта. «Воры» - промелькнуло у меня в голове...

- Черт возьми??? - испуганно закричал я, когда вошел в квартиру и увидел Костика. Но то что открылось дальше, было поистине ужасающим. В квартире будто произошло землетрясение. Зеркало шкафа-купе в коридоре было разбито, мебельная обивка изрезана, а на полу валялись осколки бутылок...

- Н-не знаю, Ф-феликс... - Дрожал Костик. - Я пришел сюда, сначала позвонил в дверь, - распинался он, - а потом увидел, что она не заперта... И я вошел, здесь все было разворочено...

- Мда... - Только и смог вымолвить я, глядя на шкаф.

Я смотрел на весь этот беспорядок, сердце бешено колотилось. Полина, сто процентов это Полина... Решила, сучка, мне отомстить. Интересно... В голову крадывались подозрения... ЧЕРТ!!! Она могла найти тайник!!!

Я резко сорвался с места и, промелькнув мимо перепуганного Костика, вбежал в гостиную, к книжному шкафу. Мои худшие опасения оправдались - половина книг с верхней полки валялась на полу. А самое главное - не было моей красной шкатулки...

Ну, елки-палки, там было столько кокоса... Грамм, наверное, пять... Неужели... Я схватил руками за голову,

неужели эта лярва забрала его с собой? Господи, я представил, что может с ней случиться после употребления наркотиков...

- Быстро!!! - выбежав в коридор, закричал я Косте. -
Заводи машину...

- К-куда едем, Ф-Феликс??

- К Полине!!!

Мы быстро домчались до Полининого дома. Я прекрасно помнил эту дорогу. Сколько раз после наших встреч я вез ее домой, потом она нежно целовала меня в щеку, легко выскакивала из машины и исчезала в темноте.

Господи, как же нам было хорошо. Но это уже все в прошлом. Я разберусь с ней - с этой мерзкой предательницей. Будет знать, как портить мне жизнь, как ставить все вокруг с ног на голову. Я уж точно решу с ней этот вопрос, и не помогут ей ни ее чудные глаза, ни ее изумительные волосы, ни ослепительная улыбка... Я буду сильнее!

- Жди меня здесь, - сказал я Костику, выходя из машины, - я скоро буду.

В голове по-прежнему все плыло и пылало, лоб горел. Я чувствовал себя как-то странно, будто безумный жар от простуды охватывал все тело, но я не был болен. Не обращая внимания на свое состояние, я быстро взбежал наверх.

Но перед Полининой дверью я заколебался. Вся моя агрессия куда-то испарилась. Я вдруг испугался этой маленькой красной кнопочки звонка. Неужели меня до сих пор волновало, что Полина мне сейчас скажет, как на меня посмотрит? Нет, я просто боялся выглядеть в ее глазах слабаком.

Да что ты медлишь, она же ничтожество! - говорил кто-то во мне. Она своровала твой кокос, разнесла всю квартиру, испортила тебе столько нервов и предала тебя! Да сделай это кто-нибудь другой, ты бы уже давно его уничтожил! А тут стоишь перед дверью, как последнее ссыкло, скулишь, вместо того, чтобы войти и

решить все проблемы раз и навсегда! Ну, не мудак ли ты?

Не знаю, сколько времени я бы еще так топтался, если бы из квартиры вдруг не послышались голоса. Один Полинин, а вот второй – мужской. Не может быть, Полина была не одна! С ней был любовник!!!

– А ну отрывай, сука!!! – Разъяренный, я заколотил в дверь кулаками. – Открывай быстро!!!

Голоса в квартире мигом изменились. Мужской словно встревожился, что-то забормотал, а женский, наоборот, как-то неестественно захихикал. За дверью послышались шаги, и через секунду я услышал Полину:

– Ой... Ну кто там еще... а??? – Говорила она странным и неестественным голосом, путаясь в словах и интонациях. – О, да это же сам Феликс, тот самый великий Феликс, о котором я думала... Сладкий... входи!!!

Черт, похоже она была либо пьяна, либо, о боже... вконец обнюхалась кокаином. Скорее второе – этот стиль речи мне был очень знаком. Это было так типично для всех этих ресторанных швалей, клубных шлюх и прочих блядей, которых я до Полины видел десятками.

Замок щелкнул, и дверь отворилась. Не рассчитав, я резко влетел внутрь и чуть не плюхнулся в коридоре. Пока я осматривался и пытался что-то сообразить, передо мной появилась Полина, улыбающаяся во весь рот. Я сразу заметил ее ненормально растянутую улыбку и огромные, просто гигантские зрачки, каждый из которых был размером чуть ли не в пятирублевую монету.

– Ах ты мразь!!! – Влепил я ей пощечину. – Решила кокаином обдолбаться?! Да как ты могла, сука!!!

При виде этой глупо лыбящейся Полины с тупой рожей, объебошенной наркотиками и на вид ничем не отличающейся от рядовой швали, мне хотелось ее просто убить, размозжить ее голову ногой и потом

добивать на полу. Однако что-то меня сдерживало: я все-таки помнил, что передо мной стоит девушка, которую я долгое время любил и если во всем разобраться, так ли уж она виновата.

- Эй!!! - Из спальни выбежал какой-то худосочный паренек. Увидев, как я ударил Полину, он бросился на меня с кулаками. - Не смей ее трогать!!

- А это что еще за хуйло?!!!! - При виде его меня затрясло. - Ты что, не понимаешь, что ты покойник? А ну-ка, на хуй отсюда пошел, пока я тебя не ебнул... Я тебя задавлю, гнида, как клопа!!

Лицо Полининого дружка исказилось о ярости, и он со всей силы саданул мне в печень. Я был не готов к удару и пропустил его. Низ живота пронзила острая боль, из глаз посыпались искры. Он попытался ударить еще, но я, не контролируя себя от злобы, схватил его за голову и со всей дури припечатал в стену. Ударившись о стену, он отлетел в сторону, упал на пол и по инерции еще метра два пролетел по коридору. Закипая все сильнее, я начал добивать его уже на полу кулаками, схватил за шкурку, и не на секунду не переставая бить, выкинул его за входную дверь.

- Вон отсюда! - Я бросил ему вслед его куртку. - Теперь можешь точно заказывать гроб! - Тяжело дыша, я держался за печень, которая до сих пор ныла.

- Феликс... боже... Что ты делаешь!!! - будто очнувшись от сна начала причитать Полина, до сих пор наблюдавшая за дракой отстраненным взглядом. - Ты гнусная тварь... Варвар!!!!

- Заткнись, мразь!!! - заорал я. - Куда ты дела весь кокаин?! Вчера расстались, сегодня, значит, ты уже с мужиками?!

Ее глаза блуждали в пространстве, а выражение лица было настолько отвратительным, что я невольно отвернулся. Наконец, Полина вымолвила, глядя куда-то в пространство.

- Да ты прав, я мразь! Но это все из-за тебя, из-за того что ты сделал... А кокаин... Кокаин на кухне... Вооотт...

Заглянув на кухню, я буквально обомлел. На столе была рассыпана солидная горка кокса - все мои граммов пять или шесть, которые я хранил на черный день в шкатулке. И все это - отборный, колумбийский, не какая-нибудь дешевая аспиринка, которой потчуют клубных детишек. Часть наркотика уже была расфасована в аккуратные дорожки, все они были уложены красиво и ровно, чувствовалась женская рука, которая работала над этим «шедевром».

- Доволен??? Доволеннннннннн??? - заныла Полина. - Это ты меня довел! - И заплакала.

- Ты ебанулась? - простонал я. - Да это же доз двадцать, на хуй... Ты хоть умеешь его нюхать? Это же просто умереть...

- Ты са-ам в-виноват. - Полина оперлась на дверную раму и застонала. - Если бы не ты... если бы не встреча с тобой... этого бы ничего не было в моей жизни!

Она опустилась на пол и продолжала плакать. Ее хрупкие плечи вздрагивали с каждым ее всхлипыванием. В слезах своих она была такой хрупкой и беззащитной, что я не удержался и бросился к ней.

- Моя маленькая девочка, да, это я виноват, ты прости меня, несчастного.

Я присел рядом, обнял ее за плечи, прижал к себе, целовал ее губы, гладил ее. В ответ на мои ласки Полина застонала от желания, запуская руки себе под платье. Это было у нас впервые и я, захлебываясь от страсти, сходил с ума от любви к ней, лаская ее прекрасное тело...

- Прости меня, моя маленькая девочка... Прости... Я никогда не хотел тебя обидеть... Я всего лишь хотел быть сильным, я хотел чтобы ты по-настоящему любила только меня...

Она хлюпала и стонала. Я плакал.

Резким рывком она сорвала с меня рубашку, дрожащими руками начала расстегивать ремень на брюках. Я целовал ее шею, а она выворачивала голову, чтобы добраться до моих губ. Мои руки мяли ее упругие груди и ласкали плоский загорелый живот. Трусики на ней я разорвал, слишком велико было мое возбуждение... Она жадно схватила мой член и направила прямиком в себя. Боже! Какая горячая она была там. Полина стонала, нечленораздельные звуки вырывались у нее из горла. Я повалил ее на стол и откинул ногой стул, который с грохотом ударился о посудомоечную машину. Я трахал ее и плакал, держа ее за волосы над столом с дорожками кокаина. Конец уже был близок... Полина застонала:

- АХХАХААА!!! ДА! ЕЩЕ! ТРАХАЙ МЕНЯ! - Выражение лица ее вдруг изменилось, превратившись в злобную гримасу. - МММ!!! ДАВАЙ!!! ДАВАЙ ЕЩЕ!!! ДАВАЙ СКОТИНА!!! ААА!!! ГОСПОДИ, ТЫ ВСЕГО ЛИШЬ ОЧЕРЕДНОЙ ПОХОТЛИВЫЙ ИДИОТ, КАК И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ!!! ХА ХА ХА!!!

Я обомлел, но так и не смог остановиться.

- ДАВАЙ!! ЕБИ ЖЕ, НУ!!! ТЫ ЖЕ ИМЕННО ЭТОГО ХОТЕЛ?!!! ЕБИ, КАК ЕБАЛ ВСЕХ СВОИХ ШЛЮХ!!! МРАААЗЬ!!! НИКЧЕМНАЯ ТВАРЬ!!! ТРАХАЙ ЖЕ МЕНЯ!!! ЕБИ!!! Я ВСЕ РАВНО НЕ СМОГУ ЖИТЬ С ТАКИМ ЖИВОТНЫМ КАК ТЫ!!! Я ВСЕГДА БУДУ СВОБОДНОЙ!!!

Она была настолько страшной в тот момент, что меня передернуло от ужаса. С последним толчком ее тела, я начал впадать в беспамятство и заорал:

- ЧТО ТЫ НЕСЕШЬ??? Я ЖЕ ЛЮБЛЮ ТЕБЯ??? СЛЫШИШЬ???

Я приподнял Полинину голову и заорал ей в ухо:

- СЛЫШИШЬ МЕНЯ?!!! Я НЕ ЖИВОТНОЕ, ЭТО ВСЕ ТЫ!!! Я ЖЕ ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЛЮБИЛ, А ТЫ??? ЧТО ТЫ СО

МНОЙ СДЕЛАЛА? ССУКА!!! Я со всей дури ударил ее головой об стол!

- ТВАРЬ!!! - только и смогла прохрипеть она, а я, почти теряя сознание, все бил и бил ее головой об стол. Полина не то орала, не то смеялась, а я методично наносил удары. Уже вынув член, я продолжал превращать ее прекрасное лицо в месиво с красными ошметками разорванной кожи, алые пятна крови падали в кокаин, превращая его в розовую кашу... Я бил и бил, бил и бил, вдыхая стойкий аромат порошка, разлетавшегося в воздухе...

Закончив дело, я выпустил Полинину голову из рук, и она безжизненным манекеном сползла на пол.

Перед глазами было темно, в голове гудело. Пятясь и спотыкаясь, я попытался выйти из кухни, но ноги стали ватными, и я... упал на пол прямо рядом с телом Полины.

Сознание еще не вернулось ко мне. Мне слышались какие-то женские стоны, вздохи, чавкание, адская какофония, криков ужаса и боли... Опять стон... Сквозь черную пелену беспамятства проступали воспоминания и как тысячи ножей вонзались мне в сердце.

Вспышка света. Убийство... Шок...

Громкий стук в дверь.

- ФЕЛИКС!!! ФЕЛИКС!!!!

Я кое-как очнулся и встал. И тут я увидел это... Рядом со мной в луже крови лежала изувеченная Полина... Это было поистине ужасное зрелище...

- ФЕЛИКС!!! ФЕЛИКС!!! - Продолжали колотить в дверь.

Я одеревенел от страха. Это наверное милиция! Ее вызвали соседи! Я совершил преступление, уголовное преступление, теперь меня осудят и посадят... Бляяя... Что дееелать, черт...

Бежать... бежать... бежать... Прятаться... Куда???

- ФЕЛИКС!!! ФЕЛИКС!!! - Голос за дверью был по-прежнему настойчив.

Дрожа от страха, я осторожно подошел к глазку.

- Ддддааааа? - спросил я, вытягивая шею.

- Ф-Феликс, как т-там у вас? - Слава богу, это был всего лишь Костя. - Вы мне сказали ждать, а все не спускаетесь. Простите, если я вас отвлекаю... Просто, хотел проверить, все ли в порядке. Может, я поеду?

- А, Костя... Да... - Шумно выдохнул я. - Все нормально. Конечно, поезжай. Да, поезжай домой, я тебя отпускаю.

- Я свободен?

- Да...

- Спасибо большое, Феликс!

На лестнице слышались его торопливые шаги и через несколько минут все стихло.

Ух, пронесло. Но что делать дальше? Я тихо вернулся на кухню и подошел к труп. Полина скрючившись лежала на полу. Ее грудь была обнажена, все тело забрызгано кровью, закатившиеся глаза смотрели куда-то вдаль, лицо покрывали комья ярко-красной пудры. Но самое страшное – рот. Он так и застыл в невероятной гримасе – что-то среднее между насмешкой и ужасом. Казалось, что даже мертвая, она продолжала надо мной издеваться...

Поделом тебе, сука... Полина, Полина... Черт, что я наделал...

Дрожащими руками я начал куда-то оттаскивать труп, но тут же остановился. Блядь, что я делаю... Это же улика, полный пиздец! Я убил Полину, убил... Мне не удастся здесь спрятать тело. Кто знает, вдруг сейчас кто-нибудь нагрянет в гости? Как же я попал...

Надо было что-то делать...

Точно. Нужно звонить Палычу. Очевидный криминал, но ребята уладят. Только как объяснить все это. Ведь получается, что я, неуравновешенный дебил, придурок, псих, забил до смерти несчастную девочку. Конечно, если я дам им денег, они промолчат... Но репутация, блядь... Всему есть предел...

Взволнованный взгляд нервно скользил по комнате. Ну же, Феликс, думай... Напрасно. Я не мог найти ни одной зацепки. На секунду глаза наткнулись на кухонный нож. Инсценировать нападение? Ага, со спермой... Изнасилованная девка. Да кто поверит...

Хотя...

Я отправился в другие комнаты. В спальне я увидел на кровати простыню. И тут у меня родилась идея. Трясущими руками я взял ее, и осторожно, стараясь не запачкаться кровью, начал упаковывать труп. Выглядело не слишком красиво, простыня быстро

покрывалась пятнами. Я бросился к шкафу и начал рыться на полках. Вскоре я нашел еще две простынки, плюс пододеяльник... С ними все стало намного чище...

Закончив упаковку тела, я аккуратно взял нож и почти с хирургической точностью провел острым лезвием по своему запястью. Получилось не очень реалистично, но вполне сносно. Моя постановка кровавой семейной разборки с участием актрисы Полины в главной роли могла иметь успех...

Помедлив пару минут, пытаюсь отогнать призрак убитой девушки, я взял из кармана телефон и позвонил. После нескольких гудков на том конце трубки послышался заспанный хмурый голос. Это был Палыч.

- Да. Слушаю.

- Палыч... - С дрожью в голосе произнес я. - Это Феликс. Приезжай скорее ко мне, тут полный пиздец....

Следующий час прошел в настоящем мандраже. Нельзя, чтобы об этом узнали, нельзя! Наконец, в дверь позвонил Палыч. Когда грузный браток пересек порог квартиры, его словно громом поразило.

- Феликс, че произошло, на хуй?!

- Шлюха... - Нервозно протянул я. - Изменяла мне, блядь... Пыталась угрожать ножом... Хотела меня ебнуть...

- Дай посмотреть. - Палыч направился на кухню и склонился над телом.

- Полный пиздец... - Стоя за его спиной, я продолжил невнятно лепетать. - Прихожу к ней домой, а тут мужик... И она под коксом моим, грамм точно снюхала... В полное говно... Я с ним пиздиться, а она на меня с ножом... Вон, глянь. - Указал я на руку. - И тут меня так взяло, короче, а я еще пьяный был... так понесло, не удержался...

- Мда. - Только и сумел сказать Палыч, разворачивая край простыни и глядя на искалеченное лицо, покрытое ранами и кровоподтеками. - Ебанный в рот!!!!!! - Скривился он. - Как же ты так ее ебашил?!

- Ну бля... я был в этом, аффекте... А как мне еще... Слушай, даже не говори... Мне самому мерзко, пиздец...

- Ладно, не ломай уши. - Сказал Палыч - Щас подумаю...

Напряжение как-то сошло. Фух, ситуация не безвыходная. Главное я еще все можно исправить...

- Да уж, делаа... - Рассматривал Палыч пятна крови. - Ты ж понимаешь, что это мокруха, Феликс?

- Конечно. - Уверенно сказал я. - Я для того тебя и вызвал.

- Мерзкое дело, в общем. Дорого тебе выйдет.

- Ты ж знаешь, за деньгами дело не станет... - Да знаю, знаю... Вопрос не в этом... Хотя, - выдохнул он, - забей...

Сидя на корточках он несколько секунд рассматривал труп, а затем произнес:

- Короче, щас звоню своим, ребята приедут на джипе, погрузим все, вывезем. Ты не парься - все вопросы я беру на себя. Как раз ночь - нормально. Работа чисто стоит на сто пятьдесят кусков, но я с тебя по старой дружбе беру только сто, понимаешь?

- СТО ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ???!!!! - заорал я. - Да это же грабеж среди бела дня!!!!

- Ну хули ты хотел. - С удивлением посмотрел на меня Палыч. - Не каждый же день приходится убитых девок вывозить из квартир звезд эстрады.

- Ладно. - Согласился я. - Я дам сто пятьдесят, как ты просил... - И не давая Палычу опомниться от потрясения, вдруг улыбнулся и добавил: - При определенных условиях...

Когда я объяснил Палычу свою просьбу, браток удивленно хрюкнул, но согласился. Мы стали искать мусорные мешки. Потом нашли на антресолях какое-то старое зеленое одеяло. Упаковав туда «мумию», мы обвязали труп веревкой. Примерно через полчаса подъехали ребята и погрузили тело в джип. Наблюдая за этим я плакал и внутренне прощался с НЕЙ...

Ночь, Ленинградское шоссе, лес. Осторожно выхожу из машины и направляюсь вглубь. За мной, кряхтя, следует двухметровый Палыч. Он тащит на своих плечах тело Полины.

Мы проходим метров сто, может быть, двести. Под ногами хрустят ветки, мерзко чавкает слякоть. По гулкому дыханию в спину я понимаю, что Палыч устал. Когда мы подходим к большому, в темноте напоминающему причудливого лешего, дубу, я останавливаю Палыча и говорю:

- Все, спасибо. Дальше я сам.

- Уверен? - недоумевает браток.

- Это мое дело. Я его начал, я его и закончу. Ты пока займись вторым вопросом, хочу решить все к утру.

- Сделаем. - Таращится на меня Палыч. - Я отзвонился своим еще два часа назад, на обработке.

Расправив затекшие плечи, Палыч кладет мешок с Полиной, на мягкую и немного влажную траву. Несколько секунд он пристально смотрит на меня - будто хочет что-то сказать, но я, глубоко вздохнув, взваливаю тело Полины на спину и говорю:

- Ладно. Я пошел.

- Давай. - Палыч помогает мне водрузить труп поудобнее и хлопает по плечу напоследок.

- Ага. - Говорю я с какой-то грустной улыбкой.

Когда браток скрывается из вида, я перехватываю мешок руками поудобнее и продолжаю шагать в лес. Вокруг ни души, одни лишь голые, поблескивающие во тьме, деревья. Я постанываю от усталости: тело Полины давит мне на спину. Мертвая, она мне кажется слишком тяжелой для той грациозной девочки с грустными серыми глазами, к которой я так привык. От

непривычной нагрузки ноет поясница, гудят ноги, наливаясь свинцом. Силы кончаются, я хриплю, но продолжаю идти дальше, пока, наконец, не выхожу на небольшую опушку. Здесь я решаю ее похоронить.

Прощай, любимая, прощай... На глазах выступают слезы...

Из квартиры я предусмотрительно захватил спички и небольшой флакон с бензином. Походив вокруг, я вскоре нашел достаточное количество веток и хвороста, а также внушительные бревна, вполне подходящие для того, чтобы разжечь хороший костер. Сложив собранные дрова в кучу вокруг здоровенной осины, которую, как видно, повалила недавняя гроза, я аккуратно полил все это бензином, после чего поджег.

Собранный мной костер запылал очень быстро. Несколько минут я грустно смотрел, как разгораются и шипят слегка влажные ветки. Наконец, когда стол пламени шумно взлетел вверх, я решил, что настало время приступить к основной процедуре.

Осторожно, стараясь не испортить ритуал, я достал из кармана маленький ножик и разрезал черный пакет. В последний раз я смотрел на лицо навечно уснувшей Полины. Даже мертвая, даже изуродованная мной, она казалась мне такой красивой, такой печальной и, как всегда, недоступной. Она напоминала Белоснежку, навеки заснувшую в своей сказке – сказке вечных надежд, вечной мечты о свободной жизни, вечной игры в вечном театре, где нет этих никчемных рамок и условностей гнусной жизненной сцены.

Я потратил немало усилий, чтобы красиво положить тело Полины в костер. Дабы огонь поглотил ее быстрее, я подкинул в костер еще несколько веток. Вскоре тело Полины начало гореть. Сначала запылали волосы, потом остатки одежды, затем руки, ноги и лицо. Наконец, ее всю покрыл огонь, пламя жадно поедало ее кожу, а дым разносил вокруг запах горелой плоти.

Я сидел на корточках и смотрел на это зрелище. Мне казалось, что Полина продолжает смотреть на меня. Ее глаза, даже когда они лопнули и превратились в пустые выжженные глазницы, все равно наблюдали за мной. Они трогательно звали меня о помощи и признавались в самой настоящей любви. Любви, о которой я так мечтал и которую так и не смог оценить.

Я посмотрел на небо и мысленно обратился к нему с мольбой о прощении. Как будто услышав меня, по темному небу покати́лась звезда... «Звездопад, – подумал я, – а эта маленькая летящая звездочка – Полина, она покидает этот мир и летит к лучшей жизни. Но настоящий звездопад еще впереди...» В этом я был абсолютно уверен...

Костер все пылал и пылал. Стало тепло, потом жарко. Не помню, сколько я сидел и наблюдал за происходившей церемонией. По-моему, я провел у костра часа два. Когда я очнулся от своих мыслей, уже светало, в небе показались светло-желтые лучи солнца. На опушку начал проникать расцвет...

«Солнце и огонь. Огонь символизирует очищение, солнце – надежду на новую жизнь». – Почему-то подумал я.

Тем временем, света вокруг становилось все больше и больше. Надо было идти. На горизонте послышались длинные сигналы машины. Я резко вскочил.

Тут же зазвонил мобильник.

– Алло? – взял я трубку.

– Феликс. – Услышал я голос Палыча. – Приехал объект.

– Хорошо. Через пять минут буду.

Последний раз посмотрев на догорающий огонь, я поклонился костру и двинулся к шоссе.

Пока я топал назад по слякоти, я постоянно думал, о Полине, о Полине, с которой я бы мог быть вместе, но не сумел совладать с собой, оказавшись для нее слишком

глупым и слабым. Но будь у меня возможность повернуть все вспять, я ничего бы не поменял – пожалуй, эта ситуация наоборот дала мне выход и зарядила необходимыми эмоциями.

Вскоре, дойдя до дуба, где мы распрощались с Палычем, я увидел его с двумя братками, один из которых держал связанного Вову.

– Вот, Феликс. Приехал гость. – Бодро отрапортовал Палыч.

– Отлично, отлично. – И тут меня охватила злоба. – Палыч, дай мне пистолет.

– Конечно. Если ты сам хочешь...

Я беру в руки его «ТТ». Вова дрожит, пытаюсь что-то сказать через кляп. Его руки и ноги связаны. Он видно думает, что сейчас я буду требовать у него какую-то информацию, буду произносить длинный монолог, ждать от него покаяния... Нет, такого не будет! Я сразу его убью!!!

– Сука!!! – кричу я так громко, что аж деревья содрогаются вокруг. – Ты предал меня, ты подставил меня, гнида! Из-за тебя пострадали люди! Ты думал, это тебе сойдет с рук, что ты останешься в своей компании Рыбиных, Фальковских и прочих мудаков, которые тебя спасут?! Нет, Вова, запомни – ты здесь никому не нужен! Ты жалкий кусок говна, сраный менеджер, которого я подобрал чуть ли не на помойке, обучил и дал работу. Я тебя создал, я и убью. Отправляйся в ад!!!

На этом месте я навожу на онемевшего Вову пистолет, с нескрываемым удовольствием смотрю в его расширенные зрачки и слышу истеричное мычание, после чего нажимаю на курок и выпускаю предателю в лоб точно девять пуль. Девять пуль – девять заточенных снарядов – пробивают его черепную коробку, выбивают мозг, оставляя после себя лишь безжизненную оболочку. Даже не дрогнув и не поморщившись, я отдаю пистолет оторопевшему

Палычу, после чего смотрю на брюки, которые сильно заляпаны кровью.

- Уберите отсюда эту мерзость, - говорю я браткам, показывая на Вову. - ЗВЕЗДОПАД НАЧИНАЕТСЯ!!! - выкрикиваю я зловеще. - И не давая Палычу понять мою загадочную угрозу, жму ему и браткам руку. - Твои деньги, Палыч, будут вечером, мой администратор завезет их. - Ладно, а теперь я поеду высыпаться.

Пока бандиты возятся с трупом Вовы, загружая его в багажник, я уже отдаляюсь от места происшествия, шагаю к дороге, сажусь в машину, завожу ее и еду домой.

Следующий дни слиплись в сплошную серую массу. Я ничего не делал, валялся на диване, пил виски и обдумывал новый клип. В каком-то смысле я хотел посвятить его Полине, создать ей некий памятник, мемориал. Я уже задумал достойный видеоряд в стиле раннего Хичкока, добавив туда немного элементов французского классического кино, наигранности театральной постановки и немного вкраплений поп-арта - эдакая эклектика. На примете у меня был один парень из Лондона, который мог потянуть подобное. Как я посчитал, проект влетал мне, минимум, в 200 кусков, если не в полмиллиона. Впрочем, ради любимого человека я готов был и на большее...

Конечно вскоре Полинины родственники обнаружили пропажу девочки и подали заявление в милицию. Началось расследование. Несколько раз мне звонили менты, похоже даже в органах были наслышаны о наших отношениях. Каждый раз, когда они мне звонили, я начинал рыдать в трубку. Я просил их поспешить, я хотел, чтобы Полину нашли быстрее, я даже предлагал любую помощь, в том числе и финансовую. Я умолял, говорил, что жить не могу без этой девочки, что я люблю ее и она мне нужна.

Информация об исчезновении быстро распространилась по всей тусовке. Когда я приходил на концерты или мероприятия, я слышал, как за моей спиной шушукаются артисты. Мне было наплевать, я словно их и не замечал. Я стал для всех невидимкой: лишь хмуро здоровался и уходил. Но тот, кто смог бы заглянуть мне в глаза, увидел бы в них лишь злость, холод и желание отомстить.

Вскоре о пропаже Полины узнала и моя жена. Видимо ей проболталась одна из тех тупых клуш, с которыми она каждый вечер по телефону перебивала кости своих знакомых.

- Ну что? Исчезла твоя шлюха? - Однажды позлорадствовала она, когда я заехал к себе на Николину Гору забрать некоторые костюмы и диски с заготовками. - Надеюсь, хоть кусок твоего состояния с собой не прихватила? Ты бы проверил карманы, посмотрел банковские счета.

Я молчал, перебирая вещи, лежавшие в нижнем ящике шкафа.

- Да... - Не унималась жена, ей явно хотелось меня добить, - небось сбежала к какому-нибудь молодому любовнику. Ты же как мужчина давно уже совершенно никакой, хоть бы виагру, как все, принимал, старпер...

- Заткнись!!! - Я неожиданно заорал и бросился на жену, сжав ее горло так, что она испуганно захрипела. - Если ты еще раз что-нибудь скажешь такое про меня или про Полину, тебе пиздец... Без шуток... Я тебя не просто придушу, а сделаю так, что момент, когда ты родилась на свет, покажется тебе самой главной ошибкой...

Онемев от страха, жена буквально задыхалась. Ее выпученные зрачки в ужасе смотрели на меня. Почувствовав мою злобу и силу, Марина мигом заткнулась. Стиснув напоследок горло, я презрительно оттолкнул ее в сторону и вернулся к перебиранию шмоток.

Уверен, что она втайне уже готовила развод, но с исполнением рекомендаций Палыча я пока медлил - меня интересовали планы помасштабнее. Планы, которые захватывали мое сознание полностью, и не давали мне покоя... По ночам я постоянно перебирал в голове список, я постоянно думал о нем.

Черный «BMW» небрежно припарковался на главной стоянке у казино «Las Vegas Stars». Отстегнув ремни безопасности, я вышел из машины и шумно вдохнул воздух, бросив взгляд на собравшихся за барьером зевак. Я быстро прошел ко входу, миновал вытянувшегося передо мной в струнку швейцара, и уже вскоре оказался внутри комплекса, где в тот момент собирался весь московский артистический бомонд.

Это была презентация нового клипа «Мотыльков» на песню «Билетик в цирк». На показ видео от прославленного режиссера Кротова съехались практически все звезды нашей эстрады. Публика шумела и пила, обсуждая предстоящую премьеру. Стараясь ни с кем особо не общаться, я показал знаками Вадику с МУЗ-1, что интервью не будет, и быстро прошел к крайнему столику, сухо здороваясь со знакомыми.

Сев за стол, я подозвал официантку и заказал у нее сто грамм виски безо льда и молоко. Пока девочка несла заказ, я смотрел по сторонам и наблюдал за собравшимися артистами. Краем глаза я заметил довольного автора клипа – он болтал о чем-то со Златокрыловой. Первая леди эстрады, изображая оживление, кивала и, смеясь, чему-то поучала его, хотя в ее глазах я прочитал лишь одно – беспросветную скуку. Кротов жеманно жмурился и подобострастно пытался ухватить за руку, чтобы приложиться губами у царственным перстам.

Неподалеку от общей массовки стоял директор НМК, Костя Заречный. Вокруг него толпились артисты. Каждому очень хотелось попасть в эфирную сетку и они наперебой пытались рассказывать о достоинствах

своего нового видео. Костя равнодушно кивал, и лицо его явно не выражало ничего хорошего для просящих. Деньги – вот единственная радость, которую он понимал и принимал с удовольствием. Сегодня же явно был не его день, конвертов с мздой не наблюдалось. Насколько я помню, у Кости в прошлом были большие проблемы с алкоголем. Теперь он не пил, закодировавшись в одной известной немецкой клинике, и просто стоял важный в опрятном пиджачке в клеточку. Рядом с ним еще суетились какие-то ви-джеи, журналисты и прочие телевизионные «деятели».

У меня абсолютно не было желания ни с кем общаться, хотелось, чтоб никто не трогал и просто оставили в покое, но тут же подскочил Капралов. При этом он был явно нетрезв и как-то неприлично суетлив.

– О, Феликс! – закричал он. – Слушай, старичок, наслышан про твою историю с Полиной... Надеюсь все обойдется, да? В любом случае рад, чертовски рад, что ты не сдаешься и пришел сюда, ты еще до сих пор на коне, старик!

– Ага. – Ответил я, не проявляя ответной радости.

– Не, ну это просто шок! – не унимался Володя. – Посмотри на Леонова, какой он клип забабахал! Ведь вроде ничего нового, все абсолютно по-старому, но какой резонанс! Размах, бюджет, эпатаж – все на высшем уровне! Завтра уже видео поставят на ротацию НМК и МУЗ-1 – уверен, что оно сразу попадет в горячую десятку!

– Даже не сомневаюсь, – сказал я и потянулся к виски, которое как раз принесла официантка.

Помахав мне рукой на манер мушкетеров, Володя бросился дальше – заговаривать зубы какой-то блондинке из подтанцовки. Обнимая ее крепкое загорелое плечо, он что-то говорил и громко смеялся. Та в ответ тупо смотрела на него влюбленными глазами и тоже смеялась. Опять одно и тоже – фальшь, ложь,

деньги, глупость, лесть. Как же вы меня утомили, чертовы звезды.

Но собравшаяся в казино тусовка безусловно ловила кайф от всего происходящего. В толпе гостей я разглядел Фальковского и Софию. Софочка приветливо мне улыбнулась, но я и глазом не повел, Фальковский, заметив меня, лишь сердито покосился вслед и начал что-то сердито бурчать спутнице. Ничего – усмехнулся я, – ты у меня под номером один в списке...

За центральным столиком среди гор еды и выпивки сидели наклюкавшиеся «Мотыльки» вместе с директором в окружении целого сонма красивых загорелых телок. Алферов неистово улюлюкал при виде каждой проходящей мимо стола знаменитости и ржал, пытаясь клеить всех девок сразу. Максим сидел спокойно и, обнимая свою жену, приветливо улыбался. После того, как он получил жутких пиздюлей по пьяни несколько лет назад, он отлежал более трех месяцев в больнице со страшным сотрясением мозга и травмами и после этого не брал в рот ни капли и не отходил от жены ни на шаг.

Один лишь Леонов, как я заметил, был какой-то грустным и напряженным. Я даже позлорадствовал: видимо он понимал, сколько денег вбухал в очередной бесперспективный клип.

– Итаааааккк!!! – Прелюдия закончилась, и Кротов, наконец, забрался на сцену. Голос его потонул в громе фальшивых аплодисментов.

– Сейчас, друзья мои, вы увидите то, ради чего сюда пришли – новый клип группы «МОТЫЛЬКИ», песня «Билетик в цирк»... Даааааа!!!

Из зала раздался одобрителный гул. Артисты закивали головами, захлопали. Включился плазменный проектор, проиграли клип. Все сидели тихо и кивали головой в такт песне. Кожевников шепотом переговаривался с черненькой солисткой «Альянса», та

слушала его вполуха, не отрываясь от просмотра, постукивала пальцами и пила чай. «Кузнечики» смотрели на экран восторженными глазами. Все шло своим чередом.

Когда клип уже заканчивался и на экране шли последние кадры, главный герой клипа Алферов в восторге свесился со стула и закричал «ЙЕЕЕЕЕЕСССССССССССССС!!!!!».

- Ух!!!! - Едва выговорил покрасневшийся и якобы разнервничавшийся Кротов. - Ну, вот! Это была кропотливая работа, и она, наконец, закончена!!!

Звезды опять захлопали, Алферов заржал, Кристина все это время сосредоточенно потягивала коктейль. Леонов, по-моему, впервые улыбнулся за весь вечер. После короткого всплеска эмоций в зале наступила всеобщая тишина. Наконец подал голос Лихачев.

- Дааааа! - Он явно был под впечатлением от увиденного. - Офигенно! Класс!

- Очень здорово! - закивал Кожевников, по-старчески помешивая ложечкой чай с бальзамом. - Чувствуется и стиль, и атмосфера...

- Очень красиво. - Раздался тонкий фальцет Кирилла Белоусова, гея, обозревателя издательского дома «Афиша». - Напоминает... мм... Take that... хотя немножко... ммм... живее...

- Да-да... - Закивал Буйволлов, пережевывая королевскую креветку в чесночном соусе.

- Что думаешь, Кристина? - заискивающе повернулся Кротов к Златокрыловой, мнение которой, пожалуй, было для него, да и для многих, самым авторитетным.

Главная леди эстрады подняла глаза, секунду помедлила, а затем дружеским, почти что материнским тоном произнесла:

- Неплохо, неплохо. Может и мне что-нибудь такое снять? - обаятельно улыбнулась первая леди.

- Ну, Кристина, - Кротов льстиво заерзал на сцене, - ты мой телефон знаешь. Позвони, обсудим. - Публика заржала вновь, примадонна посмотрела на режиссера обнадеживающим взглядом.

Я смотрел на эту картину всеобщего раболепия и мне становилось тошно. К горлу словно подступал рвотный комок. Я мрачно смотрел из-за своего столика в зал. То на Кротова, то на «Мотыльков», то на сидящего с довольным видом Леонова и на олимпийски пофигистичную Кристину. В какой-то момент стоящий на сцене режиссер перехватил мой недовольный взгляд, однако не отвел глаза, а с улыбкой сказал:

- Ба... А что это Феликс сидит в углу такой грустный? Насупился и молчит. Ну, Феликс, дорогой, скажи, а что ты думаешь по поводу нашего нового клипа?

Массовка тут же сфокусировала свое внимание на мне. Кто-то засмеялся.

- Ой, бросьте... - Нехотя ответил я, поднося стакан ко рту. - Не хочу ничего говорить...

- Нет, погоди! - с озорной улыбкой не унимался режиссер. - Почему ты не хочешь говорить? Неужто тебе не понравилась эта работа?

- Ты уверен, что хочешь знать мое мнение? - серьезно спросил я.

- Ну да. - Посмотрел он на меня с недоумением. - А почему бы и нет?

- Хм, ну что ж...

Я встал, откашлялся. Вадик с МУЗ-1 все-таки подскочил с камерой. Кто-то услужливо передал мне микрофон. Звезды пристально смотрели на меня. Тяжело вздохнув я начал говорить:

- Прежде всего я хочу сказать, что клип - полное говно! Операторская работа на нуле, причем полном. Я не знаю, где тут пахнет «именитым» чешским мастером, как ты заявил в пресс-релизе, но, по-моему,

даже дети-распиздяи с третьего курса ВГИКа сделали бы, как минимум, не хуже. Потом – сюжет. Как всегда банально. Опять собрали мальчиков, они попели, потом пустили второсортных моделей, они потанцевали. Все обещанные спецэффекты – детский лепет, развлечение начинающего пользователя 3DMax'a. Юмор – тупой, неестественный, наигранный совок. Я конечно понимаю, Юра, что ты у нас патриот, но для приличия что ли, посмотрел бы последний клип «Black Eyed Pease» или «Smash Mouth» – вот как надо видео для бойс-бендов снимать. Да, кстати, по сравнению с этой работой даже низкобюджетный клип «Бандитов» с сидящим на машине Николем и баскетболистом Кулером выглядит шедевром авторской режиссуры...

На публику словно свалилась с неба огромная наковальня. Собравшиеся сидели с окаменевшими, испуганными лицами. Камеры, направленные в мою сторону, замерли. Всё затихло. Немая сцена из «Ревизора»...

Я удовлетворенно посмотрел в зал, потянулся за виски, мысленно произнес тост за их скорую смерть, выпил и продолжил.

– Далее... специалисты с Мосфильма. Кто это был, Юра, кто?! Ну объясни? Мазуренко, Иванов, Бернштейн? Кто это вам придумал столь «гениальные» декорации на белом фоне. Когда на второй минуте Макс садится в машину, даже последний лох заметит, что она никуда не едет, а рядом с машиной неуклюже бегают постановщик с фонариками изображая мелькание уличных фонарей. Даже у Косачева в клипе пусть машина и смотрелась колхозно, но к графике претензий не было. Я конечно понимаю, что нынче не каждый может взять напрокат «Ламборджини», но притаранить сраный «Мерседес» уж могли при заявленном бюджете в 250 штук... Могли бы моего сына попросить – он бы вам свой одолжил.

В зале раздались ехидные смешки. Кротов стоял весь красный. Леонов сверлил меня ненавидящим взглядом. Кристина, которую, казалось, ничто не могло расшевелить, сидела, открыв рот от этой неожиданной наглости.

- Короче, вместо того, чтобы кичиться «крутым» клипом, расскажи лучше всем, сколько из двухсот пятидесяти штук ты спиздил, списывая бабки на грип, дополнительные фильтры для камеры, обеда и переработку техников.

- Да как ты смеешь... - Наконец опомнился режиссер. - Да мы заключали контракты с самыми высокооплачиваемыми мастерами! У нас потрясающие декорации!!!

- Декорации? - хохотнул я. - Тебе мало про машину? Пройтись еще по твоим пейзажным вставкам? А мастера, да, безусловно были высокооплачиваемые. И сценарист, и оператор, и монтажер, взяли все по максимуму. И даже чего греха таить, - я улыбнулся, - ты тоже, наверняка. И не еби никому мозг, Юра, потому что даже я знаю, что этот лесной пейзаж уже снимали в клипе «Фонарей», на хуй нужно было брать старые декорации, пусть даже уже всеми забытые?

- Это... это возмутительно... - Задыхался Кротов. - Что ты несешь?!!

- ПРАВДУ. - Сказал я, пресекая его дальнейшие реплики. - А теперь Юра, извини. - Спасибо за клип, пойду, пожалуй, домой. И перед этим, зайду я, что ли, по пути в одно место, - показывая в сторону туалета. - Что-то у меня от вашей выпивки и пищи хроническое несварение. Ладно. Всем пока. Сеня, привет! - подмигнул я Леонову и я бодрым шагом зашагал к туалету. Кругом все замерли в оцепенении. Когда я вышел из мужской комнаты, журналисты бросились ко мне с вопросами. Все хотели комментариев. Я упрямо молчал и твердым шагом шел к выходу. По пути к

машине я предвкушал, что обо мне завтра напишет
пресса...

Я сидел в офисе и читал заголовки в прессе. «Скандал года», «Именитый маэстро разносит шоу-бизнес на корню», «Эпатаж и провокация на презентации «Мотыльков». Кто виноват?» Газета «Наизнанку» тоже не подкачала – она писала, что я раскритиковал Кротова из-за какой-то брянской певички, любовь которой мы не поделили между собой.

Несколько раз звонили какие-то журналисты, корреспонденты. Все хотели получить от меня комментарии и интервью. Большую часть писак я послал подальше, но перед многомиллионным тиражом «Российского дня», естественно, не устоял.

– Скажите, Феликс Абрамович, – игривым сексапильным голосом задавала мне вопросы молоденькая журналистка. – Не значит ли ваша ссора с Юрием Кротовым, что вы, наконец, объявили ту самую войну шоу-бизнесу, которую обещали устроить в самом начале года, когда затевали «Звездопад»?

– Кхм, – я почесал подбородок и отпил кофе. – Пожалуй, да. Давно пора показать обычному слушателю и зрителю, кто настоящий продюсер, а кто ученик. Посмотрите на западную эстраду, западную поп-музыку. Какие клипы, какие профессионалы, какие артисты! Давно пора покончить с этой семейной клановостью, коррупцией, засильем старперов-бездарей и молодых, ничего из себя не представляющих папенькиных сынков. Пора дать дорогу интересным режиссерам и сценаристам, которых не пускают на рынок такие, как Кротов, Костенков, Петраченко и прочие «динозавры». Концепция моего шоу «Звездопад» – дать всем артистам равные возможности, убрать все наносное, лишнее, оставив лишь главное –

пробивную силу и талант. Я хочу уравнивать всех звезд на одной сцене, и пусть они борются – а там посмотрим.

– Большое спасибо! – хихикнула девочка. – Вы действительно говорите очень интересные вещи. Мы обязательно опубликуем их.

– Еще бы. – Сказал я и повесил трубку.

Между тем, мне было плохо, ужасно плохо. С одной стороны я радовался, что наконец хоть немного построил этих чертовых звезд. С другой стороны – даже не с кем было поделиться триумфом. Все эти жополизы, идиоты, и даже кретин Скворцов, который мне тоже позвонил, и долго восхищался, какой я молодец, как я «по чесноку разнес их всех», не стоили даже одного взгляда серых глаз моей Полины. Бедная Полина, Полиночка, она погибла, и это сделал я, своими собственными руками... Закурив сигарету, я продолжал грустно смотреть в окно на облачное небо, нависающее над землей, как серый мрачный потолок.

В дверь кабинета постучали. Вошел мой новый пиарщик, Ренат.

– Здравствуйте, Феликс Абрамович. – На его лице были страх и волнение. – Знаете, нам срочно нужно поговорить.

– Я не в настроении... – Я глядел на серые облака. Мне казалось, что откуда-то оттуда машет мне рукой Полина. – Иди... потом...

– Но Феликс Абрамович, – он не отступал, – информация очень важная... Мне надо срочно вам сказать...

Я повернулся в кресле и перевел взгляд на него:

– Ну?

– Видите ли... мм... – Ренат не знал, как подступить. – Мы посоветовались с Митей и подумали... Хотя ваши высказывания и новое позиционирование –

весьма неплохой пиар, однако это... ммм... может сослужить плохую службу «Звездападу»...

- ЧЕГО?! - взвился я, гневно смотря на него. - Ты чего несешь? С ума сошел?!

- Понимаете, Феликс Абрамович... - Ренат сверлил глазами воротник моей рубашки. - Только за сегодняшний день было несколько звонков артистов, которые очень недовольны... мм... как бы так сказать... вашими высказываниями... Неодобрение высказала Златокрылова, сказала, что Феликсу нужно попридержать язык, были недовольны Малинов и Косачев - особенно, когда вы упомянули про «колхозный клип». Леонов, по слухам, вообще рвет и мечет, готовится к настоящей медиа-атаке. Как бы не возникли проблемы с ними, а соответственно и с НМК и МУЗ-1... Конечно многие из звонивших артистов уже ушли из «Звездапада», но недовольство высказывают и другие, например, Лотореева, Австревич.

- Блядь!!! - заорал я на него во весь голос. - Так решайте их, решайте эти проблемы! Почему я все за вас должен делать, пиарщики вы мои хреновы, а?! Почему вы не можете нормально проработать мне вменяемую стратегию, за что я вам ваши бешенные оклады плачу?! Короче, слушай меня внимательно. Звездам никаких уступок не давать. Кто будет возмущаться - посылайте откровенно на хуй или ко мне, я сам их пошлю. У нас шоу лучших и нам не нужны трусливые фуфлыжники и слабаки.

- Но Ф-Феликс Абрамович... - Робко заметил Ренат. - Это может сильно подпортить Ваши отношения со всей звездной элитой.

- И что? Не волнует. С кем я буду спать и детей крестить - мое дело. Занимайся своей работой.

- Х-хорошо, Ф-Феликс... - Он встал из-за стола и вышел из кабинета.

Отправив пиарщика подальше, я пару минут сидел, скрестив пальцы. Да пофиг, медиа-атака - даже хорошо, больше пиара будет. Я выдвинул ящик стола, достал бумажки и стал придумывать сценарий нового клипа. Того самого, который я хотел посвятить Полине...

- Да? It's very impressive. - С уважением говорит Майкл, мой старый лондонский приятель, когда я показываю наброски своего сценария. - Very very свежо и интересно. Думаю, мы сможем достойно реализовать задумку. У меня на примете есть great режиссер...

- Главное, чтобы все было снято четко по моим правилам. Именно так, как я тут указал. - Подчеркиваю я.

- Оу, не волнуйся, Феликс. - Майкл даже краснеет. - Ты же понимаешь, у нас в этом смысле профессиональный подход...

Распивая с Майком вискарь в тихом камерном кафе в центре Москвы около посольства Великобритании, я смотрю на собеседника и думаю, как же все-таки он отличается от моих русских знакомых. Немного наивный, спокойный, естественный, открытый, сдержанный и очень всем интересующийся, он говорит конкретно и четко, только по делу. Он не думает об откатах, об экономии, «серых» схемах, финансовом отмыве и прочей дряни. Механизм работы отлажен безукоризненно. Все-таки не зря я договорился с ним на 150 кусков.

- Как, кстати, у вас in Russia? - Майкл давно не был в Москве и ему очень интересно узнать новости индустрии. - Продвигаетесь потихоньку на Запад? - улыбается он.

- Ага, продвигаемся. - В моем голосе сарказм. - По количеству откатов на клип и концерт вскоре потянем на бюджет какой-нибудь Португалии или Люксембурга...

- Ха-ха. - Смеется Майкл. - Это действительно очень забавное слово, «откат». Откат... - Он произносит его с

таким акцентом, что теперь улыбаюсь уже я. - А странно, - вдруг смотрит он на меня пристальным взглядом, - я вот до сих пор не понимаю, почему русская ваша музыка в собственной стране в такой asshole, когда на Западе я постоянно работаю с вашими талантами.

- Ну, с кем, например? - спрашиваю я.

- Ну, смотри. - Майкл тушит сигарету и отпивает немного виски. - Недавно работал над клипом группы Muse, ну, конечно, ты знаешь такую. Так вот, хочешь узнать, кто у нас был вторым оператором? Русский парень из Питера с дипломом СПбГУ. А знаешь, кто был декоратором прошлого клипа Тимберлейка? Эмигрант из Украины, Vasya Konosuk. А знаешь, кто работал над спецэффектами к Мадонне? Тоже какой-то ваш парень, USSR.

- Ну да, - гордо соглашаюсь я, - наши ребята...

- Но знаешь, чего я до сих пор не могу понять, - говорит он, - почему они так хорошо работают на Западе, но на родине им никто не хочет платить. Причем требуют они по нашим меркам просто смешные деньги. Неужели с такими-то людьми ваши звезды сами не хотят сделать что-то достойное?

- Да забей. - Отвечаю я. - Это russian culture. Долго объяснять. Вряд ли поймешь...

- Не-не, - не унимается собеседник, - объясни.

Я затягиваюсь сигаретой, плеснув себе в стакан еще алкоголя. Я сейчас достаточно пьян, чтобы начать объяснять европейцу особенности российской культуры.

- Видишь ли, Майк. - Пытаюсь я построить мысль попроще. - Ну представь себе, что есть этот Вася Коносюк. Он действительно офигеннейший, просто лучший мастер, все его идеи - достойны Грэмми, Оскаров и прочей вашей англо-американской херни. Вот приходит Вася к известному режиссеру, допустим, к

тому же Кротову, чей клип я недавно разнес, и что же ему Кротов говорит? Какой первый вопрос задает этот именитый режиссер специалисту? Как ты думаешь?

- Ммм... - Пытается сообразить Майкл. - Наверное, сколько стоят его услуги?

- Нет!! - восклицаю я. - Именно, что нет! В первую очередь он спросит: «на хуй мне это надо?».

- В каком смысле? - не понимает он.

- Ну, смотри. - Говорю я. - У нас все очень просто. Хочет какая-нибудь модная группа снять клип. Идет она в известную контору, а у нас их несколько - авторитеты, у которых все снимаются, еще с советских времен все сидят. Ну, приходят они к этому заправиле, ну, например, к этому самому Кротову. Приходят, плюхаются на кресло и говорят: «Здравствуйте, нам нужен клип». Кротов спрашивает: «А вы кто?». Те, ну допустим, говорят: «Мотыльки». Кротов: «О'кей, раз «Мотыльки» - 80 косарей». Что дальше? «Мотыльки» уходят, Кротов зовет сценариста и говорит: «Слышишь, Петя, тут нужен клип «Мотылькам». Что будем снимать?». Сценарист, недолго думая: «Ну раз «Мотыльки», значит, снимаем все как обычно. Да, Юра, все та же самая хуйня. Поставим мальчиков на сцену, притащим девочек, массовку, пару дорогих машин, все попрыгают, потанцуют... Практично, заебись!». Кротов, хмыкая: «Да, я то же самое хотел предложить. Сколько, короче выйдет?». Сценарист, почесав подбородок: «20-30 штук». Кротов, закуривая сигарету: «Заебись. Остальное поделим». Итог - Кротов снимает очередное дебильное видео, «Мотыльки» его ставят, провинциальная аудитория в восторге, умные люди плюются и говорят «отстой». На телевидение заносят 100 тысяч долларов и клип не сходит с экрана, крутят до тошниловки. Каждые 2 часа, а то и час показывают этот отстой. А народ «хаваает» - ночью разбуди девочку, она весь клип наизусть помнит. И вот проходит месяц, и

«Мотыльки» едут с концертами в Брянск, Сыктывкар, Пензу, Магадан, рубят свою сотку за гастроли, продают альбомы, возвращаются в Москву, нюхают кокс, покупают женам-любовницам подарки, все нормально. И, как видишь, система отлично работает – все довольны, и никому ничего больше не нужно. Все идет своим чередом.

– Но, прости, – удивляется собеседник, – а как же финансовая эффективность и просто, эээ, здравый смысл?

– Ох, – смотрю я на него и смеюсь. – Забей. Вот это уж точно за пять минут не объяснишь... Скажу лишь одно: русский менталитет. Если тачка хоть как-то едет, зачем тащиться на техосмотр, вкладывать бабки, и напрягать мастеров? Знаешь, у нас есть пословица: пока гром не грянет, мужик не перекрестится...

– Верно-верно, – смеется он, – слышал эту вашу пословицу про «гром загремит, мужик перекрестится». Но в любом случае не понимаю, как же аудитория, как же простой зритель? Ведь, как ни крути, а у вас в России, еще в 90-е был по статистике один из самых высоких уровней образования в Европе и мире.

– Ага. – Я закидываю ногу на ногу, отпиваю виски и продолжаю: – Так люди у нас в провинции до сих пор в тех временах живут. Они много ничего не видели. На фига им парень, который будет «русский Тимберлейк»? Вася Кудрявцев, родной и привычный, как бревенчатый порог сельпо, их устраивает. Знаешь, – и тут я понимаю, что я настолько пьян, что меня просто несет, – я и сам бы хотел честной игры и жестких условий. Хочется, чтобы была реальная тусовка, реальная грызня. Чтобы был местный Элтон Джон, чтобы своя Мадонна, тот же Тимберлейк, «Queen», «Genesis», «Aha»... «Backstreet Boys», Стинг, Бритни Спирс... – Когда я говорю эти слова, я вспоминаю монологи Полины. – Хочется, чтоб действительно был шоу-бизнес, а не каменный век с

совковыми мотивами и рассадник старых пердунов, папенькиных дочек и просто конъюнктурных пидарасов... Но насчет этого, – вдруг сверкаю я злобно глазами, – у меня давно созрел план...

Тут я делаю такое страшное лицо, что Майкл буквально замирает и несколько секунд глуповато на меня смотрит. Видно он подумал, что просто что-то не понял, хотя он знает русский почти в совершенстве. В любом случае я понимаю, что основные карты раскрывать еще рано, устало откидываюсь на спинку и говорю:

– Ладно, забей, Майк. Это уже мелочи... Главное, ты реши мне все проблемы с клипом. По деньгам мы договорились – все как есть, так и будет. Этот клип посвящается одному очень дорогому для меня человеку. Я хочу, чтобы все было хорошо.

– Конечно! – покорно кивает собеседник. – Все будет almost great, в высшей степени great!

– Ну и отлично, – смеюсь я, подзывая официантку. – Принеси бутылку «Русского стандарта» и лимон. Что ж, Майк. – Смотрю я ему в глаза и улыбаюсь. – Раз уж ты в России, то давай по стопочке за нашу великую и многострадальную...

Майкл понимающе смеется. Я разливаю водку, мы встаем из-за стола, чокаемся как гусары, отпрокидываем рюмки, пьем, садимся, опять пьем. Еще два часа мы проводим в компании с алкоголем, а я плавно погружаю Майка в российскую действительность и реалии московской жизни. Под конец, встав из-за стола, я веду до дороги напившегося в хлам англичанина, который висит у меня на плече и поет «Калинку-Малинку», ловлю ему такси, даю телефон красивой украинской бляди Насти и прощаюсь. Сам же я возвращаюсь назад в ресторан и заказываю себе филе ягненка. Посидев еще немного и поулыбавшись над тем, какую речь я только что

толкнул Майку, я ловлю машину и тоже еду домой - отдыхать на мягком диване и обдумывать дальнейшие шаги в той переломной эпохе шоу-бизнеса, которая скоро наступит...

Все последующее время я проводил в размышлениях. Полина, я обязательно порадую тебя. Я создал тебе этот памятник. Я взорву это чертово болото, вытравлю гниль.

Моя милая девочка, думал я. Ты погибла из-за этих чертовых идиотов. Они тебя сгубили, этот жестокий мир убил твою творческую душу. Но ничего, черт побери! Полина, прости, но я-то остался жив. А значит то, о чем ты мечтала, я все-таки выполню. Чего бы мне это ни стоило. Аминь.

Валяясь на диване в ботинках, я пил виски прямо из горла. Закусывая бутербродом с сыром, я отрешенно смотрел в потолок.

А все-таки это не самая плохая идея повыпендриваться с Западом. Наша массовка такие развлечения любит. Пропозиционирую себя, как врага совка и вообще всего старого, буду пропагандировать здоровые ценности, американское качество, Голливуд. Но при этом я останусь патриотом – постоянно намекая на то, что мы сами ничуть не хуже, мы и лучше сможем, когда за дело возьмусь я. Да, неплохая задумка и PR-ход. Мой новый образ эпатажного циника просто великолепен.

Нет, но за Полину надо мстить по-любому. Этим сукам я ничего не прощу. Именно они испортили наши отношения с девочкой. Именно они сгубили меня.

Ну черт, опять... Звонок телефона иглой вонзился мне в голову. Я взял трубку:

- Алло.

- Феликс Абрамович, - на проводе был Митя, директор «Звздопада». Его голос запинался и мямлил. - Тут у нас проблема есть...

- Ну, какая еще проблема... - Устало молвил я. Только не хватало мне сейчас новых заморочек.

- Видите ли, эээ... - Митя очень нервничал. - Инга Симоянова... Только что позвонил ее администратор и сообщил, что они разрывают контракт со «Звездападом»...

- Как так, разрывают? - не поверил я своим ушам. - Там же неустойка у них бешеная будет! Почти сто тысяч баксов.

- Ммм... Феликс Абрамович, я им это объяснял, но у них, видимо, какое-то свое видение ситуации...

- «Видение ситуации»?! - передразнил его я. - Ну что ты за идиот. Ладно, щас сам Инге позвоню.

Покопавшись в записной книжке, я нашел Ингин телефон и набрал номер. На том конце послышался бесцветный голос охранника.

- Алло.

- Это Феликс Абрамович. Соедини меня с Ингой побыстрее.

- Инга сейчас занята. - Ответил охранник. - Она не может подойти.

- Чем это она занята, блядь?! - заорал я. - А ну быстро позови!

- Простите, но я не могу...

- Ты не понял?!?! - Меня буквально затрясло. - Ты что, работу потерять хочешь? Или жить надоело, бля? Быстро связал меня с Ингой, а не то пиздец тебе!!! Скажи, что это Феликс Серебрянников и по очень срочному делу!! Пусть подойдет!!!

На том конце трубки раздалось сдавленное шуршание. Такое ощущение, что там, у телефона, ожесточенно спорили, переговаривались. Слышались недовольные женские возгласы. Наконец к трубке подошла сама Инга.

- Алло? - в ее голосе слышалось явное раздражение.

- Привет, Инга. - Сразу сменил я тон. - До меня тут дошли слухи, что ты не хочешь участвовать в «Звездопаде». Как же так, объясни?

- Ну видишь ли, Феликс. - Инга говорила очень сухо и четко. Прошлых кошачьих ноток как не бывало. - Прости, но это бизнес. Сейчас у меня есть более актуальные предложения, поэтому мой менеджмент посоветовался и решил действовать так...

- Другие предложения - это Рыбин, Фальковский и Леонов?

- Я не могу это обсуждать, - лаконично ответила Инга.

- Бля... - Вот тут я не мог сдержать свое раздражение. - Ну что это за пиздец... В последний момент отползаете, как последние слабаки. Я абсолютно вас не понимаю. Такой проект, такой масштаб, а вы хотите петь под фанеру со старыми пердунами и ложиться под денежные кейсы продюсеров телеканалов... Инга, я в тебе разочаровываюсь. Это пиздец...

- Извини, Феликс. - Тон Инги стал совсем сухим. - По-моему, ты сейчас в несколько не подходящем состоянии. Проспись, пожалуйста, а потом мне звони.

- Ага... - Крикнул я, уже бросая трубку. - Обязательно позвоню!! - И добавил: - Спрошу твой сотовый лично у Сатаны! Встретимся на том свете, сука!

Кошмар... Так от меня убегут все артисты.

Чтобы хоть как-то понять, что меня ждет, я встал с дивана, подошел к столу и достал чистый лист бумаги. Вооружившись ручкой, я стал записывать потерянных «Звездопадом» звезд. Так, Златокрылова и Кожевников выбыли, Бедарева колеблется, Светлаков что-то там тоже подлизывает Рыбину, Фальковский и Леонов - само собой, значит - «Мотыльки» и София тоже автоматом вылетают. «Азарт», «Инфаркт Миокарда», «Прага», Косачев, Лотореева и т. д. - мда, здесь сильное

влияние Рыбина, тоже могу потерять. Кузница и Бессонов на редкость ненадежны. Бессонов давно молится на «Всероссийский» и может легко отдаться Рыбину в обмен на какие-нибудь эфиры. В итоге получалось, что я теряю практически всех артистов...

Полная лажа...

Список получился огромным. Почти на целый лист. И тут на меня нашло. Вооружившись вдохновением, я стал переписывать старый, порванный Полиной, список потенциальных покойников. Злоба, с которой я придумывал казни, была настолько велика, что вскоре весь лист покрылся какими-то непонятными надписями и каракулями. «Четвертовать», «Отравить», «Сварить заживо», «Повесить» – это были лишь самые мягкие комментарии. Позанимавшись этим увлекательным делом, я бросил лист бумаги на пол, хлебнул еще из горла виски, запил молоком прямо из стоящего рядом пакета «Глобус Гурмэ» и захрапел... Через несколько секунд я уже видел странные сны...

Я спал. Ощущение было такое, будто я лежал в больнице, и мне отключили кислородную маску. Скачок, скачок, потом опять непонятный всплеск, провал. Сознание периодически отключалось, гул вокруг сливался со странным звуком – словно жужжание мотора, картинка боьничного окна выглядела расплывчатой и малопонятной. Затем – удар, мощный толчок, будто я столкнулся с бетонной стеной и упал. Я падал и пролетал облака, пролетал землю, где толпились мои враги, и, наконец, провалился куда-то глубоко под землю, где было сыро, грязно и мрачно...

Кое-как отряхнувшись, я встал на ноги и закричал. На лбу, похоже, выростала шишка...

– Феликс... – Вдруг раздался протяжный голос. – Феликс... Ты где...?

Испуганно шелохнувшись, я начал осматриваться. Я находился в маленькой тесной камере, запертой клетке с влажным каменным полом и бегающими по нему крысами. Передо мной стояла огромная решетчатая дверь – на вид гигантская и невероятно тяжелая. Однако я, преодолевая себя, сделал усилие и поддался вперед. Под действием моей силы, словно увеличившейся в тысячи раз, решетка протяжно закричала, а дальше, сначала медленно, потом уверенно, съехала с пазов. Я надавил на нее сильнее – дверь открылась, я вышел и попал в лабиринт.

– Феликс... – Снова услышал я голос. – Феликс, я тут... Иди сюда...

Это был голос Полины! Боже! Я бежал к нему, бежал через эти чертовые катакомбы. Я карабкался по туннелям, пробирался в узких местах, падал и поднимался, спотыкался и шел вновь. Наконец, я достиг

места, откуда, как мне казалось, исходил голос. Я точно был уверен, что Полина где-то тут.

- Полина... - От усталости я буквально плюхнулся на колени. - Полина... если ты меня слышишь, прости...

- Феликс... - Вдруг сзади меня обняли чьи-то ласковые руки. Я обернулся, и увидел Полину. Она была столь же прекрасна и печальна.

- Полина! Но как?!!! - закричал я не то от радости, не то от страха. - Ты же умерла?! О, боже! - Я вспомнил, что я тогда наделал. - Прости меня, пожалуйста. Прости, что я сделал это... Если бы это можно было исправить, я бы обязательно все изменил...

- Ну что за глупости, Феликс? - поджала она губки. - Я на тебя ничуть не обижаюсь. Ты должен был это сделать, то был твой первый урок. Теперь ты должен продолжить свою миссию дальше и доказать остальным ЭТО. Надеюсь ты меня понимаешь?

- ЭТО?! - испуганно переспросил я. - Это - это что???

- Ты сам все знаешь, милый...

Ее слова били мне в голову. Я все понимал. «Сделай это, сделай это, сделай это, наконец». Рассудок мутнел, из глаз хлестали слезы. Полина присела рядом со мной и стала вытирать мне глаза. Потом она целовала мне лоб, а я держал ее руки. Я смотрел в ее глаза, в такие серые и грустные, и не хотел отпускать. Я хотел остаться с ней, остаться с ней навсегда и быть с ней счастливым...

Только я, и только она.

Наедине.

И вдруг - неожиданные звуки сверху. Ужасные, омерзительные трели, буквально буравившие мне мозг.

Сознание возвращалось ко мне. Я должен был уходить и испуганно посмотрел на Полину.

- Не бойся, Феликс. - Сказала она. - Мы скоро встретимся с тобой снова. Мы будем счастливы с тобой, как сегодня...

Печально помахав ей напоследок, я поднимался наверх. В голове почему-то крутилась где-то услышанная фраза: «Возможно, мы попадем в ад не за те поступки, которые совершили. Возможно, мы попадем в ад за те поступки, которые не совершили». Меня крутило, ломало, а внутри крутилась и преследовала лишь одна мысль – «Сделай это, сделай сейчас!»... Когда я снова оказался наверху, услышался крик.

– ФЕЛИКС!!! ФЕЛИКС АБРАМОВИЧ!!! ФЕЛИКС!!!!

И тут я очнулся...

* * *

– Где я?! – Придя в себя, я испуганно озирался по сторонам. Я был в больничной палате, надо мной нависала маска искусственного дыхания. Рядом со мной стояли мой верный охранник и врач.

– Все нормально, Феликс Абрамович. – Заверил меня доктор. – Мы привели вас в чувство. Феликс Абрамович, – сказал он с некоторым раздражением, – ну сколько раз вас предупреждали, что нельзя так пить? Если бы мы не успели, вы могли бы просто умереть и вам бы уже никто не помог.

Я ничего не понимал, внутри продолжало все плыть...

– Что случилось? – спросил я слабым голосом.

– Феликс Абрамович. – Тут вмешался охранник. – Когда я зашел проверить, все ли у вас в порядке, я увидел вас, лежащим на кровати. Вас колотило и трясло, изо рта буквально валила пена. Я испугался и подбежал проверить пульс – сердце практически не колотилось! Слава богу, скорая приехала очень быстро и вас успели откачать. Вы только что лежали под

аппаратом искусственного дыхания и вам ввели лошадиную дозу всяких препаратов!

- Мда... - Сознание ко мне постепенно возвращалось. - Спасибо тебе! Ты сам все знаешь... Стоп! - И вдруг я вспомнил, что в тот день я оставался на Николиной Горе. - А как же жена? Неужели она не заметила?

Охранник заметно погрузнел.

- Я видел, как она входила к вам... Феликс Абрамович, вы меня конечно простите, но по-моему видела, что происходит и вовсе не собиралась помогать...

В ответ я лишь застонал и сжал кулаки.

- Сучка...

- Феликс Абрамович. - Сказал доктор. - Вам нужен покой. Лежите и отдыхайте.

Когда они уже удалялись к двери, я вспомнил, что прохлаждаться времени у меня нет. Застонав, я кое-как поднялся на кровати и сел. Перед глазами по-прежнему все немного плыло, руки и ноги почти не слушались.

- КУДА?! - кинулся ко мне врач. - Феликс, вам надо лежать...

- Нет!!! - Я поднял руку, что далось мне немалым усилием, и уперся ему в грудь. - Я должен идти... - Мой голос дрожал. - У меня есть слишком много незаконченных дел... Вадик, - позвал я охранника. - Дай мне одежду.

Седовласый доктор неодобрительно покачал головой, но сделать ничего не мог. При помощи охранника я быстро оделся, и уже скоро мы мчались по шоссе на такси.

Когда мы почти подъехали к дому, я вспомнил, что хотел сказать, повернулся к охраннику сказал:

- Вадик, спасибо тебе большое. С меня причитается добавка к жалованию.

- Но, Феликс Абрамович! - Его лицо даже вытянулось. - Конечно, я вам очень благодарен за эту щедрость, но вы и так мне платите целых две с половиной тысячи. Это слишком много, а то что я вас спас - это моя работа, я должен заботиться о вас...

- В любом случае, - сказал я, - я ценю твою верность. - И не давая ему окончательно смутиться, попросил: - Дай мне телефон, мне нужно срочно позвонить.

- Конечно, Феликс Абрамович.

Съемки моего нового клипа проходили просто блестяще. Даже то, что эти чертовы англичане, которых подсунул мне Майкл, ничего не смыслили в истинном креативе, не мешало нашей плодотворной работе. Я жестко стоял на своих позициях, и несмотря на претензии сценариста, от первичного плана не отошел ни на шаг. Все должно было получиться просто идеально... Костры, горящие звезды, инквизиция...

В любом случае, даже несмотря на все мелкие нестыковки, работать с англичанами было приятно. Во-первых, все они были отменными специалистами и мастерами по технике, все пахали очень четко, ни на кого не приходилось кричать. Во-вторых, мотаться в Лондон мне нравилось – я часто встречался со своими старыми знакомыми и просто отдыхал. Петя водил меня по модным местным ресторанам, я ужинал с деятелями культуры, видел эмигрировавших бизнесменов, олигархов, кое с кем даже пил. А главное – вокруг меня не было той псевдогламурной швали, московской суеты, этих совковых звезд отечественного шоу-биза, от которых я так устал.

Наконец, Лондон утомил меня тоже. Рестораны надоели, олигархи стали неинтересны, и я вернулся в Москву ждать окончания работ по монтажу и готовиться к презентации. Я решил церемонию не делать шибко пафосной – не хотелось вновь собирать эту тусовку мудаков, и, тем более, поить ее на халяву. Я хотел ограничиться простым запуском на ТВ и небольшой пресс-конференцией для журналистов, разумеется – из самых главных изданий, только для тех, кого я хотел пригласить.

И вот, в один прекрасный день, когда я сидел в офисе, долгожданный диск с окончательной версией клипа переслали мне через почту FedEx.

- Феликс Абрамович, - вошла в мой кабинет секретарша, держа в руках конверт, - вам посылка из Лондона. Это ваш клип.

- Отлично, отлично! Просто супер! - У меня засверкали глаза. - Давай, Аня, собирай всех наших в конференц-зале, сейчас я покажу всем свой шедевр!

Радостно хмыкнув и кивнув, секретарша вышла. Проверив электронную почту, я быстренько врубил медиа-проигрыватель и прогнал у себя на ноутбуке клип. Просматривая запись, я убедился, что все получилось просто великолепно. Конечно некоторые моменты англичане до совершенства так и не довели, но даже такая версия меня полностью устраивала - такое было не грех показать по ТВ.

Взяв с собой диск, я двинулся в зал для презентаций. Там уже собирались работники моей компании. Топ-менеджмент группировался в кучке по стадному принципу, креативщики рассаживались рядом. Персонал заинтересованно гудел - все хотели обсудить мой новый клип. Полюбовавшись раболепием этой массовки, я крякнул, подошел к плазменной панели, включил DVD-проигрыватель и вставил диск.

- Итак! - торжественно оглядев зал, произнес я. - Готовьтесь узреть нечто! Такого клипа еще в России не снимали, подобных работ у нас просто не было!

В зале довольно загудели. Плебеи, бя. Я даже поморщился. Тоже мне, нашел кому показывать. Никто из этих чернорабочих в искусстве абсолютно ничего не смыслит, все просто заискивают, кивают головами, пытаются на меня произвести впечатление своими показными аплодисментами. Все думают только о зарплате, какое уж тут понимание азов клипмейкерства. Но ничего, шестерки, смотрите и

восхищайтесь своим начальником, своим великолепным Феликсом.

Проигрыватель плавно проурчал, съев диск. В комнате воцарилась полная тишина.

На экране появились первые кадры. Костры, инквизиция, пытки, куклы-вуду, плачущие женщины, мрачные тона. Половина клипа – ужасное бурчание, замогильные вопли, все именно так, как я хотел. Каждый из этих костров олицетворял для меня место будущей казни, каждая кукла-вуду – будущий потенциальный труп. А на фоне всего этого стоял я, снятый на белом фоне, и улыбался, словно Фрэдди Меркьюри в своем самом известном клипе, а ниже фраза «Show must be stop».

Толпу зрителей охватило полное недоумение. Топ-менеджмент и креативщики непонимающе пялились на экран. Что это – никому не нравилась моя работа! Все прятали глаза и не произносили ни звука. Когда клип закончился, в зале воцарилась могильная тишина.

– Ну? – стараясь вести себя как можно спокойнее, я пристально посмотрел на собравшихся. – Что вы думаете?

Ответом было испуганное молчание. Собравшиеся смотрели на меня с недоумением.

– Я не понял, я с кем разговариваю?! – повысил я голос. – Я жду ваших впечатлений от клипа.

Наконец подал голос Макс, бородатый креативщик, сидящий слева..

– Ммм... – Он силился подобрать слова. – Все это очень... ммм... нестандартно, конечно. Не совсем типично для клипа... но возможно... мм... – И тут он посмотрел на мое гневное, покрасневшееся лицо. – Возможно это прорыв!

– Да-да! – покорно закивал Сергей, коммерческий директор. – Очень нетипично и странно. Но потрясающе!

- О да! - поддакнул ему Митя, директор «Звездопада». - Очень нестандартно... Но Феликс, ты уверен, что это в формате Мьюзик ТВ?

Я ничего не ответил, лишь смотрел на публику, которая откровенно врала и явно ничего не понимала. И тут меня понесло.

- Сволочи... суки!!! - Мой голос захрипел. - Вы... вы ничего не понимаете! Вы все уволены, блядь! Тупые ослы, вы ничего не смыслите в искусстве... Это же гениально, это настоящий шедевр!!! Это великолепно!!! Это просто фантастика!!! А дальше будет еще лучше, когда Я... Яя... Яяяя... - Мой голос почти пропал, как будто пленку с его записью зажевало в магнитофоне, в горле словно образовался комок. Бросившись к проигрывателю, я выхватил диск и в гробовой тишине выбежал из зала.

Настроение стремительно портилось. Забросив ноги на стол, я сидел в кабинете и пялился в одну точку в стене.

Полный провал. ПОЛНЫЙ.

Мне было стыдно. Стыдно за тот провал, который я потерпел перед подчиненными. Стыдно за то, что не умею держать себя в руках. Опозорился перед плебеями, психанул. Теперь восстанавливай репутацию благодушного начальника, оправдывайся...

Мда, события этого дня основательно меня подкосили.

Руки тряслись, горло ссохлось. Хотя доктор и запретил, я машинально потянулся к выпивке. Открыв нижний ящик стола, я достал оттуда бутылку виски. Она хранилась там еще с незапамятных времен, по моему, ее льстиво всучили после концерта в развлекательном комплексе «Gala Stars», когда я закатил жуткий скандал из-за отсутствия минералки в примерке. Откупорив крышку, я жадно присосался к горлышку. Стало легче.

И действительно, чего я переживаю из-за каких-то лохов. Они – мои подчиненные, я – их хозяин. Хочу – уволю, хочу – нет. Хочу – повышу зарплату, хочу – наоборот. Они мои рабы. И разумеется, они не поняли моего гениального посыла. Это слишком концептуально для мозга плебеев.

Закинув ногу на ногу, я несколько секунд глядел в пространство. Ладно. Поеду на ТВ, поговорю с ребятами. Пристрою сейчас клип и будет все красиво. Полина будет довольна, а все эти Леоновы и прочие элементарно отсосут.

На этой совершенно резонной мысли я вызвал секретаршу.

- Вызови мне такси. - Сказал я, когда она вошла. - Да, и еще. - Тут я слегка замялся. - То что сегодня случилось в конференцзале... - я подбирал слова... - это всего лишь нервы. Никого я увольнять, естественно, не собираюсь, работать продолжают все. Это была мимолетная... ммм... - я поймал ее непонимающий взгляд... - глупость, нервный срыв. У меня просто плохое настроение. Надеюсь, ты меня понимаешь? - Я посмотрел на секретаршу исподлобья. Она стояла передо мной, словно бездушный робот. - Ты понимаешь, о чем я говорю?

- Да, Феликс Абрамович. - Ответила секретарша, опустив глаза.

- Ну и отлично. - Произнес я. - А теперь вызови мне такси, пожалуйста.

Секретарша вышла, кивнув, а я сидел как пыльным мешком пристукнутый. Потом я подумал, «пожалуйста» - это я только что сказал ей «пожалуйста»? Теряю форму...

Такси подъехало быстро. Уже через двадцать минут я мчался по московским улицам к ВДНХ. Машина погружалась в бурлящую суету мегаполиса, в кипящее варево, которое я так любил. На фоне тысяч спящих автомобилей и маленьких спешащих человечков я представлял себя кем-то вроде одинокого гения, фанатичного демиурга. «Да, я обязательно наведу здесь порядок», - подумал я.

Наконец мы приехали. Вполне довольный, я дал таксисту щедрю чаевые и вышел. Передо мной простирался огромный телецентр.

Здание МУЗ-1 было выстроено по всем канонам современной архитектуры. Идеально белый корпус, чистые окна, огромная парковка, роскошный вход и охрана. Неподалеку я заметил припаркованный «Кайен»

Киносяна. Я помнил эту машину очень хорошо: как-то в 2005-м я мчался на ней на скорости 160 километров в час, унюхавшись в говно и упившись почти до бессознательного состояния. Непонятно, как я не попал тогда в аварию. Бросив взгляд на литые сверкающие диски, я довольно крякнул и направился к двери, где увидевший меня охранник, вытянулся и даже непроизвольно отдал честь.

- И вам того же, полковник. - Усмехнулся я. Настроение улучшалось: я предвкушал хороший куш.

- О, Феликс Абрамович! - затараторила сидящая на ресепшене симпатичная блондинка с акриловыми ногтями. - Рады вас видеть! Вы к кому?

- К Диме. - Небрежно бросил я. - К Пантелеймонову.

- О да, конечно. Сейчас я доложу.

Я кивнул. Бодро пробежав пальчиками по кнопкам, блондинка набрала номер Димы. Сказав буквально пару слов и услышав ответ, она заулыбалась:

- Дима вас уже ждет, Феликс Абрамович.

- Молодец. Скажу Диме, что ты хорошо работаешь. - Отечески посмотрел я на нее.

- Ой, ну что вы... - Девушка засмузилась. - Может, вас проводить?

- Нет, не стоит. - Сказал я. - Я знаю дорогу.

Блондинка определенно меня клеила, но после Полины все остальные женщины лишь навевали на меня тоску. Поднявшись по лестнице на третий этаж, нашел дверь с надписью «программный директор», постучался и тут же вошел. Дима сидел в большом кожаном кресле директора. Увидев меня, он тут же залебезил:

- Феликс Абрамович! - Какими судьбами? Очень рад вас видеть. - Он так страстно пожимал мне руку на американский манер, что чуть не сломал.

- Привет, Дима. - Я плюхнулся на диван для гостей. - Привез для тебя новый клип. Сейчас просто

охуеешь. Это пиздец. Такого в России еще не снимали.

- О! Да-да! Наслышаны, как-никак! - Программный директор уже взял у меня диск и вставлял его в DVD-вход на компьютере. - Все газеты об этом пишут! Неужели, - он хищно посмотрел на меня, - я увижу это творение первым?

- Почти первым. - Улыбнулся я.

В душе, конечно, я был уверен, что Диму куда больше волнует не клип великого Феликса Серебрянникова, а тот конвертик с денежками, который Феликс Серебрянников сегодня принес ему, как и в прошлые разы. Не показывая своих истинных чувств, я сидел на диване, пока Дима возился с проигрывателем.

Пока программный директор настраивал оборудование, я вспоминал историю нашего знакомства. Да, Дима должен быть мне очень благодарен. Еще в 2004 году, когда он был всего лишь пешкой в отделе вещания, он здорово помог мне в одной сделке. Тогда я проплатил телеканалу 120 штук за бессменную ротацию трех моих клипов на песни из альбома «Изумрудная страна» в течение полугода. Дима же, благодаря которому, я сэкономил почти 30 тысяч, был представлен руководству как «очень талантливый и перспективный работник» - я лично хлопотал за него перед Костей. После этого карьера Димы резко пошла вверх - он стал получать больше денег, вырос в должности, женился, купил себе квартиру на Ленинском, машину и даже завел молодую красивую любовницу из ансамбля «Русский Бродвей». Глядя на его сытое загорелое лицо, я усмехался, наслаждаясь тем, как умею лепить из грязи успешных и деятельных людей.

- Ну, вот. - Дима, наконец, разобрался с настройкой декодера. - Давайте смотреть.

Я встал с дивана, взял стул и подсел к монитору.

На экране забрезжила картинка. Пошли первые кадры. Костры, инквизиция, пытки.

- Ммм... - Дима непонимающе смотрел на монитор, пытаюсь подобрать слова. - Очень... интересно... Мертвые люди, пытки, хоррор.

- Не совсем. - Поправил я. - Это оболочка ужастика. Тут особый подтекст. Попрошу не путать.

- Да, подтекст. Хм... - Дима продолжал просматривать. - Кадр с повешенными собаками. Пробирает. Сжигаемая беременная женщина. Страшно. Знаешь, Феликс, что я хочу сказать. - Тут он откинулся в кресле и посмотрел мне в глаза. - Все очень хорошо, но не совсем в нашем формате.

- Как не в вашем формате???!!! - удивился я. - Это же модное творение! Ты сам сказал, что актуально! Шедевр же!

- Ммм... ммм... - Дима явно старался подбирать слова. - Да, конечно, не спорю. Но больно мрачно, Феликс Абрамович. Боюсь, что зрительская аудитория может не оценить. Тем более, что понадобятся возрастные ограничения.

- Какие возрастные ограничения?!!! - недоумевал я. - Тут что, рубят людей или члены двадцать пять сантиметров крупным планом показывают?! Киносян же свою «Африку» с куклами вуду ставил и ничего. А это творение намного круче.

- Ммм... - Склонился Дима над компьютером. Он прокручивал последние кадры, пристально всматриваясь в монитор. - Тут слишком много страшных моментов. Вот, Феликс Абрамович, эти мертвые собаки на деревьях. Как это объяснить?

- Это аллюзия на то, как Феликс Серебрянников очистит мир шоу-бизнеса от скверны. - Довольным голосом произнес я.

- Чего?! - Лицо Димы непроизвольно вытянулось.

- Ничего. - Ответил я. - Это тонкий метафорический намек, показывающий иллюзорность надежд пешек, желающих стать ферзями, а также их последующую судьбу.

- Ммм... А, да... - Мой собеседник непонимающе смотрел на монитор. - А вот кадр с беременной женщиной? В чем его смысл?

- И это тоже метафора. Аллюзия на то, что решение любой проблемы надо начинать не с последствий, а с того, что непосредственно породило ее.

Я объяснял Диме другие кадры, которые, на его взгляд, были не вполне понятны. Все это время программный директор кивал, хотя, по-моему, он тупо не врубался и просто ждал момента, когда я предложу ему деньги. Наконец, устав от ведения философских бесед с этой скользкой и тугомыслящей амебой, я не удержался и поставил вопрос прямо.

- Ладно, бог с вами. Сколько?

- Что, сколько? - состроил Дима дурачка..

- Да ладно, не придумывай. - Сказал я. - Сколько ты хочешь денег?

- Ммм... - Смутился Дима, но тут же сказал. - Шестьдесят штук.

- Шестьдесят штук?!!! - вспыхнул я. - И это за возрастные ограничения?!!! Больно дорого! За такие деньги клип можно снять! Короче, давай так, тридцать, плюс постоянная ротация. Пять из них - лично тебе.

Дима смотрел на меня раболепно.

- Давайте пятьдесят, Феликс Абрамович, плюс пять лично мне. За все - за возрастные ограничения, ротацию, плюс топовые позиции во всех главных хит-парадах канала.

- В «Русской двадцатке» и «Мировом хите»? - уточнил я.

- Да, именно так.

- Хорошо. - Сказал я. - Сорок.

- Сорок пять.
- Сорок одна.
- Сорок четыре, плюс специальный репортаж в нашем новостном блоке о новом творении Феликса Серебрянникова...
- Сорок две.
- Сорок три.
- Ладно, сорок три. - Подвел я черту. - Снять возрастные ограничения, крутить целый день, топовые позиции во всех хит-парадах не ниже пятого места.
- Так точно. - Кивнул Дима. - Хотя мне еще надо переговорить с Костей...
- Да.

Мне совершенно не хотелось общаться дальше с этим ничтожеством, с этим выродком, который за пакет долларов был готов продать и собственную мать. Пристав с кресла, я посмотрел на Диму как можно дружелюбнее, стараясь быть учтивым и скрыть свои истинные чувства. Получилось, если честно, немного криво.

- Ладно, - сказал я, протягивая ему руку, - мне нужно идти. Думаю, что наша сделка фактически завершена?

- Ну, мне надо еще поговорить с Костей! - Озабоченно привстал Дима. - Но, - перехватив мой взгляд, он затараторил: - конечно-конечно! Смотрите, что все на мази и ваш гениальный клип уже на всех экранах нашей страны!

- Кстати, - тут мои глаза сверкнули, - может пригласите меня на какую-нибудь вашу передачу? Что-нибудь типа интервью или на «лигу злобных зрителей». А то что-то я, - я поднес руку ко рту и откашлялся, - давно не бывал у вас на ТВ. Ты знаешь, я ведь могу еще заплатить...

Услышав мои слова, Дима прямо зажегся.

- О да, конечно, Феликс Абрамович!!! Вы приходите!!! Приходите обязательно! Ждем вас! Такой известный и талантливый артист, безусловно, для нас всегда желанный гость!

Кланяясь, программный директор открыл передо мной дверь и проводил аж до самого выхода. Проходя около рецепшена, я улыбнулся напоследок девушке-блондинке и послал ей воздушный поцелуй. Внутри меня все бурлило и кипело от радости. Я снял настоящий шедевр, который, вот-вот, покажут, а все мои недоброжелатели и конкуренты опять слили бой. Я предвкушал, как эти жалкие лузеры уже строятся передо мной в очередь и тянут ручки в полной готовности брать у меня в рот до глубины своей мерзкой глотки. Я чувствовал себя победителем – победителем битвы, а может, даже целой войны. Но это была лишь подготовка – главные свои козыри я собирался использовать позже.

Клип не поставили в ротацию так быстро, как мне хотелось. После моей сделки с Димой я каждый день подходил к телевизору и включал «МУЗ-1». Навороченная плазменная панель Philips показывала все что угодно: «Азарт», «Ночных бабочек», Эминема, Паффа Дэдди, Бритни Спирс, но только не мой клип. Сначала я все списывал на технические задержки, но потом, основательно разозлившись, набрал номер Димы и стал орать.

- Алло, Дима??!! Что происходит?! Где мой клип?! Я тебе деньги когда еще занес, а клипа в эфире все нет. Наебать меня хочешь?!

- Ф-Феликс Абрамович, - оправдывался Дима, - дело в том, что у нас тут возникли некоторые... ммм... расхождения с руководством. Они придерживаются иного мнения о вашем творении. Дирекция считает, что клип слишком жестокий и может вызвать негативный всплеск эмоций у публики. Ведь наш телеканал очень дорожит той миссией, которую мы осуществляем: мы несем в массы музыкальное просвещение и не можем пропагандировать жестокость и насилие...

- Какое к черту насилие?! - вспылил я. - Вы что, церковь имени Матери Терезы? Короче, сколько нужно вашему руководству для коррекции своих взглядов в правильном направлении?!

- Ну... я даже не знаю...ну...может...еще... тысяч пятьдесят - Нервно заюлил Дима.

- Пятьдесят штук?!!! Вы там все ебанулись, бля?!!!

Я был в шоке. Эти телевизионные «деятели» хотели обобрать меня до нитки. В итоге, поторговавшись, мы сошлись на тридцати. Тридцати тысячи долларов - свежих хрустящих бумажек с американскими

президентами – хватило представителям руководства «МУЗ-1» на сведения счетов с моралью, а заодно – оплату собственных расходов, расходов своих любовниц, детей-дебилов и прочей поглощающей нажитые капиталы лимиты. Хотя в душе я подозревал, что либо меня развели, либо, на самом деле, блокирование моего клипа было связано не с насилием в нем. Может это происки Леонова, а может – и самого Рыбина, неважно. Напротив имен обоих у меня уже давно стояли жирные галочки, а на памятник Полине я денег не жалел.

Куда больше меня волновали другие проблемы. Прежде всего, меня совершенно не радовал «Звездопад». Не проходило и дня, чтобы какой-нибудь сраный артист не начинал гнать волну или не заявлял о своем уходе. Скрипя зубами, я перезванивал всем лично, убеждал остаться, предлагал повышенные гонорары. С такой политикой, конечно, я рисковал оказаться в финансовой пропасти, но деньги интересовали меня меньше всего. Хоть инвестор и негодовал, моей единственной целью было создание шоу, способного покарать всех этих сосунков. Но чем дальше я продвигался, тем меньше мне верилось, что эту миссию можно будет осуществить законными методами. Мой список потенциальных покойников все пополнялся и пополнялся именами, я придумывал новые казни, а моих главных противников я, наверное, поклялся четвертовать уже раз пятьдесят.

Наконец, мой клип поставили в эфир. Его начали крутить в усиленной ротации по восемь, а то и по десять раз в день. Довольный этим, а также тем, что вся эта дурацкая история закончилась, я решил устроить себе небольшой отдых и поехать в какой-нибудь навороченный модный ресторан, чтобы хорошо покушать, выпить и вообще расслабиться. Для этой цели я выбрал «Мармелад». В уютной атмосфере

роскошных интерьеров я надеялся расслабиться и отвлечься от проблем за бокалом старого доброго «Dom Ruinart» урожая 93-го года.

Для выхода я даже одеться решил получше. Последнее время я перестал обращать внимание на свой внешний вид и обычно ходил либо в деловом костюме, либо вообще как полный охلامон. Перебрав в гардеробе кучу вещей, я в итоге остановился на модной водолазке «Disquared2», кожаной черной куртке «D&G», а также на стильных красных с синим кроссовках и джинсах от все тех же великих дизайнеров Доменико и Стефано.

Глядя на себя в зеркало, я просто сиял. Такой молодой и уверенный, модный, почти как лет десять назад. Лишь легкие морщинки на лбу выдавали мои реальные годы. А вообще – я выглядел просто великолепно. И даже без пластических операций. Я был готов к демонстрации себя любой светской тусовке. Никому из знакомых и коллег я решил не звонить: в «Мармеладе» всегда можно было кого-нибудь встретить.

Так и случилось, встретил...

Оказавшись в зале, я в первую очередь стал оглядывать окрестности на предмет наличия интересной публики.

Ничего особо нового я не увидел. За небольшим столиком у окна сидел Шолохов в компании с каким-то немолодым мужчиной в костюме Canali. Наверное, они обсуждали бизнес. Я слышал, что в последнее время Илья заинтересовался ресторанным бизнесом и хотел приобрести кое-какие активы.

– Ух ты!!! Смотрите!!! Да это же Феликс!!! – неожиданно из левого угла зала раздался насмешливый голос.

Тон произнесшего это мне явно не понравился. Я повернулся в сторону, откуда исходил голос и увидел

Бессонова, надменно восседавшего за большим столом. Он находился на положении царя в немаленькой компании, состоящей из «гламурного негодяя» Николая Вьюттона и второго рэпера, Кулера. Стол буквально ломился от еды и выпивки, с ними сидели какие-то телки, довольно, надо сказать, молодые и довольно привлекательные. Хотя обычно Андрей всегда выбирал в компанию омерзительных деревенских девок, что проявилось, кстати, и в его легендарной «Кузне». Да и сам Андрей красотой и породой не отличался. Хотя он, напившись, любил сравнивать себя с Жаном Рено – вечно тупое лицо (хотя, конечно, Жан Рено просто играл) на экране – это все, что сближало Андрюху и великого актера, классика французского кино.

– Ну, чего стоишь как рыба, Феликс? – Бессонов, похоже, был достаточно пьян, чтобы нести полную чушь и совсем не следить за базаром. – Присаживайся, выпей с нами, девки вон смотри на тебя пялятся. Расскажи нам про свой новый клип.

На этом месте Николь и Кулер льстиво захихикали. Телки тоже заржали, видимо по причине своей полной тупости. Тон и стиль такого общения мне не понравились.

– Андрюша, – я приблизился к его столу и посмотрел ему в глаза, – тебе, по-моему, за речью нужно начинать следить. Отчитываться перед тобой будет твоя «бригада». – И я презрительно кивнул в сторону Николая и прочих рнбишников-реперов.

Завидев мое недовольство, детки мигом сникли. Они тихонечко посмеивались между собой, не поднимая глаз, тем самым напоминая мне мерзких гиен, дико боящихся льва.

Однако сам Бессонов вовсе не желал терять авторитет. Продолжая так же надменно смотреть на меня, он не растерялся.

- Ой, Феликс, ты свой пыл умерь, а? Великий клипмейкер. - Хохотнул он. Его подпездыши опять заржали. - Ты же обещал всем у Кротова показать настоящий «шедевр». И где же он? Неужели это та самая жалкая пародия на «Ведьму из Блейр», которую ты сунул на экран за семьдесят кусков? И неужели это все, на что способен «великий Феликс». - Последние два слова он произнес с издевательской интонацией.

- Знаешь, Андрюш. - Я закипал как чайник. - Конечно, я понимаю, что высокая культура тебе чужда, и отличить Хичкока от песен типа «Ахи-Вздохи» ты в силу своей тупоголовости и бездарности абсолютно не в состоянии, но этот клип снимали в Англии профессионалы - такие мастера, которые тебе с твоими бригадами-хуядами совсем не снились.

Догадавшись, что это камешек в его огород, Николь предпочел уткнуться глазами в стол, изображая будто он необычайно интересуется содержимым своей тарелки с салатом из томатов черри и рукколы.

- Ты это, не гони... - Бессонов гневно посмотрел на меня. - Кому нужны твои англичане? Нашей публике нужны крутые и модные парни, как наш Вьюттон! Да, Колян?! - По-отечески он наклонился к последнему и обнял его за плечо. В ответ тот заерзал и подхихикнул. - Ты просто признай, что ты устарел и со своими идеями давно уже никому не нужен...

Видеть, как хихикают телки, я перенести не смог. Глаза налились кровью. Кулаки сжались сами по себе. Не прошло и секунды, как Бессонов уже хрипел, а я сжимал свою руку на его горле.

- ЧТО ТЫ СКАЗАЛ?!!! Повтори!!!

- Эй... полегче... - Продюсер, не мигая, смотрел на меня. - Ты че творишь? Я сказал тебе, что ты никому не нужный сраный старпер и твое место на помойке...

Этого было достаточно. Он не успел договорить. Не успев ничего сообразить, он получил мощнейший удар

кулака в лицо. Крякнув и захрипев, Бессонов шмякнулся прямо со стулом навзничь, а я налетел на него и начал пиздить.

Поднялась настоящая буря. Сидя на Бессонове, я наносил ему точные удары. Бессонов вскрикивал и пытался вырваться. Он сделал попытку оттолкнуть меня ногой, но я схватил его за голову и начал лупить его лицом прямо об пол. Малолетние кузнечики Бессонова вжались в диван от страха, девки окаменели. Публика не знала, что делать – все наблюдали за дракой двух титанов. В пылу драки я на мгновение заметил лицо Шолохова. На нем отражались одновременно негодование, удивление, и в то же время нескрываемый азарт. Довольный тем, что звездный телеведущий якобы болеет за меня, я пару раз лично ради него шмякнул Бессонова лицом в тарелки на столах. Ненависть придавала мне силы.

– Сука, тебе конец... – Шипел Бессонов. Его голова и шея налились краской, он выглядел как помидор, на губе и носу уже появились ранки и кровоподтеки.

– Еще хочешь, сука?!!! Еще???!!! – вопрошал я, методично макая его лицом в супницу. – Это тебе тварь за старпера, это тебе за «Звездопад», это тебе за твоих сраных пидорасов, урод, это тебе за все...

Наконец, прибежала охрана. Быки стали нас разнимать. Но даже накачанные охранники не могли остановить мою прыть, тем более, они откровенно боялись вмешаться. Им пришлось приложить немало усилий, прежде чем они скрутили нам руки. Андрей с жалким выражением лица пытался вытереть кровь с губы.

– Ну все... пиздец... пиздец тебе, Феля... – Только и мог повторять он. – Ты слишком много на себя взял, сука... Можешь копать себе могилу, тварь...

– Ха-ха-ха!!! – потешался я. – Мало тебе супницы? Андрюшка, не забывай, ты всего лишь жалкий кусок

говна, который я могу угондошить в секунду. Лучше встань на колени и поумоляй меня, чтобы все твои сраные кузнечики с ротации мигом не послетали, а то я и это могу. Ты просто еще не знаешь, шавка, на кого стал гавкать.

Униженный Бессонов выглядел на редкость жалко. Ради приличия я пару раз дернулся, желая засадить ему по печени, однако охрана держала нас крепко. Постепенно я стал приходить в себя. Вечер был испорчен. Сидеть в «Мармеладе» теперь мне точно не хотелось. Грубо толкнув охранника, я, было, повернулся, и уже начал уходить.

- Андрей, не переживайте вы. Мы это так не оставим. Мой папа разберется. - Вдруг вякнул Коленька, услужливо усаживая Бессонова на диван. Этого я не мог стерпеть, кинулся к столу и замахнулся на него, а он от ужаса забился в угол и чуть ли не заплакал. Охрана опять бросилась ко мне.

- Еще и ты, тварь, тут голос подаешь? - бесновался я не на шутку. - Тебе кто, сосунок, вообще слово дал? А ну съебал отсюда, на хуй! Подгузники иди меняй! Блядь, уберите руки! - закричал я охране, пытавшейся остановить меня.

Персонал боялся проронить хоть слово. Телки сидели с каменными лицами. Ничего, девочки, будет что рассказать подружкам в институте...

Тем временем, из подсобки на всех парах выскочил администратор ресторана. Похоже, ему рассказали о происшедшем. Завидев побитого Бессонова, он тут же бросился к нему и стал протягивать к его окровавленному носу мятый платок.

- Это просто кошмар!!! - кричал он, лебезя перед продюсером. - Но вы не волнуйтесь, Андрей, мы все уладим. Этого психа больше сюда никогда не пустят... - И тут он обернулся, почувствовав мой взгляд, и понял, что я все слышал. - Ой...

- Ах ты, шваль. - На этот вечер мне было предостаточно оскорблений от всяких недоебков. - Вы что тут все совсем без головы родились? Жить надоело? Ты меня психом назвал??? Да всего один звонок твоему хозяину Кириллу и вам всем здесь пиздец, ты понял? А ну, уберите руки! - заорал я на охрану. - Я сам ухожу!

Послав Андрею воздушный поцелуй, я двинулся к выходу. В последний раз, уже стоя у двери, я повернулся и взглянул на место побоища. Стол Бессонова превратился в настоящее месиво. Перевернутые супницы, разбитые тарелки... Глядя на перепачканную скатерть, казалось, что кто-то на нее основательно помочился. Собравшаяся вокруг Андрея тусовка кое-как помогала ему придти в себя, однако все продолжали смотреть в мою сторону.

- Приятного вам вечера, мои сладкие. - С улыбкой я отдал честь и отчалил. Выходя из здания, я обдумывал, где лучше провести остаток вечера.

Но не успел я отойти даже на пять шагов, дверь ресторана распахнулась, и ко мне выбежала какая-то официантка.

- Феликс Абрамович! - Чуть не плакала она от восторга. - Спасибо вам большое! Спасибо, что вы разделались с этим придурком! Какое счастье, что он теперь не будет к нам ходить! Видели бы вы, как он хамит персоналу, как он обращается с нами, пристаёт. Как будто мы не люди, а какие-то низшие твари, животные, мясо...

- Да, не за что. - Улыбнулся я, глядя на юную девочку. Для себя я отметил, что у нее были весьма симпатичные глазки, классная точеная фигурка и красивое личико. Чем-то она даже напоминала Полину, правда, грудь подкачала. Но ничего.

- Как тебя зовут? - спросил я.

- Наташа. - Сказала она и смутилась.

- Ну и чудно. - В голову закрадывались игривые мысли. - Что ж, Наташа, не хочешь ли ты мне составить компанию на сегодняшний вечер?

- Ой, Феликс Абрамович, - замялась она, - это было бы супер, правда, но я ведь работаю. Меня не отпустят...

Буквально пару секунд мне потребовалось на то, чтобы позвонить администратору и сказать, что я забуду его поганые слова и не буду «сдавать» его Кириллу, если он ради меня отпустит в этот вечер одну официантку. Лебезя и заискивая, он, разумеется, согласился. Вскоре с моей новой пассией мы садились в машину. Для себя я отметил, что без униформы Наташа намного сексуальнее и еще больше похожа на Полину. Мы поехали с ней в «Кофеманию», посидели, выпили кофе, поболтали за жизнь, а потом хорошенько развлеклись. С утра я проснулся в кровати в объятиях ее теплых ручек. Да, Наташа была хорошей девушкой, жаль - всего на одну ночь.

Я не люблю новости. Скорее даже, они меня раздражают. Тем не менее, непонятно почему, я каждый день смотрю итоговый выпуск новостей в 9 вечера? Может быть я хочу убедиться, что не только у меня одного все в жизни плохо?

Закинув ноги на журнальный стол, я сидел в кресле, жевал почти холодную пиццу, которую мне доставила компания «Pizza Hot». Нет, ну что за дебильное название «Пицца Горячая»? Ну если уж назвались так, привозите, блядь, на самом деле горячую пиццу, а не это сморщенное холодное нечто с каплями застывшего жира. Но жрать хотелось больше, чем обсуждать привезенную пиццу. Я пялился в телик. По «Всероссийскому» в новостях показывали жуткую аварию, в которую попала известная журналистка во время поездки по Каннам. «Феррари» ее ухажера – какого-то в рот невъебенного олигарха – понесло на повороте, водитель не справился с управлением, и машина влетела в столб на скорости 150 километров в час. Местная полиция и медики буквально выскребали несчастную девочку из машины. Журналисты французского телевидения, естественно, не задержались. Они-то и сняли все – кровь, боль, конвульсии, ожоги.

– Ха-ха! – ржал я, смотря на изувеченную журналистку, которую увозили на каталке в госпиталь. – Надо было ехать на метро... Нечего пить литрами «маргариту» в барах и раскатывать на огромных скоростях по тихим улочкам Франции...

Но только я хотел пойти на кухню и заварить себе чай, телефон резко зазвонил. От неожиданности я даже дернулся: я реально не представлял, кто это мог быть.

На дисплее определителя зелеными огоньками нарисовалось имя «Марина». Это звонила моя жена!!!

Ну, что еще нужно от меня этой гниде?!! Естественно, денег. Наверняка у нее кончились бабки, и она хотела выпросить у меня еще. Или, неужели, она все-таки подает на развод?!! Последняя мысль меня явно не радовала: опять придется звонить Палычу?!!

Странно... а вдруг... может быть, что-то серьезное?

Я решил не брать трубку. Пусть сама решает свои проблемы. Однако Марина не отставала. В свойственной ей мерзкой манере она настойчиво выносила мне мозг. После первого звонка последовал второй, не менее настойчивый, потом еще один, и еще. Телефон трезвонил невыносимо – я был готов отрезать себе уши, лишь бы не слышать этот проклятый звук. Наконец, не выдержав, я схватил телефон в руки, нажал на кнопку «Ответ» и со всей дури заорал прямо в динамик.

– ЧТО ТЕБЕ НАДО!!!!!!

– Феликс!! – Голос жены был очень грустным.

Я почувствовал облегчение. Точно не насчет развода, подумал я.

– Какого хуя ты звонишь?!!! – закричал я, предвкушая дальнейшее развитие диалога. – Соскучилась, блядь??!! Деньги закончились? Или тебя, тварь жирную, никто без меня не ебет?!!! Ну? Что ты молчишь? С чего бы это ты, вообще решила позвонить мне, дорогая?! Если тебе деньги нужны – сразу на хуй. Даже не проси.

Но, к моему удивлению, Марина никак не ответила на грубость. Я чувствовал, как ее голос дрожит на том конце трубки. Она рыдала.

– Феликс... – Всхлипнула она. – У нас горе... Ванечка... – Она всхлипнула... – Наш сын...

Как только речь зашла про Ванечку, все встало на свои места. Ну конечно, опять какая-нибудь мелочь, типа простуды. Марина вечно делала из мухи слона,

- СЕРЕБРЯННИКОВ!!! - орал я, ворвавшись в больницу. - В КАКОЙ ПАЛАТЕ СЕРБЯННИКОВ???

Немедленно отведите меня к сыну!!! Покажите мне Ваню!!! Быстрее!!!

- Феликс Абрамович. - Тряслась молоденькая медсестричка в приемной. - Н-не надо т-так нервничать... Вы успокойтесь, п-пожалуйста, с-сейчас придет доктор и в-все вам объяснит...

- НЕТ, УЖ! - бесновался я. - Я БУДУ НЕРВНИЧАТЬ! ЭТО МОЙ СЫН, А НЕ ВАШ!!! ГДЕ ОН?

В бессилии я прислонился к стене. Господи, господи, неужели?... мой единственный сын - наркоман. Я просто не мог в это поверить. Может это был хитрый трюк Марины - попытка привлечь мое внимание, вернуть в семью? Нет... вряд ли... Таким не шутят...

Надо было видеть ужас и страх на лицах медперсонала и пафосных родителей, которые пришли навестить своих непутевых чад. Хотя за спиной у меня был лишь преданный охранник, одного его вида вкупе с моим грозным взглядом хватило на то, чтобы создать эффект присутствия целой роты ОМОНа или танкового полка.

- Ф-Феликс Абрамович?! - С лестницы спустился лысоватый потненький врач с огромным носом и мерзковатой улыбкой. - П-пожалуйста, не надо н-нервничать... Я сейчас вас отведу к сыну. А вы, пожалуйста, будьте покорректнее, ведь это все-таки больница... Пациенты и посетители напуганы. Пойдемте со мной...

Я понимал, что эта сраная клиника больше думает о своей репутации, чем о судьбе моего сына и моих чувствах, и это меня бесило еще больше. Я знал, какие

деньги они срывали на пациентах типа Ванечки и прочих богатых недотепах. От злобы я со всей силы саданул кулаком по стене. Мерзотный докторишка, потея и лебезя, постарался увести меня наверх побыстрее, попутно кинув льстивый извиняющийся взгляд в сторону запуганной и онемевшей толпы.

Мы поднялись на второй этаж. По пути я узнал массу нового. Лучше бы врач не рассказывал мне этого.

Оказывается, уже год мой сын употреблял наркотики. Травка и кокаин давно не приносили ему нужного кайфа, и последним его увлечением стал героин. Ваня конкретно сидел на игле...

Героин?! Это же все - конец!!! Ну неужели ему было мало ощущений на свою жопу? Неужели я мало ему давал?!

Я слушал речи врача в пол-уха и только крепче сжимал зубы, словно голова плавилась от выступившего пота. Перед входом в палату врач попросил меня быть, так сказать «поспокойнее», ибо зрелище, которое предстояло мне увидеть, по его словам, будет «далеко не самым приятным».

Пальцы моего спутника медленно опустились на дверную ручку и я услышал омерзительный скрип. Из палаты повеяло запахом лекарств, раздался невнятный стон. Я содрогнулся, осторожно просунул голову в дверь и увидел ЕГО...

Мой сын, мой единственный сын, лежал на кровати весь бледный и дрожащий, опутанный тяжелыми ремнями, полностью сковавшими его. Кожаные путы надежно стягивали его руки, а он бился и мычал, трясясь словно в агонии. Крепкие замки сдерживали его руки, и я видел, какие раны он уже себе натер. Даже простыня и одеяло были в крови. Мощнейшие лекарства и транквилизаторы не помогали - я видел, как вены проступают у него на лице, кровь запеклась на

обкусанных губах, а глаза, казалось, выпрыгнут из орбит.

Мыча и барахтаясь, сын пытался освободиться от невероятных мук. Но все тщетно – сделать он ничего не мог.

– ПАПА!!! Папочка!!! – застонал он, когда увидел меня на пороге палаты. – Как я рад, что ты приехал! СКАЖИ ИМ, ЧТОБЫ ДАЛИ МНЕ ДОЗУ!!! ВСЕГО ОДИН РАЗ, Я ЖЕ УМРУ... ПАПА!!!

Он снова попытался освободиться от пут.

– Забери меня отсюда, умоляю... Забери скорей!!! Мне так плохо... ПАПА!!! – Наклонив голову вбок, он выблевал в стоящий рядом с кроватью таз потоки омерзительнейшей желто-зеленой слизи. – Аааа... как плохо... умоляюуюую... Забериии!!!!!!

– Пиздец... – Едва сумел вымолвить я. – Долетался...

Я не верил своим глазам. Злость и невероятная жалость боролись во мне. Пожалуй, впервые во мне просыпалась отеческая любовь – настоящая и искренняя. Как ни крути, хоть я и считал Ванечку сосунком и червяком, я всегда хотел лишь одного – чтобы он вырос сильным человеком, чтоб превзошел меня, жил счастливо. Я любил его, любил моего единственного сына...несмотря ни на что...

– Вы только не волнуйтесь, Феликс Абрамович! – доктор попытался увести меня из палаты. – Мы применяем самые новые, самые гуманные способы лечения! Наш метод абсолютно надежен и гарантирует 100 % выздоровление! Все наши специалисты проходили практику в лучших западных клиниках.

– ААААААА!!!!!!!! КАК МНЕ ПЛОХО!!!!!! – в этот момент заорал Ванечка. – Я БОЛЬШЕ НЕ МОГУ... ВКОЛИТЕ МНЕ ЧТО-НИБУДЬ!!! Я НЕ МОГУ ТААААААК... – Он весь сжался и дернулся ко мне, словно хотел прильнуть ко мне, прикоснуться к моему сердцу, однако тугие ремни

сдержали его запястья и откинули назад. - ПАПА... ПОМОГИ...

Слезы наворачивались мне на глаза. Я должен был ему помочь, должен был спасти его. Но как?!!! КАК?!!!

Я ведь не мог помочь даже самому себе... И тут я вспомнил про Полину!!! НЕЛЬЗЯ БЕЖАТЬ ОТ ПРОБЛЕМ! Да, нельзя, подумал я принял решение! Я должен был повести его по самому сложному пути, который бы дал искупление, но какой ценой!!!

Повернувшись к доктору и стараясь быть как можно жестче, я спокойно сказал:

- Все. Хватит. Я забираю сына.

- П-простите, Феликс Абрамович?! - осекся тот.

- Я забираю сына. Увожу его с собой. И не вздумайте мне мешать.

- Что значит, увожу?.. - Не понимал тот.

- Вы поняли мою последнюю фразу? - не обращая внимания на его реплики, спросил я.

- Д-да-да... п-понял... - Испуганно залепетал доктор, глядя на меня круглыми глазами.

- Вот и славно.

- Вадик! - заорал я охраннику, который все это время дежурил в коридоре. - Давай отвязывай его. Понесешь до машины на руках.

- Но-но, Феликс Абрамович... Он же может умереть без нужного ухода, без лекарств и процедур!!! - заколебался тот. - Вы понимаете, что это очень опасно???

- Молчать!!! - рявкнул я.

- Ф-Феликс Абрамович... - Доктор таки осмелился подать голос. - Я все-таки протестую...Вы потеряете сына, если увезете его из клиники...

- И ТЕБЯ ЭТО ТОЖЕ КАСАЕТСЯ!!! - заорал я.

Врач побледнел, но больше не посмел даже пикнуть. Стараясь не смотреть мне в глаза, он дал сигнал санитарам. Медики стали отвязывать Ванечку.

Почувствовав ослабление оков, сын стремительно дернулся и попытался вырваться. Но я был наготове – бдительный Вадик по моей команде тут же уверенно сдержал его натиск.

– Быстрее! – командовал я. – Забираем его! Все!

Я велел охраннику закинуть сына на плечо, и мы двинулись на выход. В последний раз взглянув на перекошенное лицо доктора, я вышел из палаты. Я не знал, почему я так поступаю, но что-то внутри подсказывало мне, что я все делаю правильно!

Мы быстро сбежали вниз и вынесли сына из больницы. Бьющийся в судорогах сын сопротивлялся, и доставил нам немало хлопот – даже больше, чем пытавшаяся остановить нас на выходе охрана. Вслед нам смотрели десятки изумленных глаз. Некоторые люди даже выбежали на улицу, но противостоять моим действиям никто не решился.

– Садись на заднее сидение. – Крикнул я Вадиду, когда мы затолкали туда сына. – Будешь держать его и следить за ним... Поехали быстро, пока они не опомнились...

– Уууууу!!!!!!!!!!!!!! – словно в ответ мне, завыл Ванечка.

– Феликс Абрамович, – судорожно спросил охранник, уже садясь в машину и обхватывая Ванечку крепкими руками. – Простите, только что теперь?

– Я знаю, что. А ты – держи его и готовься. Дорога предстоит неблизкая, но я щедро тебе заплачу.

– Феликс Абрамович, – сказал охранник, – я помогу вам в любом случае, и это не вопрос денег...

– Тогда в путь, – мне была очень приятна подобная преданность, – сейчас только заедем на заправку.

Вадик, держа Ванечку, покорно кивнул, а я вытащил из кармана брюк ключи зажигания и нажал на газ. Я даже не хотел представлять, какой скандал завтра будет в прессе, как отреагирует на мое решение

Марина, каковы будут последствия моего похищения ребенка из больницы – это в тот момент волновало меня меньше всего. Я думал, как спасти Ваню.

На трассе темнело, сумерки сгущались. В небе проплывали тяжелые облака. Гигантские дубы, стоявшие по обе стороны дороги, почему-то в мутном свете луны казались мне умирающими гигантами. Мы ехали по дороге, все дальше и дальше. Я глубже погружался в свои мысли и сильнее давил на газ.

– Феликс Абрамович... – Мямлил на заднем сидении охранник, будто чувствовал себя виноватым. – Вы точно уверены, что мы должны так поступить?

Я ничего не отвечал, лишь крепче вжимался ногой в педаль скорости. Сейчас, когда решение принято, уже ничего нельзя было изменить. Просто надо было делать, что должно.

Тем временем, действие транквилизаторов прошло. Ванечка снова пробудился. Как будто израненный зверь, он бился в агонии, нечленораздельно мычал, кусал себе запястья и пытался вырваться. Крепкие веревки, которыми мы стянули ему кисти, едва сдерживали моего сына. Вадику приходилось тратить немало усилий, чтобы хоть как-то успокоить его, –

АААА!!! – орал тот, пытаюсь укусить охранника за плечо. – Не трогай меня, горилла сраная! ПУСТИ!!! ПУСТИ!!!

Ненависть придавала ему сил. Пот стекал с лица, челюсти сводило. Он боролся за свою жизнь, пытался как-то сопротивляться. Эффект от лекарств сходил на нет, организм все отчаянней требовал новой дозы. Новой дозы героина. Пока мы ехали, я искусал губы в кровь, спина затекла и покрылась синяками – в порыве ярости и безысходности Ванечка успел не раз садануть меня сзади ногой. Вид охранника был не лучше – лицо Вадика покрылось царапинами и кровоподтеками от

ударов лба, на шее, кулаках и плечах отчетливо виднелись бурые пятна пены и узкие, краснеющие следы зубов сына.

- ПАПА!!! У МЕНЯ ЕСТЬ ТЕЛЕФОН!!! - Ванечка задохнулся и сплюнул кровью прямо на свои колени. - Дав-ввай позвоним, мне нужно уколоться, всего один раз, обещаю... РАЗВЕ ТЫ НЕ ВИДИШЬ, ЧТО Я УМРУ, ЕСЛИ НЕ ВМАЖУСЬ?!!! - уже орал он.

Слезы застилали мне глаза. Я понимал, что еще чуть-чуть и я сдамся, я привезу ему любые наркотики мира, лишь бы не видеть его страданий. Но нет! Этого не произойдет! Я снова и снова вспоминал Полину, ее слова, наши с ней разговоры! Я не имел права сдаваться.

Я поймал себя на мысли, что беззвучно повторяю про себя - «Он труп». «Он труп». Я имел в виду не сына, я думал про дилера, который посадил моего сына на иглу. Он труп, он труп!

- Феликс Абрамович, - опять неуверенно затянул Вадик. - Я, честно, говоря, сомневаюсь... Не знаю, смогу ли я...

- Успокойся и помни только об одном - мы должны спасти моего сына!

Следующие полчаса превратились в настоящий ад. Не помню, как мы доехали до нужного места и на пути перед нами замерцали огни аэропорта. Прямо перед нами стоял коммерческий лайнер - новехонький частный самолет. Можете себе представить, какие деньги я заплатил за его полет. Притормозив машину прямо напротив самолета, я кое-как вышел, и помог Вадиду вытащить Ванечку. К нам подбежал мой знакомый врач, которого я предварительно вызвал в аэропорт. Он достал из кармана какие-то шприцы с успокоительным, и резким движением ввел лошадиную дозу транквилизаторов прямо в шею сыну.

Навстречу нам уже бежали...

- Голиков! - Я аж вздрогнул, увидев подбегающего высокого худощавого человека в черном бадлоне под пиджаком. - Влад! - Мы обменялись крепким рукопожатием, и он пристально посмотрел на Ваню. - Пожалуйста, не задавай лишних вопросов! Это Вадик, - я показал на охранника, - тот мой доверенный человек, о котором я тебе говорил. Теперь вся ответственность на тебе - вы должны добраться до Берна! Там встретишься с Игорем, он отвезет вас в горы, в маленький домик моих хороших московских друзей. Я уже со всеми договорился, все продумал и предусмотрел. Деньги будут переведены утром... ВСЕ! ДАВАЙТЕ! - Огромным усилием воли я заставил себя мысленно попрощаться с сыном и поскорее пожать всем руки. - Жду от вас звонков и хороших новостей! И, пожалуйста, - я прямо взмолился, - осторожнее!

Отсчитав им на двоих сумму в десять тысяч долларов свежими бумажками - часть аванса и деньги на расходы, я повернулся и быстро зашагал к машине, стараясь не оглядываться. Измученное лицо Ванечки, взволнованный Вадик, взвонованный, исполнительный Голиков - эти образы по-прежнему стояли передо мной. Я понимал, что все будет непросто и надеялся, что Ванечка будет вести себя нормально, иначе им будет сложно пересечь границу. С другой стороны, я был уверен в Голикове и Вадике, тем более что там, в Швейцарии уже все было на мази. По приземлении их должны были встретить мои люди и отвезти в загородный коттедж. А там Ванечка окажется в полной безопасности, вдалеке от этого ужасного мира, ужасной Москвы, ужасного влияния слабых людей, а главное от героина.... И эта мысль утешала меня, пока мой «BMW» стремительно разворачивался и выезжал со стоянки.

Я мчался назад на бешеной скорости, словно Шумахер. Мчался один по ночному шоссе. Зловещая темнота скрывала дорогу. Даже огни фар не могли разогнать весь этот мрак. Я дрожал от страха, как осиновый лист.

«Ничего, все будет нормально», – успокаивал я себя. – «Там встретят, все устроят, устроят обязательно. Надо Костику позвонить. Деньги переведут, а дальше – уже мелочи. Если есть деньги – многие проблемы можно решить... А Ванечка – сильный, я знаю. Он выживет, да».

Резко вылетев из-за поворота, я успел заметить на дороге темное, медленно движущееся на меня пятно. При виде машины тень испуганно дернулась и завизжала, а я, перепугавшись не на шутку, ударил по тормозам, но не успел. От рывка руля в сторону громадный джип стремительно повело влево, машина соскочила на обочину, салон будто подорвался на mine, все затряслось. БББААА-АХХХХХХХХХ!!!!!!!!!! В глазах неожиданно потемнело и я потерял сознание.

Я очнулся от того, что кто-то тормозил меня за рукав рубашки.

– С вами все в порядке?!!! – спросил испуганный голос. – Боже, да вы в крови! С Вами все в порядке?

– Бля... – Я до сих пор находился в некой прострации. – Ничего не понимаю, что это было...

Только сейчас до меня стало что-то доходить. Я поднял голову и увидел какого-то сочувственно на меня смотрящего чувака. И тут я понял, что попал в аварию, а этот парень, видимо проезжал мимо, увидел меня и остановился. Я вытер рукой кровь, сочащуюся из раны на голове, вылез из машины и непонимающе всмотрелся в темноту. Господи, да что же случилось?!!!

И тут, когда я увидел осину, в которую я врезался, а потом посмотрел на дорогу и понял, что это был за таинственный сбитый мной объект, меня буквально снесло с катушек. Я стал дико ржать во весь голос.

- КРОВЬ!!! - кричал я этому сердобольному чуваку. - ЗАЦЕНИ!!! Весь капот в дерьме и мясе!!! Это же смешно!!! Весело!!! Ха-ха-ха, полный пиздец!!!

- Вы хорошо себя чувствуете?!!! - испуганно отпрянул собеседник.

- Ха-ха!! Да это же полная жесть!!! ХА-ХА-ХА!!! - Я просто не мог остановиться. - Я умираю со смеху, ха-ха-ха!!!!!!

Внутри была гнетущая пустота, тени деревьев сливались в единое черное покрывало. Незнакомец стоял в нескольких шагах от меня, непонимающе смотрел и дрожал. Ну конечно, как же он мог понять?! Изувеченное тело жалкой шавки, которую я сбил на повороте, лежало прямо посреди дороги и рожа этой бездомной собаки, некогда мерзко гавкающей и побирающейся, невероятно, до ужаса, напоминала мне лицо продюсера Фальковского!!!

Я спал. Снова спал. Будто провалился. Усталость трех дней проехала по мне катком. Меня бросало то в холод, то в жар. Раскинувшись на своей огромной кровати, я полностью терял связь с реальностью. Я погружался в собственный вымышленный мир.

Опять эти звуки, опять эти крики! Хватит! Хватит терзать меня! Спать по четыре часа в день – это и так слишком! Я не хочу такой жизни! Не хочу такой судьбы!

И вновь и вновь я вспоминаю тот давний разговор с Мариной.

– Мне надоели твои отмазки, Феликс. Придумай что-нибудь получше. Если ты не можешь нормально работать, я уйду от тебя. На полном серьезе.

Это был 1989 год – год, который выдался у меня откровенно неудачным. Перестройка шла бурными темпами, а я еще не успел урвать свой кусок славы.

Потом уже идет воспоминание из 1992-го года. Концертный зал «Октябрьский», грандиозный концерт. Я выступаю с Кристиной. Всемогущая Златокрылова вальяжно шагает по коридору впереди меня, я смотрю ей в спину.

Уверен, в тот момент она даже не подозревала о том, кто такой Феликс.

Я вспоминаю, как она выходит на сцену, как берет в руки микрофон, как начинает петь. С ее уст слетают первые слова легендарной песни.

«Мы все теряем и уходим, а жизнь так хочется прожить...»

Это – «Женское». Песня, которая стала символом для миллионов поклонников. Такое говно – полное ничтожество по сравнению с моим творчеством.

«Я знаю, что настанет завтра, развеет солнце души мрак. А я хорошая, я знаю – все будет так, как я сказала, ТАК...»

Песня продолжает звучать. Собравшиеся в зале люди кричат «Браво», охотно аплодируют великой певице. Все счастливы, довольны, идет быдло-парад.

И вдруг, и вдруг... Фанера отключается! Златокрылова лишь беспомощно стонет, хрипит, бегаёт глазами по сторонам! Она не может петь дальше, песня обрывается! Смех в зале, перепуганное лицо Филюшкина – я помню, что в суете администратор даже подвернул ногу. И я в углу – сижу, злорадно посмеиваюсь. То-то, суки, узнайте, кто такой Феликс.

Да, уже тогда я хотел, чтобы все они играли по моим правилам!

Уже тогда я хотел, чтобы этим скотам так просто не жилось!

Никчемные кривляющиеся артисты! Тусовка местных обезьян! Когда я пришел показать свои первые работы продюсеру Гудкову, он долго и нудно прослушивал мой диск. Потом он сказал, что песни, конечно, качественные, но они недостаточно... ммм... «эффектные, для того, чтобы завоевать симпатии людей». Тогда-то я и понял первый закон этого рынка – творить конъюнктуру, если ты хочешь быть звездой!

Потом было еще немало пакостей. Я помню, как в 1996-м перед выступлением Лотореевой подсыпал ей снотворное. Ей стало плохо, и концерт пришлось отменить. А еще, помнится, во время гастролей в Минске, прокрался под видом любопытного зрителя на кухню и когда повар отвернулся, с удовольствием наплевал в суп. Покушайте мою стряпню, ничтожества!

Но уже тогда я стал знаменит. Тогда, когда был всего лишь одной из марионеток в этой толпе – дрыгающимся на сцене уродцем!

И теперь, похоже, история шла по кругу. У меня появились и враги. А может своим врагом был я сам. Не знаю. Да и не волновали меня эти мелкие подробности. Я четко поставил себе задачу – взорвать на хуй весь этот сраный муравейник, стереть с лица земли эту колонию бесполезных существ!

Это будет как взрыв! Как удар молнии! Никто даже не поймет, что их поразило. А когда поймут, будет слишком поздно!

Я не могу уйти просто так! Я не могу отправиться в небытие, не выопнив миссию.

Чьи-то холодные руки тянутся ко мне. Это смерть! Прочь от меня, костлявая! Я еще не собираюсь к тебе! Решительно отталкиваю ее цепкие пальцы; она хватает за пиджак, я бью фантома ногой, визжу и отчаянно сопротивляюсь.

Хватка становится все сильнее. Мои силы на исходе.

И неожиданно, неожиданно... Все стихает... Ни ужаса, ни боли, ни страха. Больше ничего. Усталость снимает как рукой. Я вижу передо собой лишь замок. Белую, мощеную камнем, дорогу. Оттуда, вниз – как Белоснежка из прекрасной сказки – спускается ко мне Полина. Она все еще жива!!!

«Боже!» – Едва я успеваю подумать. – «Принцесса!!!».

– Феликс! – Протягивает она ко мне свои руки. – Феликс!!! – Прижимает она ладони к моему лицу. – Успокойся! – Она гладит меня, обнимает. – Все будет нормально, ведь ты еще жив! Я помогу тебе! Я покажу тебе твой истинный мир, твое настоящее творчество!

– Полина... – Я не могу понять, что происходит. – Полина! Ты даже не представляешь, как я счастлив!

Я обнимаю ее плечи. Я целую ее шею, глажу ее волосы, тереблю чудное ожерелье из ракушек-бус. Кошмар уже кончился, я был вместе с любимой – все

было, как прежде. Когда мы с ней гуляли, когда роман мой с ней казался мне чудом.

- Феликс. - Произносит она отчетливо. - Я очень тобой горжусь! Ты был прав! - Говорит она с улыбкой. - Ты действительно сильный и мужественный человек. Ты можешь совершать подвиги. Ты абсолютно правильно поступил с Ванечкой - так мог сделать лишь настоящий отец! А дальше... - Она пристально смотрит мне в глаза. - Ты должен совершить свой ФИНАЛ!

- ФИНАЛ?!!! - непонимающе смотрю я на нее. - Ты говоришь о том, о чем я думаю?

- Да. - Отвечает она. - Ты сам все знаешь, дорогой.

- Твой «Звездопад» воскреснет. - Говорит мне Полина. - Он теперь на новой стадии. Теперь...

Когда она произносит последнюю фразу, я вижу, что Полинино лицо начинает куда-то уплывать. Я не хочу терять мою красотку - я еще ей должен так много сказать. Я пытаюсь бежать за ней, однако догнать не могу. Но прежде чем она успевает скрыться, я успеваю задать ей вопрос.

- Но что конкретно я должен сделать?

- Ты знаешь сам...

Мой сон закончился. Я просыпаюсь в холодном поту. Сердце отчаянно бьется, а в комнате отчаянно звонит телефон. Это, конечно, проклятая Марина. Она волнуется за Ванечку. Я должен был ей все сказать!

- Алло!!! - схватил я трубку и заорал. - Твой сын в безопасном месте! Я сделал так, как должен был сделать - он жив и будет спасен! Теперь послушай меня внимательно!!! Если ты будешь еще задавать мне какие-то вопросы, ты никогда его не увидишь, поняла?!!! Не еби мне мозг и позволь заниматься своей работой!!!

В трубке раздался дикий мужской хохот. Я онемел от страха. Колени свело судорогой.

В ужасе, бросаю телефон в стену. Он разбивается на сотни мелких кусков.

Шоу-бизнес – сегодня тебе конец!

Дверь кабинета гендиректора «Всероссийского» глухо закрылась за моей спиной. Сидящий в кресле Рыбин прохладно улыбнулся и показал мне на кресло.

- Ну что, Феликс, здравствуй. - Сказал он. - Садись, рассказывай. Но учти, - он посмотрел на часы, - времени у меня не так уж много.

И вот, я уже осваиваю новую для себя роль - роль блудного сына. Со смирением на лице я рассказываю ему, как было бы здорово, если бы «Лучшие звезды» и «Звездопад» слились воедино. Ведь конкуренция никому не нужна, а вместе мы получим намного больше прибыли. Вместе мы сила, «могучая кучка», вместе мы знаем, как свернуть горы и как заставить народ нести нам свои денежки на блюдечке. К тому же у меня в запасе есть много хороших контрактов, связей, бонусов: я перечисляю их все. Я перечисляю своих спонсоров, артистов, партнеров; я рассказываю ему обо всех договоренностях; я открываю ему все креативные задумки и планы; я называю все суммы и фамилии людей, готовых влиться в проект. В ответ он спокойно кивает головой. Когда я умолкаю, мой собеседник скептически смотрит на меня и говорит:

- Все это, конечно, здорово, Феликс. Хммм... Знаю, что ты провел огромную и кропотливую работу, все продумал, но...

Я вопросительно поднимаю на него глаза.

- Но поезд уже ушел... - Заканчивает он фразу.

- НЕ ПОНЯЛ?!!! - вскакиваю я с кресла. - КАК?

- А вот так. - Отвечает он. - Я же предлагал тебе присоединиться раньше, помнишь? Ты послал меня куда подальше, ну вот, а теперь мы сделали все сами и без тебя. Ну, и зачем ты нам теперь нужен?

Я молчу и лишь пристально всматриваюсь в глаза Рыбина. Постепенно я начинаю понимать ситуацию, внутренне сам себя успокаиваю и сажусь. Все ясно, все понятно! Все предсказуемо и даже слишком. Данный отказ – это всего лишь сценарий развода. Рыбин хочет поставить меня на колени, заставить потеть и унижаться, а все ради одной простой цели – умерить мои амбиции в претензиях на долю от прибыли.

Именно поэтому последующие слова я произношу уже твердо.

– Пойми, – говорю я, – многого я не прошу. Суди сам: я предлагаю тебе стоящие вещи, которые принесут реальную прибыль. Не думаю, что у тебя каждый день лежат подписанные контракты с Вим Биль Даном и Филип Моррисом. В одной упряжке с вами от меня будет больше пользы, чем, если я останусь в стороне. И уж тем более – я сделал эффектную паузу... – если я продолжу с вами конкурировать...

– Да, а Семен и Стас? – ловко переводит Рыбин тему. – Ты же перессорился со всеми, с Леоновым, с Бессоновым. Не уверен, что ребята захотят работать с тобой в одной команде.

– Пойми, – сверкаю я глазами, – ты не первый день в бизнесе и прекрасно знаешь, что личные отношения никакого значения в делах не имеют. Как только Семен вспомнит, что у меня в руках по-прежнему есть «Фруктоза» – кстати, самая продаваемая артистка по версии 2006 года, он наверняка изменит свое мнение насчет меня очень и очень быстро.

– Ха. – Смеется Рыбин. – То есть, ты думаешь, что сами мы не сможем с ней договориться?

– Сможете. – Уверенно говорю я. – Только это потребует от вас куда больше геморроя. Контракт у нее со мной уже подписан, в случае неустойки она будет платить бешеные деньги. Интересно, – смотрю я с на него с ехидством, – как она поступит, когда будет

договариваться о гонораре? А контракт с «Даноном»? – продолжаю я. – Это же целых 900 тысяч долларов чистой прибыли...

Для вида Рыбин еще немного ломается. Он рассказывает мне какие-то байки про мои отношения с шоу-бизом. Говорит, как плохо я начал вести себя, потечески журит меня и всячески демонстрирует свою заботу обо мне. Сука, хватит нести чушь – я прекрасно знаю сам, с кем я срался и с кем ругался. Будто ты не понимаешь этих мерзких щенков: только помашешь деньгами, они снова выстроятся в очередь и встанут на колени.

Слава богу, разговор переходит в правильное русло.

– Ладно, Феликс. – Спрашивает он. – Сколько же ты хочешь?

– Ну, – скрещиваю я пальцы, – нас четверо. Значит, было бы честно поделить все поровну. Всем по 25 процентов. Это справедливо, особенно с учетом того, что я иду к вам с огромным багажом наработок, и мои расходы с каждым из вас по-отдельности несопоставимы.

– погоди, – говорит он, – а как же главный канал страны, продакшен, люди, а как же мое имя? Ты, Феликс, по сути приходишь в уже готовый проект, это слишком большая доля. Думаю, мы не договоримся.

– Хорошо. – Быстро отвечаю я. – Тогда пятнадцать процентов.

Рыбин в ахуе. Он не ожидал, что я даже не буду торговаться.

– Ты сказал пятнадцать процентов?

– Да, именно пятнадцать. Только есть одно условие. – Я поднимаю руку. – Очень важное.

– Какое же? – спрашивает он, я вижу как он волнуется, руки его теребят платиновую эмблему «Всероссийского» на еженедельнике.

- Я хочу взять на себя организацию презентации проекта, первого шоу и autoparty. Причем, зная вас, жлобов, - я криво улыбнулся, - я готов сделать это даже на собственные деньги... Все равно вы будете экономить и ничего путного сделать не сможете. А нам нужен размах...

Глаза директора лезут на лоб. Мало того, что я тупо отдал им колоссальные суммы прибыли, так еще ставлю нелепые условия - организовывать презентацию на собственные деньги, создаю сам себе безумную головную боль. Он бы с радостью отдал мне такую возможность даже бесплатно. Но ведь все нужно сделать красиво. Пусть считает меня свихнувшимся стариком.

- Видишь ли, - я объясняю ему свою мысль, - как-то не очень правильно, что вся слава по сути достанется вам, вы же типа учредители. Я ведь тоже, - посмеиваюсь, - очень хочу популярности. Так что позволь уж мне заняться презентацией «Звездопада». Я организую такую тусовку, какой еще никогда не видела Москва.

- А, собственно, почему бы и нет? - Рыбин до сих пор не может поверить своему счастью. - Без проблем, Феликс. Надо, конечно, посоветоваться с Леоновым и Фальковским, но они, я думаю, не будут против. Хотя все это выглядит немного странно. А что именно ты хотел бы сделать на презентации?

- Хех... - Делаю я интригующую паузу, дабы вызвать у собеседника больший интерес. - Главная моя фишка - это особая креативная площадка!

- Площадка? - непонимающе смотрит он на меня.

- Да. - Достаяю я из портфеля листок бумаги. - Посмотри, что я тут набросал.

Небрежным движением руки он придвигает мои наброски к себе поближе и начинает читать. Через

минуту он с недоумением поднимает глаза и обращается ко мне.

- Прости, Феликс? Зброшенное помещение металлургического комбината?

- Именно! - сияю я. - Это ж так модно, просто супер! Ты сам знаешь, как всех утобил этот обыденный ресторанно-клубный гламур. Тусовка давно хочет чего-то нового и интересного - им надоели привычные формы и шаблоны. Помнишь, Серега с Митей устраивали вечерину в старом паровозном депо, как после этого вся Москва гудела? Даже Кыпчак сказала, что это была мега-тусовка... А мы сделаем намного круче, просто высший класс! Прикинь, - увлеченно жестикулирую я руками, - огромная площадка литейного цеха станет танцполом! Запустим линию конвейера - по ней в зал будут выезжать напитки и еда! Обшарпанную заводскую стену обклеим фотографиями артистов - представь себе такой коллаж площадью 30 на 7 метров! А наши фотографии мы разместим на старой доске почета - типа продюсеры, главные ударники звездного труда, хе-хе... На входе поставим бригаду пионеров в галстуках, пусть отдадут честь всем прибывающим, оркестр играет торжественные марши прошлых лет. Передовики гуляют, вашу мать. И так далее, и далее, и далее... Как видишь, для творчества огромный простор!

- Хм. - Восторженно смотрит Рыбин. - По-моему, офигительно! Но ты уверен, что сможешь это организовать? Тут мороки не на один месяц. Кстати, а что с помещением?

- Да не вопрос. - Отмахиваюсь я. - Мои ребята из КУГИ с удовольствием его предоставят, причем за чисто символические деньги. Оно ведь все равно не используется сто лет. Я уже ездил и смотрел - просто супер.

- А что с безопасностью?

- Об этом тоже не волнуйся. У меня есть классные специалисты.

После того как я перечисляю прочие прелести, убеждать Рыбина долго не приходится. Да и еще бы, его уговаривать - это все равно, что просить человека принять в подарок миллион долларов. Директор «Всероссийского» одобрительно кивает головой. Наконец он говорит, что обсудит вопрос с другими партнерами, но сам он - только за! Я считаю это своей победой.

Ну вот и все. Встреча закончена. Изображая согласие и дружбу, мы теперь пожимаем друг другу руки как старые друзья. Я замечаю, что Рыбин даже смотреть на меня стал более тепло. Вот придурок! Все-таки провел я его, гадину. Про себя ликую: мудака, ну теперь-то ты точно за все ответишь! Улыбаюсь.

Пообещав в самое ближайшее время отправить по факсу все нужные юридические документы для слияния проектов, я встаю из-за стола и направляюсь к выходу.

Но прежде чем я успеваю откланяться и выйти за дверь, Рыбин неожиданно спрашивает:

- Феликс, - в его голосе странное волнение, - а ты ничего не слышал про Вову?

- Нет. - С демонстративным недоумением говорю я. - А что с ним? Что-то случилось?

- Ты разве не знаешь? - говорит он. - Вообще-то он исчез. Пропал где-то месяц назад. Телефон отключен, его нигде нет.

- Исчез? - удивленно спрашиваю я.

Рыбин смотрит на меня, испытующе. Неужели он что-то знает? Тем не менее, я отбрасываю страх и с уверенностью говорю:

- Хм. Даже не представляю, что могло случиться.

- Ммм... ну ладно... - С сомнением протягивает он.

Не желая выслушивать очередные ненужные вопросы, я быстро выхожу из кабинета и иду к лифту.

Когда металлические створки подъемника захлопываются, я прихожу в себя и стираю с лица пот. Фух, вроде бы получилось. Пора готовиться к запуску самого потрясающего в истории шоу-бизнеса презентационного шоу-проекта.

Все должно было получиться просто идеально! Зброшенный завод – это гениальная задумка. Восторг и ликование на фоне упадка и разрухи. Они сами не понимают, на что они идут! Это должно быть лучшее шоу в мире! Я хочу придать вечеринке потрясающий колорит!

Куча креативных задумок, кухня на пятьсот человек с поваром из «Воздушных замков», вина из лучших погребов. Каждый аспект будущей вечеринки я старательно описывал в блокноте.

Но главное – это, конечно, системы безопасности.

Системы безопасности, да-да-да. Столько известных артистов! На мне лежала огромная ответственность! Надо было превратить завод в непроницаемую капсулу, настоящий защищенный бункер. Ведь, не дай Бог, хоть один волосок упадет с головы этих несчастных звезд! Тут же испугаются, пересрут, будут истерить и ныть! Ха-ха-ха! Не волнуйтесь, Феликс позаботится, чтобы все вы, сраные звездные ублюдки, были в полной безопасности.

Звонок. Беру трубку.

– Да. – Говорю я. – Слушаю.

– Феликс Абрамович? – на том конце провода слышится голос Усена, брата того самого киргиза из Бишкека, которого я привлек, как главного специалиста по вопросам безопасности. – Вы простите, что я вмешиваюсь, но только что мне пришел ваш план, который послала факсом ваша секретарша. Если честно, хмм... как бы так сказать... я считаю, что он немного... мм... необоснован... Если быть откровенным, для него потребуются очень большие и совсем не нужные финансовые вложения. Извините за прямоту, но мне

кажется что такие меры безопасности – это перебор! Вы же, вроде, не ядерную войну собираетесь переждать...

– КАКАЯ ЯДЕРНАЯ ВОЙНА, НА ХУЙ?!!! – срываюсь я. – ВЫ ЧТО, НЕ ПОНИМАЕТЕ?!!! Ядерная война будет у вас в Киргизии, если хоть что-то сорвется и система безопасности даст сбой!!! Вы хоть представляете себе, КАКОЙ это проект?! Соберется весь московский бомонд, сотни лучших артистов, все телеканалы, VIP-персоны, банкиры и меценаты!!! Люди из правительства, в конце концов. Необходим высший уровень безопасности, просто высочайший! Именно поэтому я особое внимание уделяю тем самым звуконепроницаемым титановым дверям системы «NO WAY-NO OUT», которые закрываются и открываются по команде лишь с одного центрального пульта! Черт возьми, – я просто пылаю гневом, – да если на вечеринке что-то случится, кто за это отвечать будет?!!! ВЫ?!!! Я?!!!

– А, тогда, сорри, Феликс Абрамович, – сразу меняется тон. – Конечно, какие вопросы. Вы ведь заказчик, к тому же, ваше слово – закон. Кстати, хочу напомнить вам, что система глушения телефонных сигналов, про которую вы меня вчера спрашивали, уже заказана нами. Мы установим ее точно в срок, можете не волноваться...

– Да-да! – восклицаю я. – И обязательно проверьте изоляцию всех щелей и вентиляционных каналов. Кто знает, какие трещины в стенах завода появились за время его простоя. Не уверен, что там в каких-нибудь скрытых подвалах не живут какие-нибудь бомжи..

– Конечно. – Уверенно отвечает голос. – Мы еще вчера послали на объект инженеров и специалистов...

– Вот и славно. Ваш гонорар будет выплачен вовремя. – Кладу я трубку.

Поговорив с киргизом, я за пару минут раскладываю на компьютере пасьянс, а потом откидываюсь на стуле.

В душе ликование, я полон сил и готов перевернуть мир.

Все пока идет по плану. Что еще? Ах да, полчаса назад звонил Рыбин.

Комедия! Леонов и Фальковский согласились. Ебанный в рот, ну надо же! Да они бы и жопу вылизали, попроси он их об этом. Куда же им еще деться, все-таки Рыбин – всемогущий.

Захлопываю блокнот с пометками, поднимаю глаза и вижу Полину перед собой. Она сидит в кресле для гостей, закинув ногу на ногу. На ней шикарная юбка средней длины, коричневая кофточка, полупрозрачная серая шаль. Моя любимая смотрит на меня игриво и воодушевленно, будто она подслушивала мои мысли и теперь очень довольна.

– Черт! – испуганно, вскрикиваю я. – Почему ты не постучалась?! Я же занят, блин!

– Да брось, Феликс. – С улыбкой отвечает она. – Ты же знаешь, что я могу входить к тебе, когда угодно и без стука.

– Кстати, – интересуюсь я, – как тебе мои планы?

– Просто супер, сладкий. Уже скоро мы снова будем вместе...

– Поль, ну, кто же, так пугает-то? Не могла спокойно в дверь зайти... – бурчу я под нос.

– Ворчун, не заводись, ты не рад меня видеть? – Полина улыбается и смотрит мне прямо в глаза.

Только я успеваю открыть рот для ответа, в кабинет входит секретарша. Завидев меня, разговаривающего с Полиной, она застывает в изумлении. Молоденькая девочка с ужасом взирает на меня и на кресло напротив.

Я просто офигеваю от такого неприкрытого хамства.

– ЧЕРТ!!! – вскрикиваю я. – Тебя чё, стучаться не учили?!!! А ну вон отсюда!!! Не видишь, что ли, что я с

человеком разговариваю! – показываю я в сторону Полины. – Что тебе надо?!!!

– Феликс Абрамович. – Секретарша бледнеет и трясется. З-звонили только что из «Б-бабочки»... С-спрашива-ют про т-та-нцовщиц...

– Какие в жопу танцовщицы, почему я этим должен заниматься?! – отмахиваюсь я. – Принеси лучше чая. И не забудь про круасаны.

В смятении и панике секретарша выходит из кабинета.

– Так вот. – Продолжаю я разговаривать с Полиной. – Ты же знаешь, что я люблю тебя и всегда рад видеть, но ты почему-то не часто меня навещаешь. Я же скучаю... Как думаешь, с проектом все идет красиво? Нет-нет, ты скажи серьезно. – Смотрю я на нее.

– Главное, милый, это побольше экспрессии. – Улыбается она. – Устрой им настоящее шоу!

В дверь раздается стук. Секретарша вернулась с чаем и круасанами.

Но она несет одну чашку. Всего одну!!! ВСЕГО ОДНУ!!!

– ТЫ ЧТО, ЕБАНУЛАСЬ?!!! – В бешенстве я чуть ли не бросаюсь ее душить. – А ПОЛИНА, ЧТО, ЧАЙ ПИТЬ НЕ БУДЕТ?!!!!ИДИ И БЫСТРО ПРИНЕСИ ЕЙ ЧАШКУ, ИДИОТКА!!!

– К-какая Полинааа?!!! – визжит секретарша. Ее глаза вот-вот выскочат из орбит.

– ПОЛИНА, ПОЛИНА!!! – ору я. – ВОТ ПОЛИНА!!! – машу я руками в сторону Полиночки, которая все это время сидит в кресле и смотрит на происходящее с улыбкой. – ТЫ ЧЕ ОСЛЕПЛА, ДУРА!!! ДАВАЙ БЕГОМ!!! Неет... – я падаю в кресло и сжимаю рукой лоб, – это полный пиздец... аут... финиш...

У меня настоящий шок, я в гневе. Секретарша истошно кричит и выбегает из кабинета.

- НЕ ЗАБУДЬ МНЕ ТЕЛЕФОН ТОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОБИТЬ!!! - кричу я ей вслед. - Я тебе по аське адрес скинул!

В бессилии я откидываюсь на спинку кресла. Нет, это уже геймовер, как же они все заебали меня. Тупые уебки, никакого от них проку. Кучка даунов, которых постоянно надо учить. Полина подходит ко мне, кладет мне на лоб руку. Чувствуя ее нежную, почти невесомую ладонь, я немного успокаиваюсь, и вскоре мне уже значительно лучше.

- А что это за организацию ты просил ее пробить, Феликс? - спрашивает меня Полина.

- Что? - Поднимаю я голову. - Ах да, так, ничего... Мне просто нужен хороший химик...

Следующие три дня я практически безвылазно провел в компании Усена. С этим невысоким интеллигентным киргизом в очках мы обсуждали все тонкости организации безопасности на вечеринке. Тем временем, инженеры и рабочие его конторы залатали все дыры в стенах и в полу, поставили решетки в вентиляционных люках, залили цементом щелки – даже малейшие микроскопические трещины. Затем были установлены титановые двери, особо крепкие стальные каркасы в местах повышенной уязвимости. Они напичкали завод огромным количеством камер и жучков, которые, естественно, как я и хотел, посылали сигнал и управлялись с одного центрального пункта. Двести пятьдесят тысяч долларов потраченные на систему слежения и безопасности стоили этих денег. Когда работа была закончена, я мог с уверенностью сказать, что без моего ведома на заводе не могла проскочить даже мышь.

Разумеется, что услуги Усена влетели мне в копеечку. Если конкретно, я выложил ему почти пятьдесят штук баксов. Но я не жалел этих денег. Я должен был сделать именно так: иначе при моем плане поступить было просто нельзя.

Сложнее было объяснить все это партнерам. Когда Рыбин попросил меня показать смету для праздника, я долго отнекивался, но, в конце-концов, вынужден был уступить. Приходилось поддерживать имидж честного партнера. Просматривая финансовую сводку, Рыбин, мягко говоря, охуевал над столь жесткими требованиями к безопасности, но еще больше его смутил другой момент.

- Феликс? - спрашивал он меня, показывая пальцем то на одну, то на другую строчку. - А вот это зачем нам - «партия самурайских мечей, антикварных булав и кинжалов»? Я не понимаю? - Пристально смотрел он на меня.

- Все просто. - Старался я казаться как можно более уверенным. - У меня есть гениальный план декораций завода, которые мне специально проработали мои дизайнеры. Смотри! Одну стену мы сделаем в стиле средневековой Европы - повесим там рыцарские доспехи, булавы, мечи, щиты. Другую, наоборот, в азиатском стиле. Со всеми положенными фишками; третью - в африканском, и т. д. Вот, смотри, - изображая наивного творческого дурачка, я тыкал ему на следующие пункты ниже по списку, - вон тут написано, «там-тамы в «Путь к себе», 2000 у.е.». Это же так круто!!! - восторгался я. - Эkleктика сейчас в моде!!!!

Естественно, там-тамы мало успокаивали Рыбина, в душу к которому уже давно стали закрадываться мысли. Однако, ничего конкретного мне он предъявить не мог и списывал все на сумасбродства старичка - мол, Феликс, разочарованный провалом проекта, совсем тронулся головой и окончательно сбрендил на почве своей непризнанной гениальности. Возможно, он даже попытался бы мне помешать и откорректировать планы, если бы не ... Леонов!!!

Да, помощь с этой стороны пришла ко мне совершенно неожиданно! Сеня неожиданно для меня оказался большим любителем эпатажа. Ему в каком-то смысле было неприятно признавать мою правоту, но он поддержал мои идеи. Он согласился, что столь оригинальный формат вечеринки и оформления несомненно послужат дополнительным козырем в борьбе за сердца публики и журналистов. Я убедил его в том, что все это я делаю ради эпатажа, а эпатаж - это

дико круто. Главное, чтобы мне верили, а букашки и не должны были ничего понимать...

Однако, чем больше я крутился во всей этой тусовке, тем больше к горлу подкатывала тошнота. Я опять видел пресные рожи всех этих мерзких артистов по семь дней на неделе. Я слышал, как они шушукаются за моей спиной, как посмеиваются надо мной, как стараются подколоть, в ресторанах, на презентациях, концертах дают худшие места, распространяют про меня нелепые сплетни. Какие-то мрази шептались за моей спиной, будто я умолял Рыбина принять меня в проект чуть ли не на коленях, что как партнеру он мне дал просто копейки, что все мои обещания взорвать шоу-бизнесом оказались банальным пиздежом. Но, что бы ни говорили, ситуацию изменить было возможно лишь одним способом...

«Ничего». – Успокаивал я себя. – «Еще немного, и у вас наступит тотальный геймовер».

В тот день я сидел за столом в офисе и сверял последние пункты плана. Все было практически готово к запуску – к тому же, времени до запуска оставался практически месяц. Ресторан «Воздушные замки» обещал мне прекрасных поваров: я отлично помнил, как они меня, пьяного, в 2003 году наебали со счетом почти на 4500 рублей, и поэтому я выбрал именно их. Пусть исправляются, козлы. Я уже, было, полностью погрузился в составление банкетного меню, но тут раздался звонок.

– Феликс. – Это была жена. – Я подаю на развод.

– Да? – спросил я спокойным тоном.

– Именно так! – Ее голос был сухим и, при этом, на редкость нервным. – Я уже связалась с юристом. Надеюсь, ты готов к тому, что будет суд. И прежде всего, речь идет о Ванечке.

После того, как я рассказал ей, как поступил с сыном, Марина так и не смогла мне этого простить.

Когда я при ней позвонил ребятам в Швейцарию и дал поговорить с сыном, она чуть-чуть успокоилась, узнав, что у него все нормально и он пошел на поправку, однако, до сих пор была на пределе.

Наверное, она ждала, что я начну сейчас орать на нее, истерить, кричать и препираться. Но вместо этого я сделал очень мудрый шаг.

- Марина, - сказал я, - возможно, ты права. Мы просто живем с тобой в разных мирах, мы надоели друг другу. Наверное, ты права, нам уже давно пора было развестись. Я тебя не виню. Сын останется с тобой, это твое право. Но я хотел бы тебя кое о чем попросить напоследок.

Естественно, что я никогда бы не отдал этой жирной суке моего единственного Ванечку, однако план сработал на ура. Марина, изумленная моими словами, едва успела вымолвить «Что?».

- Знаешь, - помедлил я, - сейчас у меня были сложные времена, но жизнь постепенно налаживается. Давай повременим чуть-чуть с разводом. Видишь ли, сейчас эта презентация, запуск «Звездопада». Я очень не хотел бы сейчас бросать тень на свою репутацию, давать журналистам повод перемывать мне косточки. Пусть состоится церемония открытия проекта, мы с тобой красиво выйдем на сцену - супруг и супруга, все как положено. А потом я тебя спокойно отпущу. И даже не буду препятствовать тебе в претензиях на имущество...

Это был двойной удар! Сначала сын, потом деньги! Счастье казалось таким невероятным, что Марина буквально обомлела.

- Феликс. - Она и не надеялась, что расстаться со мной будет так просто. - Почему я должна верить тебе?

- Суди сама, - сказал я также спокойно, - ты ничего не теряешь, только приобретаешь. Подумай.

- А что за презентация? - В ее голосе по-прежнему звучали нотки недоверия.

- ООО!!! - воскликнул я. - Ты разве не слышала? Там будет весь бомонд, все звезды шоу-бизнеса. От тебя требуется лишь красиво подыграть мне минут десять в начале. Потом, если не хочешь присутствовать, можешь даже уйти. Ничего страшного...

- Я подумаю. - Едва сумела вымолвить Марина.

- Жду ответа. - Решительно сказал я и положил трубку.

Я был уверен, что такое выгодное предложение она не оставит без внимания. Когда мы закончили разговор, я представил, что она уже выбирает наряд для предстоящей церемонии. Что ж, так даже лучше. А пока, дабы не терять времени, я вызвал к себе своего юриста и попросил его составить красивое семейное завещание...

Подготовка к мероприятию проходила просто блестяще. Я находился на заводе и был так увлечен делом, что не заметил, как отворилась за моей спиной дверь. Когда я обернулся и сообразил что к чему, передо мной стоял невысокий худенький мужчина в сером, со спокойным, на редкость серьезным лицом.

- Эээээ? - только и смог произнести я, теряясь.

- Здравствуйте, Феликс Абрамович, - сухо сказал он. - У меня для вас письмо. Просили передать лично в руки.

- Стоп... - Опешил я, слегка попятившись. - Какое письмо?

- Ну письмо, обычное письмо, - он смотрел на меня немного исподлобья. - Просили передать ЛИЧНО ВАМ.

Я смотрел то на конверт, то на незваного гостя. Его отрешенный взгляд и какое-то холодное, спокойствие в глазах, пугали меня. Эта выдержка, сосредоточенность - стиль работника спецслужб. Господи, а это еще что такое?! Конверт - какой-то совсем белый, абсолютно гладкий, ровный, без надписей, штампов и т. д. Не похоже на обычное заказное письмо. В голову начинали закрадываться странные мысли. Неужели... Неужели кто-то прознал о моих планах?

Происки конкурентов? НЕТ!!!!

- Нет! - Я решительно шагнул в сторону, пытаюсь отстраниться. - Я не буду это читать! - Мой голос стал немного тверже. - Мне сейчас... Сейчас вправду не до того. Отнесите конверт моему администратору, пусть он сначала его прочитает.

- Феликс Абрамович, - к моему удивлению курьер продолжал настаивать. - Мне все-таки сказали, что

письмо необходимо передать только вам в руки. Лично ВАМ.

«Яд?!» – Пронеслось в моей голове. «Или, может, компромат?!!!» Точно, компромат, как-то уж слишком все подозрительно! Лицо гостя тоже сильно смущало меня. Какое удивительное, странное спокойствие, – и вправду что ли работник спецслужб?! Или сотрудник каких-то органов, или чей-то посыльный, заказной киллер, браток... Господи, бля, пульс почти пропал. Тяжело дыша, я чувствовал, что руки начинают дрожать...

– Ладно!!! – вдруг резко вскричал я. – Давайте сюда письмо, давайте! – Я подбежал к курьеру и выхватил послание прямо у него из рук. – Я все понял, все, я все понял!!! Я обязательно его прочту! Прочту чуть попозже, да!!!

К моему удивлению гость в ответ лишь озабоченно хмыкнул, посмотрел на меня и достал из кармана бланк.

– Хм... Вы только распишитесь, пожалуйста.

– В смысле? – Не понял я.

– Распишитесь за получение письма.

Раписываться?!!! Зачем?!!! Повестка?!!! Повестка на приглашение в суд?!!! Сердце заколотилось еще стремительнее. Быстро выхватив из кармана ручку, я одним движением начеркал подпись, чтобы скорее выпроводить курьера, и остаться с непонятным посланием в одиночку.

Когда гость ушел, я несколько секунд пялился на конверт и не знал что делать. Мозг работал плохо. Я совершенно не хотел подставляться. Я перебирал в уме, что может быть там, внутри. Я вспоминал увиденные по телевизору сюжеты про сибирскую язву – теракты с отравленным порошком, представлял, что внутри какой-нибудь документ или бланк с обвинениями и угрозами. Меня трясло и колотило, по телу ползли мурашки.

Однако любопытство брало верх. Я очень хотел узнать, что такое там, в этом конверте...

Хм, да что я и вправду как сосунок? Если в нем моя смерть, то приму ее достойно.

Страх боролся с любопытством: я не хотел подставлять себя, но содержимое конверта манило меня все сильнее. Наконец, я не выдержал. Аккуратно оторвав уголок сбоку, я заглянул внутрь и просунул потом в дырку пальцы. Я осторожно шарил внутри, словно боясь обжечься. И какое было мое удивление, когда я нащупал внутри какую-то глянцевую бумажку.

Что это? Фото? Значит, все-таки компромат?

Ухватив листок пальцами, я аккуратно вытянул его наружу. Движение как будто бы длилось целую вечность. И тут, когда я наконец извлек ровный, глянцевый листочек, я взглянул на него и просто чуть ума не лишился, когда увидел ЭТО...

ЭТО БЫЛО ФОТО...

ФОТОГРАФИЯ ВАНЕЧКИ!!!!!!!

Я смотрел на нее и не верил своим глазам. На фото мне улыбался сын – замученный, усталый, но молодой и счастливый. Он стоял на фоне гор, фотографировался прямо напротив подъемника, с новехонькой сноубордерской доской, другой рукой он обнимал какую-то девочку – по-моему, иностранку, местную, с забавным покрасневшимся личиком и в лыжной шапочке «Adidas». С тех пор, как я последний раз его видел, Ванечка выглядел значительно лучше – хотя его лицо еще сохраняло следы пережитых жутких мук. Но самое главное, он был жив!!! Жив и полностью здоров!!!

От счастья у меня подкосились ноги. Дрожащими руками я до конца разорвал конверт. В самой глубине лежала записка, аккуратно написанная на тетрадном листе.

«Папа, – писал мне Ванечка. – Мой милый папа... Знал бы ты, как я ненавижу тебя. Ты принес мне

столько мучений, мне было так плохо. Как я хотел убить тебя, когда меня привязывали к кровати, ты был самым ненавистным мне человеком. Но только ты, мой папа, Феликс, знал, что через эти страдания, кровь, я смогу пройти. Ты избавил меня от наркотиков и сделал меня настоящим человеком...»

«Знал бы ты, – писал он дальше. – Как мне было тяжело. Ты настоящий дьявол, ты – воплощение сатаны, но ты поступил со мной так, как может поступить лишь только настоящий мужик – настоящий отец со своим сыном. Ты сделал все правильно, папа, ты вылечил меня. Единственное, о чем я тебя прошу, чтобы ты меня простил. Если ты на меня до сих пор сердишься, я пойму – я знаю, что иначе быть не может. Если ты не хочешь меня видеть, я пока побуду тут – денег, спасибо, ты прислал мне очень много, слава Богу, мне всего хватает. Но если честно, мне просто очень хочется увидеть тебя. Увидеть тебя и просто посмотреть тебе в глаза. Теперь я знаю, что такое быть твоим сыном.

Прости меня, пап, прости еще раз. Я буду всегда носить твой образ в своем сердце. И девушка – видишь эту девушку рядом, ее зовут Катрин, она из Берна, мы познакомились две недели назад. У нее тоже были проблемы с героином, она участвовала в разных анонимных сообществах, общалась с людьми, у которых была та же проблема. Хотела слезть с наркоты и слезла. У нее очень потрясающая фантазия, богатый внутренний мир. Не знаю, пап, но почему-то мне кажется, что в ней я встретил того человека, который нужен мне по жизни. Она дарит мне счастье – просто своим присутствием, каждый день. Возможно, мы с ней поженимся – у нее хорошая семья, – я надеюсь, ты не против. И знаешь, папа, если у меня будет ребенок, я назову его только Феликс. Феликс – чтобы он мне напоминал мне о человеке, которого я больше всех в этом мире люблю...».

Дочитав письмо до конца, я несколько секунд не мог отдышаться. Голова кружилась так, что казалось, я упаду. Мне хотелось плакать.

Ванечка, МОЙ ВАНЕЧКА, какой же он молодец! Прошел все испытания и стал человеком. Хотя что-то хорошее я сделал в своей жизни, хоть какое-то дело, но завершил. Теперь он нормальный человек, заживет счастливой и деятельной жизнью. Надеюсь, он женится на этой девушке, и они будут счастливы – без клубов, без тусовки, без наркотиков, без всякого говна. Он понял, что такое любовь, а ведь любовь, я это понял тогда с Полиной, единственная ценность в этом мире...

Стало очень грустно. Захотелось просто сбежать. Слезы, давно мной сдерживаемые, хлынули ливнем по щекам. Я не мог сдержать их... Плакал и плакал. К черту мне это все? К черту мне эта месть? Почему я такой несчастный? Я вспоминал все, что я сделал и натворил. Черт, я не хочу больше писать этот последний хит, устраивать этот гребаный звездопад, мне просто хочется позвонить своему сыну, извиниться перед ним, исповедоваться и обрести покой.

– Феликс, ты не прав, – услышал я вдруг за спиной голос Полины. – Это же твой главный шедевр, твоя единственная в жизни цель. Не сдавайся – ты взял правильную ноту. Доделай то, что начал.

– ИДИ ТЫ!!!!!! – Я резко повернулся к ней и бросился на нее с кулаками. – Я не хочу всего этого, ПОНИМАЕШЬ?!!!! СУКА, СУКА!!! – Меня аж бросило в жар. – ПОНИМАЕШЬ, Я НЕНАВИЖУ ТЕБЯ!!! Я НЕНАВИЖУ ТОТ ГРЕБАНЫЙ ДЕНЬ, КОГДА Я ТЕБЯ ВСТРЕТИЛ!!! ТЫ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО МНЕ СЕЙЧАС ХОЧЕТСЯ ПРОСТО ЖИТЬ, ПОНИМАЕШЬ?

– Живи, – вдруг ехидно сказала Полина, переменившись в лице. – Я ж тебе давно говорила, что ты неудачник. Да и к тому же, – захохотала она, – как ты сможешь меня иметь, если ты ко мне не попадешь?!

- БЛЯ!!!! - И тут в моей голове все смешалось. - РАЗВЕ ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО Я НЕНАВИЖУ ВАС?!!! НЕНАВИЖУ ТЕБЯ, СЕБЯ, ЕГО, ИХ, ТУ СРАНУЮ ЖУРНАЛИСТКУ, КОТОРАЯ НАПИСАЛА ПРО НАС СТАТЬЮ, МОЮ ЖЕНУ, СПОНСОРОВ, ПАРТНЕРОВ, ПРОСТО ВСЕХ!!! Я УЖЕ САМ ЗАПУТАЛСЯ В ЭТОМ ВСЕМ?!!! НУ ПОЧЕМУ Я НЕ МОГУ ПРОСТО РАССЛАБИТЬСЯ!!! - почти завыл я. - И ПОЧЕМУ, - я пристально всмотрелся в нее, - И ПОЧЕМУ... ПОЧЕМУ Я ДАЖЕ ТЕБЯ СОВСЕМ НЕ ЗНАЮ?

- Потому что так надо Феликс, - уклончиво ответила она.

Слезы смешались с соплями во рту. Неистово рыдая, я поднял руку и так и застыл, не осмеливаясь дать своей любимой пощечину. В ответ Полина лишь улыбнулась и исчезла. Кто она такая?! Кто я?!!! Я не понимал. Блин... ладно, что за полная задница, что за бред творится в моей голове... Иного выхода у меня нет. Придется доводить до конца все начатое...

Через несколько минут странный порыв моего неожиданного раскаяния прошел, и я снова был одержим идеей отомстить всем вокруг...

В зале японского ресторана «Фудзияма» свет был приглушен. Именно сюда я решил перенести часть своей работы, устав от однообразной офисной обстановки. Поедая роллы «Филадельфия», мы с моим пиарщиком Костиком обсуждали, кого из прессы мы будем приглашать на церемонию «Звздопада», а кого нет.

- «М-московский в-вечер». - Лепечет пиарщик, неуверенно теребя в руках лист бумаги с названиями. После той истории с Полиной, когда я чуть его не выгнал, он стал значительно покладистее.

- Не-е. - Я презрительно морщусь. - Нам нужны только лучшие, а об этих я даже не слышал. В жопу, сразу отметай.

- Но, Феликс Абрамович, - попробовал возразить собеседник, - это очень хорошая газета, действительно! У них колоссальный тираж!!!

- Я же сказал, - его возражения меня откровенно бесит, - на хуй!!!

Костик теряетcя, мрачнеет и испуганно пялится в листок со списком изданий. Довольный собой, я гордо откидываюсь на спинку стула. Вечеринка «Звздопада» уже скоро, и я предвкушаю настоящий бенефис. Это будет просто сногшибательно...

- А вот «Комсомольские вести». - Заискивающе смотрит Костик. - Вроде наш масштаб, да?

- О, «Комсомольцы»? - Я оживляюсь. - Это же Аганян! Конечно-конечно! - Сверкаю я глазами. - Давай его к нам. Обязательно пригласи, дай лучшее место. Пусть всех пофоткает, посмотрит и напишет потом. - Про себя я добавляю: - «Если выживет».

- Х-хорошо, Феликс Абрамович...

- Так, а это что? - спрашиваю я, замечая в его списке зачеркнутое название. - «Музыкальные новости». Почему ты этот журнал отмел?

- Н-ну... - Неуверенно мямлит пиарщик... - Я подумал, что это не такое уж известное издание. Вы же сами только что сказали, нам нужны лучшие..

- Не!!! - поднимаю я руку и делаю решительный жест. - Там же эта, как там ее, Белоградова. Она тоже должна быть... У меня с ней старые счеты... Напиши ей личное приглашение...

- Но почему?! - в недоумении спрашивает пиарщик.

- Костик, блядь, - я начинаю злиться, - не задавай лишних вопросов...

Действительно, и чего он спрашивает?! Он же мой пиарщик? Значит, должен лучше меня помнить, что эта тварь написала про мой новый клип. Ладно, в другой раз я бы устроил ему сцену, но сейчас откровенно лень тратить нервы...

Мы шли по списку. Пиарщик зачитывал мне названия самых разных изданий - от федеральных и всероссийских, до местных, специализированных и городских. Сколько же разных газет и журналов хотели послать корреспондентов на вечеринку! На МОЮ ВЕЧЕРИНКУ! Еще бы. Я же пропиарил ее в четверг у Шолохова! При мысли о том, что в этом была отчасти и заслуга Рыбина, предоставившего мне эфир, я немного морщусь. К концу процедуры я откровенно зеваю, тем более, что роллы на моей деревянной дощечке уже закончились.

- Журнал «Слава», Костик? - Стебаюсь я над пиарщиком. - Может, еще и «Работницу» позовем? Костик, не тупи, а. У нас главная тусовка десятилетия, а не шоу «гламурный колхоз».

- А вот «Музыкальное шоу», Феликс Абрамович. - Костик вдруг поднимает глаза и смотрит на меня внимательно. - Это новый журнал. Говорят, очень

перспективный. Но не знаю, брать ли его? Он ведь совсем не раскрученный...

- Не раскрученный? - спрашиваю я. - Тогда на фиг. Неинтересно.

- Мне звонила сама главный редактор, обещала дать и обложку и четыре разворота и постеры, ну, полный набор. - Не унимается он.

- Да мне хоть редактор, хоть уборщица. На хуй они нам нужны с постерами? Кого мы на них выпустим? Рыбина, Леонова, меня? Да пока они раскрутятся, уже внуки наши будут читать их глянцевого говно.

- Жаль, Феликс Абрамович. Правда, перспективный журнал, молодежный. Ковалева расстроится... Эхх..

- Ковалева? Это кто? - интересуюсь я. Мне становится любопытно.

- Да вот, Феликс Абрамович. - Протягивает он мне список. - М-Маша Ковалева.... главный редактор журнала, я же вам говорил, что она сама звонила.

Неожиданно я чувствую, как меня начинает трясти. Кровь бросается в голову, глаза мутнеют, а шею скручивают судороги. Ковалева? Черт, это очень интересно, очень!! Несколько секунд я думаю, и в голове у меня рождается занимательный сценарий, который я смакую с огромным удовольствием.

- Феликс Абрамович, - испуганно смотрит на меня пиарщик, - значит, все-таки отказываем им?

- Не-не!!! - Я выхожу из транса. - Пригласи!!! Обязательно пригласи их! И знаешь что! - Тут мне в голову приходит грандиозное решение. - Позвони этой Ковалевой и скажи, что я готов дать ей эксклюзивное интервью. За час до начала шоу, я расскажу ей все секреты «Звездопада», все закулисные интриги.

- П-простите, Феликс Аб-брамович? - осекается пиарщик.

- Да-да. - Уверенно киваю я. - Ты не ослышался. Именно так. Эксклюзивное интервью. Позвони и

пригласи...

Лицо Костика становится похожим на морду осла, которого пустили в чужую конюшню. Глаза у него лезут на лоб. Еще бы – секунду назад я отвергал этот журнал как нераскрученный, а сейчас готов дать ему эксклюзивное интервью?

– Х-хорошо, Феликс Абрамович. – Наконец отходит он от потрясения. – К-конечно, как в-вы считаете нужным... Но все-таки, в его глазах по-прежнему читается непонимание, – вы можете мне объяснить?

– Объяснить что? – смотрю я на него пристально.

– Ну это... – Мямлит он. – Ваше решение...

В этот момент я совсем не думаю о своем пиарщике. Его лицо будто бы расплывается передо мной. Зову официантку и заказываю еще сашими с желтохвостиком. Нетерпеливо тереблю палочками, предвкушая еду. Ну, конечно, я помню это имя – Маша Ковалева, и еще как помню!! Это ведь та самая журналистка, что написала про Полину ту чертову провокационную статью, с которой и началась самая поганая полоса в моей жизни...

В этот теплый июньский вечер центр Москвы плавно переместился на окраину. Красные ковровые дорожки кровавыми струйками стекались к шикарно декорированному входу в самое модное место столицы. За железными ограждениями кишели зеваки и фанаты. Город готовился к празднику!

Внушительные секьюрити из лучшего в Москве охранного агентства «Ястреб» едва сдерживали натиск толпы. Поклонники выкрикивали имена своих кумиров, размахивали плакатами с их изображениями, российскими флагами, сверкающими палочками. Каждый раз, когда на специальной парковке останавливалась машина и из нее выходил очередной гость, собравшаяся публика взрывалась овациями. Чуть левее входа припарковалась «Газель» скорой помощи – пожилой врач склонился над девчушкой лет пятнадцати и давал ей нюхать нашатырь. Девочка мотала головой и тяжело дышала. Вскоре к машине подвели еще одну девочку в порванной куртке. Она постанывала, шатаясь, и постоянно сплевывала себе под ноги. «Везучие», – подумал я. – «Отделаются только нашатырем». В такой давке нужно быть готовым ко всему.

Гладковыбритый и красивый, одетый в дорогой костюм и пахнувший лучшим парфюмом, я наслаждался своей ролью хозяина и с удовольствием встречал приглашенных.

– Привет, – улыбался я очередному артисту. – Сколько лет, сколько зим, Славик? Вау, Игорь, старичок, это ты? Привет, красавец, ну ты как? Ирочка, ты прекрасна, платье конечно же Кавалли? Ну, ты даешь, брат, выкупил «Ролс-Ройс» у того коллекционера, наконец... Круть, просто круть... Проходи...

Звезды, разомлевшие в предвкушении банкета, добродушно кивали и охотно реагировали на комплименты. Они находились в самом лучшем расположении духа, рассчитывая, что этот вечер не пропадет для них зря. Представьте себе, я был тоже! На это рассчитывал!

Из лимузина показалась семья Гудковых. Дмитрий, его сестра, мать и отец. Все они были одеты в белое – просто идеально для моей вечеринки!

– Здравствуй, Егор. – Пожал я руку Гудкову-старшему. – Дамы! – Улыбнулся я женщинам. – Вы очаровательны! Диимааа!!! – Дружески похлопал я его по плечу. – Ну, ты как?

– Спасибо, Феликс. – Радостно откликнулся он. – Все просто супер. Через неделю выпускаю альбом мировой классики в своем исполнении. Два года писал...

– Классика? – Я сделал удивленное лицо. – Какой молодец! Ну, надеюсь, альбом побьет все рекорды продаж.

Давай проходи... столик вам покажут... (Хуй тебе, а не альбом, посмертно придется выпускать, продажи будут больше).

Любезно раскланявшись, Гудковы удалились. Следом за ними из удлиненного «Кадиллака» показались стройные ножки Инги Симояновой. Инга явилась публике в роскошном голубом платье, с изящной серебряной цепочкой вместо пояса, в компании какого-то неизвестного мне ухажера. При появлении знаменитой певицы толпу чуть не разорвало от восторга, а ее спутник, видимо не привыкший к такому количеству внимания, даже несколько смутился.

– Инга! – с иронией я поприветствовал ее. – Ты просто чудесно выглядишь! – Мы обменялись приветственными поцелуями. «Вот ведь сука, – подумал я. – Даже вида не подает, что еще совсем недавно кинула меня, как мальчишку». – А кто этот импозантный

мужчина с тобой, Ингочка? – Я ласково прищурил глаз. Высокий голубоглазый брюнет в костюме от Hugo почтительно заулыбался.

– Ой, а вы не знакомы? – Инга прямо задохнулась от восторга. – Это же Георгий, самая большая любовь моей жизни. Мы решили пожениться. Свадьба через месяц. Ты приглашен! – Она шутливо ткнула мне в плечо наманикюренным пальчиком и засмеялась.

«Конечно, дорогие, – ухмыльнулся про себя я. – Отмечать будем вместе, с чертями в качестве свидетелей, и дьяволом в роли тамады».

Отправив голубков побыстрее, я достал из кармана сигару и закурил. Вечер определенно обещал удасться...

Но не успел я посмаковать как следует вкус кубинского табака, как на стоянке около завода показался лимузин Бессонова. Вслед за Андреем из машины вылезли Кулер, Николь, Валентина, еще пару «кузнечиков» из «Томных сновидений». Как всегда, у малолеток не нашлось денег на собственный транспорт и они залезли в автомобиль «папочки».

Трудно описать восторг, охвативший толпу. Соплячки лет 14-ти орали, словно ужаленные, бросались с транспарантами «Николь» и «Томные сновидения» на милицейские кордоны, таранили их своими неокрепшими грудями – прямо Матросовы, блядь. Бессонов и компания, наслаждаясь собственной популярностью, с пафосным видом прошеествовали вперед.

Но, не тут-то было...

– Привет, ребята. – Остановил я их у входа.

– Привет. – Бессонов старался держаться как можно более высокомерно.

– Надеюсь, ваши приглашения с собой? Нужно понять, на каких местах вы сидите.

- Приглашения? - лицо Бессонова вытянулось. - Не слышал ничего о приглашениях.

- Ну, да, вход в VIP-зону только по приглашениям. - Принял я озабоченный вид. - погоди, Андрей, так если у тебя не было приглашения, как же ты узнал о вечеринке?

- Ну как, как... - Он замялся, но вел себя похамски. - Ну мне присылали ваши гребаные бумажки, мне что, теперь всю макулатуру с собой таскать? Потом мне твой администратор звонил и приглашал лично. Феликс, ты сам прекрасно знаешь, что я приглашен. Зачем тебе надо играть в фейс-контроллера и устраивать весь этот цирк?

Я отвел на секунду взгляд и посмотрел в сторону толпы. Соплячки до сих пор орал. Нет-нет, ребята, у вас сегодня ничего не получится.

- Ах, Андрюш. - Кашлянул я. - Ты же взрослый человек, чему ты молодежь свою учишь? Чем ты лучше Златокрыловой, например, или Вайтмана? То есть они, как нормальные люди, не забыли принести наши «гребаные бумажки», взяли «макулатуру» с собой, а ты не взял? Странно. - Я сделал вид, что расстроился. - Даже не ожидал от тебя. Да ты не волнуйся, - продолжил я. - Можешь через обычный вход пройти. - Показал я в сторону обычного входа для всех. - Ничего с тобой не станется, ты же понимаешь.

- Феликс!!! - вспыхнул он. - Хорош ломать комедию! Мне что, Леонову звонить? Или сампустишь?

- О да! - нарочито щелкнул языком я. - Позвони! Нет, серьезно, позвони. Уверен, что он с радостью тебя встретит. Бросит банкиров, Рыбина, совет директоров, побежит встречать тебя, искать твое приглашение. Позвони. - Я придвинулся ближе и услужливо достал телефон, протягивая его Андрею.

- Пошел ты! - прошипел тот, отталкивая трубку. Его губы сжались от негодования. Кулер и остальная

шалага, чувствуя превосходство силы, ссыкливо поджали хвосты и попятились.

- Андрюша, - кашлянул я. - Это некультурно. Мне что, охрану позвать?

На этом месте я махнул рукой громиле рядом. По первому же сигналу гигантский амбал беспрекословно двинулся в нашу сторону. При виде его Бессонов аж поежился.

- Блин, Феликс, - залепетал он, - я прямо с тебя поражаюсь. И что теперь? Нам долго тут стоять?

- Не знаю, Андрей. Ты извини, но сам знаешь, что здесь сегодня не проходной двор, есть установленные правила, нарушать которые не имеет права никто. Ну, а мне надо отлучиться, - я сделал жест, показывая, что хочу в туалет. - Приду, будем разбираться. А пока - отойдите в сторону, не мешайте проходу. Привет, Нина, - подмигнул я Лотореевой, приближающейся ко входу в паре с перекаченным силиконом дизайнером Волковым. Она помахала мне пригласительными и пошла дальше, а я уже, отходя, еле сдерживал хохот. Как удачно она мне подыграла...

Сходя в туалет, я успел вдоволь позлорадствовать, от души посмеявшись над неудачником-Бессоновым. Действительно, нечего тут понты разводить - это тебе не твоя «кузня». Остальные тоже, впрочем, могут не волноваться - они не останутся без внимания. Вернувшись на вход, я встретил «Мотыльков» и пропустил их, назвав номер столика Леонова. Следом приехала «Фруктоза». Выслушав ее рассказы по поводу проблем с дирекцией радио «Юность», я похмыкал ей в такт и тоже провел внутрь.

«Сердцееды» произвели фурор. Кудрявый шел вперед и фанатки не сдерживали эмоций, визг стоял пороссячий. «Господи» - подумал я, когда Игорь Курпатов протянул мне руку. - «Как же мало сегодня нужно молодежи. Обтягивающие джинсы, эфиры на

ГТРФ в течение трех месяцев, глупые мотивы, простейшие слова типа «бла-бла-бла, я люблю тебя», пара клипов за двадцать тысяч долларов, и вот они перед вами – герои нового поколения»....

Впрочем, долго думать об этих «героях» русской попсы мне не пришлось, ибо в окрестностях завода появился кортеж Митрофеева. Жаль, что наши депутаты не умеют приезжать скромно... Количество охранников превысило все разумные пределы. Казалось, что футбольная команда, одетая во все и черное, рассредоточилась вдоль ковровой дорожки, пропуская сквозь себя брэнное тело Алексея Ивановича.

– Феликс Абрамович, привет, дорогой. – Поприветствовал меня Митрофеев. – Столик, я надеюсь, подальше от всех?

– Алексей Иванович, вам всегда все самое лучшее. Чтобы было видно «падение империи», – засмеялся я.

Он тоже улыбнулся.

– Побольше бы таких людей, Феликс, как ты, и мы бы снова гордились нашей сильной великой державой.

– Мы все равно победим. – Улыбнулся я, провожая его взглядом. «Черт, ну мне его жалко, может не пускать? Нет, – я на секунду задумался, – против судьбы не пойдешь...». Почему-то сразу вспомнился Ванечка, нахлынула меланхолия и стало грустно.

Ладно, в минуту решающей схватки нельзя было позволять жалости или совести брать над собой верх. Я должен был сосредоточиться на своей цели. Появление на ковровой дорожке Доброхотова лишь укрепило меня в этом решении. Сухо поздоровавшись с Олегом, я пропустил его внутрь. Следом прошествовал Кожевников, чуть ли не под руку ведя своего нового протезе – Юнгу. Насмешливо ухмыльнувшись им вслед, я уже встречал Рому Волкова и «Стрелков».

Звезды посыпались прямо дождем. Моржов привез всех своих подопечных. Следом за ним приехал

Веларди. Общаться ни с кем из них мне особо не хотелось, от криков фанаток и гама толпы уже болела голова.

Черт, поскорее бы уже все закончилось. «Серебряная сказка», «Манга», Коля Иванов, Вика Бедарева с мужем, как там этот – Цапалин, Садиров, «Прага», «Боржоми», «Экстаз».

Кутин приехал на «Тойоте», Капралов – на такси. Говорят, разъебал свою тачку в жуткой аварии, мчась по центру Москвы в совершенно диком опьянении. Малинов приехал с любовницей и ее сестрой. Вальяжно прошествовав ко мне, он охотно пожал руку, после чего мы вместе позировали для камер.

– Шедеврально, Феликс! – Старик улыбался, изображая невероятную радость. – Я рад, что ты не снижаешь обороты в шоу-бизнесе. Я знаю по себе, что годы берут свое, но у тебя, как я вижу, амбиций не убавляется?

– А то, – смеялся я. – Ты еще не знаешь, что там внутри начнется, это будет просто писк!

Да, это будет писк, просто супер. Сейчас вы, мои дорогие артисты, такие уверенные, красивые, успешные, наслаждаетесь этим жизнью, но даже вообразить не можете, что с вами случится уже через каких-то два-три часа...

Пора было начинать, однако гости все прибывали и прибывали. Мне нужно было еще сделать некоторые приготовления перед церемонией, поэтому хотелось исчезнуть отсюда побыстрее. Вскоре такая возможность мне предоставилась.

– Простите, Феликс Абрамович, – вдруг подошла ко мне невысокая девочка в джинсах и светлой кофточке. – Вы помните, меня, я вам вчера звонила? Маша Ковалева, очень приятно, – и она по-американски протянула мне руку.

Когда я сообразил, кто передо мной, меня просто током ударило.

- Ах, значит это вы, Маша Ковалева, - протянул я, всматриваясь в ее лицо. - Очень рад нашему знакомству. Конечно, сейчас я вам все покажу. Женя, - крикнул я главному охраннику на входе, - все, театр закрывается! Мне надо идти, оставшихся гостей примешь ты. Не забудь проверить у всех приглашения, - я протянул ему внушительный список, - назвать им все столики, а некоторых, выделенным красным цветом - любезно проводить. Чтобы все было на уровне, ты понял?

- Разумеется, Феликс Абрамович, - исполнительно кивнул тот и тут же бросился ко входу.

Приезда Лихачева я уже не видел. Не дожидаясь, пока меня опять облепят звезды и журналисты, я взял Машу Ковалеву под руку и вместе с ней направился внутрь. Проходя окольными путями через нарядно украшенные коридоры и открывая кодовые замки на бронированных дверях, я понимал, что некоторые звезды могут расценить мой поступок как не самый вежливый. Но разве сейчас это имело для меня значение?

Ну вот. Аквариум для хищных рыбок готов и скоро его вода обогрится кровью. До триумфа остались считанные мгновения, и я нахожусь в отличном расположении духа. Пираньи уже внутри. Но, прежде, у меня есть еще одно незаконченное дело...

Стук женских спинок по галерее третьего этажа. Скрип пуленепробиваемой двери. Я нажимаю кнопку «OPEN» на кодовом замке и пропускаю вперед журналистку.

- Идемте, - я захожу вслед за ней, - сейчас я покажу вам нечто сенсационное. Вы получите лучший материал за всю вашу жизнь. Это будет настоящий шедевр.

Да, все правильно, передо мной она - та самая Маша Ковалева. Ее милое личико слегка напряжено и смущено, чем-то она даже напоминает мне Полину. Ее пугает моя обходительность - конечно, ведь она помнит, что обо мне писала. И теперь небось гадает - помню ли я? А самое главное - ей непонятно, почему я с ней так любезен.

- Садитесь, пожалуйста. - Я подвожу ее к монитору и показываю на стул. - Это особый пульт охраны, отсюда можно наблюдать все...

Маша, по-прежнему, немного смущена, однако благожелательно улыбается, садится напротив монитора и достает блокнот.

Между тем, мы в рубке. Крохотная комнатка на третьем этаже - замкнутая и изолированная со всех сторон. Повсюду куча проводов, датчиков, пульта, на панели - жидкокристаллический экран. К нему подсоединены камеры, которые будут снимать все, что будет через некоторое время твориться на заводе.

- Ну что ж... - Начинаю я. - Приступим к интервью. Но прежде, - я не даю журналистке опомниться, - еще раз хочу акцентировать ваше внимание на том, что это будет самый необычный ваш материал!

Для эффекта прищелкнув пальцами, я откидываюсь на спинку и смотрю журналистке в лицо. Маша слегка покашливает. Я вижу в ее глазах некоторую усмешку. Тоже мне, циничная журналистка... Ничего, сейчас ты сама все узнаешь.

- Нет, Маша, - улыбаюсь я, ловя ее иронию, - вы явно меня недооцениваете. Знаете, а вы мне интересны. Да-да, и вы знаете, почему. Из-за той самой публикации, - смотрю я на нее. - Из-за нее я вас и пригласил.

На лице журналистки недоумение. Она слегка нервничает, но, тем не менее, не теряется.

- Да-да, - продолжаю я свою мысль, - из-за той самой публикации, где вы написали глупость про меня и Полину. Но дело даже не в том, что вы написали искаженную информацию...

- Простите, Феликс Абрамович. - Перебивает меня собеседница. - Я не давала искаженную информацию. У меня были факты из разных источников, и я не могу себя ни в чем упрекнуть. Конечно, - невольно меняется ее взгляд, а в лице появляется что-то нагловатое, - источники могут иногда подвести, но ведь вы тоже могли как-то все это прокомментировать, дать какой-то ответ...

«ОТВЕТ?!» - Проносится у меня в голове. - «ТЫ СЕЙЧАС ПОЛУЧИШЬ ОТВЕТ, СУЧКА!» Но я молчу. Я делаю доброжелательную мину и пытаюсь быть с ней предельно вежливым.

- Вот именно. - Киваю головой я. - Я дам вам ответ, и сейчас вы все поймете. Цель моего интервью вам очень проста. Я хочу, чтоб вы поняли, что я далеко не ординарный артист, как вы, вероятно, подумали...

Молчание. Журналистка скрипит ручкой в блокноте, ее пальчик нервно включает кнопку диктофона. Я выставляю руку вперед, показывая, что еще не время записывать мои слова и продолжаю. Фух, как тут душно. Расстегнув верхнюю пуговицу рубашки, я чувствую себя значительно комфортнее.

- Вы знаете, - говорю я, - многие недооценивают нас, звезд. Вы думаете, что мы такие же, как на сцене. Вам кажется, что внутри мы такие же - как наш публичный имидж. Однако, ведь никто не знает, что человек копит внутри. Помните, как в известном старом рассказе про грустного клоуна, который должен всех веселить, - у каждого из нас есть вторая, особая половинка.

Последние слова я произношу нарочито спокойным тоном. Журналистка поднимает голову и смотрит на меня.

- А сейчас, простите, - говорю я, - мне надо на секунду выйти. Сейчас будет та самая обещанная сенсация.

И прежде чем журналистка успевает хоть что-то сообразить, я быстрым шагом выхожу из комнаты. Через секунду огромная титановая дверь в рубку закрывается с адским грохотом. Пока я спускаюсь вниз, я словно ощущаю ее страх, чувствую, как дрожат ее колени. Ведь уже буквально через десять минут эти мониторы в рубке зажгутся и покажут в прямом эфире САМОЕ КРОВАВОЕ ШОУ. Шоу, лучше которого никогда больше не увидит мир.

Прежде чем покинуть эту комнату и этот коридор уже навсегда, я сделал последнее, самое важное дело - дело двух секунд. Зайдя в маленькую комнатку рядом, я вставил маленький ключик в отверстие кодового электронного замка, повернул его и услышал ласкающий слух шорох воздуха, бегущего по трубам вентиляционной системы. Сама смерть вырвалась на

свободу. В основной зал к звездам начал поступать ядовитый газ. Уникальная система впрыска в воздуховод и смертельная концентрация яда от лучшего химика МГУ начала свой стремительный путь к залу празднества. Невольно вспомнился наш с ним разговор:

- Феликс Абрамович?! Но зачем?! Зачем вам все это нужно?!!

- Я же просил тебя не задавать мне лишних вопросов! - Мы сидим в одном из уютных ресторанов Москвы, я курю сигару. - Все, что нужно было тебе знать, я уже объяснил. Я плачу тебе не за вопросы, а за твою работу. Лучше объясни конкретно, как эта штука работает.

- Самый смертельный в мире яд, - сутулится очкарик. - Минимальная доза 0,0014 кубометров в закрытом помещении при учете адекватного атмосферного давления дает результат...

- Понятно, - перебиваю его я. Мне не интересны все эти научные сведения. - А как он действует? Как отразится на людях?

- М-медленно и верно, - трясется химик. - Уже от небольшой дозы у людей начинается раздражение всех внутренних органов, мгновенно увеличивается температура тела, если можно так выразиться, кровь реально начинает закипать в венах. Возможны спазмы, рвота, поражается желудок, сильная резь в животе, понос. Потом - удушье, отказывает печень, особенно страдает кожный покров...

- Кожный покров???

- Ну да, - переходя на шепот говорит мне гений. - Фурункулы, как от ожогов, кровотечения, язвочки... Неприятное зрелище...

- Отлично-отлично.... А противоядие?

- Конечно... Я м-могу его вам изготовить...

- Прекрасно. Я очень доволен твоей работой, и думаю, мы договорились. Теперь ты можешь идти.

- Но Ф-Феликс Абрамович... - он до сих пор сомневается, - это очень рискованно, я боюсь!

- Не ссать! - Бью я кулаком по столу. - Предоставь решение всех проблем мне! Я обеспечу тебе любые условия и пробью через свои инстанции все нужное тебе оборудование! Ты ведь очень хочешь свалить в Канаду? И тебе очень нужны эти семьдесят штук, ведь верно, да?

- Конечно, Ф-Феликс Абрамович... - Трясетя он. - Л-ладно, х-хорошо...

И вот, успешно запустив смертельную воздушную змею, я достаю из кармана таблетки противоядия миглом съедаю нужную дозу, после чего с довольной миной отправляюсь к ничего не подозревающим селебрити - презентовать мой проект, мой самый реальный - «ЗВЕЗДОПАД».

Я возвращаюсь в зал к звездам. Количество собравшихся превышает все разумные пределы. Артисты чокаются, пьют, гудят. Периодически слышатся чьи-то восторженные возгласы – это очередная звезда сцены поднимает тост. Вальяжно прохожу мимо всей этой массовки, плюхаюсь в кресло, небрежно пододвигаю к себе коньяк. Закуриваю сигару. Ну что ж, радуйтесь, наконец-то это произошло! Проект «Звездопад» запущен! Впереди скорая смерть!

– Феликс, – Фальковский уже изрядно пьян. Он сидит рядом со мной, закинув ногу на ногу, и восхищенно рассматривает богатый декор. – Просто шикарно, старичок, честно! Даже не ожидал, – он с удивлением смотрит на меня.

– Спасибо, Стас, – улыбаюсь я ему. – Я сам не ожидал... Но тут ничего не поделаешь...

Фальковскому непонятен смысл моей речи, но он поднимает бокал, улыбается мне, и мы пьем. Нас тут же фотографирует чья-то камера – вот за что я люблю папарацци, за то, что они тоже почти всегда появляются вовремя. Что ж, пресса уже начала свою работу – чудесно. Сидя рядом с Фальковским, я замечаю, что у него что-то с лицом. Он будто сильно пьян, его физиономия покраснелась, огромные красные пятна, как аллергия, проступают на его щеках. Ему жарко, он проводит по потному лбу ладонью и думает, что скорее всего перепил. Ну что ж, прекрасно, значит, план мой работает хорошо. Я пью шампанское, приятный сладковатый напиток победоносно взрывает пузырьки у меня во рту. До момента «Х» осталось совсем чуть-чуть, можно и расслабиться.

На сцене, тем временем, голосит группа «Зажигательные барабаны», их выступление сопровождается мощное шоу и эффектные полуобнаженные танцовщицы «GO-GO». Рыбин сидит несколько задумчивый, видимо придумывает, что бы такое умное спизднуть на сцене. Я замечаю, как он расстегивает ворот рубашки – видно, что те симптомы, которые я заметил у Фальковского, уже настигли и его. Но в общем-то он доволен, очень доволен, как и я – он уже предвкушает, как очередные миллионы денег плавно потекут в его карманы, вот наивный дурачок, ха-ха. Смотрю на Алину Баронову: та пьет вино, болтает со своей подругой из «Праги». В какой-то момент я слышу ее странный и слегка смущенный вопрос:

- Слушай, Жанн, а у мидий – нормальный вкус? Что-то мне кажется несвежие они, в животе что-то не то...

- Да нет, вроде все вкусно, – отвечает ей с недоумением Жанна.

- Хм, не знаю, ладно, может, просто живот ноет перед месячными.

Ухмыляюсь. Месячные? Ха-ха, твои последние месячные перед смертью, бэби. Все идет в точности с моими расчетами, как я и задумал, но боже ты мой, о чем они сейчас говорят? О чем они думают в этот момент, эти никчемные мерзкие твари? Эти марионетки, эта сидящая и на моей вечеринке шобла? Думают, что попали на лучший в своей жизни, просто идеальный праздник, мидии у нас тут оказывается невкусные, животики болят? Нет, детки, нет, вы просто еще не знаете, насколько я вас всех ненавижу – до мозга костей я ненавижу вас. И вы не знаете, какая уготована сегодня участь вам, бессмысленным глянцевым тварям, олицетворяющим для меня этот жалкий пластиковый мир.

Где-то неподалеку сидит и моя мерзкая женушка, о ней-то я совсем позабыл. Эта толстая курица уже

плотно поела и теперь ржет, выслушивая глупые шутки соседей по столу. С грустью вспоминаю Полину, какой же идеальной девушкой она была для меня. В какой-то момент мне даже кажется, будто она касается меня ладонью. словно приободряет меня, будто шепчет: «Феликс, Феликс... пора-пора». А эта курица Марина, допивает уже вторую бутылку вина и в голове ее только радость кутежа и соблазнительные нули того состояния, которое она у меня отсудит после развода. Не торопись женушка...не торопись... Мы состоим в браке и конец этого брака еще впереди!

Стол ломается от деликатесов. Златокрылова надменно разговаривает с Лотореевой, Австревич по привычке наливает себе полный стакан. Бессонов и его отбросы все-таки каким-то образом пробрались в зал. Ладно, тем хуже, для них. У Пудовкина, похоже, уже началось несварение, он просит извинения у всех и выбегает из-за стола. Юра из «Брюсселя» вспотел, словно находится не в прохладном зале, а в парилке одной из vip саун на окраине Москвы, где он спит со своими мальчишками по вызову. На его лице испарина, глаза покраснели, через тонкую загорелую кожу отчетливо проступают набухшие вены. Его жена непонимающе смотрит на него - пытается проверить ладонью температуру, хотя по ее лицу я вижу, что ей тоже не очень-то хорошо. Видно, как сжимаются ее ноздри, пытаюсь понять, что же с этим воздухом не так - почему у нее не получается дышать, как обычно? Может потому, что эта атмосфера слишком засрана огромным количеством присутствующих здесь звездных испражнений? Впрочем, неважно, все это лирика, пора бы мне уже и на сцену выходить.

Наконец, эти ебанные «барабаны» допевают, наступает момент официального открытия. Мне как главному организатору церемонии, хозяину вечеринки и

совладельцу проекта, доверено открыть шоу, сказать самые главные слова приветствия в этот вечер.

Конечно, эта речь будет не слишком длинной, эти ублюдки Рыбин и компания не позволили мне затянуть открытие. Но я скажу емко, да так емко, что все присутствующие будут умолять меня говорить подольше, ведь время работает против них...

- Здравствуйте, дорогие гости! - Царственно поднимаюсь я на сцену. Музыка отбивает красивый и торжественный джингл, записанный мной в Лондоне за десять тысяч фунтов. Фонари и софиты высвечивают мою лучезарную улыбку и создают праздничную атмосферу.

- ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА САМУЮ ЛУЧШУЮ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ ВЕЧЕРИНКУ!!!

Вой аплодисментов, всеобщий восторг. Постепенно рукоплескания стихают. Артисты смотрят на меня. На их лицах счастье и восторг, хотя, по сути - это всего лишь предвкушение очередной новой тусовки, вот и все. Краем глаза осматривая зал, я вижу, что многие уже сейчас испытывают некоторые симптомы недомогания и дискомфорт - не то от количества выпитого, не то от плохой, как некоторые из них думают, еды. Ха-ха, кстати хлопали не все, считают ниже своего достоинства - вот суки, но ничего. Где-то в углу накокаиненный под завязку Веларди флиртует с девкой-моделью. Тварь, даже не смотрит в мою сторону... Ладно, ничего, он уже начинает расчесывать руки, это зуд, и это весьма симпатичный зуд. Еще пару секунд смотрю на его руки, покрывающиеся какими-то странными пятнами, похожими на пролежни, а потом отвожу взгляд в сторону.

- А теперь, пожалуй, - продолжаю я, - стоит начать мою речь. Знаете, - я поворачиваю голову к Рыбину, - она не будет совсем короткой, но я постараюсь не

занять много вашего драгоценного времени. Все по порядку...

Рыбин тупо и без энтузиазма смотрит на меня. Думает, давай уже вали быстрее со сцены, старичок. Без лирики, оттарабань там свои формальности и иди. Хуй тебе, эмоции слишком меня распирают. Этого момента я ждал почти все последние месяцы своей сознательной, а скорее бессознательной жизни. И особенно – с момента смерти Полины.

– Огромное спасибо вам за все эти аплодисменты, за все эти овации, за ваше признание, внимание. Я давно мечтал вот так вот выйти сюда на сцену и сказать, как сильно я вас всех ненавижу...

По залу прокатывается волна изумления. Я вижу на лицах собравшихся неподдельное изумление и шок. Кто-то смеется, посчитав мой спич – удачной шуткой. Потом уже вся тусовка расслабляется, кто-то даже откровенно хохочет, похлопывая соседа по плечу. Тот болезненно морщится... Я вижу, что ему нехорошо. Кто-то уже начинает кашлять, кто-то прикладывает носом к платку, очередь в туалеты в задней части зала вырастает все больше и больше. Но туалет тоже под моим контролем – мои «волшебные установки» установлены и там, так что никуда вы от меня не скроетесь, дорогие гости. Стрелочка на часах уже встала на нужной отметке, подсказывая мне, что пункт «Разоблачение» настал. Не давая звездам опомниться, я продолжаю свой монолог:

– Я счастлив, что сегодня все самые близкие люди со мной рядом. Все мои друзья, коллеги по сцене, с которыми я проделал огромный путь по бурным волнам нашей чудесной профессии. Я бы хотел пригласить на сцену человека, который был со мной рядом всегда, человека, который помогал мне во всем, самого близкого мне человека, мою жену Марину. Встречайте!

Раскрасневшаяся от удовольствия Марина поднимается из-за стола и под аплодисменты зала направляется ко мне на сцену. Брожение в зале, тем временем, усиливается еще больше – я чувствую их непонимание и страх. Но все это лишь одиночные «истории болезни», мне же нужна массовость, и это только подстегивает меня. Чувствуя свою полную свободу и безнаказанность, я галантно подаю ей руку и, притянув ее к себе, продолжаю говорить...

– Я многим обязан этому человеку. И сегодня, находясь рядом со мной, она разделяет мой триумф. У нас не всегда все было идеально, порой мы не понимали друг друга, но это не мешало нам сохранить нашу любовь и пронести ее через всю жизнь.

И пусть ее нет сейчас рядом со мной, я знаю... что она все слышит и чувствует.

Недовольный Рыбин, весь красный и вспотевший, недоуменно смотрит на соседей по столу и что-то пытается сказать Фальковскому и Леонову.

– Что за ахинею несет Феликс... – Ропот в зале усиливается.

– Сегодня в моих руках судьбы очень многих из вас – продолжаю я, – но я не смог бы все это осилить и довести дело до победного конца, если бы не она. И сегодня, в день моего триумфа, я хочу сказать только одно: я любил, люблю, и всегда буду любить ее.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ПОЛИНА!!! – почти выкрикиваю я.

Марина пытаюсь вырвать свою руку из моей, начинает неловко пятиться назад. Глаза ее вылезают из орбит. «ПОЛИНА?! Он сказал: «ПОЛИНА», или мне почудилось?!» – думает она.

– Полина, я знаю, что ты видишь меня сейчас, я знаю, что ты здесь. Все это я сделал для нас с тобой. Мы победили!!! – уже ору я в микрофон.

В зале поднимается гам. Рыбин ищет охрану, хочет быстрее убрать меня со сцены, козел, чтобы я больше

не ляпнул ничего лишнего. Из зала раздаются выкрики: «Феликс, что с тобой?», «Может ему врача...?». ХА-ХА-ХА... Врачи скоро понадобятся всем вам. Вернее уже никогда не понадобятся!!!

- Убирайся со сцены, - шипит мне подбежавший Леонов. Марина начинает рыдать, ее трясет...

- Остановись, Феликс, что ты делаешь, - снова и снова повторяет она...

- НЕТ, ТЕПЕРЬ МЕНЯ НЕ ОСТАНОВИШЬ, МЕНЯ НЕ УБЕРЕШЬ! Эмоции бьют меня словно током, шестеренки системы запущены! И теперь наступает кульминация, финальный момент!

Будто в замедленной съемке (как она там называется у киношников: «рапид»?) я вижу, что у Захватава хлынула из носа кровь! Реально хлынула, настоящим потоком, прямо на белую рубашку, потекла вниз по его идеально отутюженному костюму, по штанинам, прямо на пол! Вся кровь, которую он высосал из меня, из других артистов, из всего этого мира шоу-бизнеса, теперь хлещет по его галстуку, хлещет по подбородку и щекам! Эта кровь - кровь искупления, суки, пейте же, пейте же ее! Теперь мне уж точно на все наплевать!

Я замороженно смотрю на эту бурю жидкость, льющуюся, как ниагарский водопад, и понимаю, что момент настал!

ТЕПЕРЬ УЖЕ ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ НЕ ВАЖНО, Я ВАША СМЕРТЬ!

- ДА, СУКИ! - кричу я с наслаждением во весь голос. - ДА ТВАРИ!!! МЕНЯ НЕ ОСТАНОВИШЬ!!!

А ТЕПЕРЬ ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА МОЕ ШОУ, ЛУЧШЕЕ И САМОЕ ИДЕАЛЬНОЕ НА ПЛАНЕТЕ ШОУ - «ЗВЕЗДОПАД»! ФЕЛИКС СЕРЕБРЯННИКОВ НЕ УМЕР, ОН ПРОСТО ВЫХОДИЛ ПОКУРИТЬ! ВСТРЕЧАЙТЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И НОВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ ИСТИННОГО БОГА, - и тут же стремительным движением я достаю

из нагрудного кармана пистолет и выпускаю пулю точно в голову Марине.

И этот жирный кусок дерьма как куль, падает к моим ногам. Кровавые ручейки заливают сцену, которая обошлась мне в шестьдесят семь тысяч евро. Шок и ужас. Артисты вскакивают с мест и бросаются к сцене. Точнее – нет, кто – к сцене, кто – к дверям, кто просто застывает на месте. Но эта разъяренная толпа до меня не доберется... Быстрым отрепетированным движением я опускаю руку на пульт, нажимаю незаметную кнопку и запускаю невидимый механизм, который красавец Усен построил лично для меня. Мощнейший подъемный механизм одним рывком поднимает огромную железную плиту – ту самую, на которой я стою, и которая казалась всего лишь обычным помостом в центре сцены – и вместе с ней мы уносимся вверх. Еще мгновение – и я уже попадаю в недостижимое пространство второго яруса, плита изящно встает к креплениям и бортам. Не теряя ни секунды, я быстро нажимаю все прочие комбинации кнопок на моем скрытом пульте. Блокируются все двери, все выходы и входы, все вентиляционные шахты. Включается сверхнавороченная система заглушки радиосигналов, закрыто и заблокировано просто все! Да здравствуют сверхсовременные замки Усена с системой «NO WAY – NO OUT», они превратили мою скромную заводскую обитель в настоящий непроницаемый бункер!

– СТОЯТЬ СУКИ, СТОЯТЬ!!! – Навожу я на каждого из присутствующих ствол.

– НИ С МЕСТА!!! ЗДЕСЬ ВЫ ВСЕ КАК В КЛЕТКЕ! Я БУДУ СТРЕЛЯТЬ В ЛЮБОГО, А ПАТРОНОВ МНЕ ХВАТИТ НА МНОГИХ, ЕСЛИ НЕ НА ВСЕХ!!!

БАХ! БАХ! – Делаю я точные выстрелы в отдельных персонажей, Кирилл из «Мотыльков» падает. С простреленной грудью корчится на полу у стола журналист из «Розовой газеты». Его белый костюм

становится красным – не стоило одевать белое, идя к смерти в гости. Меня уже не остановить. Я чувствую себя злодеем – гиперзлодеем!!! Будто все отрицательные персонажи книг, фильмов и картин слились во мне воедино!

– СТОЯТЬ, ТВАРИ!!! СТОЯТЬ!!! Я ТОЛЬКО НАЧАЛ... КУДА ЖЕ ВЫ БЕЖИТЕ?!!!

– Феликс... – Голос Рыбина испуганный, но ровный. – ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ??? Ты же полный псих. Тебе это с рук не сойдет, ты понимаешь?

Адреналин врывается в мою кровь с бешеной скоростью, на его слова мне откровенно насрать.

– Нет, Слава, – меня просто трясет от ощущения вседозволенности. – Ты понимаешь, что мне просто абсолютно насрать на всех вас...Что скажешь? Я и не собираюсь отсюда выходить. И вы не выйдете, ибо все кнопки в моих руках и все выходы закрыты. Это ваша судьба.

Гости дрожащими руками выхватывают сотовые телефоны, пытаюсь вызвать, кто охрану, кто скорую, кто ментов.

В зале паника. Кого-то уже начинают бить судороги, у кого-то железным обручем сдавливают виски.

Вдруг где-то в глубине толпы раздается крик. Это кричит Кулер, которым первым почувствовал боль от волдырей на коже. Следом за ними начинают кричать другие, потом еще и еще – по цепочке, по очереди, почти все! Я улыбаюсь от уважения к себе, потому что я-то знаю, что с ними происходит!

– Итак, друзья, – пафосно читаю я мое прощальное послание к этой никчемной эстрадной элите. – Хочу представить вам самое гениальное изобретение последних лет, как будто специально изготовленное для вашей смерти, ядовитый бесцветный японский газ! Прелесть этой штуки в том, что она совершенно лишена запаха, цвета, вкуса и вы на протяжении нескольких

часов уже впускали его в свои легкие. Я расскажу вам, что с вами произойдет. Ха-ха... Сначала у вас на коже появятся эти нестерпимо жгучие волдыри и кровавая экзема, затем вы начнете разлагаться, и корчитесь от нестерпимой боли, будете блевать кровью и мочиться под себя!

- ФЕЛИКС, ГОСПОДИ, ЗАЧЕМ?!!! - кричит в ужасе Волоскова. Она уже сходит с ума от адской чесотки, кровоточащими пальцами пытаюсь разорвать на себе платье, чтобы добраться до голой кожи. Ткани от Лагерфельда трещат как ветошь, которую рвут на тряпки. - ЗАЧЕМ??? ЗАЧЕЕЕЕМ???

- Заткнись, - кашляю я. - Разве тебя не учили не перебивать старших? Тем более, старших по званию и статусу, кхе-кхе.

- Так вот, - я снова кашляю и направляю в их сторону ствол. - Вы скоро умрете! ВСЕ, даже самые лучшие. Впрочем, лучшим, лучшим... - Как хороший актер, я держу паузу, - я готов предоставить шанс...

Я вижу их мучения, вижу их агонию, вижу их страх и боль. Вижу как многие из них, с надеждой сглатывают слюну. С улыбкой я достаю из кармана таблетки - такие же, как проглотил сам. Я вижу, что на меня по-прежнему нацелены камеры и фотообъективы. Журналисты - смешные создания. Бедные, жалкие - даже сейчас перед смертью, они продолжают меня снимать. Будто не понимают, что они скоро умрут так же мучительно как все остальные. Ладно, пускай это идет в эфир - главное, что все мне на пользу! Зрители должны знать своих героев в лицо. Они должны понимать, КТО В НАШЕЙ СТРАНЕ САМЫЙ ЛУЧШИЙ, ЕДИНСТВЕННЫЙ И НЕПОВТОРИМЫЙ! ПРОДЮСЕР, который останется на этой сцене НАВСЕГДА!

- Друзья, эти таблетки - антидот и мне совершенно похуй, кому из вас они достанутся. Но учтите, - я делаю на последней фразе особый акцент, - их всего лишь

ТРИ! Три, ровно три и как вы будете решать эту проблему, я не знаю, но предлагаю вам шанс. У вас есть всего час, в противном случае лучше вообще не стоит мучиться. Можно сделать все своими руками и заранее перебить всех тех, кто кажется вам лишним. Ну, а для особых эстетов, ну или трусов-неудачников, – я опять откашливаюсь и смеюсь, – у нас есть замечательные наборы. Посмотрите на эти вилки, ложки, ножи и т. д.

– СУКА ТЫ!!! – истошно кричит Веларди и с ненавистью прыгает вниз. Как маленькая обезьянка, которая страстно хочет, но никак не может до меня добраться. Его выворачивает на изнанку, он падает на колени, в свою блевотину, джинсы Evisu заляпаны серо-желтой массой, их колени приобрели такой цвет, что кажется, что это задуманная дизайнером какая-то особо модная, навороченная креативная фишка.

– Заткнись и не мешай. Итак, время пошло! Посмотрим, как сейчас вы сыграете главную роль в своей жизни.

Я умолкаю. Селебритис внизу подо мной по-прежнему в шоке. Паника приобретает чудовищный характер. Люди носятся, сталкиваясь с друг другом, кто-то уже корчится в агонии на полу, пытаюсь содрать с себя кожу, изувеченную огромными волдырями. Кто-то бьется головой об стену, кого-то выносят из зала друзья, кто-то – просто блюет. Крик и ужас поселились в зале... Кто-то в истерике бьет посуду, кто-то падает, роняя стулья. Они не могут ничего сообразить, им очень хочется выжить, но они не знают, как это сделать!!!

Кого мне сейчас реально жаль, так это обслуживающий персонал и официантов. Ну уж простите, братцы, ради победы всегда приходится кем-то жертвовать – таковы правила, увы.

Кажется, что там внизу происходит большой рэйв, настолько все смешалось. Вдруг прямо из середины

очумевшей толпы, отчаявшихся и бьющихся в истерике артистов слышится громкий крик:

- МРАЗЬ!!! - орет известный кинорежиссер Малихеев и толкает согнувшегося рядом Вайтмана в плечо. - Это же ты нас с Петей привел сюда! Теперь мы все УМРЕМ!

- Ты охуел, тварь? - поворачивается тот в сторону Малихеева. На лице его проступают синюшные пятна, кровь струится из носа. Он вытирает ее рукавом и сипит бывшему другу: - Я ТУТ НЕ ПРИ ЧЕМ!..

- Нет, Вайтман, нет! - кричит с другой стороны еще кто-то, уже наделавший в штаны и захлебывающийся рвотой. - Давно тебя, суку мерзкую, со сцены гнать пора! Вот кто уж точно достоин умереть, так это ТЫ!!! Я помню, как ты судил моих пацанов в Ялте, из-за тебя, сука, они не набрали нужный балл! Ты понимаешь, что теперь тебе пиздец?!

- Заткнись! - лучший баритон нашей страны Лихачев зачем-то держит в руке грязную скатерть и орет в сторону Малинова. - Ты на себя посмотри! ПИДОРАС! Чем ты лучше?!!!

- Нечего вопить, урод! Ты сам-то своих детей всегда на лучшие места пристраивал, а профессиональных и нормальных людей не брал!

- Гандон ебучий, да ты вообще молчал бы, что ты делаешь в культурном фонде, ты просто вонючий прихвостень своего брата! Скажи лучше сейчас открыто при публике и журналистах, сколько ты денег, сука, спиздил у страны?!!

- Тебя вообще не спрашивают, иди еби свою Самсонову, тупую подстилку и мразь! Может ты забыл, что она пересосала у половины советской эстрады, чтобы на сцену взлететь?

- ЗАТКНИ СВОЕ ПОДЛОЕ ЕБАЛО НАСЧЕТ МОЕЙ ЖЕНЫ!!!

И они бросаются с кулаками друг на друга, создавая всеобщий хаос. Поднятый с пола нож в руке Лихачева

дрожит и через мгновение со свистящим рассекающим воздух звуком вонзается в бок Малихееву.

Я вижу, что кто-то уже отрубился, а кто-то еще пытается дозвониться до милиции и охраны - но глушилка сигналов работает отлично. Я наслаждаюсь зрелищем, наблюдая за тем, как в смертельной схватке грызутся внизу мои злейшие враги, мои зверушки. Вспоминаю о Маше Ковалевой - единственной из гостей, кто, без сомнения выживет после этой вечеринки, запертая наверху в бункере, и сможет потом выйти на свет. Я улыбаюсь, представляя себе, как сейчас она сидит у мониторов, с ужасом прильнув к экрану, наблюдая за кровавой оргией, которую не увидишь даже в кино. Она конечно останется в живых, хотя сейчас об этом еще не знает... **НО, ЗАХОЧЕТ ЛИ ОНА ЖИТЬ ПОСЛЕ ТАКОГО УЖАСА???** **ЗАХОЧЕТ ЛИ ОНА ВООБЩЕ ЖИТЬ?!!!**

Я знаю, что будет происходить дальше и кидаю одну пачку с противоядием вниз. Достаточно, чтобы она брякнулась на пол и фразы: «Родненькие, смотрите, ваш папочка кое-что вам передал», чтобы эти обезьянки сцепились друг с другом. И тогда там, внизу начнется не просто бойня, это будет настоящий ад.

Момент истины настал...

Великолепный, изящный и подтянутый, я стою на громадном выступе второго этажа и наблюдаю за самой грандиозной в истории шоу-бизнеса вечеринкой.

Внизу копошатся истерзанные, полуголые тела, перепачканные кровью и буквально умоляющие о помощи. Какой тут, на хуй, «Парфюмер» с финальной агонией в конце?! Душите же, грызите, кусайте, рвите друг друга на части – вы только этого и достойны!

Легендарная Кристина Златокрылова, автор пяти платиновых альбомов, «Народная артистка России» и любовь всех министров страны, истошно вопит в углу, зажимая ладонью глубокий порез на шее, пока Малинов, этот отвратительно шамкающий старпер, в перепачканном божоле смокинге, душит молоденькую певичку Ленину из мюзикла «Белоснежка». Красотка шипит и сопротивляется, ее потрясающий наряд изодран на куски, лишь маленькие обрывки платья скрывают шоколадного цвета тело. Схватив острый кусок тарелки, Кирилл с остервенением вонзает его прямо ей в грудь – в ту самую великолепную грудь четвертого размера, что еще вчера сводила с ума всех журналистов и папарацци!

– Да, детки! – смеюсь я сверху, – вот вам ваша слава! Вот вам ваша звездная мечта!

Гул голосов стремительно нарастает. Деритесь суки, деритесь: это вам не под фанеру петь. Учите новые ноты – ноты ужаса и боли. Сотни прославленных артистов и певцов, кумиры и легенды российской эстрады – сегодня это не больше, чем куски мяса, кучка изувеченных тел. Отравленные страшным ядом, они не

могут сопротивляться и вынуждены играть по моим, по МОИМ, правилам!

- Неееееттт... Пожалуйста, нееееттт!!! - молит Инга Симоянова, с ужасом глядя, как Саша Светлаков подбирается к ней с ножом. Его руки трясутся от страха - он очень хочет жить, но очень боится, трусливая мерзость, как всегда. - Саша, остановись, что ты делаешь?!!! Нет-нет, пожалуйста!!! Я умоляю тебя!!!

Уже отбыла на тот свет группа «Инфаркт Миокарда». Нет с нами Александра Лихачева и солиста трио «Брюссель». С перебитой шеей истекает кровью композитор Лифшиц. Телеведущий программы «Детки в клетках» со страха наделал в штаны. Корчится в агонии Игорь Дорохин из «Арамиса». Продюсер Пирогов забивает до смерти Сою Стар. Ее старая подружка, Катя Тищенко, солистка группы «Боржомии» уже давно мертва; руки несчастной девочки трогательно сжимают покрытую бурыми пятнами ножку стула, микрофон, с которым она последний раз вышла на сцену.

Ничтожества, готовьтесь к отбытию в ад! Вырвавшегося из клетки зверя не остановит никто!

Господи, какие же вы мерзкие твари. Ведь пили вчера вместе, рассказывали анекдоты и гоготали, записывали альбомы и сплетничали после концертов. А теперь пытаете друг друга, грызете, как свора бродячих безродных собак. Признаться, если честно, я хотел бы видеть честный бой, настоящую драку, но, в принципе, я доволен и этим. В конце концов, на то я и мастер, чтобы лепить шедевры, на то я и великий продюсер, чтобы создавать шоу из самого гадкого материала!

Вы же сами убиваете себя! Мне даже не приходится ничего делать! Я просто наблюдаю, сидя на троне!

На этой пафосной ноте я наполняю бокал шампанским, а остатки выплескиваю в толпу.

- Пейте, суки! - кричу я. - За ваши скорые похороны!

Финал лучшего шоу в мире неумолимо приближается. Корреспонденты главных телеканалов России еще снимают происходящее на камеры. Многие из операторов мертвы, однако трансляция до сих пор продолжается, ибо сенсация – прежде всего. Я представляю с какими лицами сейчас смотрят эти кадры программные директора, ведущие новостей и телехроник – эти никчемные неудачники, привыкшие к цензуре и к форматам, эти бездарные жалкие твари. Я прекрасно знаю, что к заводу уже стягиваются отряды милиции и ОМОН. Но им не удастся так просто меня взять, над этим придется хорошо потрудиться!

В какой-то момент мне становится скучно наблюдать за происходящим сверху, и я спускаюсь вниз – поближе к сцене. Насвистывая бессмертный хит Фредди Меркьюри «Show Must Go On», я отпираю дверь электронным ключом и сбегая по лестнице. В пылу схватки звезды даже не замечают моего присутствия. Лишь Кутин, по-моему, вскрикнул: «Черт, Феликс!!!!!!», но тут же в его шею впились длинные ногти Кати Швед.

– Ну что, твари?! – победоносно хлопаю я в ладоши, и вокруг воцаряется тишина. – Что, ублюдки, что отбросы Господа Бога, блядь? – Я прохожусь меж застывшими от ужаса окровавленными артистами. – Не признавали меня, не любили? А теперь? Теперь вам без меня никак!

– Смотрите!!! Смотрите, твари!!! – Я достаю из кармана таблетки и поднимаю их высоко вверх. – Вот оно! Ваше спасение!!!

О, что тут началось! Вой, стоны, вопли, мольбы о помощи! Скуля и плача, артисты тянут ко мне свои мерзкие изломанные пальчики, волочатся по полу, готовые целовать мне ботинки и брюки. Им очень хочется выжить – красивым, богатым, успешным, какими они были еще несколько мгновений назад, – им

вовсе не хочется умирать! Сотни умоляющих глаз направлены на меня.

- Минуточку! - Отталкиваю я ногой ползущего Иосифа Вайтмана. - Правила никто не собирался менять! ПРАВИЛА ОСТАЮТСЯ ПРЕЖНИМИ!

- Дай!! - шипит Веларди, протягивая израненные, перепачканные бурыми пятнами руки. - Дай противоядие... прошу...

- О, Петенька! - Я откровенно издеваюсь. - Что-то ты сегодня совсем неактивный. Где же твоя прыть, молодой Аполлон, где твоя страсть, бог нашей сцены? Или Карины рядом нет, денежек никто не даст, концерт тебе не проплатит??? Хочешь жить - дерись по МОИМ правилам, сладкий!!!

В отчаянии и злобе Веларди бросается на меня, но я оказываюсь быстрее. Одним движением я достаю из кармана пистолет и делаю два точных и аккуратных выстрела. Пули пробивают ему голову, он судорожно вздрагивает и неестественно окидывается назад, а его мозги забрызгивают находящиеся рядом артистов. Стоящая неподалеку Оля Кириллова во весь голос орет.

Я направляю на нее пистолет.

- ЗАТКНИСЬ!! И ВЫ!!! - Я размахиваю пистолетом, отгоняя толпу. - ЗАТКНИТЕСЬ ВЫ ТОЖЕ! ВЫ УТОМИЛИ МЕНЯ, СУКИ! ИГРАЙТЕ ПО ПРАВИЛАМ! ЭТА ИГРА - САМЫЙ ВАЖНЫЙ МОМЕНТ ВАШЕЙ СРАНОЙ ЖИЗНИ!

Я замолкаю. И тут, словно по сигналу, на Кириллову бросается какой-то молодой фабрикант. Отчаянно шипя, молодой рэпер наносит с размаху певице мощный удар трубой. Несчастливая женщина падает на пол, мычит, хрипит, стонет. Однако мучитель неумолим - он продолжает ее бить еще сильнее. При этом он заискивающе поглядывает на меня, вероятно, надеясь, что если убьет неприятную мне особу, то я его спасу. Отвращение и ненависть подкатывают к моему горлу

одновременно; меня всего трясет; морщась от презрения, я отворачиваюсь.

- Пстой, Феликс... - Слышатся мне в спину голоса. - Пстой... Не бросай нас! Не бросай, пожалуйста!

Вонючие куски дерьма! Вы так жалки в своем желании выжить! Да для чего вам ваша сраная жизнь? Опять тусить в ресторанах, опять ебать любовниц и нюхать кокс? Я избавляю вас от главного - от вашей скуки! Через пятнадцать минут здесь все будет кончено. Здесь будут срать слизью и блевать кровью все. Вы все здесь погибнете.

Я иду дальше, расталкиваю дерущихся и перешагиваю через тела. С удовлетворением замечаю на полу изувеченного Бессонова, валяющегося в куче осколков битого стекла. И тут, с нескрываемым восторгом, я замечаю рядом с ним Станислава Фальковского - еще одного моего врага. Известный продюсер и композитор напоминает мне мешок дерьма - дерьма, уложенного в костюм, сшитый на заказ; из живота у него торчит нож. Похоже, его воткнул кто-то из его подопечных, хотя, может, тот же Бессонов.

Глядя в еще открытые глаза, я наклоняюсь к Фальковскому и долго, с наслаждением, смакую момент мести.

- Ах, Стасик, Стасик, - назидательно вещаю я над телом. - Ведь говорил я тебе, что не надо людям пакости делать. Все эти козни, сплетни, заговоры. Ну вот, к чему мы пришли? Это логическое завершение, Стасик. Ты же меня понимаешь...

В ответ он лишь жалобно стонет, его глаза затуманиваются. Похоже, он на полпути. Скоро он отправится в ад ко всем чертям и прочим своим собратьям. Немного постояв над ним, я достаю из кармана платок, торжественно расправляю его и кладу на лицо Стаса. Покойся с миром, неудачник. Аминь.

Неожиданно я чувствую, как кто-то дергает меня снизу за брюки. Я наклоняю голову и вижу Катю Терехину, избитую, со сломанной ногой. Катя едва дышит: ее платье изодрано, а вся спина истыкана осколками.

- Дай... - Смиренно хрипит она. - Дай противоядие...

Я присаживаюсь рядом на корточки. Ей тяжело говорить. Бедная, она совсем изранена. Сейчас она такая доступная, такая покорная. Не то что в своих пафосных телешоу.

- Ну что, сука? - спрашиваю ее я. - Где же твоя спесь, а? Где твоя гордость, на хуй? Значит, не пригласила меня тогда на передачу, мол, на хуй нам нужны старперы, мы лучше молодежь зазовем? Видишь, дура, как времена изменились? Теперь тебе нужен я и только я!

На лице Кати слезы. Она послушно кивает головой. В ее глазах преданность. Просто собачья преданность.

- Ладно. - Нежно беру я ее за подбородок. - Сделай мне приятное. Видишь свою подружку? - Взгляд Кати устремляется в сторону Юли Корейкиной из «Серебряной сказки», ее старой приятельницы по тусовкам. - Поможешь Грекову ее кончить, так уж и быть, дам. А теперь ползи, птичка.

Шипя как змея, Катя мгновенно бросается в сторону бывшей подруги. Она неуклюже ползет, напоминая удава, яростно перебирая коленями и кусая губы, стараясь стерпеть невероятную боль. За ней волочатся туфли от Ив Сен Лорана - белые, стильные; слетевшие с ног и держащиеся лишь на завязках. Их светлые ленты с орнаментом из голубых колокольчиков так запачканы грязью и кровью, что не годятся даже на похоронный венок...

Убогие твари, шестерки, лимита! Никчемные маньяки и палачи! Мне больше не интересно наблюдать за вами. Довольны ли вы, ДОВОЛЬНЫ, БЛЯДЬ?!!! Все

слишком предсказуемо и однообразно, я понял ваш гребаный сраный мир! Сотни тел и изуродованные трупы, разорванные рты и переломанные конечности! Вот мой триумф! Я победил ваш шоу-бизнес, я показал, кто чего стоит! Я доказал всем, что я лучший, ибо я великий ФЕЛИКС АБРАМОВИЧ СЕРБЯННИКОВ!

Я снова опускаю руку в карман. Ствол пистолета такой холодный и длинный. Я достаю его из брюк и поднимаю к лицу. Этот ствол сейчас мой самый надежный мой друг, самый лучший инструмент. Он поможет мне войти в историю.

Палец медленно отходит назад. Оттягиваю курок дальше... Щелчок...

Палец медленно оттягивает курок назад... Щелчок. Точный выстрел впивается мне в голову - пуля метко попадает мне в мозг... ВСПЫШКА СВЕТА. Я один в СПОКОЙНОЙ НЕИЗБЕЖНОСТИ, В ПУСТОТЕ.

ЭПИЛОГ

Давление ударило в уши. Так часто бывает, когда самолет начинает снижаться. Шум мотора, до сего момента убаюкивающий и плавный, становится настойчивым, резким и неприятным. Пассажиры просыпаются. Гул голосов набирал силу.

- Дамы и господа! - слышался из динамиков хриплый голос. - Мы счастливы, блядь... - Голос закашлялся. - Счастливы, что все-таки долетели жиивыыыми до этого, как там его... Валер, куда летим-то?

В салоне первого класса заржали, а модный немолодой чувак с рыжей бородкой во весь голос крикнул: «Бишкееееек!!!!»

- А да, Бишкек! - возбужденно продолжил голос. - А сейчас я, ваша офигенно сексуальная стюардесса, - новая волна смеха в салоне, - дам вам всем... - среди пассажиров началась истерика. - Дам вам всем выпить!!!

Летающие дружно заулюлюкали. Кто-то крикнул: «Лабухи, подъем!».

- Ваша стюардесса заканчивает свою трансляцию! Готовьте стаканы, так как жидкости у нас предостаточно! - И уже срываясь на крик, динамики завизжали: - Алкогольные спонсоры нашей поездки - группа МООО-ОТЫЛЬКИИИ!!!!!!!!!!!!

Из-за разделительной ширмы вывалился едва стоящий на ногах чувак в майке Armani со сверкающей хрусталиками Swarovsky надписью - «Eminem Screws Gays». Его джинсы висели на бедрах, открывая красную резинку трусов от Hugo. По заплывшим глазам и опухшим векам было видно, что в полете парнишка совсем не спал, отдав предпочтение горячительным

напиткам. Пройдясь нетвердой походкой по рядам и наполнив всем желающим стаканы, он плюхнулся на эффектную брюнетку в пятом ряду и стал что-то горячо нашептывать ей на ухо. Красотка по-пороссячи взвизгивала и томно говорила - «Дурак», откидывая назад голову и смеясь низким контральто...

Я проснулся. Уже окончательно. Сначала еще дремал, потом снова провалился в сон, а сейчас уже точно - проснулся. Снял с глаз повязку для сна, поднял шторку иллюминатора. Солнце ударило мне прямо в глаза, на секунду ослепив лучами. Я невольно зажмурился и тут же с изумлением я обнаружил себя сидящим в кресле. Вокруг сидели артисты - абсолютно целехонькие и вполне живые.

...????????? ... Я ничего не понимал. ЧТО? Я СПАЛ? ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ Я СПАЛ? Это было только в моей голове, то есть это не было реальностью?!!! Несколько минут я не мог придти в себя. Еще секунду назад они все корчились передо мной в агонии, а я стоял на сцене и держал ствол. Господи, ха-ха, ведь приснится же такое. Мда уж, пиздец.

- «Староват ты стал, Феликс, - подумал я с ироничной ухмылкой, - слишком много фантазируешь. А все-таки, ну какого хуя они так орут? Голова раскалывается...».

Черт, ну зачем я согласился лететь на концерт со всей этой толпой, они же ногтя моего не стоят.

Деньги-Деньги-Деньги - все дело было именно в них. Ладно, чего нить, отработаю, получу эту сраную «котлету» и по возвращении в Москву куплю Машке «AUDI TT». Хотя нет, «AUDI», слишком жирно для этой потаскухи будет. Хотя в постели она, конечно, супер. Ммм, я даже представил на своем теле ее мягкие ладошки... Но без кокоса совсем ничего не хочет, избаловал ее. Деньги - кокс, кокс - секс, деньги - секс, секс - любовь, любовь - деньги, круг замкнулся.

Откинувшись в кресле, я листал свежий выпуск «Вестника», читая самые громкие заголовки. Известный московский ресторатор Шевцов открыл новое лаунж-кафе; опять салоны, магазины, бутики, презентации. С главным редактором «Вестника» я не раз встречался на многочисленных презентациях в столице. Тот еще мерзкий, дико манерный и заискивающий тип. Лебезил перед богатой публикой, объедался на халяву устрицами, пиздил домой со стола дорогое шампанское...

Боже, как хочется спать... Уснуть бы еще хотя бы на часик. Еще часик ничего не видеть и не слышать...

Наконец мне принесли обед – роскошные блюда, сервированные в лучших традициях средиземноморской кухни. Я уплетал их и радовался, глядя, как эти жалкие твари вокруг заискивающе смотрят на меня. Глядите и давитесь слюной, жрите свою несъедобную пищу из пластиковых коробочек. Только я догадался заказать себе индивидуальное питание на борт. Да, я достоин ваших взглядов, ведь я – Феликс Абрамович Серебрянников, самый популярный артист России! Даже не хочу перечислять все мои премии – «Народный Артист», «Заслуженный Артист Республики», трижды обладатель «ПАМК», девяти «Платиновых пластинок» и бог его знает каких наград еще... Слишком много для одного человека, даже для меня.

Господи, ну как же орут эти придурки!!! Я просто не мог больше терпеть!!

– ТАК!!! – вскочил я с кресла и заорал на окружающих. – ЗАТКНЁТЕСЬ ВЫ ИЛИ НЕТ?!!

– Простите, Феликс Абрамович, мы будем потише.

Щас, блядь, будут они потише, как же. Расставили ноги, дали Бессонову и думают, что теперя офигенные пивцы. Именно пи́вцы – вон, уже весь вискарь халявный в самолете выдули, все бы им только бесплатную выпивку литрами жрать. «Алкашня», –

подумал я. Надо на обратном пути будет купить кумыса – не той дешевки завезенной во все супермаркеты, что в Москве продают, а настоящего, киргизского, кувшинчик. Ванечка кумыс любит, да и я люблю – хорошо алкоголь запивать...

Уши после сна воспринимали все звуки как мерный гул. Катя со скуки играла с Алисой в нарды, Волоскова поучала какую-то молоденькую девочку-певичку. «Мотыльки» и «Азарт» глушили коньяк. Вглядываясь в молодое, но уже покрытое... морщинами лицо солиста «Азарта», Николая Австревича, я вспомнил, что еще недавно он почти не пил, ибо полгода пролежал в очень модной французской клинике, борясь с алкогольной зависимостью. Однако, похоже, даже дорогущие капельницы, стоимостью 1000 евро за штуку, так и не помогли ему – в последние недели Австревич стремительно возвращался в объятия зеленого змия.

Киносян сосисочными пальцами гладил бедра какой-то омерзительной деревенского типа девки, Инга Симоянова манерно рассказывала про будущую презентацию и свой новый дорогущий клип. Остальные пили... О, эта божественная амброзия, разливающаяся в их уста. Пили все – молодые и старые. Старички сцены, сидящие впереди, отечески поглядывали на молодежь. Вайтман рассказывал Малинову про новые зубы, потом про швейцарский SPA – какой-то невероятно популярный в Европе курорт. Они смеялись, вспоминали старые награды и премии – какие-то там, ленинские, сталинские, времен Николая II и т. д. О боже, забавные нелепые динозавры, давно отжившие свой век.

Молодежь же гуляла с полным отрывом. И эти сволочи как раз досаждали мне больше всех. Откуда у них столько прыти, столько энергии, чтобы так шуметь? Своими криками и воплями они заполнили весь самолет. Когда какой-то нетрезвый юнец в спортивном костюме «PUMA VIP» случайно задел мое кресло, пробегая мимо,

я чуть не съездил в порыве гнева ему в ухо, однако когда он улыбнулся и извинился, мне стало не по себе. Я даже испытал толику стыда. «Да ладно, все нормально», – сказал я. Настроение стремительно портилось, я чувствовал себя тряпкой, никчемностью, молодежь орала все громче. Наконец, недолго думая, я принял решение – надо успокоиться и куда-то выйти отсюда...

Звездам всегда разрешено делать больше, чем простым людям. Я знал, что во время заказных «звездных» чартерных рейсов многие из артистов входили в кабину к пилотам и просили разрешения поуправлять самолетом. Артисты получали прилив адреналина, а пилоты таким образом возвышались в глазах своих коллег. Они любили рассказывать: «Летел я тут с Доброхваловым, дали ему порулить – полный мудака, даже диск не подарил». Или: «Летели тут с Юлей из «Серебряной сказки», так она и на плакате автограф поставила и диск для жены подарила. Классная телка, и грудь у нее была – BOOOO!!!!!!!!!!!!!»

Вот и я, решил дать возможность пилотам похвастаться знакомством со мной. Я встал с кресла и направился к кабине. По пути мне улыбались все эти животные в первом классе, я презрительно смотрел на них. Я быстро дошел до двери, вошел внутрь и обратился к летчикам со следующей просьбой:

– Ребят, а можно мне за штурвалом посидеть?

– Конечно, Феликс Абрамович. – Заулыбался молодой летчик. – Как же мы вам отказать можем?

«Еще бы». – Подумал я. – «Попробовал бы ты мне отказать!»

Через мгновение я уже был за штурвалом. Господи, какое прекрасное это ощущение! Я управлял самолетом, а передо мной на многие километры простиралось лишь бескрайнее синее небо – лишь изредка нарушаемое мутью облаков. Все было передо

мной как на ладони. И где-то тут, в этой синеве, парил наш лайнер. Зажмурившись, я представлял себя кем-то вроде демиурга. Все собравшиеся в салоне – мои рабы. Могу повернуть налево – они полетят налево, сверну направо – направо полетят.

И тут я понял все. Зачем ждать момента? Зачем стремиться к чему-то и просирать свою жизнь, если исход откровенно предрешен? Я понимаю свою судьбу и полностью с ней смиряюсь. Столько времени ушло на понимание ее, понимание своей роли в мире. На секунду передо мной предстает огромное тщеславное лицо, всего лишь очередной озабоченный хищник, отчаянно бьющийся за выживание и славу. Такой же как все, ничем не отличающийся и ничем не лучше. Но зато – самый сильный!

Я уже не помнил, как самолет вдруг резко накренился, как закричали попадали пилоты. Я не помнил, как мы мчались вниз и что кричали звезды, зажатые как крысы в тонущей консервной банке. Я не помнил, как мы упали, и тем более не знал, что потом сказали об этом в новостях. Последнее, что я помню, как я неожиданно дернул штурвал резко в сторону и наш лайнер, словно раненая птица, с адским ревом ушел в пике...